

1896.

Годъ 4.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1896.

1896.

Годъ 4.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Матисена.

1896.

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 17-го Мая 1896 г.

Ректоръ : А. Будиловичъ.

№ 1130.

СОДЕРЖАНИЕ.

Неофициальный отдѣлъ.

А.

	стр.
Проф. Н. Кузнецовъ. О витализмѣ и материализмѣ. Вступительная лекція, прочитанная въ актовомъ залѣ Имп. Юрьев. Унив. 27 Января 1896 г.	1—20
Проф. В. Г. Алексѣевъ. Вступительная лекція въ курсъ приложеній дифференціального исчисленія къ геометріи, прочитанная 30 Января 1896 г.	21—32
Проф. Е. Пассекъ. Б. Боуффаль. Опытъ юридической конструкции просрочки вѣрителя (mora accipiendi) въ римскомъ правѣ	33—55

Б.

Приложенія.

Проф. Я. Ф. Озе. Проективизмъ и персонализмъ въ метафизикѣ Лотце	369—432
Лекторъ Я. Лаутенбахъ. Очерки изъ исторіи литовско-латышскаго народнаго творчества I—XII +	1—108
Германъ Рубинштейнъ. Качественныя и количественныя измѣненія состава крови при раковыхъ заболѣваніяхъ	1—48
Объявленія	49—66

О витализмѣ и матеріализмѣ.

Публичная вступительная лекція, прочитанная въ актовомъ залѣ Императорскаго Юрьевскаго Университета 27 Января 1896 г.

М. Г-ни и М. Г-ри!

Всѣ вы вѣроятно помните сцену изъ 2-й части гётевскаго „Фауста“, гдѣ средневѣковой схоластикъ Вагнеръ пытается въ лабораторіи своей сотворить homunculus'a и, убѣждаясь, что новая жизнь зародилась въ его колбѣ, побѣдоносно восклицаетъ, обращаясь къ Мефистофелю:

„Was man an der Natur Geheimnissvolles pries,
Das wagen wir verständig zu probiren,
Und was sie sonst organisiren liess,
Das lassen wir krystallisiren.“

Эта смѣлая, эта дерзкая фраза сдѣлалась лѣтъ 40 назадъ девизомъ естествознанія; конечно, не въ той наивной формѣ, въ которой произнесъ ее гётевскій Вагнеръ, конечно, не по отношенію къ человѣку въ частности, но за то въ болѣе широкомъ, скажу — еще въ болѣе смѣломъ смыслѣ, по отношенію къ жизни вообще. Жизнь есть частный случай проявленія физическихъ силъ природы въ сложныхъ соединеніяхъ элементовъ матеріи; жизнь сводится только къ основнымъ физическимъ и химическимъ законамъ и такимъ образомъ живыя тѣла, организмы въ сущности своей ничѣмъ не отличаются отъ тѣлъ мертвыхъ, отъ тѣлъ неорганической природы; а разъ это такъ, можно надѣется, что рано или поздно, но ученымъ удастся сотворить въ лабораторіяхъ своихъ живой организмъ, получить въ колбахъ и ретортахъ первѣйшее живое существо, какую ни-

будь первѣйшую амебу, которая можетъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ дать начало безконечному ряду поколѣній. Вотъ основной взглядъ на сущность жизни, вотъ *ria desideria* науки, смѣло объявившей нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, что тайна жизни наконецъ понята ею, что она постигла таинственное начало жизни, суть ея, постигла, слѣдовательно, и конецъ.

Господа, всѣ вы, конечно, задумывались не разъ надъ роковымъ вопросомъ — о сущности жизни; вопросъ этотъ для каждаго изъ насъ имѣетъ конечно первостепенное значеніе, такъ какъ съ тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его стоитъ въ тѣсной непосредственной связи весь внутренній міръ человѣка — его религіозныя, нравственныя воззрѣнія, его отношенія къ людямъ, къ самому себѣ, къ долгу, къ справедливости, къ чести.

Посмотримъ же, какимъ образомъ наука постигла тайну жизни, и посмотримъ, насколько выставленное выше положеніе науки — что жизнь подчинена лишь законамъ физики и химіи и что всякое живое существо есть не болѣе, какъ сложный механизмъ, автоматъ — насколько положеніе это дѣйствительно безапелляціонно.

Впервые вопросъ о сущности и происхожденіи жизни поставленъ былъ во времена процвѣтанія древне-греческой науки, и знаменитый греческій натуралистъ и философъ Аристотель вполне опредѣленно и ясно высказался тогда, что всѣ существующія на свѣтѣ тѣла должны быть раздѣлены на два царства: на царство безжизненное, бездушное, куда относятся всѣ неорганизованныя тѣла (*ἄζωα, ἄψυχα*, по Аристотелю), и на царство жизненное, одушевленное, куда относится все живое — растенія, животныя, человѣкъ (*ζῷατα, ἔμψυχα*). Эти послѣднія, т. е. тѣла живыя, состоя изъ матеріи и подчиняясь обыкновеннымъ силамъ природы, отличаются однако еще тѣмъ, что заключаютъ въ себѣ душу. Эта то душа и является, по мнѣнію Аристотеля, причиною и принципомъ (энтелехіей) всѣхъ

жизненных проявленій, отличающихъ организмы отъ тѣлъ мертвой природы. Душа, по Аристотелю, слагается изъ нѣсколькихъ силъ, а именно изъ силы питающей, чувствующей, двигающей и думающей. Царство живыхъ тѣлъ распадается на растенія, животныхъ и человѣка; душа растений, по мнѣнію Аристотеля, состоитъ только изъ силы питающей; отъ нея зависитъ ростъ, размноженіе и различныя внѣшнія и внутреннія измѣненія растительнаго организма; душа животныхъ уже гораздо сложнѣе и она, кромѣ силы питающей, состоитъ еще изъ силъ чувствующей и двигающей; наконецъ, самая сложная, самая совершенная душа у человѣка, обладающаго еще кромѣ этихъ трехъ жизненныхъ силъ — четвертою, думающею.

Тоже, приблизительно, воззрѣніе на сущность жизни высказывали еще до Аристотеля (387—322 л. д. Р. X.) другіе древніе философы — Пифагоръ, Платонъ, Гиппократъ (460—377 л. д. Р. X.), а Аретей (50 л. д. Р. X.) впервые вмѣсто термина „душа“ употребилъ выраженіе „жизненная сила“, выраженіе, сдѣлавшееся господствующимъ въ наукѣ до начала нынѣшняго столѣтія, когда съ развитіемъ естествознанія противъ „жизненной силы“ было начато гоненіе, и когда ученые вмѣсто хитроумныхъ мудрствованій блаженной памяти временъ натуръ-философій вступили на путь точнаго метода — наблюденія, опыта и эмпирическаго мышленія.

„Жизненная сила“, по мнѣнію прежнихъ ученыхъ, такъ называемыхъ „виталистовъ“, не только представляла сущность живыхъ тѣлъ, не только представляла духовную основу, причину и особенность живыхъ существъ, отличающую ихъ отъ тѣлъ мертвой природы. Нѣтъ, „жизненная сила“ виталистовъ представляла собою чудесную силу, которая надѣлена была способностью прямо противопоставляться обычнымъ законѣрнымъ силамъ природы. Она удерживала химическія тѣла отъ ихъ соединенія или разложенія, она придавала органическимъ, живымъ тѣламъ

съ одной стороны ту подвижность въ ихъ составѣ, которая выражается ежеминутно частью въ принятіи пищи извнѣ, частью же въ выдѣленіяхъ, съ другой же удерживала вещество тѣла животныхъ и растеній отъ гніенія и разложенія, которыя неминуемо наступаютъ, какъ только „жизненная сила“ покидаетъ организмъ; „жизненной силѣ“ приписывали ученые способность творить такіа химическіа соединенія, которыя, отличаясь сложностью состава, нигдѣ въ мертвой природѣ не встрѣчаются, и которыя, по твердому убѣжденію тогдашнихъ химиковъ, не могли быть получены искусственнымъ путемъ въ лабораторіяхъ; только ей, этой чудесной таинственной „жизненной силѣ“ дана была прерогатива создавать въ тѣлѣ растеній, животныхъ и человѣка цѣлый рядъ такъ называемыхъ „органическихъ соединеній“, начиная съ болѣе простыхъ — жировъ, маселъ, и кончая такими высоко-сложными въ химическомъ отношеніи веществами, каковыми являются азотистыя, бѣлковыя соединенія. Но всѣ эти тѣла, недоступныя химикамъ въ ихъ лабораторіяхъ, не встрѣчающіяся свободно въ природѣ, а извлеченныя изъ организма и предоставленныя самимъ себѣ, быстро поддающіяся процессу гніенія и разложенія на болѣе простыя неорганическіа вещества — всѣ эти тѣла могла легко творить и создавать „жизненная сила“ безъ помощи химической лабораторіи, вопреки основнымъ законамъ химіи. Мало того, „жизненная сила“, по мнѣнію виталистовъ, могла создавать даже неорганическіе элементы изъ воды, стоило лишь ей примѣнить свою чудесную способность въ какомъ нибудь организмѣ. По крайней мѣрѣ только такимъ взглядомъ на „жизненную силу“ можно объяснить себѣ предложенную Гёттингенскимъ Университетомъ тему: „заимствуются ли растеніемъ вещества его золы изъ окружающей среды или приготовляются имъ самимъ изъ воды?“ И такая тема была серьезно поставлена въ 38 году нашего столѣтія, когда еще въ концѣ прошлаго

столѣтія великимъ Лавуазье доказанъ былъ законъ вѣчности вещества и непревращаемости элементовъ!

Питаніе, ростъ, размноженіе растений и животныхъ, активныя движенія и чувствительность животныхъ, умственныя и психическія способности человѣка — все это было тоже конечно плодомъ дѣятельности „жизненной силы“.

Въ своихъ „*Ansichten der Natur*“ Гумбольдъ весьма поэтично изобразилъ „жизненную силу“ тогдашнихъ ученыхъ подъ заглавіемъ „*Der Rhodische Genius*“. Въ Сиракузахъ, говоритъ онъ, было двѣ картины, возбуждавшія общее недоумѣніе и удивленіе. Одна изъ нихъ изображала херувимобразныхъ существъ обоего пола, стремившихся слиться попарно другъ съ другомъ въ любовномъ страстномъ порывѣ, по удерживаемыхъ отъ этого геніемъ, который ярко-горящимъ факеломъ освѣщаетъ ихъ. На другой — изображены тѣ же херувимы бросившіеся другъ другу въ объятія, а геній съ потухшимъ и поникшемъ факеломъ улетаетъ въ безконечное эфирное пространство. Геній — это „жизненная сила“, властвующая надъ матеріей, надъ ея природными свойствами. Но, когда геній улетаетъ, когда „жизненная сила“ оставляетъ организмъ, тогда земные элементы соединяются между собою, сообразно естественнымъ свойствамъ ихъ атомовъ.

Виталистическое ученіе или ученіе о „жизненной силѣ“ господствовало до начала нынѣшняго столѣтія. Бюффонъ, Кювье были виталисты и даже еще въ 1837 году въ физиологіи Бурдаха мы встрѣчаемъ отголоски ученія виталистовъ, хотя опыты Гельса, Пристлея, Ингенгуза и Соссюра, относящіеся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, уже показали возможность физико-химическихъ изслѣдованій жизненныхъ явленій, а въ 1828 году Вёлеромъ произведенъ былъ первый синтезъ органическаго вещества — мочевины, и тѣмъ нанесенъ былъ „жизненной силѣ“ существенный ударъ, отнявшій у нея прерогативу созиданія органическихъ веществъ.

Одновременно съ ученіемъ о „жизненной силѣ“ господствовало ученіе о постоянствѣ вида, стоявшее въ полнѣйшей гармоніи съ первымъ и такъ сказать дополнявшее его. Ученіе это, въ сущности признаваемое даже греческими философами, впервые категорически высказано было однако знаменитымъ Линнеемъ, который, изучивъ весьма обстоятельно извѣстные тогда виды животныхъ и растеній, и положивъ твердое начало цѣлой научной отросли, систематикѣ, опредѣленно выставилъ слѣдующее положеніе: „виды не измѣняемы и каждый видъ растенія и животнаго есть результатъ особаго акта творенія“.

И такъ, тогдашнее господствующее воззрѣніе на жизнь и живые организмы сводилось къ слѣдующему: каждый видъ растенія и животнаго существуетъ на землѣ съ того момента, какъ онъ сотворенъ былъ Творцомъ, существуетъ неизмѣнно, передавая отъ поколѣнія къ поколѣнію, путемъ наслѣдственности, въ неизмѣнномъ видѣ одни и тѣ же свойства. И каждое растеніе, животное и человѣкъ обязаны своею жизнью особой „жизненной силѣ“; до тѣхъ поръ, пока „жизненная сила“ находится въ организмѣ, этотъ послѣдній живетъ, дышетъ, питается, размножается, до тѣхъ поръ въ немъ совершаются химическіе процессы совершенно противоположные химическимъ процессамъ мертвой природы, образуются химическія соединенія, неимѣющія возможности образоваться внѣ организмовъ, безъ вліянія „жизненной силы“. Но исчезаетъ изъ организма „жизненная сила“, и организмъ умираетъ, а тѣло его разлагается, слѣдуя законамъ физики и химіи.

Въ дополненіе характеристики этого міровоззрѣнія, укажу еще на то, что ученые того времени видѣли не только рѣзкую разницу между царствомъ минераловъ и царствомъ живыхъ существъ, но и между растеніями, животными и человѣкомъ. Это коренное различіе между названными царствами природы Линней выразилъ слѣдующимъ афоризмомъ:

Mineralia sunt

Vegetabilia sunt et vivunt

Animalia sunt, vivunt et sentiunt, т. е.

Минералы существуют

Растенія существуют и живут

Животныя существуют, живут и чувствуют,

а человѣкъ, по тогашнему міровоззрѣнію, отличается еще тѣмъ, что онъ думаетъ.

Въ такомъ видѣ воззрѣніе на жизнь господствовало до конца прошлаго вѣка и частью до начала и даже середины нынѣшняго, когда общій подъемъ въ изученіи природы, когда цѣлый рядъ новыхъ методовъ изслѣдованія, между которыми особое значеніе прибрѣлъ опытъ, экспериментъ, когда цѣлый рядъ новыхъ инструментовъ, съ микроскопомъ во главѣ, совершенно переворачиваютъ воззрѣнія наши на природу, показываютъ всю ошибочность, всю наивность прежняго міровоззрѣнія и неудержимо быстрыми крупными шагами ведутъ насъ къ діаметрально-противоположному взгляду на природу, на жизнь, на ея сущность, начало и конецъ. Это новое, такъ называемое, матеріалистическое ученіе, сущность котораго указана мною въ началѣ сегодняшней бесѣды, мощной струей хлынуло навстрѣчу старѣющему витализму и быстро сломило его въ конецъ. Опытъ, наблюденіе выставлены были новыми учеными на мѣсто туманныхъ философствованій натуръ-философовъ, которые, вмѣсто изученія и собиранія фактовъ, предпочитали разсуждать о природѣ въ подобныхъ выраженіяхъ:

„Растеніе — это магнитная стрѣлка, выходящая изъ земли на воздухъ по направленію къ свѣту, это гальваническій пузырекъ воды и какъ таковой — земля, вода и воздухъ. Растительный пузырекъ имѣетъ два противоположныхъ конца: одинъ — земной, другой — воздушный, и такимъ образомъ растеніе надо разсматривать, какъ организмъ, имѣющій постоянное стремленіе съ одной стороны

сдѣлаться землей, съ другой — воздухомъ. Растеніе — это радіусъ, который къ центру дѣлается идентичнымъ, а по направленію къ периферіи дѣлится или расходится; такимъ образомъ растеніе не цѣлый шаръ, а только отрѣзокъ онаго. Наоборотъ, каждое животное олицетворяетъ въ себѣ цѣлую сферу, а потому одно животное стоитъ всѣхъ растеній, вмѣстѣ взятыхъ. Одно животное — это безконечность всѣхъ растеній. Цвѣтокъ, отдѣлившійся отъ стебля и ведущій самостоятельный образъ жизни или иначе говоря гальваническій процессъ, есть животное.“

Таковые перлы краснорѣчія и философствованія находимъ мы у натуръ-философовъ еще недавняго прошлаго, а приведенная тирада изъ сочиненія Окэна, озаглавленнаго „Naturphilosophie“ считалось до того недавно геніальнѣйшимъ произведеніемъ философскаго ума, что еще въ 1843 году естествоиспытатель Унгеръ поставилъ ее эпиграфомъ къ своему сочиненію: „Die Pflanze im Momente der Thierwerdung“, сочиненію, о которомъ намъ придется говорить въ одной изъ ближайшихъ лекцій.

Понятно, что новое матеріалистическое направленіе въ наукѣ послужило особенно полезной живительной струей, сразу охладившей разгоряченные головы натуръ-философовъ, и положившей предѣлъ вышеприведеннымъ quasi - научнымъ бреднямъ. Наука должна быть безпристрастна, наука имѣетъ цѣлью истину, и только одну истину. И въ какихъ бы теоріяхъ и гипотезахъ не выливались научныя воззрѣнія даннаго историческаго момента, разъ эти гипотезы и теоріи покоятся на цѣломъ рядѣ прочно обоснованныхъ фактовъ, то побѣда остается за ними. Матеріалистическое ученіе въ зачаткѣ появилось задолго до современной эпохи, появилось одновременно съ витализмомъ, когда Демокритъ, родившійся за 460 лѣтъ до Р. Х. провозгласилъ свое ученіе, въ котвормъ онъ отрицаетъ существованіе какихъ либо нематеріальныхъ принциповъ, но признаетъ одну лишь матерію, состоящую изъ атомовъ.

Атомы подвержены непрерывнымъ движеніямъ, причина которыхъ неизвѣстна. Этими передвиженіями и различной группировкой атомовъ обуславливаются, по мнѣнію Демокрита, всѣ явленія какъ неорганическаго такъ и органическаго міра. Столѣтіемъ позже тѣ же идеи развивалъ Эпикуръ. Но ученія Демокрита и Эпикура почти не опирались на факты, а то, что знали тогда о природѣ, скорѣе способствовало принятію виталистическаго ученія, восторжествовавшаго и господствовавшаго чуть не до половины нынѣшняго столѣтія.

Но факты накапливались, знанія увеличивались и прежнее міровоззрѣніе оказывалось слабымъ, ложнымъ. Химія шагъ за шагомъ отнимала у витализма, отнимала у „живой силы“ ея творческія способности. Въ 1828 году, какъ я уже сказалъ раньше, Вёлеръ получилъ синтезомъ первое органическое соединеніе — мочевины, и разрушилъ грань между химіей неорганической и органической. Съ тѣхъ поръ химики одерживали одну побѣду за другою и въ настоящее время мы уже не только знаемъ хорошо составы и свойства органическихъ соединеній, но умѣемъ многія и многія изъ нихъ готовить въ колбахъ и ретортахъ; надняхъ, можно сказать, получены синтезомъ даже сложнѣйшія органическія вещества — азотистыя, бѣлковыя¹⁾. Такимъ образомъ доказано, что созиданіе веществъ органическихъ, составляющихъ тѣло животныхъ и растений подчинено обычнымъ химическимъ законамъ и „жизненная сила“ тутъ непричемъ.

Съ другой стороны физика въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія устанавливаетъ законъ сохраненія энергіи, а цѣлая школа физиологовъ блестящимъ рядомъ опытовъ показываетъ намъ, что своеобразные жизненные процессы организмовъ, процессы питанія, дыханія сводятся къ основ-

1) Лиліенфельдомъ въ Берлинѣ.

нымъ законамъ физики и химіи, что при всѣхъ этихъ процессахъ законъ вѣчности матеріи и законъ сохраненія энергіи въ той же неумолимой силѣ, какъ и въ мірѣ неорганическомъ. Всѣ или по крайней мѣрѣ большинство проявленій жизни растений и животныхъ сводятся на превращеніе той самой энергіи солнечнаго луча, которая поглощается зеленымъ пигментомъ, т. наз. хлорофилломъ растений, и затѣмъ производитъ работу, количество которой можно точно измѣрить и подтвердить, что и работа животныхъ, и работа растений эквивалентна энергіи поглощеннаго хлорофилломъ солнечнаго луча. И такъ, и въ физиологическихъ отправленіяхъ организмовъ, животныхъ и растений, нѣтъ ничего особеннаго по сравненію съ мертвой природой. Тѣже силы природы дѣйствуютъ въ организмахъ, по тѣмъ же законамъ; лишь вещество, надъ которымъ разыгрываются въ организмѣ физическія силы несравненно сложнѣе, а потому и сложность, и подчасъ для насъ еще пока непостижимая запутанность въ проявленіяхъ живыхъ организмовъ; но это только пока, такъ какъ все убѣждаетъ насъ въ томъ, что мало по малу всѣ физиологическія отправленія сведутся къ законамъ механики, къ закону сохраненія и превращенія энергіи. И тутъ нѣтъ мѣста „жизненной силѣ“, и здѣсь, изъ области физики живыхъ существъ мы изгоняемъ ее также побѣдоносно, какъ изгнали изъ химіи.

Но формы, причудливыя, разнообразныя формы живыхъ существъ природы, но цѣлесообразность строенія организмовъ и органовъ, но ихъ замѣчательная приспособленность къ окружающимъ условіямъ? Неужели и это только результатъ дѣйствія силъ природы надъ безжизненной матеріей? Неужели и это лишь до крайности усложненныя проявленія все той же вѣчной силы надъ тою же вѣчной матеріей? Да, да и да, неумолимо, безапелляціонно отвѣчаетъ матеріализмъ. Взгляните на формы растений, животныхъ и человѣка, расчлените ихъ на ихъ первоначальныя мор-

фологическія единицы, рассмотрите ихъ анатомическое и гистологическое строеніе, изучите изумительную закономерность распредѣленія, закономерность математически правильную, до того правильную, что достаточно указать, на примѣръ, что безчисленное количество листьевъ, составляющихъ крону какого нибудь дерева и казалось бы сидящихъ на деревѣ безъ всякаго видимаго порядка, расположены однако въ такой математической правильности, что правильность эту можно выразить весьма простыми математическими выраженіями, какъ это блестяще показали Шимперъ, А. Браунъ, Швенденеръ. Взгляните на все это и вы убѣдитесь, что „жизненной силѣ“ и тутъ дѣлать нечего, что и форма живыхъ организмовъ, также какъ составъ, какъ отправленія, подчинены строгимъ и неотступнымъ законамъ химіи, физики, механики, находящихся свое высшее и конечное выраженіе въ точной математикѣ. Если и здѣсь, въ ученіи о формѣ не все еще достигло математическаго выраженія, какъ не достигл и мы еще синтеза всѣхъ органическихъ соединеній, какъ не объяснили еще физическими и механическими законами всѣ проявленія работы организмовъ, то во всякомъ случаѣ, путь для такого достиженія открытъ широко и это достиженіе — дѣло времени.

Сводя составъ, силы и форму организмовъ на простые законы химіи, физики и механики, матеріализмъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрушилъ постепенно искусственныя грани, которыя ученые прошлыхъ вѣковъ создали между растительнымъ царствомъ, животнымъ и человѣкомъ. Растенія, животныя и человѣкъ ничѣмъ существенно не отличаются другъ отъ друга по химическому составу своего тѣла и по химическимъ реакціямъ, въ нихъ происходящимъ. Физиологическія отправленія, казавшіяся вначалѣ столь различными въ растительномъ и животномъ мірѣ, въ концѣ концовъ оказались тождественными или близкими. А морфологія, ученіе о формѣ, какъ наружной, такъ и внутренней, ясно показала, что нѣтъ и на самомъ дѣлѣ быть не мо-

жеть естественной грани между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ. Мы знаемъ теперь хорошо организмы, которые прежніе зоологи и ботаники яростно оспаривали другъ у друга, но которые для современныхъ біологовъ составляютъ естественный рубежъ между растительнымъ и животнымъ царствомъ, рубежъ, на которомъ оба царства сходятся, незамѣтно другъ съ другомъ сливаются. А зоологія и антропологія открыли намъ такіе типы обезьянъ и такіе типы первобытныхъ людей, что и здѣсь искусственная грань разрушается и современный материалистъ смѣло заявляетъ, что человѣкъ есть ничто иное, какъ двуногое млекопитающее животное. Но особенно важно для познанія единства царства живыхъ существъ это открытіе такъ называемой клѣтки и затѣмъ живаго содержимаго клѣтки — протоплазмы.

Микроскопъ, М. Г-ни и М. Г-ри, открытъ былъ въ послѣдней трети XVII столѣтія и чудеса, которыя увидѣлъ подъ микроскопомъ голландецъ Шваммердамъ, оказались столь поразительными для этого піонера-микроскописта, что онъ чуть не сошелъ съ ума и въ концѣ концовъ сжегъ рисунки, на которыхъ, было, изобразилъ увидѣнное, говоря, что непростительная дерзость со стороны смертнаго человѣка проникать въ тайны, которыя Создатель умышленно скрылъ отъ глазъ любопытствующаго человѣка. Но послѣдователи этого перваго микроскописта были смѣлѣе и вскорѣ одно чудесное за другимъ стало вереницей проходить передъ любознательнымъ взоромъ пытливыхъ натуралистовъ. Тайна микроскопическаго строенія была постигнута и матеріализмъ приобрѣлъ новый прочный фундаментъ для своихъ теоретическихъ построеній. Доказано было, что всѣ живые организмы, растенія, животныя и человѣкъ, состоятъ изъ первичныхъ гистологическихъ единицъ, изъ клѣтокъ, и только изъ клѣтокъ; доказано было, что клѣтки эти располагаются и строятся сообразно законамъ химіи, физики и механики; доказано было, что

содержимое клѣтокъ состоитъ изъ сложнаго органическаго азотистаго вещества, т. наз. протоплазмы и что эта протоплазма и является носительницею жизни, основною жизненною единицею. А тутъ съ оругой стороны хлынули факты, добытые наблюденіемъ надъ исторіей развитія организмовъ и показавшіе ясно, убѣдительно, что клѣтка не только есть единственный основной элементъ микроскопическаго строенія организмовъ, но что клѣтка есть начало всякаго новаго организма. Жизнь новаго индивидуума начинается съ одной единственной клѣтки, которая путемъ раздробленія сначала на двѣ, на четыре и т. д. клѣтки, путемъ дальнѣйшаго метаморфоза клѣтокъ образуетъ тѣ сложныя разнообразныя ткани, изъ которыхъ построены всѣ организмы. Всѣ, кромѣ сравнительно немногихъ, оставшихся какъ бы на первоначальной ступени развитія и являющихся въ теченіе всей своей жизни простѣйшими одноклѣтными микроскопическими организмами.

Уже всѣ эти данныя химіи, физики, фізіологіи, морфологіи, анатоміи, гистологіи живыхъ существъ оставляли мало мѣста для стариннаго міровоззрѣнія виталистовъ, когда въ 1859 г. появляется Дарвинъ съ своей теоріей происхожденія видовъ, съ своимъ ученіемъ, діаметрально противоположнымъ ученію Линнея о постоянствѣ видовъ и наноситъ витализму окончательный ударъ. „Виды не постоянны“, говоритъ Дарвинъ. Виды непрерывно мѣняются въ своей структурѣ и непрерывно путемъ естественнаго отбора, путемъ переживанія болѣе приспособившихся къ даннымъ условіямъ, путемъ борьбы за существованіе, совершенствуются. И настоящія растительное и животное царства представляютъ два крупныхъ пути, по которымъ идетъ это непрерывное эволюціонное движеніе. Начавшись изъ одного общаго корня, начавшись простѣйшими одноклѣтными организмами, живыя существа, усовершенствуясь и усложняясь, съ одной стороны образовали разнообразнѣйшій растительный міръ, въ которомъ мы наблюдаемъ

всѣ переходныя формы отъ простѣйшихъ одноклѣтчатныхъ организмовъ до сложнѣйшихъ растений, съ другой же стороны еще болѣе разнообразный, еще болѣе замѣчательный міръ — животныхъ, міръ, завершающійся такимъ совершеннымъ созданіемъ, каковъ человѣкъ, но тоже представляющій лишь постепенныя, незамѣтныя градаціи отъ простѣйшей амёбы до человѣка. Гётевскій Вагнеръ думалъ сразу въ колбѣ путемъ кристаллизаціи получить человѣка, современный Вагнеръ-матеріалистъ твердо убѣжденъ, что стоитъ получить ему въ колбѣ лишь примитивнѣйшій организмъ — амёбу, безъядерный простой комочекъ протоплазмы, азотистаго бѣлковаго вещества — и вѣковая задача жизни рѣшена; амёба этого новаго Вагнера уже начнетъ сама развиваться и усложняться и путемъ эволюціи изъ нея современемъ также можетъ получиться человѣкъ, какъ выработался онъ вѣками на землѣ изъ амёбы, выработался путемъ эволюціи, подчиненной исключительно законамъ физики и механики, по принципу сохраненія полезнаго и уничтоженія вреднаго или ненужнаго. И тутъ опять, и въ этомъ сложномъ вопросѣ матеріалисты побѣдно провозгласили физику и механику, а „жизненную силу“ исключили.

Палеонтологія, открывшая цѣлый рядъ вымершихъ, менѣе совершенныхъ, чѣмъ теперь живущіе, организмовъ, даетъ новому ученію прочную опору и мнѣніе Линнея о постоянствѣ видовъ сдается въ архивъ. Усердный послѣдователь Дарвина — Геккель открываетъ дѣйствительно простѣйшіе мыслимыя на землѣ организмы — безъядерныя амёбы, а другой не менѣе ретивый дарвинистъ Гёксли находитъ на днѣ Атлантическаго океана безформенную, мѣстами сплошную, мѣстами сѣтевидную массу протоплазмы, совершенно однородную и покрывающую дно океана на необозримыя пространства (Bathybius Haesckeli). Торжество матеріализма полное. Тайна жизни разгадана. Жизнь началась на днѣ океана въ видѣ безформенной

сплошной массы протоплазмы (батибія). Особья, вѣроятно, условія, царящія на днѣ океана способствовали матеріи принять то сложное строеніе свое, которое и является причиною сложных проявленій, именуемыхъ нами жизнею, но на самомъ дѣлѣ являющихся лишь проявленіями тѣхъ же силъ природы надъ тою же матеріею, какъ и въ мірѣ неорганическомъ. Батибія даетъ начало первичнымъ простѣйшимъ существамъ — протоамёбамъ, безъядернымъ, безструктурнымъ, представляющимъ лишь комочки слизи — протоплазмы, но уже исполняющимъ всѣ основныя функціи жизни — движущимся, питающимся, размножающимся. Изъ этихъ то первичныхъ амёбъ путемъ эволюціи, имѣющей въ основѣ все тѣ же химическіе, физическіе и механическіе законы, вырабатываются все болѣе и болѣе сложныя существа, съ одной стороны растенія, съ другой — животныя. Начало жизни кроется на днѣ океана, и дѣйствительно мы видимъ, что всѣ первичныя простѣйшія растенія и животныя суть обитатели морей и океановъ или по крайней мѣрѣ прѣсноводныхъ бассейновъ. Но чѣмъ далѣе идетъ усложненіе растеній и животныхъ, тѣмъ болѣе и болѣе водная среда отказывается поддерживать ихъ жизнь. Сначала растительный міръ, а затѣмъ и животный изъ нѣдръ океана выступаютъ на сушу, и здѣсь растительный міръ достигаетъ своего блестящаго развитія въ роскошномъ растительномъ покровѣ, одѣвающимъ материки, животный же — въ человѣкѣ, въ его мыслительныхъ способностяхъ заходитъ за предѣлы вселенной. Но весь этотъ процессъ — это игра силы надъ матеріею по строгимъ законамъ механики, а величайшій геній человѣчества, хотя бы Ньютонъ, есть ни что иное, какъ автоматъ; чувство, мысль — все это функціи обычныхъ силъ, обычной матеріи. По смерти того же Ньютона тѣ же силы, которыя рождали геніальныя мысли, тѣ же физическія и химическія силы разрушаютъ его тѣло, производятъ гніеніе, разложеніе, и, можетъ быть, тотъ фосфоръ, который въ мозгу Ньютона способствовалъ

созрѣванію его геніальной теоріи, этотъ самый атомъ фосфора когда-нибудь, гдѣ-нибудь будетъ на головкѣ фосфорной спички.

Такова неумолимая послѣдовательность матеріалистическаго ученія, не желающаго ничего слышать про какую-то „жизненную силу“.

Наука М. Г-ни и М. Г-ри безпристрастна, наука ищетъ истину и только ее одну, ищетъ ее вездѣ, опираясь на факты и только на факты. Матеріалистическое ученіе своего расцвѣта достигло въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Но годы шли за годами; накопились новые факты, новыя данныя, и стройная система матеріализма начинаетъ такъ же подтачиваться, какъ нѣкогда подтачивался витализмъ.

Простѣйшіе мыслимые на землѣ организмы — безъядерныя протоамѣбы оказались организмами гораздо болѣе сложными, обладающими и ядромъ, и другими основными особенностями всякой живой клѣтки. Строеніе самихъ клѣтокъ, этихъ первичныхъ элементовъ всего живаго, оказалось при тщательномъ, всестороннемъ изученіи ихъ настолько сложнымъ, настолько разнообразнымъ, сама жизнь клѣтокъ оказалась настолько удивительной по своей цѣлесообразности, по своимъ проявленіямъ, что въ настоящее время разсматривать клѣтку, какъ первичный жизненный элементъ, который легко могъ бы поддаться объясненію на основаніи однихъ законовъ химіи, физики и механики уже невозможно. Въ жизни и строеніи клѣтки въ послѣдніе десятки лѣтъ, какъ увидимъ изъ дальнѣйшихъ лекцій, открылись такія чудеса, что между живою клѣткою и мертвымъ недѣлимымъ минерала, хотя бы кристалломъ, лежитъ непреодолимая пропасть. Батибій Гёксли, еще недавно соединявшій пропасть между живымъ и мертвымъ, оказался не живымъ. Въ 1876 году на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Гамбургѣ сдѣланъ былъ искусственный батибій изъ морской воды при помощи спирта и онъ ока-

зался просто на просто безжизненнымъ осадкомъ гипса. Такимъ образомъ, если наукѣ съ одной стороны дѣйстви- тельно удалось уничтожить искусственную грань между растеніями и животными, между животными и человѣкомъ, то, съ другой стороны, таже наука ясно показываетъ намъ бездонную пропасть между живымъ и мертвымъ, уничто- жить которую теперь представляется гораздо и гораздо труднѣе, чѣмъ 50 лѣтъ назадъ. Тогда былъ батибій, были протоамёбы Геккеля. Теперь ихъ нѣтъ. Тогда натуралисты мечтали о полученіи искусственнымъ путемъ бѣлковаго вещества и надѣялись, что, разъ получаютъ они такое вещество, новая жизнь сама собою зародится въ ихъ колбахъ. Теперь бѣлковыя вещества уже синтезируются въ химическихъ лабораторіяхъ, но едва ли осталось много ученыхъ, которые бы надѣялись на полученіе искусственнымъ путемъ живой момеры, живой клѣтки, строеніе которой, жизнь которой, какъ я уже сказалъ, оказывается такой сложной, такой таинственной.

А вмѣстѣ съ тѣмъ цѣлый рядъ ученыхъ съ Пастё- ромъ во главѣ путемъ точныхъ опытовъ доказалъ намъ не- возможность на землѣ самозарожденія организмовъ. Самоза- рожденіе организмовъ изъ неорганической природы есть неиз- бѣжное, логическое требованіе вполне законченной теоріи ма- теріализма. Самозарожденіе или должно происходить теперь или должно было происходить нѣкогда на земномъ шарѣ. Иначе всѣ построенія матеріализма окажутся безъ единствен- наго для нихъ мыслимаго прочнаго фундамента. Между тѣмъ, точныя научныя изслѣдованія не только доказываютъ намъ вполне убѣдительно отсутствіе самозарожденія на земномъ шарѣ въ настоящее время, но дѣлаютъ даже совершенно без- доказательнымъ предположеніе такового зарожденія въ от- даленныя отъ насъ первобытныя эпохи жизни земной коры. Наоборотъ, всѣ данныя науки указываютъ лишь на одинъ вполне законный, вполне естественный путь происхожденія организмовъ — отъ организмовъ же; *omne vivum ex vivo* —

вотъ аксіома современнаго естествознанія, аксіома, которая логически никоимъ образомъ не можетъ быть согласована съ матеріалистическимъ міровоззрѣніемъ.

Вмѣстѣ со всѣми этими изслѣдованіями, опытами и наблюденіями, человѣческая мысль обращается съ вопросами къ цѣлому ряду другихъ жизненныхъ явленій, которыя нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ или совсѣмъ не замѣчались или казались легко объяснимыми съ матеріалистической точки зрѣнія.

Матеріалистическое ученіе доказало намъ, что матерія, входящая въ составъ организмовъ, подчинена законамъ химіи, что силы, производящія жизненную работу организмовъ подчинены законамъ физики и механики. Тоже ученіе доказало намъ эволюцію органическихъ существъ на земномъ шарѣ. Но ученіе это не объяснило и не могло объяснить, какъ, какимъ путемъ происходитъ ежедневно передъ нашими глазами замѣчательное явленіе развитія сложнаго организма изъ яйца, изъ одной клѣтки; оно не объяснило намъ ни тайну онтогенезиса, ни тайну эволюціи всего органическаго міра, ни тайну наслѣдственности. Всѣ эти вопросы стоятъ и посейчасъ такими же открытыми, какъ стояли полъ вѣка назадъ и всѣ попытки свести указанныя особенности проявленія жизни на законы механики, физики и химіи не только не привели ни къ чему, но болѣе или менѣе уже указали, что этимъ путемъ тайну жизни не разрѣшить.

И вотъ недавно, нѣсколько еще лѣтъ назадъ, появилось на научномъ горизонтѣ новое міровоззрѣніе, новое ученіе — ученіе такъ называемыхъ неовиталистовъ. Это ученіе возникло здѣсь, въ этомъ городѣ. Бывшій здѣшній доцентъ¹⁾ фізіологической химіи Бунге въ своей рѣчи „о витализмѣ и механизмѣ“ возсталъ противъ матеріали-

1) Ветеринарнаго института, потомъ профессоръ въ Базелѣ.

стического ученія, возсталъ противъ мнѣнія, что въ живыхъ существахъ дѣйствуютъ только тѣже силы и вещества, какъ и въ природѣ мертвой и что физико-химическими законами можно объяснить всѣ жизненные явленія организмовъ. Нео-витализмъ, провозглашенный Бунге, встрѣтилъ скоро сочувствіе многихъ біологовъ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ. У насъ въ Россіи проф. Коржинскій въ Томскѣ и проф. Бородинъ въ Петербургѣ высказались въ б. или м. степени сторонниками этого новаго ученія. За границей нео-витализмъ находитъ приверженцевъ себѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ лицѣ выдающихся ученыхъ. Проф. Риндфлейшъ, Вирховъ, Кёрнеръ, Лудвигъ, Фердинандъ Конъ, Германъ Мюллеръ, Делпино и многіе другіе являются болѣе или менѣе убѣжденными поборниками вновь возникающаго ученія.

Признаніе „жизненной силы“ такъ, какъ она понималась сто лѣтъ назадъ, является теперь конечно немыслимымъ. Признаніе особой „жизненной силы“ противорѣчило бы основному физическому закону сохраненія энергіи, и мнѣ думается, что нео-виталисты напрасно возбуждаютъ противъ себя крайнихъ матеріалистовъ, употребляя слова — „жизненная сила“, „жизненная энергія“, когда терминъ сила, энергія имѣетъ вполне опредѣленное въ наукѣ значеніе, вовсе не придаваемое ему нео-виталистами.

Не присутствіемъ особой „жизненной силы“ отличаются организмы отъ неорганизмовъ, а присутствіемъ особаго жизненнаго начала и это жизненное начало, по мнѣнію Кёрнера, подчинено тому же закону вѣчности, какъ и матерія, и сила.

Жизнь также вѣчна, какъ матерія и сила; мы не знаемъ, мы не представляемъ себѣ начала и конца жизни, какъ не представляемъ начала и конца матеріи и силы. Жизнь, выражаясь на землѣ въ организмахъ путемъ силы и матеріи, понятно, во многомъ сводится и должна сводиться

къ законамъ химіи, физики и механики, и не можетъ протаворѣчить этимъ законамъ. Но одними химическими и физическими законами всѣ проявленія и свойства жизни объяснить нельзя.

Будемъ же, оставаясь на почвѣ точной науки, будемъ же пользоваться ея цѣнными методами — наблюденіемъ и опытомъ, будемъ изучать физическія и химическія проявленія жизни, но не будемъ забывать при этомъ, что одной физикой и химіей, одной механикой мы тайну жизни не откроемъ. Не будемъ закрывать глаза и на явленія, исключительно свойственныя живымъ существамъ, и тогда можетъ быть настанетъ время, когда мы настолько же поймемъ и изучимъ жизнь, насколько уже поняли и изучили матерію и силу.

Н. Кузнецовъ.

27 Января 1896 года.

Ю р ь е в ъ.

Вступительная лекція въ курсъ приложеній дифференціального исчисленія къ Геометріи

(прочитанная Проф. В. Г. Алексѣевымъ 30 Января
1896 года).

Мм. Гг.

Приступая къ чтенію лекцій по приложеніямъ дифференціального исчисленія къ Геометріи, я имѣю въ виду въ настоящемъ чтеніи выяснить неправильность взгляда на этотъ отдѣлъ математики какъ на самостоятельный отдѣлъ, который будто бы служить только для иллюстрацій различныхъ отвлеченныхъ свойствъ аналитическихъ выраженій или для изысканій свойствъ геометрическихъ формъ, вытекающихъ изъ извѣстныхъ уже свойствъ ихъ уравненій.

Такой взглядъ издавна установился, и онъ имѣлъ вначалѣ, конечно, вполне законное основаніе, такъ какъ первыя изысканія математиковъ въ области приложеній исчисленія безконечно-малыхъ къ Геометріи, незамедлившіе появиться вслѣдъ за безсмертнымъ открытіемъ первыхъ основъ дифференціального исчисленія, не выходили изъ предѣловъ геометрическихъ толкованій извѣстныхъ свойствъ функцій и вывода этимъ путемъ различныхъ свойствъ геометрическихъ формъ.

Но мало по малу въ этой новой отрасли математики начинаютъ появляться вполне самостоятельные приемы геометрическихъ изслѣдованій, совершенно чуждые анализу, которые даютъ возможность легко и обстоятельно разработать нѣкоторые вопросы, представляющіе иногда значительныя затрудненія для приемовъ анализа. Вмѣстѣ съ этимъ

въ ней начинаютъ зарождаться и новые вопросы, которые иногда представляютъ интересъ и для анализа.

Первые капитальные труды по приложеніямъ дифференціального исчисленія къ Геометріи принадлежатъ Эйлеру и Монжу; они относятся къ концу прошлаго и началу этого столѣтія.

Исслѣдованія этихъ двухъ геометровъ несомнѣнно много способствовали развитію новаго отдѣла математики, но въ нихъ еще мало проявляется самостоятельность методовъ; ихъ можно считать закончившими эпоху несамостоятельности этого отдѣла математики — эпоху, когда эта отрасль математики по справедливости называлась „приложеніями дифференціального исчисленія къ Геометріи“.

Начало самостоятельности интересующаго теперь насъ отдѣла математики было положено трудами геніальнаго нѣмецкаго геометра Гаусса: его методъ криволинейныхъ координатъ и въ особенности его весьма важныя исслѣдованія о кривизнѣ, изгибаніи и конформномъ отображеніи поверхностей дали этой отрасли математики самостоятельные приемы и создали многіе новые вопросы, которые еще въ настоящее время продолжаютъ интересовать ученыхъ.

Затѣмъ, нѣмецкій геометръ Плюккеръ между многими другими заслугами Геометріи, основавъ Геометрію прямой, ввелъ въ науку новыя геометрическія формы — конгруенціи и комплексы прямыхъ, изученіе которыхъ привело ученыхъ ко многимъ новымъ полезнымъ точкамъ зрѣнія; такъ, напримѣръ, Рибокуръ показалъ, что одинъ изъ видовъ конгруенцій — изотропная конгруенція находится въ тѣсной связи съ теоріей минимальныхъ поверхностей; кромѣ того, свойства всякой поверхности тѣсно связаны со свойствами конгруенціи ея нормалей, и поэтому весьма понятно, что исслѣдованія свойствъ конгруенцій принесли большую пользу общей теоріи поверхностей.

Въ послѣднее время весьма извѣстный французскій геометръ Дарбу предложилъ кинематическіе приемы для

изслѣдованія свойствъ кривыхъ линій и поверхностей; онъ же выяснилъ связь многихъ геометрическихъ вопросовъ съ уравненіемъ Лапласа

$$\frac{\partial^2 u}{\partial x \partial y} + a \frac{\partial u}{\partial x} + b \frac{\partial u}{\partial y} + cu = 0,$$

что привело его къ изящнымъ приемамъ рѣшеній нѣкоторыхъ вопросовъ Геометріи.

Наконецъ, норвежскій геометръ Софусъ Ли послѣднее время начинаетъ все болѣе и болѣе интересоваться математиковъ своими новыми теоріями — касательныхъ преобразованій и непрерывныхъ группъ, которыя заключаютъ въ себѣ множество новыхъ приемовъ, расширяющихъ область приложеній дифференціального исчисленія къ Геометріи.

Къ этому краткому очерку главныхъ моментовъ въ развитіи самостоятельныхъ методовъ приложенія исчисленія бесконечно-малыхъ къ Геометріи надо прибавить еще указанія на труды геометровъ Бріоски, Бельтрами, Миндинга*), Вейнгартена и др.; нельзя пройти молчаніемъ еще того вліянія, которое имѣли на всѣ геометрическія изысканія проективная Геометрія, созданная трудами Понселе, Шаля, Штейнера, и воображаемая геометрія нашего знаменитаго соотечественника Николая Ивановича Лобачевского.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ открытій отдѣлъ математики, носящій обыкновенно названіе „приложенія дифференціального исчисленія къ Геометріи“ сталъ пріобрѣтать все большую и большую самостоятельность и вырабатывать вполне опредѣленную научную дисциплину со своими собственными задачами и приемами изслѣдованій. Началомъ самостоятельности этого отдѣла математики, какъ мы уже сказали, надо считать труды Гаусса. Изслѣдованія знаменитаго нѣмецкаго ученаго заложили основаніе самостоятельности новаго отдѣла математики, а цѣлый рядъ важныхъ откры-

*) Бывшій профессоръ нашего Университета.

тѣмъ другихъ геометровъ упрочили его самостоятельность; но, къ сожалѣнію, это остается яснымъ только для специалистовъ, занимающихся приложениями исчисленія безконечно-малыхъ къ Геометріи, большинство же остается при прежнихъ взглядахъ на этотъ отдѣлъ математики и предполагаетъ, что онъ ничего другаго не содержитъ, кромѣ геометрическихъ толкованій формулъ анализа.

Этотъ неправильный взглядъ на весьма важную отрасль математики на столько укоренился, что даже въ университетскомъ преподаваніи не только у насъ въ Россіи, но и за границей приложенія дифференціального исчисленія къ Геометріи не имѣютъ еще вполне опредѣленнаго мѣста, и чтеніе лекцій по нимъ поручается обыкновенно лицамъ, которыя зачастую Геометріей совсѣмъ не интересуются. Вслѣдствіе этого на лекціяхъ по приложеніямъ дифференціального исчисленія къ Геометріи излагаются только геометрическія иллюстраціи аналитическихъ выраженій, и слушатели не получаютъ никакого знакомства съ особенностью методовъ этого важнаго отдѣла математики.

Во время моей заграничной командировки я имѣлъ возможность видѣть вполне правильную постановку преподаванія приложеній дифференціального исчисленія къ Геометріи въ Цюрихскомъ Политехникумѣ. Въ этой высшей технической школѣ на отдѣленіи математическихъ наукъ профессоръ Гейзеръ послѣднее время постоянно читаетъ курсъ „Infinitesimalgeometrie“ — въ одномъ полугодіи о геометрическихъ формахъ на плоскости, въ другомъ о геометрическихъ формахъ пространства, и излагаетъ сущность основныхъ методовъ приложеній дифференціального исчисленія къ Геометріи или Геометріи безконечно-малыхъ (Infinitesimalgeometrie), какъ по справедливости называетъ почтенный швейцарскій профессоръ этотъ отдѣлъ математики.

Въ этомъ же Политехникумѣ профессоръ Гурвицъ, излагая дифференціальное исчисленіе иллюстрируетъ аналитическія формулы различными геометрическими прило-

женіями и такимъ образомъ подготовляетъ слушателей къ лекціямъ профессора Гейзера, трактующимъ о специальныхъ методахъ Геометріи бесконечно-малыхъ.

Правильную постановку преподаванія Геометріи бесконечно-малыхъ можно найти также въ нѣкоторыхъ университетахъ Германіи, гдѣ имѣются профессора, специально занимающіеся Геометріей; напримѣръ, въ Берлинѣ, Лейпцигѣ, Тюбингенѣ.

Въ Парижѣ профессоръ Дарбу послѣднее время ежегодно читаетъ весьма интересные курсы по предметамъ своихъ оригинальныхъ изслѣдованій въ области Геометріи бесконечно-малыхъ, столь обогатившихъ эту отрасль математики многими новыми открытіями; но, собственно говоря, по уставу Сорбонны онъ долженъ бы читать лекціи по Высшей Геометріи, такъ какъ онъ занимаетъ кафедру Высшей Геометріи, подѣ этимъ же названіемъ у французовъ подразумѣвается особый отдѣлъ Геометріи, которому болѣе соотвѣтствуетъ названіе проективной Геометріи (*Projectivische Geometrie*), данное нѣмецкими математиками.

У насъ въ Россіи, по новому уставу университетовъ, Геометрія бесконечно-малыхъ, вслѣдствіе все того же неправильнаго взгляда на нее, не только не вошла въ число обязательныхъ предметовъ государственнаго экзамена, но даже не вошла въ число дополнительныхъ предметовъ этого экзамена, и студенческіе конспекты по курсамъ, относящимся къ Геометріи бесконечно-малыхъ, возможно пропускать только подѣ заглавіемъ Высшей Геометріи, которая вошла въ число дополнительныхъ предметовъ государственнаго испытанія; но подѣ этимъ заглавіемъ у насъ, какъ и у французовъ подразумѣвается, собственно говоря, другой отдѣлъ Геометріи — Проективная Геометрія.

Такимъ образомъ можно сказать, что Высшая Геометрія или, пользуясь болѣе правильнымъ нѣмецкимъ названіемъ, Проективная Геометрія была болѣе счастлива Геометріи бесконечно-малыхъ и уже давно завоевала себѣ

●вполнѣ самостоятельное положеніе не только въ наукѣ, но и въ университетскомъ преподаваніи. Это объясняется тѣмъ, что Проективная Геометрія по самому существу своихъ методовъ стояла и теперь стоитъ совершенно особнякомъ отъ остальныхъ отдѣловъ математики, и можно сказать, что она никогда не заимствовала методовъ у другихъ отдѣловъ, но сама послужила источникомъ многихъ новыхъ приемовъ, весьма важныхъ для другихъ отдѣловъ математики; такъ, напримѣръ, весьма вѣроятно, что вся теорія непрерывныхъ группъ норвежскаго геометра Софуса Ли получила свое начало изъ групповыхъ свойствъ проективныхъ преобразованій; по крайней мѣрѣ, знаменитый норвежскій ученый самъ говорилъ мнѣ, что своими открытіями основныхъ идей теоріи непрерывныхъ группъ преобразованій онъ обязанъ Геометріи. Это служитъ однимъ изъ весьма многихъ доказательствъ того, что геометрическіе методы приносятъ громадную пользу не только самостоятельнымъ геометрическимъ изысканіямъ, но и отвлеченнымъ изысканіямъ анализа, создавая для нихъ новыя орудія.

Къ сожалѣнію, еще многіе не раздѣляютъ этого, по моему мнѣнію, вполнѣ правильнаго взгляда на Геометрію, который можно подтвердить множествомъ примѣровъ изъ исторіи математики.

Геометрія бесконечно-малыхъ въ противоположность Проективной Геометріи зародилась въ видѣ несамостоятельнаго отдѣла математики — въ видѣ приложений дифференціальнаго исчисленія къ Геометріи, поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что на нее установился указанный нами вполнѣ неправильный для настоящаго времени взглядъ какъ на несамостоятельный отдѣлъ математики.

Но мало по малу начинаетъ уже выясняться, что самостоятельныя теоріи Геометріи бесконечно-малыхъ будутъ несомнѣнно играть весьма важную роль въ математикѣ, такъ какъ онѣ начинаютъ уже выдѣлять новыя важныя методы, полезные для всѣхъ отдѣловъ математики. Такъ, напри-

мѣръ, изысканія Софуса Ли въ области Геометріи бесконечно-малыхъ привели его къ новой постановкѣ теоріи дифференціальныхъ уравненій съ частными производными и весьма важнымъ въ этой теоріи касательнымъ преобразованіямъ; затѣмъ, бесконечно-малыя геометрическія преобразованія навели норвежскаго геометра на мысль о группахъ бесконечно-малыхъ преобразованій; это понятіе легло въ основу всѣхъ изслѣдованій въ теоріи непрерывныхъ группъ и составляетъ одну изъ главныхъ заслугъ Софуса Ли въ этой теоріи и теоріи дифференціальныхъ уравненій. Съ другой стороны не трудно также замѣтить, что послѣднее время Высшая или Проективная Геометрія, надѣлавшая такъ много шума въ срединѣ этого вѣка и почти сразу завоевавшая видное мѣсто въ наукѣ и въ университетскомъ преподаваніи, постепенно утрачиваетъ свое значеніе, такъ какъ ея методы сами по себѣ не даютъ возможности разрабатывать научные вопросы столь детально, какъ методы Геометріи бесконечно-малыхъ; но несомнѣнно Проективная Геометрія оставила въ Геометріи бесконечно-малыхъ глубокій слѣдъ: всѣ занимающіеся Геометріей знаютъ, какую важную роль играютъ при геометрическихъ изслѣдованіяхъ различныя проективныя свойства бесконечно-малыхъ геометрическихъ величинъ. Иначе говоря, методы Проективной Геометріи, перейдя на почву бесконечно-малыхъ величинъ, сдѣлались достояніемъ Геометріи бесконечно-малыхъ.

Мнѣ кажется, что въ настоящее время безъ преувеличиванія можно сказать, что Геометрія бесконечно-малыхъ, завладѣвъ методами другихъ отдѣловъ Геометріи и создавъ многіе новые самостоятельные методы, является самымъ общимъ орудіемъ изысканія сокрытыхъ свойствъ нашего пространства.

Однако, не смотря на столь быстро возрастающее значеніе самостоятельныхъ методовъ Геометріи бесконечно-малыхъ, она не приобрѣла еще полной самостоятельности

въ наукѣ, а въ университетскомъ преподаваніи, какъ самостоятельный отдѣлъ математики совершенно игнорируется. Конечно, такое неправильное отношеніе къ существенно важной отрасли математики вредитъ наукѣ и несомнѣнно замедляетъ движеніе нашихъ знаній впередъ.

Пройдетъ, вѣроятно, еще много времени до тѣхъ поръ, когда Геометрія безконечно-малыхъ приобрететъ самостоятельность и въ наукѣ, и въ университетскомъ преподаваніи; это будетъ, конечно, зависѣть отъ развитія вообще геометрическаго образованія въ университетахъ, которое въ настоящее время еще далеко не вездѣ находится въ удовлетворительномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи громадную услугу оказалъ русскимъ университетамъ мой глубокоуважаемый учитель заслуженный профессоръ Московскаго Университета Василій Яковлевичъ Цингеръ; его высокоталантливое лекціонное изложеніе различныхъ отдѣловъ Геометріи возбудило во многихъ слушателяхъ любовь къ геометрическимъ изслѣдованіямъ, благодаря чему у насъ стали появляться ученые, спеціально занимающіеся Геометріей.

Въ заключеніе своей вступительной лекціи я позволю себѣ выяснитъ на одномъ примѣрѣ, какъ нѣкоторыя спеціально-геометрическія понятія способны дать совершенно новую постановку аналитическимъ вопросамъ, доставляющую возможность получить многіе новые результаты.

Послѣднее время въ геометрическихъ изслѣдованіяхъ все чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться понятіе о мнимомъ кругѣ въ безконечности, черезъ который проходятъ всѣ шары пространства. Это понятіе можетъ показаться съ перваго взгляда чисто фантастическимъ и необъщающимъ никакихъ новыхъ приѣмовъ изслѣдованій; но изучая труды геометровъ за послѣднія двадцать лѣтъ, не трудно замѣтить, на сколько важно это отвлеченное, хотя появившееся на почвѣ геометрическихъ изысканій, понятіе.

Возьмемъ для примѣра изслѣдованія Софуса Ли о

свойствахъ минимальныхъ поверхностей, вытекающія изъ ихъ образованія при помощи интегральныхъ кривыхъ минимальнаго комплекса прямыхъ, т. е. совокупности всѣхъ прямыхъ, пересекающихъ бесконечно-удаленный мнимый кругъ пространства. Это образованіе минимальныхъ поверхностей состоитъ въ слѣдующемъ.

Разсматривается комплексъ прямыхъ, пересекающихъ бесконечно-удаленный мнимый кругъ пространства. Прямые этого комплекса (число ихъ ∞^3) обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что длины ихъ элементовъ равны нулю. Не трудно понять, что минимальному комплексу прямыхъ какъ и всякому другому комплексу кривыхъ вообще соотвѣтствуетъ опредѣленное уравненіе съ частными производными перваго порядка. Въ самомъ дѣлѣ, каждый комплексъ или, иначе говоря, ∞^3 кривыхъ опредѣляетъ при каждой точкѣ пространства элементарный конусъ, ибо черезъ всякую точку P пространства проходятъ ∞^1 кривыхъ комплекса и элементы этихъ кривыхъ вблизи точки P образуютъ бесконечно-малый конусъ, который обыкновенно называютъ элементарнымъ конусомъ.

Съ другой стороны уравненіе съ частными производными перваго порядка

$$F(x, y, z, p, q) = 0$$

опредѣляетъ также при всякой точкѣ съ координатами (x, y, z) элементарный конусъ, огибаемый плоскостями съ координатами (p, q) ; слѣдовательно, каждому комплексу кривыхъ принадлежитъ уравненіе съ частными производными перваго порядка, которое опредѣляетъ при точкахъ пространства тѣже самые элементарные конусы какъ и данный комплексъ кривыхъ. (Исключеніе составляютъ комплексы, опредѣляющіе при каждой точкѣ пространства плоскіе элементарные пучки или, иначе говоря, конусы перваго порядка, которые нельзя обогнуть плоскостями). Это уравненіе съ частными производными перваго порядка въ случаѣ минимальнаго комплекса есть ничто другое какъ промежу-

точный интеграль уравненія съ частными производными втораго порядка минимальныхъ поверхностей

$$(1 + q^2) r - 2 p q s + (1 + p^2) t = 0.$$

Очевидно, что всѣ плоскости пространства, касающіяся бесконечно-удаленнаго мнимаго круга, суть интегралы уравненія минимальныхъ поверхностей, точно также какъ и развертывающіяся поверхности минимальнаго комплекса. Ребра возврата развертывающихся поверхностей минимальнаго комплекса обладают тѣмъ свойствомъ, что длины ихъ элементовъ равны нулю; ихъ можно назвать интегральными кривыми минимальнаго комплекса или, слѣдую Софусу Ли, минимальными кривыми. Касательныя этихъ кривыхъ пересѣкаютъ бесконечно-удаленный мнимый кругъ пространства. Изъ этихъ-то минимальныхъ кривыхъ составляется всякая минимальная поверхность, притомъ всегда однимъ и тѣмъ же способомъ — переносомъ (translation): берутъ пару минимальныхъ кривыхъ и воображаютъ, что одна изъ нихъ переносится параллельно самой себѣ, но такъ, чтобы она постоянно пересѣкала вторую, тогда эта движущаяся минимальная кривая опишетъ минимальную поверхность; если, наоборотъ, будетъ переноситься вторая минимальная кривая параллельно самой себѣ и такъ, чтобы она постоянно пересѣкала первую, то она опишетъ ту же самую минимальную поверхность. Такимъ образомъ всякая минимальная поверхность допускаетъ два способа своего образованія — при помощи переноса двухъ минимальныхъ кривыхъ; иначе говоря, на каждой минимальной поверхности существуютъ двѣ системы тождественныхъ и параллельныхъ минимальныхъ кривыхъ. Такое опредѣленіе минимальныхъ поверхностей дѣлаетъ очевидными два весьма важныхъ предложенія Софуса Ли:

- 1) Для того, чтобы получить всѣ *алгебраическіе* минимальныя поверхности, надо брать для ихъ образованія всевозможныя пары алгебраическихъ минимальныхъ кривыхъ.
- 2) Для того, чтобы получить всѣ *действительныя* мини-

мальные поверхности, необходимо брать для ихъ образованія всевозможныя пары минимальныхъ мнимо-сопряженныхъ кривыхъ. Тогда середина прямой, которая соединяетъ точку одной кривой съ сопряженною точкою другой, будетъ описывать дѣйствительную полость минимальной поверхности.

Это же опредѣленіе минимальныхъ поверхностей привело норвежскаго математика къ весьма любопытному классу двойныхъ минимальныхъ поверхностей, образуемыхъ парю минимальныхъ кривыхъ, которыя отличаются одна отъ другой только положеніемъ въ пространствѣ и могутъ быть совмѣщены при помощи переноса. Двойная минимальная поверхность можетъ быть разсматриваема также какъ геометрическое мѣсто срединъ хордъ минимальной кривой.

Такая постановка теоріи минимальныхъ поверхностей Софуса Ли привела его ко многимъ другимъ интереснымъ свойствамъ минимальныхъ поверхностей; это же способствовало раскрытію многихъ свойствъ уравненія съ частными производными минимальныхъ поверхностей и положило, вѣроятно, начало замѣчательнымъ открытіямъ Софуса Ли въ теоріи уравненій съ частными производными.

Такимъ образомъ, повидимому чисто фантастическое понятіе о мнимомъ бесконечно-удаленномъ кругѣ пространства дало возможность найти многія конкретныя свойства минимальныхъ поверхностей и создать новые приемы интегрированія уравненій съ частными производными.

Изъ всего вышесказаннаго, мнѣ кажется, достаточно выяснилось, что самостоятельныя геометрическіе методы часто освѣжали изслѣдованія математическихъ вопросовъ новыми полезными точками зрѣнія и давали тѣмъ возможность получать новые и новые результаты.

Эти обстоятельства особенно замѣтны въ послѣднее время, когда въ математическихъ изслѣдованіяхъ наступила какая-то вялость, обусловливаемая безъ сомнѣнія тѣмъ, что научный матеріалъ, поддавшійся изученію при помощи тѣхъ методовъ, которые были созданы въ началѣ этого

вѣка уже исчерпанъ, а новыхъ капитальныхъ методовъ еще не получено. Эта вялость научныхъ изысканій, этотъ научный застой нѣсколько оживились новыми теоріями Софуса Ли, появившимися, какъ не разъ было уже сказано, на геометрической почвѣ, и многіе математики, особенно французскіе, возлагаютъ большія надежды на новыя ученія знаменитаго норвежскаго геометра.

Б. Боуффаллъ. Опытъ юридической конструкции просрочки вѣрителя (*morā accipiendi*) въ римскомъ правѣ. С. Петербургъ 1895 г. IX + 125 стр.

Вопросъ о просрочкѣ вѣрителя (*morā creditoris*) въ римскомъ правѣ не принадлежитъ къ числу вопросовъ особо сложныхъ и представляющихъ, въ зависимости отъ этого, какія либо особыя затрудненія. Въ виду этого и тѣ разногласія, какія могутъ быть отмѣчены по данному вопросу въ романистической литературѣ сводятся, въ сущности, къ немногимъ пунктамъ. Современное положеніе ученія о *morā creditoris* можетъ быть, въ короткихъ словахъ, очерчено слѣдующимъ образомъ.

Съ точки зрѣнія системы изложенія римскаго права могутъ быть, прежде всего, отмѣчены колебанія относительно того, какое именно мѣсто въ общихъ ученіяхъ обязательственнаго права должно быть отведено просрочкѣ вѣрителя. Рѣшеніе этого общаго вопроса зависитъ отъ предварительнаго рѣшенія другаго, болѣе частнаго, о томъ, должна ли просрочка вѣрителя быть излагаема, по аналогіи, въ связи съ ученіемъ о просрочкѣ должника или же каждому изъ этихъ институтовъ должно быть отведено свое особое и отдѣльное другъ отъ друга мѣсто въ системѣ общихъ вопросовъ обязательственнаго права.

Въ монографической литературѣ, какъ указываетъ и нашъ авторъ (стр. 8) ученіе о просрочкѣ вѣрителя въ прежнее время излагалось въ связи съ ученіемъ о просрочкѣ должника, причемъ теорія *morā accipiendi* подводилась, въ общемъ, подъ формулы, полученныя для *morā*

solvendi. На тотъ фактъ однако, что просрочка должника и просрочка вѣрителя должны быть разсматриваемы какъ два особыхъ, по существу между собой различныхъ института, указываетъ уже Fr. Mommsen (*Beiträge zum Obligationenrecht. Abth. III. Die Lehre von der Mora. Braunsch. 1855. § 1, стр. 34*). Изъ ряда позже появившихся въ свѣтъ монографій иныя, такимъ образомъ, дѣйствительно, посвящены специально вопросу о *mora solvendi*, другія, къ числу которыхъ относится и трудъ г. Боуффалла, — вопросу о *mora accipiendi* (напр. Kniep. *Die mora des Schuldners. Waldberg. Die mora debitoris* съ одной стороны; Kohler. *Annahme und Annahmeverzug. Jahrb. f. Dogm. т. XVII., v. Schey. Begriff und Wesen der Mora Creditoris im oesterreich. u. gem. Recht. Hirsch. Zur Revision der Lehre von dem Gläubigerverzuge* — съ другой). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что и самъ Моммсенъ, несмотря на сдѣланное имъ-же замѣчаніе, тѣмъ не менѣе разсматриваетъ оба указанные вопроса въ связи одинъ съ другимъ, какъ это дѣлалось и до него. Такое же совмѣстное изложениіе ихъ встрѣчается нерѣдко и въ послѣдующихъ, сюда относящихся трудахъ. Уже въ виду этого одного нетрудно придти къ выводу, на которомъ подробнѣе остановиться придется ниже, — именно къ тому, что несмотря на извѣстное различіе между двумя институтами, внутренняя связь между ними всетаки существуетъ; если, поэтому, пріемъ, сводящійся къ примѣненію всѣхъ правилъ, установленныхъ для *mora solvendi*, къ *mora accipiendi* является пріемомъ, вѣ всякаго сомнѣнія логически и юридически ошибочнымъ, то едва ли не такой же ошибкой легко можетъ оказаться и безусловное отрицаніе всякой взаимной связи между двумя названными институтами.

Обращаясь отъ монографической литературы къ трудамъ, содержащимъ систематическое изложениіе пандектнаго права, нетрудно констатировать фактъ, что здѣсь подавляющее большинство авторовъ даетъ именно не раздѣльное, а со-

вмѣстное изложеніе ученій о *mora debitoris* и *mora creditoris*, несмотря на то, что въ мѣстѣ, отводимомъ ими общему ученію о *mora* (просрочкѣ) можно отмѣтить значительное разнообразіе. Такъ напр. Тибо (*Thibaut. Syst. d. Pand. R. § 98—101*) относитъ это ученіе къ общей части пандектнаго права (*Nebenbestimmungen der Rechte und Verbindlichkeiten. 1. Bedingung. 2. Zeitbestimmung, hierbei von der Zeitrechnung und Mora*) Маккельдей (*Mackeldey. Lehrb. d. röm. R. т. II. § 345—347*) излагая его, вмѣстѣ съ другими авторами, въ общей части права обязательственнаго, подводитъ отвѣтственность за *mora* подъ точку зрѣнія отвѣтственности за вредъ и убытки (*Schaden und Schadensersatz; Ursachen des Schadens: 1. Casus. 2. Dolus und Culpa. 3. Mora*). Гёшенъ (*Göschel. Vorles. üb. d. gem. Civilr. II². § 416—419*) ставитъ ученіе о *mora* въ связь съ ученіемъ объ исполненіи обязательства (*Zeit der Erfüllung*). То-же дѣлаютъ Синтенисъ (*Sintenis. Das pract. gem. Civilr. II. § 93. Vom Ausbleiben fälliger Leistungen und dem Verzug*) и Баронъ (*Baron. Pandecten. Das Entstehen des Schuldners für die Nichterfüllung und nicht gehörige Erfüllung. § 240. Entstehen des Schuldners für Mora. § 241. Anhang. Die Mora des Gläubigers*). Рядъ авторовъ смотритъ на просрочку какъ должника, такъ и кредитора съ точки зрѣнія измѣненій, производимыхъ ею въ обязательствахъ. (*Unterholzner. Die Lehre d. röm. R. v. d. Schuldner. I., стр. 106—131, № 52—62. Puchta. Pandect. §§ 268—270. Arndts. Lehrb. d. Pand. § 251. Brinz. Lehrb. d. Pandect. 2 изд. II. § 271—275*). Дербургъ (*Dernburg. Pandect. II. § 40—43*) отводитъ ей мѣсто въ общемъ ученіи объ объектѣ и содержаніи обязательственнаго отношенія, рассматривая ее рядомъ съ *culpa*, *Interesse* и *roena conventionalis*. Особое мѣсто въ ряду авторовъ систематическихъ курсовъ занимаетъ Виндшейдъ: просрочку должника онъ ставитъ въ связь съ ученіемъ о содержаніи обязательственнаго отношенія, просрочку кредитора съ ученіемъ о прекращеніи этого отношенія. (*Wind-*

scheid. Lehrb. d. Pandectenr. II. §§ 276—281; §§ 345, 346). Въ болѣе подробную мотивировку такого распредѣленія матерьяла Виндшейдъ, однако, не входитъ, ограничиваясь лишь общимъ замѣчаніемъ о неправильности совмѣстнаго изложенія ученій о *mora debitoris* и *mora creditoris* (Es ist nicht gerechtfertigt, den Verzug des Gläubigers mit dem Verzug des Schuldners in derselben Darstellung zusammenzufassen. Der Verzug des Schuldners gehört in die Lehre vom Inhalt, der Verzug des Gläubigers in die Lehre von der Aufhebung des Forderungsrechts — Windscheid cit. § 276, прим. 3).

Такимъ образомъ первый, наиболѣе общій вопросъ, связанный съ ученіемъ о просрочкѣ, есть вопросъ о взаимномъ отношеніи, о наличности или отсутствіи взаимной связи между просрочкой должника и просрочкой кредитора. Переходя дальше, специально къ вопросу о просрочкѣ кредитора, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее.

Въ полной аналогіи съ ученіемъ о *mora debitoris*, въ общій планъ ученія о просрочкѣ кредитора должно было бы войти разсмотрѣніе трехъ слѣдующихъ пунктовъ. Во первыхъ — объ условіяхъ возникновенія *mora creditoris* (о существенныхъ моментахъ, предположеніяхъ — *Voraussetzungen* — этого понятія). Во вторыхъ — о послѣдствіяхъ ея для сторонъ, т. е. объ измѣненіяхъ, производимыхъ ею въ обязательственномъ отношеніи. Въ третьихъ, наконецъ, о причинахъ, вслѣдствіе которыхъ просрочка вѣрителя, уже наступившая, вновь прекращаетъ свое дѣйствіе (т. наз. *purgatio morae*).

Первостепенную важность для всего ученія о просрочкѣ вѣрителя имѣетъ, очевидно, первый изъ указанныхъ пунктовъ, которому и можетъ быть дано имя вопроса о юридической конструкціи просрочки кредитора. Около этого пункта почти исключительно и вращаются всѣ разногласія въ литературѣ даннаго вопроса. Разногласія по второму и третьему ничтожны и сами эти пункты, съ точки зрѣнія юридической конструкціи института, имѣютъ значеніе лишь

постольку, поскольку тѣ или иныя условія, при которыхъ прекращается дѣйствіе данной нормы, даютъ возможность, путемъ обратной дедукціи, выяснить цѣль и существо ея.

Мнѣніе, которое и въ настоящее время можетъ быть названо наиболѣе распространеннымъ въ литературѣ пандектнаго права, сводитъ условія, при наличности которыхъ возникаетъ *morā creditoris*, къ двумъ слѣдующимъ. Кредитору, во первыхъ, должно быть сдѣлано должникомъ предложеніе исполнить обязательство (*oblatio debiti*), причемъ такое предложеніе вѣрителю принять исполненіе по обязательству должно, въ свою очередь, удовлетворять цѣлому ряду частныхъ условій, которыя, въ совокупности, позволили бы характеризовать его предложеніемъ правильно сдѣланнымъ (*oblatio rite facta*). Исполненіе по обязательству должно быть, во вторыхъ, несмотря на правильно сдѣланное предложеніе, тѣмъ не менѣе не принято кредиторомъ. Такое непринятіе кредиторомъ исполненія по правильно сдѣланному предложенію должника есть со стороны перваго поступокъ неправомѣрный, могущій быть поставленнымъ кредитору въ вину (*culpa*); моментъ вины, однако, само собою разумѣется, отсутствуетъ и *morā creditoris*, слѣдовательно, не имѣетъ мѣста, если кредиторъ, въ свою очередь, можетъ привести въ оправданіе отказа принять исполненіе какія либо достаточныя основанія. Въ двухъ словахъ, слѣдовательно, изложенное мнѣніе для наличности *morā creditoris* ставитъ два условія: правильное предложеніе должника произвести исполненіе по обязательству и неосновательный отказъ кредитора принять предложенное ему исполненіе. Каждый изъ этихъ двухъ пунктовъ и является предметомъ разногласія для авторовъ, отступающихъ отъ господствующей теоріи просрочки вѣрителя.

Противъ необходимости правильного предложенія исполненія высказывается Колеръ (*Kohler* l. c., стр. 400 сл.) и, вслѣдъ за нимъ, Шей (*v. Scheu* l. c., стр. 108 сл.). По мнѣнію этихъ авторовъ для постановки кредиторовъ въ *morā*

требуется лишь готовность должника исполнить обязательство; доводить о своей готовности до свѣдѣнія кредитора должникъ не обязанъ, наличность же или отсутствіе такой готовности опредѣляется на основаніи положительной обстановки каждаго даннаго случая, являясь, слѣдовательно, *quaestio facti*. Излагаемый взглядъ, такимъ образомъ, освобождаетъ должника отъ необходимости активнаго дѣйствія (аналогичнаго интерпелляціи въ *mora debitoris*) и просрочка кредитора, по мнѣнію указанныхъ авторовъ (пользуясь, опять таки, терминомъ изъ ученія о просрочкѣ должника) *omnimodo ex re fit*. Послѣдователей по данному пункту взглядъ Колера и Шея не приобрѣлъ — *oblatio debiti*, по общему мнѣнію, есть, тѣмъ не менѣе, существенное условіе просрочки вѣрителя.

Значительно болѣе спорнымъ является вопросъ о необходимости виновнаго непринятія исполненія кредиторомъ, вопросъ о *culpa creditoris*, какъ существенномъ условіи просрочки. Противъ этого условія высказывается уже Schöman (*Lehre vom Schadensersatz*. 1806. II, стр. 36 сл.) и, вслѣдъ за нимъ, Mackeldey (*Lehrb. d. heut. röm. R.* § 345, extr., ср. Fritz. *Erläuter.*, стр. 357. Sintenis. *Das pract. gem. Civilr.* II. § 93, стр. 221); ту-же идею съ особымъ талантомъ и послѣдовательностью развиваетъ Колеръ въ вышеназванной статьѣ (*Jahrb. f. Dogm.* XVII, ср. „*Moderne Rechtsfragen bei islamitischen Juristen*, стр. 12), того же взгляда держится одинъ изъ новѣйшихъ авторовъ по данному вопросу Гиршъ (*Hirsch. Zur Revision der Lehre vom Gläubiger-verzuge.* Leipzig 1895. § 12, стр. 215 сл.); по существу, но съ извѣстными модификаціями, къ тому же выводу приходитъ и Mommsen (*Beitr. z. OR.* III. § 17, стр. 160 сл.). Въ противоположность этому взгляду въ ряду защитниковъ теоріи о безусловной необходимости *culpa creditoris* остаются, напр., Вольфъ (*Wolff. Zur Lehre von der Mora.* § 31, стр. 405 и § 35, стр. 433 сл.), v. Madai (*Die Lehre von der Mora.* §§ 36, 42), v. Schey (l. c. § 17, стр. 107 сл.), Arndts (*Pand.*

§ 251, Z. 2), Windscheid (Pand. § 345, Z. 3). Изъ изложеннаго ясно, что именно въ этомъ пунктѣ нельзя не быть затрудненнымъ въ характеристикѣ той или другой теоріи терминомъ „господствующая“ и если мы лично пользуемся этимъ терминомъ для обозначенія взгляда о существенности момента вины для просрочки вѣрителя, то дѣлаемъ это лишь для того, чтобы не отступать при разборѣ труда г. Боуффалла отъ терминологіи, усвоенной самимъ авторомъ.

Возможныя взаимныя комбинаціи между только что отмѣченными мнѣніями по двумъ основнымъ моментамъ просрочки вѣрителя повели къ образованію слѣдующихъ четырехъ взглядовъ на юридическую природу названнаго института.

Первый — для наличности просрочки вѣрителя необходимы и правильное предложеніе со стороны должника, и виновное непринятіе этого предложенія кредиторомъ (Arndts, Windscheid и др.).

Второй — правильное предложеніе существеннаго значенія не имѣетъ, необходима лишь простая готовность къ исполненію обязательства; виновность непринятія существенна (напр. v. Scheu).

Третій — правильность предложенія несущественна, необходима лишь готовность къ исполненію; безразличны и причины непринятія исполненія кредиторомъ, моментъ вины роли не играетъ (Kohler).

Четвертый — правильность предложенія существенна, простой готовности исполнить обязательство недостаточно; но моментъ вины кредитора не имѣетъ значенія — просрочка наступаетъ совершенно независимо отъ характера причины, по которой исполненіе не принято кредиторомъ.

Послѣдняя точка зрѣнія проводится Гиршемъ (Hirsch. Zur Revision u. s. w. §§ 11, 12, стр. 200—238) и авторомъ подлежащаго отзыву труда, г. Боуффалломъ. Совпаденіе — для послѣдняго до извѣстной степени фатальное, такъ какъ оно лишаетъ основную идею автора хотя бы и того интереса

новизны, который можетъ быть связанъ съ новой комбинаціей элементовъ уже извѣстныхъ. Трудъ Гирша появился въ свѣтъ въ концѣ Апрѣля — началѣ Мая 1895 г., предисловіе диссертациі г. Боуффаля помѣчена Іюлемъ 1895 г. Предполагая, что оба они заняты были обработкой темы одновременно, изъ сопоставленія указанныхъ датъ нельзя, однако, не сдѣлать того вывода, что въ моментъ выпуска своего труда въ свѣтъ г. Боуффалль и могъ, и долженъ былъ знать о появленіи монографіи Гирша по тому же вопросу; онъ имѣлъ, такимъ образомъ, возможность принять во вниманіе выводы и результаты, къ которымъ пришелъ Гиршъ или, по меньшей мѣрѣ, хотя бы отмѣтить появленіе новаго труда по вопросу, его спеціально занимавшему. Этимъ мы, само собою разумѣется, отнюдь не имѣемъ въ виду сдѣлать г. Боуффаллу упрекъ въ намѣренномъ умолчаніи отмѣченнаго факта; наоборотъ — все содержаніе его труда приводитъ къ тому заключенію, что будь авторъ дѣйствительно своевременно ознакомленъ съ монографіей Гирша — его работа во многомъ могла бы носить иной характеръ, чѣмъ какой она имѣетъ въ данномъ видѣ. Но такой недосмотръ вредитъ самому же автору, указывая, во всякомъ случаѣ, на тотъ фактъ, что интересъ къ занимавшему его вопросу имъ былъ потерянъ съ момента написанія послѣдней строки своего труда и что съ этого времени до появленія труда въ свѣтъ онъ пересталъ слѣдить за литературой вопроса.

Отмѣченнымъ совпаденіемъ естественно подрывается, такимъ образомъ, утвержденіе г. Боуффаля о новизнѣ его исходной точки зрѣнія по вопросу объ общей конструкціи просрочки вѣрителя (стр. 12).

Интересъ новизны, представлялъ бы, поэтому, лишь второй пунктъ, въ которомъ авторъ, по его мнѣнію, расходится съ представителями всѣхъ направленій въ ученіи о *moda accipiendi* — принимаемая авторомъ (стр. 2, стр. 108 сл.) двойственность въ конструкціи отвѣтственности кредитора

за просрочку. Такая двойственность усматривается, по мнѣнію г. Боуффалла, въ томъ, что „отказъ вѣрителя принять правильно сдѣланное предложеніе влечетъ за собою „все послѣдствія *mora accipiendi*, кромѣ отвѣтственности за „вредъ и убытки. Для того, чтобы получить вознагражденіе „за имущественный ущербъ, происшедшій благодаря не- „принятію предложенія кредиторомъ, должникъ обязанъ „не только доказать фактъ правильности предложенія, но и „наличность понесеннаго вреда (L. 24, § 4 D. loc. 19, 2). „Старая школа съ фонъ Мадай во главѣ отрицаетъ вообще „возможность убытковъ, какъ послѣдствіе просрочки кредитора; другіе писатели полагаютъ, что право должника на „вознагражденіе за *id quod interest* вытекаетъ прямо изъ „поставленія кредитора въ просрочкѣ. Какъ первое, такъ „и второе положеніе вытекаетъ изъ стремленія объединить „понятія *mora accipiendi* и *mora solvendi*, въ то время, какъ „эти два института по природѣ своей прямо противоположны „другъ другу“.

Двойственность въ конструкціи отвѣтственности кредитора за просрочку г. Боуффалль усматриваетъ, очевидно въ томъ, что должникъ не всегда и не безусловно имѣетъ право требовать возмѣщенія имущественнаго ущерба, происшедшаго для него, должника, отъ непринятія правильно сдѣланнаго предложенія, что право это возникаетъ для должника лишь въ томъ случаѣ, если отказъ кредитора дѣйствительно повлекъ за собою для него, должника, имущественные убытки. При этомъ авторъ, къ сожалѣнію, не объясняетъ подробнѣе, какимъ образомъ вообще могла бы подняться рѣчь о возмѣщеніи ущерба, разъ такого ущерба должникомъ понесено не было, и какимъ образомъ могутъ возмѣщаться убытки, вовсе мѣста не имѣвшіе. Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ простымъ недоразумѣніемъ автора (смѣшивающаго, при этомъ, право на возмѣщеніе интереса съ возможностью доказать наличность ущерба), но въ этомъ недоразумѣніи „старая школа съ фонъ Мадай во

главѣ“, само собою разумѣется, отнюдь не повинна. Дѣйствительно, въ цитированномъ г. Боуффалломъ (стр. 108, пр. 1) мѣстѣ ф. Мадай (Die Lehre von der Mora. § 62, стр. 450) отмѣчается только тотъ безспорный фактъ, что *mora creditoris* не непременно и не безусловно влечетъ за собой какіе либо убытки для должника (что не отрицаетъ возможности убытковъ въ отдѣльныхъ случаяхъ); на этомъ основаніи Мадай приходитъ къ выводу, что обязанность кредитора отвѣчать передъ должникомъ за интересъ не можетъ быть отнесена къ числу общихъ послѣдствій просрочки вѣрителя (Einen eigentlichen Schaden kann er, — der Gläubiger, — dem Schuldner durch seine Mora nicht zufügen, diesem vielmehr nur nützen, sofern er denselben dadurch von sonstigen strengeren Verbindlichkeiten befreit. Von einer gemeinschaftlichen Verpflichtung zum Schadenersatz als Folge der Mora des Gläubigers kann demnach auch hier nicht die Rede sein). Кстати замѣтить и въ замѣченномъ авторомъ стремленіи „объединить понятія *mora accipiendi* и *mora solvendi*“ Мадай упрекнуть едва ли возможно, такъ какъ именно Мадай (I. с. стр. 451) изъ всего сказаннаго дѣлаетъ слѣдующій выводъ: „Es wird sich daraus ergeben, das nur eine einseitige Abstraction die Gewohnheit herbeigeführt hat, von gemeinschaftlichen Wirkungen der Mora des Gläubigers und des Schuldners zu handeln“. Споръ по вопросу о послѣдствіяхъ просрочки вѣрителя сводится, такимъ образомъ, вовсе не къ тому, въ чемъ его, повидимому, усматриваетъ авторъ, а къ слѣдующему: могутъ ли всѣ эти послѣдствія быть сведены, какъ къ источнику, къ одному какому либо общему принципу или нѣтъ и если могутъ, то какъ этотъ принципъ долженъ быть формулированъ. Иными словами — мы опять подходимъ къ вопросу о *culpa* кредитора, какъ основномъ моментѣ *mora accipiendi*.

Опредѣливъ мѣсто, занимаемое г. Боуффалломъ въ ряду другихъ авторовъ, касавшихся спеціальнаго вопроса

о *moга accipiendi*, мы можемъ перейти къ детальному разсмотрѣнію его труда.

Диссертация г. Боуффалла распадается на четыре главы, которымъ предпослано краткое предисловіе. Въ этомъ послѣднемъ авторъ намѣчаетъ свои исходныя точки зрѣнія (съ которыми мы уже ознакомлены: просрочка вѣрителя возникаетъ на основаніи правильнаго предложенія, сдѣланнаго должникомъ своему кредитору и непринятія послѣднимъ предложеннаго ему исполненія; конструкция отвѣтственности кредитора за просрочку двойственна) и опредѣляетъ цѣль своего труда. Такой цѣлью является не написаніе монографіи о просрочкѣ вѣрителя, а изложеніе юридической конструкции этого института въ томъ освѣщеніи, въ какомъ она представляется самому автору; другими словами: авторъ имѣетъ въ виду остановиться лишь на выясненіи двухъ основныхъ моментовъ просрочки вѣрителя, не входя въ разсмотрѣніе вопросовъ о послѣдствіяхъ просрочки и о *purgatio moгаe*. вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ выражаетъ желаніе, чтобы въ основаніе оцѣнки его труда былъ положенъ критерій чисто субъективный, такъ какъ самъ авторъ, не имѣя въ виду написать монографіи о просрочкѣ вѣрителя, ставитъ себѣ болѣе скромную цѣль „произвести на „читателя то впечатлѣніе, которое онъ вынесъ изъ чтенія источниковъ и литературы предмета“. Исполненіе такого желанія само собою разумѣется, невозможно: сами по себѣ субъективныя впечатлѣнія автора для читателя особаго интереса представлять не могутъ, тѣмъ болѣе, что для правильной оцѣнки ихъ необходимо предварительно рѣшить рядъ вопросовъ, имѣющихъ мало общаго съ *мога accipiendi* (о томъ, нпр. въ какомъ отношеніи стоятъ сонеты Mallarmé къ стихотвореніямъ Sully-Prudhomme'a, драмы Maeterlinck'a къ трагедіямъ Шекспира, рассказы d'Annunzio къ романамъ натуралистовъ и т. п. — стр. 3, 4). Научный интересъ могутъ имѣть не субъективныя впечатлѣнія автора, а тѣ научные выводы, къ кото-

рымъ онъ приходитъ, путь, какимъ они добыты и доказательства, какія представлены для ихъ обоснованія.

Четыремъ главамъ своей диссертации г. Боуффалль особыхъ заголовковъ не даетъ; взамѣнъ этого онъ въ оглавленіи (стр. I—IX) подробно конспектируетъ содержаніе каждой изъ нихъ, повторяя, затѣмъ, эти конспекты и въ текстѣ, передъ каждой изъ соотвѣтственныхъ главъ (стр. 7, 8; 22—24; 56—58; 91—93). Будь конспекты составлены умѣло, отдѣляя существенные вопросы, о которыхъ идетъ рѣчь у автора и отдѣляя эти послѣдніе какъ отъ вопросовъ второстепенныхъ, такъ и отъ дѣлаемыхъ авторомъ отступленій — они дѣйствительно могли бы значительно облегчить ознакомленіе съ трудомъ г. Боуффалла и сдѣлать снабженіе заголовкомъ каждой главы излишнимъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ они даны — конспекты не только не облегчаютъ задачи, но, напротивъ того, въ значительной степени затрудняютъ его, погребая основныя темы подъ такой массой отступленій и мелочей, что опредѣленіе этихъ основныхъ темъ превращается для читателя въ особую, далеко не легкую, задачу. Быть можетъ не неумѣстно будетъ указать уже здѣсь на одинъ изъ капитальныхъ недостатковъ труда г. Боуффалла. Къ такимъ отступленіямъ, иногда не имѣющимъ ничего, иногда мало общаго съ основными вопросами, о которыхъ идетъ рѣчь, авторъ имѣетъ особое пристрастіе. Такое пристрастіе хотя и само по себѣ не можетъ въ значительной степени не вредить ясности изложенія, не могло бы еще быть поставлено въ особый упрекъ, еслибы оно свидѣтельствовало о широкомъ знакомствѣ автора съ предметомъ, специалистомъ котораго онъ является. Но въ данномъ случаѣ, оно, на нашъ взглядъ, производитъ противоположное впечатлѣніе, показывая лишь недостаточное знакомство автора съ элементарными понятіями римскаго права въ частности и гражданскаго вообще. Было бы для болѣе или менѣе краткаго отзыва совершенно невозможной и во всякомъ случаѣ крайне

неблагодарной задачей отмѣтить всѣ промахи г. Боуффалла въ этомъ направленіи — отъ такихъ промаховъ, можно смѣло утверждать, не свободна ни одна страница его труда и опроверженіе ихъ заняло бы больше мѣста, чѣмъ весь этотъ трудъ. Общая же черта ихъ можетъ быть сведена къ тому, что авторъ съ достойнымъ удивленія спокойствіемъ и такою же смѣлостью формулируетъ на каждомъ шагу положенія, которыя, будь они доказаны, произвели бы полный переворотъ въ наукѣ римскаго права, но которыя, пока они не доказаны, даютъ право сдѣлать обратный выводъ — что авторомъ такой переворотъ произведенъ не будетъ.

Въ видѣ примѣровъ можно указать на разсужденія г. Боуффалла объ основной идеѣ всего римскаго обязательственнаго права, которую онъ усматриваетъ въ томъ, что это право создано *in odium* кредитора и принципиально, безъ всякаго повода ставить должника въ привилегированное положеніе (стр. 11 сл.); на мнѣніе автора о послѣдствіяхъ придавіи со стороны государства законной санкціи нравственнымъ обязанностямъ (стр. 16); о натуральныхъ обязательствахъ (стр. 17 сл.); о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ (стр. 20); о происхожденіи и характерѣ стипуляціи (стр. 24 сл.); объ обязательственныхъ отношеніяхъ, возникающихъ и прекращающихся на основаніи односторонняго дѣйствія одного изъ контрагентовъ (стр. 32 сл.); о переходѣ *periculum rei* на покупателя (стр. 93 сл.) и безчисленное количество другихъ, съ окончательнымъ, въ заключеніе, выводомъ автора, что отвѣтственность кредитора за вредъ и убытки, причиненные должнику отказомъ принять исполненіе, слѣдуетъ опредѣлять на основаніи правилъ объ *obligationes quasi ex delicto* (стр. 124, 125 — мотивировка автора такова, что признавъ ее правильной, мы пришли бы къ выводу, что нѣтъ вообще ни одного иска, который не былъ бы основанъ на *obligatio quasi ex delicti*); мимоходомъ, наконецъ, авторъ, безъ малѣйшихъ колебаній, создаетъ такое

невѣроятное процессуальное чудовище, какъ *actio mandati contraria utilis in factum concepta* (стр. 47). Приведенные примѣры, число которыхъ при желаніи могло бы быть увеличено едва ли не до безконечности, такъ какъ ими съ излишкомъ снабжаетъ каждая страница труда г. Боуффалла, во всякомъ случаѣ, достаточны для того, чтобы выяснить, почему ознакомленіе съ этимъ трудомъ и оцѣнка его является задачей крайне неблагодарной. Съ одной стороны — для полноты представленія объ истинномъ достоинствѣ труда не слѣдовало бы, конечно, оставлять безъ возраженія ни одного изъ очевидныхъ промаховъ автора, съ другой же стороны такая задача потребовала бы массу труда, истраченного вполнѣ бесплодно и безцѣльно. Отказываясь, поэтому, отъ достиженія такой цѣли, мы, въ дальнѣйшемъ, обратимъ вниманіе лишь на отношеніе автора къ основнымъ вопросамъ, рѣшить которые онъ пытается и на общій путь, которыхъ онъ къ этому идетъ.

Насколько мы, при описанныхъ условіяхъ, были въ состояніи прослѣдить эти основныя мысли автора, изложенныя въ каждой изъ четырехъ главъ, мы опредѣлили бы содержаніе этихъ главъ слѣдующимъ образомъ:

Въ первой главѣ (стр. 8—21) авторъ разсматриваетъ взаимное отношеніе *moda solvendi* и *moda accipiendi*, причемъ руководящимъ принципомъ ставитъ то положеніе, что вопросъ о просрочкѣ вѣрителя слѣдуетъ разсматривать внѣ всякой зависимости отъ вопроса о просрочкѣ должника.

Вторая глава (стр. 24—55) посвящена вопросу о томъ, можетъ ли отвѣтственность кредитора за просрочку быть конструирована на основаніи принципа интереса должника въ принятіи исполненія по обязательству кредиторомъ. На этотъ вопросъ авторъ даетъ отвѣтъ отрицательный, опровергая лежащій, по его утвержденію, въ основаніи такой теоріи взглядъ, что участіе кредитора необходимо

для прекращенія обязательства. Къ этой главѣ должна была бы, въ сущности, быть отнесена и та часть первой главы (начиная со стр. 14 до конца), гдѣ идетъ рѣчь о правѣ должника на принятіе исполненія кредиторомъ.

Въ третьей главѣ авторъ разсматриваетъ основные моменты просрочки кредитора: правильность предложенія и вопросъ о винѣ кредитора. Результаты, къ которымъ приходитъ авторъ, намъ уже извѣстны.

Содержаніе четвертой главы, наконецъ, составляетъ разсмотрѣніе послѣдствій просрочки кредитора вообще и отвѣтственности его передъ должникомъ за вредъ и убытки (интересъ) въ частности. По послѣднему вопросу авторъ приходитъ къ выводу, что отвѣтственность эта должна быть опредѣляема на основаніи правилъ объ *obligationes quasi ex delicto*.

Остановливаясь на первой и второй главѣ диссертациі г. Боуффалла, которыя, какъ только что замѣчено, стоятъ въ тѣсной взаимной связи, мы увидимъ, что въ доказательство своего основнаго принципа (*mora accipiendi* должна быть излагаема внѣ всякой связи съ *mora solvendi*) авторъ приводитъ слѣдующія соображенія:

Первое. *Mora solvendi* входитъ въ составъ ученія о содержаніи обязательства, *mora accipiendi* — въ составъ ученія о прекращеніи обязательства (стр. 8—10). Въ этомъ, какъ мы уже видѣли, авторъ повторяетъ слова Виндшейда (*Pand. II, § 276, пр. 3*), но Виндшейдъ не мотивируетъ высказаннаго имъ положенія ничѣмъ, авторъ мотивируетъ его тѣмъ, что „теорія просрочки вѣрителя занимается изслѣдованіемъ юридическихъ средствъ, предоставленныхъ должнику для исполненія обязательства независимо отъ воли или даже противъ воли кредитора“. Здѣсь, въ свою очередь, авторъ совпадаетъ отчасти съ Колеромъ (*Jahrb. f. Dogm. XVII, § 3, стр. 281 сл.*), отчасти съ Гиршемъ (*l. c., § 8, стр. 168 сл.*), но, взаимнѣ этого, становится въ противорѣчіе съ самимъ собою. Дѣйствительно: необходимость предоставлять долж-

нику средства для исполненія обязательства независимо отъ воли или даже противъ воли кредитора (суррогаты исполненія вмѣсто акта исполненія, какъ ихъ называютъ Колеръ и Гиршъ) вызывается, по утверженію Колера и Гирша, слѣдующимъ соображеніемъ. Большею частью для исполненія обязательства необходимо участіе кредитора (Kohler I. c., § 1, стр. 251 сл.); поэтому, если и нельзя говорить о правѣ должника на такое участіе кредитора (Kohler I. c., § 2, стр. 265 сл., Hirsch I. c., § 9, стр. 179 сл.), то интересъ въ этомъ должникъ несомнѣнно имѣетъ (Kohler I. c., § 3, стр. 281 сл.); интересъ этотъ не защищенъ особымъ искомъ, но, взамѣнъ этого, должнику, при отказѣ кредитора отъ такого участія, предоставлены другія юридическія средства для освобожденія отъ обязательства (*depositio, derelictio* и т. д.); наличность этихъ средствъ даетъ возможность говорить объ особомъ субъективномъ правѣ должника на участіе кредитора въ исполненіи обязательства, т. к. защита интереса искомъ не есть, вопреки теоріи Іеринга, единственный отличительный признакъ субъективнаго права (Hirsch I. c., § 9, стр. 181 сл.). Въ двухъ словахъ слѣдовательно: конструкція *morae accipiendi* какъ ученія о совокупности юридическихъ средствъ, предоставленныхъ должнику для исполненія обязательства безъ участія кредитора логически возможна лишь при принятіи двухъ премиссъ, — что участіе кредитора для прекращенія обязательства необходимо, что должникъ имѣетъ если не право, защищенное искомъ, то, по крайней мѣрѣ, юридическій интересъ въ этомъ участіи кредитора. Авторъ категорически высказывается противъ правильности каждой изъ этихъ премиссъ (противъ первой — въ главѣ второй, противъ второй — въ главѣ первой, стр. 16 сл.), но соглашается съ результатомъ, который обусловливается признаніемъ ихъ правильности.

Но и независимо отъ этого, противъ отнесенія *morae solvendi* и *morae accipiendi* къ двумъ разнымъ областямъ

общихъ ученій обязательственнаго права можно было бы, несмотря на авторитетъ Виндшейда, представить немало возраженій. Прежде всего просрочка какъ должника, такъ и кредитора одинаково является причиной задержки въ исполненіи обязательства; затѣмъ — просрочка должника производить въ обязательствахъ измѣненія (въ пользу кредитора), просрочка кредитора — также (въ пользу должника); при этомъ — въ характерѣ модификаціи какъ въ ту, такъ и въ другую сторону не можетъ не быть отмѣчена извѣстная симметрія (нпр. измѣненіе отвѣтственности должника за *casus* и *culpa*, отвѣтственность за интересъ и т. п.). Если частой ошибкой было распространеніе всѣхъ правилъ о *mora solvendi*, по аналогіи, на *mora accipiendi*, то реакція противъ этой ошибки, въ видѣ отрицанія всякой связи между этими институтами и объявленія ихъ „по природѣ своей прямо другъ другу противоположными“ (стр. 3) идетъ, быть можетъ, всетаки слишкомъ далеко.

Второе. Послѣдствія просрочки вѣрителя не могутъ быть, какъ это возможно относительно просрочки должника, сведены, какъ къ источнику, къ одному общему принципу. — Въ этомъ съ г. Боуффалломъ согласятся многіе (ср. нпр. *Madai l. c.*, § 62. *Mommsen l. c.*, § 1), но не всѣ. И прежде всего разойдется съ нимъ самъ авторъ разбираемаго труда, усматривающій этотъ общій принципъ въ „обязанности всякаго нести отвѣтственность за дѣйствія или упущенія, благодаря которымъ нарушаются интересы другихъ лицъ“ (стр. 5).

Третье. Исходную точку заблужденія всѣхъ существующихъ въ литературѣ римскаго права теорій *mora accipiendi* авторъ усматриваетъ въ отступленіи этихъ теорій отъ началъ полного равенства въ положеніи должника и кредитора (стр. 14); конструкцію просрочки вѣрителя на основаніи такого равенства авторъ и ставитъ своей основной задачей. Оставляя въ сторонѣ бездоказательность упрека, дѣлаемаго авторомъ „всѣмъ существующимъ въ литературѣ римскаго права

теоріямъ“ нельзя не отмѣтить обстоятельства, упущеннаго изъ вида самимъ авторомъ — что самой постановкой своей задачи онъ запутывается въ цѣломъ рядѣ безысходныхъ противорѣчій.

Въ самомъ дѣлѣ, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что всѣ существующія теоріи введены въ заблужденіе самимъ же римскимъ правомъ, которое „уже со временъ изданія XII таблицъ въ большемъ количествѣ случаевъ ставитъ должника безъ всякаго повода въ привилегированное положеніе“, такъ какъ „общая система римскихъ обязательствъ клонилась всегда въ пользу должника и *in odium creditoris*“, хотя въ пользу принципа равенства высказывались уже отдѣльные представители классической римской юриспруденціи (стр. 10 сл.). Современное гражданское право должно, въ области обязательствъ, уравнивать положеніе должника и кредитора, провести этотъ принципъ въ ученіи о просрочкѣ кредитора и берется авторъ. Итакъ: всѣ существующія романистическія теоріи неудовлетворительны потому, что въ основаніи ихъ лежатъ взгляды римскаго права, теорія же автора имѣетъ быть построена на началахъ, удовлетворяющихъ современнымъ взглядамъ. Если это такъ, то неточнымъ является самое заглавіе труда г. Боуффалла „Опытъ юридической конструкціи просрочки вѣрителя въ римскомъ правѣ“, такъ какъ конструкція именно римскаго права построена, какъ утверждаетъ самъ авторъ, на противоположномъ принципѣ.

Этого мало. Въ такомъ случаѣ автору слѣдовало бы отказаться отъ своего основнаго положенія и вернуться къ конструированію просрочки должника и просрочки кредитора какъ одного общаго института, проводя между ними полную аналогію, безъ которой равенство въ положеніи должника и кредитора достигнута, очевидно, быть не могутъ.

Указанныя противорѣчія созданы, однако, самимъ же авторомъ, притомъ безъ всякой необходимости. Постановка должника безъ всякаго повода въ привилегированное поло-

женіе и ненависть къ кредиторамъ — эти двѣ черты приписаны римскому праву самимъ г. Боуффалломъ: если это право въ чемъ и повинно, то, какъ хорошо извѣстно всякому цивилисту, отнюдь не въ излишнемъ мягкосердечіи къ „пролетаріямъ должникамъ“. Надо при этомъ замѣтить, что въ доказательство своего мнѣнія, во всякомъ случаѣ не лишеннаго интереса новизны, авторъ приводитъ далеко не всѣ тѣ доводы, которыми онъ, при желаніи, могъ бы воспользоваться (*in dubio mitius, in dubio pro geo*), но которые, будь они даже и приведены, не могли бы, конечно, доказать принципа, въ самой своей основѣ невѣрнаго.

Четвертое. Въ основаніи господствующей теоріи, отождествляющей просрочку вѣрителя съ просрочкой должника, лежитъ, по утвержденію автора, то предположеніе, что какъ для возникновенія, такъ и для прекращенія обязательства необходимо участіе обѣихъ сторонъ (стр. 15). Доказательству невѣрности этого предположенія специально посвящена вторая глава диссертации г. Боуффалла.

Дѣйствительно — конструкція исполненія по обязательству, какъ двусторонняго юридическаго акта, заключаемаго между должникомъ и кредиторомъ, дается цѣлымъ рядомъ юристовъ (*Gruchat. Zahlung der Geldschuld*, стр. 12. *Bekker. Bekker's und Muther's Jahrb.* V, стр. 377. *Heinrici. Jahrb. f. Dogm.* XIV, стр. 420. *Römer. Beiträge z. Lehre v. d. Erfüllung d. Obl.*, стр. 1, 20), она не осталась безъ вліянія и на судебную практику. Съ другой стороны, однако, издавна многими отмѣчено, что въ рядѣ случаевъ исполненіе обязательства возможно одностороннимъ дѣйствіемъ должника безъ всякаго участія кредитора (*Ihering. Jahrb. f. Dogm.* II, стр. 137 сл., IV стр. 418 сл. *Bekker l. c.* *Mommsen. Beitr.* III, стр. 137. *Knier. Mora*, стр. 81 сл., *Köhler. Jahrb. f. Dogm.* XVII l. c., § 1, стр. 261 сл.). Неоспоримости того факта, что въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно, тѣмъ не менѣе, исполненіе обязательства невозможно безъ участія кредитора, отрицать,

однако, никто не можетъ; не отрицаютъ этого и авторы второй группы (обо всемъ этомъ вопросъ ср. Kohler l. c.). Что касается, въ частности, до утвержденія, что участіе обоихъ контрагентовъ необходимо для возникновенія обязательства, то такого утвержденія мы не встрѣчали нигдѣ.

Основная мысль второй главы автора: „римское право знаетъ цѣлый рядъ обязательственныхъ отношеній, возникающихъ или прекращающихся на основаніи односторонняго дѣйствія одного изъ контрагентовъ“ (стр. 24 сл.) оспариванію, сама по себѣ, не подлежитъ. Нетрудно, однако, убѣдиться, что такой формулировкой авторъ извращаетъ перспективу вопроса, вслѣдствіе чего вся вторая глава, желая доказать слишкомъ много, не доказываетъ ничего. Спорнымъ является вовсе не вопросъ о томъ, возможно ли прекращеніе обязательства безъ участія кредитора, а вопросъ о томъ, возможно ли исполненіе обязательства безъ такого участія. Что исполненіе (*solutio*) и прекращеніе обязательства (*liberatio*) далеко не одно и то же, ясно само собой. Исполненіе есть лишь одинъ изъ способовъ прекращенія; въ числѣ этихъ способовъ прекращенія имѣется цѣлый рядъ такихъ, которые погашаютъ обязательство не только безъ участія кредитора, но даже и безъ участія должника; въ этомъ автору нетрудно было убѣдиться, просмотрѣвъ оглавленіе любого курса римскаго права. — Цѣлый рядъ излишне привлеченныхъ къ дѣлу въ этой главѣ случаевъ достигаетъ только того результата, что вводитъ автора въ цѣлый рядъ заблужденій, на которыхъ отчасти уже было указано выше и на которыхъ останавливаться подробнѣе мы считаемъ излишнимъ.

Третья глава, конструирующая *mora accipiendi* на основаніи двухъ моментовъ (*oblatio rite facta*, непринятіе исполненія кредиторомъ, независимо отъ вопроса о *culpa*), по существу, какъ мы уже видѣли, совпадаетъ съ Гиршемъ (l. c., §§ 11, 12). Противъ возможности такой конструкціи возразить нечего; возможность разногласія по вопросу о

culpa creditoris въ ученіи о *moda accipiendi* вся основана на томъ фактѣ, что римскіе источники по этому пункту крайне немногочисленны и допускаютъ самое разнообразное толкованіе. Многое можно, однако, и здѣсь возразить противъ общаго хода разсужденій автора и противъ отдѣльныхъ частныхъ. Въ разсмотрѣніе условій, при которыхъ предложеніе должно быть названо сдѣланнымъ правильно, авторъ, къ сожалѣнію, не входитъ вовсе, ограничиваясь (стр. 36 сл.) лишь краткимъ ихъ очеркомъ. Уже и такой краткій очеркъ, однако, ставитъ его опять въ противорѣчіе съ самимъ собой — съ тѣмъ общимъ, но абсолютно ложнымъ, утвержденіемъ (стр. 75), что „въ классическомъ римскомъ правѣ должникъ обязанъ былъ сдѣлать вещное предложеніе, со временъ императора Діоклетіана достаточно было сдѣлать обыкновенное словесное предложеніе“. Трудно согласиться съ толкованіемъ L. 1, § 37 D. *depos. v. contra*, 16, 3, и разсужденіями о правѣ депозиціи въ случаѣ субъективной и объективной неизвѣстности личности вѣрителя (стр. 59 сл.); съ выводами изъ L. 24 пр. D. *de usur.* 22, 1 и др. (стр. 66, 67); съ разсужденіями и выводами о правильности предложенія, сдѣланнаго представителю кредитора (стр. 69 сл.), гдѣ авторъ, притомъ же, смѣшиваетъ представителя вообще съ *solutionis causa adjectus* (ср. стр. 2).

Въ четвертой главѣ, наконецъ, авторъ разсматриваетъ послѣдствія просрочки вѣрителя. Изложеніе этихъ послѣдствій носить, если можно такъ выразиться, спорадическій характеръ, отличаясь отсутствіемъ связности и немотивированными скачками отъ одной мысли къ другой (недостатокъ, общій, и для всего труда г. Боуффалла). Оставляя частности въ сторонѣ, мы остановимся вкратцѣ лишь на совершенно невозможномъ выводѣ автора, что „отвѣтственность кредитора за вредъ и убытки, причиненные должнику отказомъ принять исполненіе, слѣдуетъ опредѣлять на основаніи правилъ объ *obligationes quasi ex delicto*“. Авторъ, повидимому, введенъ здѣсь въ искушеніе слѣдующимъ

соображеніемъ. *Obligaciones quasi ex delicto* могутъ быть конструированы какъ обязательства, обязанныя своимъ происхожденіемъ такому факту, въ которомъ отсутствуетъ или субъективный моментъ деликта (*culpa*), или объективный (*damnum*), но, тѣмъ не менѣе, подчиняющіяся правиламъ деликтныхъ обязательствъ (уплата штрафа — возмѣщеніе интереса). Въ *moda accipiendi* отсутствуетъ субъективный моментъ *culpa*, обязанность кредитора *damnum praestare* тѣмъ не менѣе на лицо имѣется; слѣдовательно обязанность эта возникаетъ *quasi ex delicto*. Это и утверждаетъ авторъ (стр. 124, 125). „Римское право, говоритъ онъ, знаетъ случаи отвѣтственности за причиненный имущественный ущербъ независимо отъ вопроса о виновности. Истецъ, требующій вознагражденія за вредъ и убытки изъ обязательства *quasi ex delicto*, долженъ доказать: 1) фактъ, съ которымъ законъ связываетъ извѣстныя юридическія послѣдствія, 2) наличность понесенныхъ убытковъ. Должникъ, требующій вознагражденія за имущественный ущербъ, нанесенный ему отказомъ кредитора принять исполненіе, обязанъ доказать: 1) фактъ поставленія вѣрителя въ просрочкѣ посредствомъ правильнаго предложенія, 2) наличность вреда, какъ послѣдствіе *moda accipiendi*“.

Излишне указывать на капитальную логическую ошибку, заключающуюся въ такомъ разсужденіи. Вездѣ и всегда, безъ исключенія, въ любомъ искѣ, направленномъ на возмѣщеніе интереса, каково бы ни было основаніе этого иска, истецъ обязанъ доказать: 1) фактъ, съ которымъ законъ связываетъ извѣстныя юридическія послѣдствія (основаніе иска) 2) наличность понесенныхъ убытковъ (объектъ иска). Такимъ образомъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какія приводитъ авторъ, любой искъ о возмѣщеніи ущерба, т. е. подавляющее большинство всѣхъ гражданскихъ исковъ, долженъ былъ бы быть обсуждаемъ на основаніи принциповъ квази-деликтныхъ обязательствъ.

Этимъ мы и закончимъ отчетъ о диссертациі г. Боуф-

фалла, повторяя еще разъ, что мы не имѣемъ фактической возможности отмѣтить всѣ ошибки и неточности, которыми изобилуетъ каждая почти безъ исключенія страница труда названнаго автора. Само собою разумѣется, что при наличности всѣхъ указанныхъ условій едва ли возможно признать за трудомъ этимъ какое бы то ни было научное значеніе. Единственное, что могло было бы быть поставлено въ заслугу г. Боуфаллу — широкое пользованіе французской литературой вопроса, но и это пользованіе можетъ быть констатировано лишь изъ приведенія авторомъ именъ французскихъ юристовъ, — на содержаніи работы оно ничѣмъ не отражается.

Е. Пассекъ.

so wie die Nahrungstheile den Magen, wenn sie hineinkommen, zur stärkeren Absonderung des Magensaftes und zu den Bewegungen reizen, wodurch ihre Auflösung befördert wird . . . Wollte man sagen, dass die organischen Bewegungen, wodurch die Functionen des Gehirns verrichtet werden, uns nicht bekannt sind, so gilt ja dieses von derjenigen Thätigkeit gleichfalls, wodurch die Nerven des Magens die verschiedenen Operationen, woraus die Verdauung besteht, ausmachen; auch die Art und Weise, wie dadurch der Magen mit der so starken auflösenden Kraft versehen wird, ist unserm Blicke gänzlich entzogen. Но относительно возрѣній Cabanis'a ср. Fr. A. Lange, Gesch. des Materialismus, 5. изд. (1876), II. Bd., стр. 69, 133, 134. — L. Büchner, Kraft und Stoff, 9. изд., стр. 142 bis 146. Urin und Galle sind greif-, wäg- und sichtbare Stoffe, obendrein Auswurfstoffe, welche der Körper verbraucht hat und aus sich abscheidet, — der Gedanke, der Geist, die Seele dagegen ist nichts Materielles, nicht selbst Stoff, sondern der zu einer Einheit verwachsene Complex verschiedenartiger Kräfte, der Effect eines Zusammenwirkens vieler mit Kräften oder Eigenschaften begabter Stoffe . . . Wenigstens wüssten wir nicht, wie man Geist, Kraft als etwas anderes, denn als Immaterielles, an sich die Materie Ausschliessendes oder ihr Entgegengesetztes definiren wollte (Относительно этого вида матеріализма ср. примѣчанія къ стр. 94, 1). — Ср. еще Emil Du Bois-Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens etc. (1884), стр. 44, 45, 59. — Jac. Moleschott, Der Kreislauf des Lebens, 3. изд. (1857), стр. 404, 405. Wie ich sagte: ohne Phosphor kein Gedanke, so hätte ich auch sagen können: ohne Eiweiss, ohne Gallenfett, ohne Kali, ja ohne Wasser kein Gedanke, und am erschöpfendsten hätte ich gesagt: ohne Hirn kein Gedanke. Ich wählte den Phosphor oder das phosphorhaltige Fett als den eigenthümlichsten Bestandtheil des Hirns, und nannte einen eigenthümlichen Bestandtheil des Hirns, um so bestimmt als möglich auszudrücken, dass das Gehirn nicht etwa das Mittel ist, dessen sich ein seelisches Wesen zum Denken bedient, sondern im strengsten Wortsinn das Werkzeug des Denkens, die Gedankenthätigkeit eine Kraftäusserung, welche unzertrennlich an einen stofflichen Träger gebunden ist. — Стр. 438, 439. Der Gedanke ist eine Bewegung des Stoffs . . . Der Vergleich (Vogt's) ist unangreifbar, wenn man versteht, wohin Vogt den Vergleichungspunkt verlegt. Das Hirn ist zur Erzeugung der Gedanken ebenso unerlässlich, wie die Leber zur Bereitung der Galle und die Niere zur Abscheidung des

Harns. Der Gedanke ist aber so wenig eine Flüssigkeit, wie der Schall. Der Gedanke ist eine Bewegung, eine Umsetzung des Hirnstoffs . . . Es ist so unmöglich, dass ein unversehrtes Hirn nicht denkt, wie es unmöglich ist, dass der Gedanke einem andern Stoff als dem Gehirn als seinem Träger angehört. — Ctp. 442. Stoffliche Bewegungen, die in den Nerven mit elektrischen Strömen verbunden sind, werden in dem Gehirn, als Empfindungen wahrgenommen. Und diese Empfindung ist Selbstgefühl, Bewusstsein. — Ctp. 445. Es ergibt sich auch das Bewusstsein als eine Eigenschaft des Stoffes. — L. Büchner, Kraft und Stoff, 9. изд., стр. 114—162. — Относительно стр. 91, 1, 2 ср. Carl Vogt, Physiol. Briefe (1847), стр. 159. Das Verhältniss der Hirntheile zu den Geistesfunctionen kann nie und nimmermehr auf anderm Wege ermittelt werden, als auf dem Wege der Beobachtung kranker Zustände und Verletzungen des Gehirns; die Thätigkeit des organischen Nervensystems konnte ebenfalls bis jetzt grössten Theiles nur auf demselben Wege, welcher der Medicin anvertraut ist, gefunden werden; von beiden wissen wir thatsächlich so viel als — Nichts. — Ctp. 205, 206. Wodurch es geschehen kann, dass ich meinen Willen gerade auf die Vollziehung dieser oder jener Bewegung lenke; ob dies Folge einer besondern Localisation des Willens, ob nur das Resultat einer bestimmten, der bewegenden Thätigkeit zu verleihenden Richtung ist, dies zu entscheiden liegt ausser dem Bereiche unserer heutigen Kenntnisse . . . Noch viel weniger können wir von der Beziehung der Geistesthätigkeiten zu dem Gehirne sagen. — L. Büchner, Kraft und Stoff, 9. изд., стр. 132, 133. Leider sind in dieser Richtung unsere genaueren Kenntnisse noch äusserst mangelhaft und dürftig. Doch wissen wir vor allen Dingen soviel, dass das Gehirn keine gleichförmige Masse bildet, sondern seinem grössten Theile nach aus höchst feinen, höchst zarten und eigenthümlich construirten Fädchen oder Cylinderchen, s. g. Primitivfasern oder Primitivröhren von der Breite des tausendsten Theils einer Linie besteht, und dass diese Fädchen unter einander höchst eigenthümliche Verschlingungen und Durchkreuzungen eingehen. Diese s. g. Faserzüge des Gehirns hat man wegen der grossen Schwierigkeiten, welche die Gehirnmasse für makroskopische und mikroskopische Untersuchungen darbietet, bis jetzt nur zum allerkleinsten Theile verfolgen können, und die feinere Anatomie des Gehirns ist deswegen leider noch eine terra incognita. Weiter zeigt uns die gröbere Anatomie desselben in den tieferen Theilen des Gehirns eine Menge wunderbar ver-

schlungener äusserer Formen, deren physiologische Deutung ebenfalls bis jetzt noch vollkommen räthselhaft ist. „Wir finden im Gehirn Berge und Thäler, Brücken und Wasserleitungen, Balken und Gewölbe, Zwingen und Hacken, Klauen und Ammonshörner, Bäume und Garben, Harfen und Klangstäbe u. s. w. Niemand hat den Sinn dieser sonderbaren Gestalten erkannt.“ (Huschke in seinem berühmten Werke: „Schädel, Hirn und Seele des Menschen.“) — Относительно материалистической теории о возникновении сознания, которую намъ представляетъ Czolbe въ своемъ сочинении „Neue Darstellung des Sensualismus (1855)“, Лотце замѣчаетъ еще въ 1855 г., т. е. до изданія I. тома „Микрокосма“ (Kl. Schr. III, 1, стр. 242): „§ 3 schildert uns das Bewusstsein als eine durch den Bau des Gehirns bewirkte Qualität. Nicht nur die Ueberschrift, sondern auch der Inhalt des Paragraphen verschweigt jedoch das Subject, dessen Qualität das Bewusstsein sei. „Alle geistigen Thätigkeiten haben eine gemeinsame Qualität, welche man Bewusstsein nennt.“ „Jede der genannten Erfahrungen ist eine Einheit, in der der Ausgangspunkt einer gewissen Thätigkeit, den man das Ich oder Subject nennt, und der End- oder Zielpunkt, den man das Object nennt, zusammentreffen.“ „Man hat dies die Identität des denkenden Subjects mit dem gedachten Objecte genannt. Eine solche Einheit aller Erfahrungen ist anschaulich nur zu begreifen, wenn die sie bildenden Thätigkeiten eine in sich selbst zurücklaufende Richtung haben, so dass sie gegen sich selbst gerichtet sind, oder sich selbst zum Angriffspunkt dienen.“ „Hierin scheint mithin ihre gemeinsame Qualität, das Bewusstsein, zu bestehen.“ „Das Gehirn ist ein complicirter Apparat, der jedenfalls geeignet ist, gewissen in ihn sich fortpflanzenden Bewegungen eine in sich selbst zurücklaufende Richtung zu geben, mag dies nun durch einen kreisförmigen Faserverlauf, durch Reflexion, Rotation oder auf irgend eine andere physikalische Art geschehen.“ „Das Bewusstsein ist also durch die Construction des Gehirns bedingt.“ Trotz dieser räumlichen Symbolisirung ist doch dies Alles sehr unanschaulich; denn wir wiederholen die Frage, wo und wem das Bewusstsein entsteht? Den Bewegungen, den kreisförmigen Fasern, den durchlaufenen Molecülen oder wem sonst? Ferner zugegeben, dass allem Bewusstsein der Charakter einer solchen Zurückbeziehung auf sich inwohnt, so besteht doch seine ganze wesentliche Natur nicht in diesem formalen Prädicate allein. Hätten wir daher irgendwo eine in sich zurückkehrende Bewegung angetroffen, so kann diese doch nicht an sich allein schon das Bewusstsein ausmachen, sondern nur,

wo sie einem Subject zustösst, dessen Fähigkeit, Bewusstsein zu erzeugen, anderweitig gegeben ist. — Хотя Emil Du Bois-Reymond также, как Лотце, признает абсолютно необъяснимымъ возникновение сознанія изъ матеріальныхъ процессовъ, происходящихъ въ мозгу, онъ всетаки остается на почвѣ матеріализма, поскольку онъ предполагаетъ, будто бы фактически сознаніе обусловлено исключительно только опредѣленными физическими взаимоотношеніями атомовъ мозга безъ содѣйствія какого либо иного принципа. Ср. E. Du Bois-Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens etc. (1884), стр. 28, 35, 39, 43, 44. — Относительно всѣхъ подобныхъ теорій Alois Riehl мѣтко замѣчаетъ, вполне въ смыслѣ Лотце (Der philosophische Criticismus, II. Bd., 2. Th., 212): „In der mathematisch-naturwissenschaftlichen Epoche der Neuern hat die Mechanik die Rolle des Schicksals bei den Alten übernommen; eine Erscheinung der Dinge wird zur Macht über die Dinge selbst eingesetzt. Allein wie jede andere, so wird auch diese naturwissenschaftliche Mythologie schliesslich der Kritik der Begriffe weichen. Es wird nicht länger eine Frage sein können: wie aus Begriffen, die wir aus den Erscheinungen, also in letzter Instanz aus Empfindungen, ableiten, die Empfindungen hervorgehen sollen?“ — Ср. характеристику и критику матеріализма у Friedrich Paulsen'a: Einleitung in die Philosophie (1892), стр. 63—90. — Ib. стр. 86. Der Satz: Gedanken sind eigentlich nichts anderes als Bewegungen im Gehirn, Gefühle sind nichts anderes, als körperliche Vorgänge im vasomotorischen System, ist völlig unwiderleglich, freilich nicht, weil er wahr, sondern — weil er sinnlos ist. Das Sinnlose theilt mit der Wahrheit den Vorzug, dass es nicht widerlegt werden kann. Ein Gedanke, der im Grunde nichts anderes als eine Bewegung ist, ist ein Eisen, das eigentlich von Holz ist. Dagegen ist nicht zu disputieren; man kann nur sagen: ich verstehe unter einem Gedanken einen Gedanken und nicht eine Bewegung von Gehirnmolekülen. — Ср. также и Hermann Ulrici, Gott und die Natur, 2. изд., стр. 261—310. — Immanuel Hermann Fichte, Anthropologie, 2. изд., стр. 56—94. — Schellings Werke, I. Abth., III. Bd., стр. 407. So wie der Materialismus bis jetzt ist, ist er völlig unverständlich, und so wie er verständlich wird, ist er vom transcendentalen Idealismus in der That nicht mehr verschieden. — Относительно стр. 92, 2 ср. Edmund Pfeiderer, Lotzes philosophische Weltanschauung, 2. изд., стр. 21. — Къ стр. 93, 1. ср. напр. Karl Vogt, Physiologische Briefe, стр. 456. Es war aber hauptsächlich die Theologie, die von jeher in allen Natur-

wissenschaften ihr den Fortschritt hemmendes Wort mitsprechen wollte, welche diese Vorstellungen in die Entwicklungsgeschichte hineinpflanzte und darin festzuhalten suchte. Die Seele war ihr ja zum Wirkungskreise angewiesen, sie musste für dieselbe sorgen, nicht nur so lange sie in dem Körper weilte, sondern auch nachdem sie ihren irdischen Wohnsitz verlassen hatte, und um das Objekt ihres Daseins nicht aus den Händen entschlüpfen zu sehen, musste die Theologie um jeden Preis die Existenz einer Seele behaupten. — Отноительно критики материалистических воззрѣній ср. еще стр. 129, 130, 144—147, 190—192.

Къ стр. 94, 1, 2. Ср. Ludwig Büchner, Kraft und Stoff, 9. изд., стр. 143. In ähnlicher Weise nun, wie die Dampfmaschine Bewegung hervorbringt, erzeugt die verwickelte organische Complication kraftbegabter Stoffe im Thierleibe eine Gesamtsumme gewisser Effecte, welche, zu einer Einheit verbunden, von uns Geist, Seele, Gedanke genannt wird. Diese Kräftesumme ist nichts Materielles, kann nicht durch die Sinne unmittelbar wahrgenommen werden, ebensowenig wie jede andere einfache Kraft, Magnetismus, Elektricität u. s. w., sondern nur aus ihren Aeusserungen erschlossen werden. — Стр. 206. Während die sicht- und greifbare Materie ihre Unzerstörbarkeit auf sinnliche Weise zur Evidenz darthut, kann von dem Geist oder der Seele, welche nicht selbst Materie ist, sondern sich nur als ideelles Product einer gewissen Combination mit Kräften begabter Stoffe darstellt, unmöglich dasselbe gesagt werden. Mit dem Auseinanderfall jener Stoffe, ihrer Zerstreuung und ihrem Eingang in andere, unter einander nicht in Zusammenhang befindliche Combinationen muss auch jener Kräfteeffect verschwinden, welchen wir Seele nannten. Zertrümmern wir eine Uhr, so zeigt sie keine Stunde mehr, und wir zerstören gleichzeitig den ganzen ideellen Begriff, welchen wir mit einem solchen Instrumente zu verbinden gewohnt sind: wir haben keine stundenzeigende Uhr mehr vor uns, sondern einen Haufen beliebiger Stoffe, welche nichts Ganzes mehr darstellen. — Ср. также и Theodor Waitz, Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft (Braunschweig, 1849), стр. 54. Ein Widerspruch liegt darin nicht, dass durch das Zusammenwirken vieler Kräfte in unserem Inneren der Schein der Einheit in den psychischen Vorgängen nach einem subjectiv nothwendigen Gesetze für uns entsteht. Die besonnene Forschung würde daher zu weit gehen, wenn sie dies der Natur für unmöglich erklären wollte. Лотце отвергаетъ это мнѣніе въ своей рецензіи на упомянутое сочиненіе Waitz'a. Ср. Kleine Schr. II, стр. 481, 482. — Отвергая мнѣніе, будто бы пред-

положеніе внутренней жизни или ощущеній въ отдѣльныхъ элементахъ нервовъ способствуетъ объясненію возникновенія ощущеній въ нашей душѣ, Лотце указываетъ на Th. Waitz'a, какъ на представителя этого мнѣнія, высказаннаго послѣднимъ въ сочиненіи „Grundlegung der Psychologie nebst einer Anwendung auf das Seelenleben der Thiere, besonders die Instincterscheinungen (Hamburg und Gotha 1846).“ Cp. Kl. Schr. II, стр. 290—292. Nun bemüht er (Th. Waitz) sich zu zeigen, dass die Nerven nicht bloss Leiter eines specifischen Reizes sein können, sondern dass die sensiblen Nerven sich während ihrer Function in einem inneren Zustande befinden, den man mit Recht Empfindungen nennen darf . . . Eben weil der Verfasser so ausdrücklich auf diesem Namen besteht, scheint er uns damit etwas einschwärzen und den Nervenzustand selbst schon als psychischen fassen zu wollen. Was aber sollte die Frucht davon sein? Die Nervenfaser als Aggregat zum Subjekt einer Empfindung in diesem psychischen Sinne zu machen, perhorrescirt er selbst; wenn aber die einfachen Wesen, die den Nerven bilden, jedes für sich empfinden, was hülfe dies zur Erklärung unserer Empfindungen? Впрочемъ и Joh. Müller выражается подобнымъ образомъ. Cp. примѣчанія къ стр. 108, 1 — 112, 4. — Съ предположеніемъ, которое Лотце отвергаетъ на стр. 94, 2, въ сущности тождественно и возрѣніе Haeckel'a. Cp. Ernst Haeckel, die Perigenesis der Plastidule oder die Wellenzengung der Lebenstheilchen (Berlin 1876), стр. 38, 39. — Emil Du Bois-Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens etc. (1884), стр. 37, 72, 73. — Arthur Drews, Die deutsche Speculation seit Kant, 2. Bd., стр. 291, 292. — Herbarts Werke, V. Bd. стр. 115.

Къ стр. 95, 1, 2. Cp. Robert Sommer, Grundzüge einer Geschichte der deutschen Psychologie und Aesthetik von Wolff-Baumgarten bis Kant-Schiller (1892), стр. 275. Lambert nahm an, dass manche dichterische Empfindungen schlechthin für die Seele einfach seien. Tetens geht auf diesem Wege weiter . . . Hierbei bietet ihm nun die Naturwissenschaft zwei wichtige Belege, welche sehr überredungskräftig sind. Tetens bezieht sich erstens auf die schaffende Kraft in der körperlichen Natur, die sich zwar keinen neuen Stoff, keine neuen Elemente bilden kann, aber durch eine unsere sinnliche Fassungskraft überschreitende Auflösung und Vermischung von unsichtbaren Partikeln neue Körper darstellt, die für unsere Sinne einfach sind. Die Chemie bietet also für Tetens ein lebendiges Beispiel der schaffenden Vorgänge in der Seele. Ferner bezieht er sich auf optische Erscheinungen und gerade hier zeigt sich

die nahe Beziehung von Tetens zu Lambert. Aus der Mischung der gelben und der blauen Lichtstrahlen in dem prismatischen Sonnenbild entsteht ein grünes Licht, welches von dem einfachen Grünen darin verschieden ist, dass es in blaue und gelbe Strahlen wieder zertheilt werden kann; die ursprünglich grünen Strahlen sind dagegen unauflöslich. Aber dennoch ist es für unsere Empfindung ein einfaches Grün. Etwas Aehnliches lässt sich in unseren Vorstellungen antreffen. Tetens hat wirklich rein psychologisch experimentirt, um festzustellen, welche neue einfache Empfindung in der Seele aus zwei Farbenvorstellungen entsteht. — Cp. также и Herbart's Werke, V. Bd., стр. 378 ss. (Von den Verschmelzungen).

Къ стр. 96 и 97, 1. Cp. Herbart's Werke, V. Bd., стр. 17. Mit der Berechnung des Gleichgewichts und der Bewegung der Vorstellungen beschäftigt sich die Statik und Mechanik des Geistes. — Стр. 325. Zu allererst werden wir den Unterschied der Statik und Mechanik, welcher die Lehre von den räumlichen Kräften beherrscht, auch hier wiederfinden . . . Die angeführten Beispiele können hinreichen, um die Aehnlichkeit einer Mechanik des Geistes mit der Mechanik der Körperwelt im allgemeinen wahrzunehmen. — Стр. 321, 322. Dass unter mehreren, einander entgegengesetzten Vorstellungen die Hemmung gegenseitig sein, folglich die Objecte sämmtlich in gewissem Grade verdunkelt, und die Thätigkeiten des Vorstellens in eben dem Grade in Strebungen verwandelt werden müssen: dies leuchtet so unmittelbar ein, dass der Beweis überflüssig sein würde. Wir erblicken hier die Vorstellungen als wider einander wirkende Kräfte. — Стр. 327—358. — Moritz Wilhelm Drobisch, Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode (Leipzig 1842), стр. 345, 346. Die ältere Physik schrieb hiermit dem beweglichen Körper nicht eine Kraft der Bewegung, sondern eine Kraft der Bewegung zu widerstehen zu; die neuere Physik dagegen thut keins von beiden, sondern sieht Ruhe und Bewegung als Zustände an, die den Körpern gleich zufällig sind, in welche versetzt sie aber so lange unverändert beharren, bis eine Aufhebung oder Modification derselben eintritt; den Gedanken der Befähigung der Körper zu diesen Zuständen lässt sie aber als einen müssigen und unfruchtbaren gänzlich fallen. Diesen Vorgang der Physik zu beachten, möchte nun für die Psychologie bei Weitem dasersprießlichste sein. Es ist schon oben bemerkt worden, dass in unserm unmittelbaren Bewusstsein das Vor-

stellen weder als ein Thun noch als ein Leiden der Seele, sondern nur als ein Geschehen in ihr sich darstelle. Hiernach werden wir in Uebereinstimmung mit der Erfahrung die Vorstellungen als Zustände der Seele bezeichnen und wenigstens von den sinnlichen, welche für alle übrigen die Grundlage bilden, sagen können, dass die Seele unter Vermittelung der Sinnesorgane durch äussere Ursachen in diese Zustände versetzt werde, welche, gleich der bewirkten Bewegung eines Körpers, so lange unverändert fortdauern, als sie nicht durch hinzukommende innere oder äussere Ursachen aufgehoben oder modificirt werden. Wir nehmen demnach für diese Zustände den Grundsatz der Beharrung (das Gesetz der Trägheit) in Anspruch, und sehen die Seele als ein an sich vorstellungs-, mithin auch gefühl- und begehrungsloses Wesen an, das, seiner Einfachheit wegen, nur durch die mannigfaltigen Verhältnisse seiner Qualität zu den Qualitäten der Dinge, mit denen es in Beziehung steht, — der chemischen Verwandtschaft vergleichbar — in jene Zustände gelangen kann. Die Art und Weise der Einwirkung der Aussendinge auf die Seele, die Bedingungen der Hervorbringung einer Vorstellung bleiben theils physiologische, theils metaphysische Probleme. Einmal angenommen aber, dass die Mannigfaltigkeit der Verhältnisse der Einen Seele zu den äusseren Ursachen ihrer einfachen Vorstellungen eine ebenso mannigfaltige Beschaffenheit der Letzteren begründe, hat die Frage, wie mit der Einheit der Seele die Mannigfaltigkeit ihres innern Geschehens vereinbar sei, im Allgemeinen wenigstens, keine Schwierigkeiten mehr. Eine und dieselbe Zahl kann unendlich viele Verhältnisse eingehen, und immer ist dann der Exponent des Verhältnisses ein anderer. Mit solchen Exponenten mögen die Vorstellungen, mit dem gemeinschaftlichen Grundmass (erstem Gliede) derselben die Seele selbst verglichen werden. — M. W. Drobisch, Erste Grundlehren der mathematischen Psychologie (Leipzig 1850), crp. 25. — Theodor Waitz, Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft (1849), crp. 153. Es ist durch den Mangel dieser Distinction ein durchgreifender Fehler der Psychologie Herbart's geworden, dass er die Vorstellungen als selbständig gegen einander wirkende Kräfte betrachtete, sie nicht mehr als Thätigkeiten oder Zustände der Seele auffasste. — Max Nath, die Psychologie Hermann Lotzes in ihrem Verhältnisse zu Herbart (1887), crp. 12—18. — G. Teichmüller, Neue Grundlegung der Psychologie und Logik, crp. 22. Um dies Resultat abzuleiten, springt Herbart eilends zu seinem physikalischen und mathematischen Arbeits-

felde, wo er am Besten zu Hause ist, und deshalb am Meisten Licht zu finden meint. Er macht also nach der dort üblichen Auffassungsweise die Hypothese, die an sich bewussten Vorstellungen wären Kräfte und hätten irgend einen geheimnissvollen Gegensatz in sich nach der Art der magnetischen oder elektrischen Erscheinungen. Wenn sie nun zusammenträfen, müssten sie sich ganz oder theilweise aufheben, in Latenz setzen und schliesslich nur einen Rest lassen, der von der gegenseitigen Hemmung frei wäre, und dieser Rest sei das Bewusstsein. Nun sieht man auf den ersten Blick, dass diese ganze Erklärung doch nur eine Allegorie ist und also nur den Rang von Parabeln und dergleichen beanspruchen darf.

Къ стр. 98, 2. Cp. Kant's Werke (Hart. 1838), стр. 256 (Kritik der reinen Vernunft. Von der Amphibolie der Reflexionsbegriffe: Einerleiheit und Verschiedenheit).

Къ стр. 99—103, 1. Прежде всего стр. 336, 349—353. — Кроме того стр. Kurd Lasswitz, Geschichte der Atomistik, I. Bd., стр. 3. Das physikalische Interesse bezieht sich auf ein engeres Gebiet. Es wendet sich dem Probleme der Naturerklärung zu und fragt, wie die Beschaffenheit der Körper zu denken ist, damit die beobachteten Erscheinungen sich daraus ableiten lassen. Hierbei handelt es sich weniger um Erzielung einer Uebereinstimmung mit allgemeinen Erkenntnissforderungen, als um Aufsuchung geeigneter Principien zu einer technischen Vereinfachung physikalischer Probleme. Es entspringen Theorien lediglich aus den praktischen Bestrebungen der Physiker zur bequemeren Erklärung einzelner Naturerscheinungen. Ihre Urheber sind daher geneigt von Fall zu Fall zu urtheilen. — Стр. 6. Im Beginn des menschlichen Nachdenkens ist das theoretische Interesse an der Körperwelt metaphysisch, d. h. auf die Erzeugung einer allgemeinen Weltanschauung gerichtet. Das physikalische Interesse tritt erst dort auf, wo sich das Bedürfniss bemerklich macht, das Wesen der Körper einer gesonderten Betrachtung zu unterziehen. Dieses Bedürfniss ist zunächst ein rein praktisches. Es handelt sich um die technische Bewältigung der Natur. Die Heilkunde, die gewerbliche Bearbeitung der Naturkörper, Baukunst und Mechanik wecken das Bestreben, die an den Körpern beobachteten Veränderungen theoretisch zu erklären, und fördern Ansichten über die Constitution der Körper zu Tage. — Стр. 45. In der That führt erst die Erkenntnis des Causalzusammenhangs durch die theoretische Begründung zu einer praktischen

Beherrschung der Natur . . . Das Gesetz der allgemeinen Gravitation gälte uns als keine wissenschaftliche Entdeckung, wenn es nur die Bahnen der Planeten als geschlossene Curven oder die Richtung des fallenden Steines nach der Erde hin erschliessen liesse; es hat seine Berechtigung in der Individualisirung, der es zugänglich ist, so dass die genaue Lage des Weltkörpers zu gegebener Zeit, die Geschwindigkeit des Steines im gegebenen Moment bestimmt werden kann. — Crp. 217, 219. — Gustav Theodor Fechner, Ueber die physik. und philos. Atomenl., crp. 24. Der Physiker liebt am meisten das, was ihm am meisten leistet. — Crp. 113, 114. Der Naturwissenschaft ist die Natur überhaupt nur eine Welt der äussern sinnlichen Erscheinung, und hienach nicht zu verwundern, wenn der Stoff der Natur, die Materie, auch nur als Sache solcher Erscheinungen von ihr gefasst, behandelt, nur durch Erscheinungen und deren Verhältnisse charakterisirt und die Kraft der Natur nur aus solchen Verhältnissen abstrahirt wird. Es liegt in ihrem Begriffe der Natur. Mag es noch andere Begriffe der Natur geben, aber sie gehen die Naturwissenschaft als solche nichts an, noch berühren sie unsern lebendigen Verkehr mit der Natur. — J. Frohschammer, Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie etc. (1861), стр. 80. — E. Du Bois-Reymond, вполне въ смыслъ Лотце, признаетъ задачею естествоиспытанія „астрономическое“ познаніе: но по его мнѣнію человѣческій духъ долженъ вообще ограничиваться такимъ познаніемъ. Cp. Ueber die Grenzen des Naturerkennens etc. (1884), стр. 32, 33. Ich nenne astronomische Kenntniss eines materiellen Systems solche Kenntniss aller seiner Theile, ihrer gegenseitigen Lage und ihrer Bewegung, dass ihre Lage und Bewegung zu irgend einer vergangenen Zeit mit derselben Sicherheit berechnet werden kann, wie Lage und Bewegung der Himmelskörper bei vorausgesetzter unbedingter Schärfe der Beobachtungen. Dazu gehört, das man kenne 1. die Gesetze, nach welchen die zwischen den Theilen des Systems wirksamen Kräfte sich mit der Entfernung ändern; 2. die Lage der Theile des Systems in zwei durch ein Zeitdifferential getrennten Augenblicken, oder, was auf dasselbe hinausläuft, die Lage der Theile und ihre nach drei Axen zerlegte Geschwindigkeit zu einer bestimmten Zeit. Astronomische Kenntniss eines materiellen Systems ist bei unserer Unfähigkeit, Materie und Kraft zu begreifen, die vollkommenste Kenntniss die wir von dem System erlangen können. Es ist die, wobei unser Causalitätstrieb sich zu beruhigen gewohnt ist.

Къ стр. 104, 1—105, 2. Cp. Justus Liebig, Chemische Briefe (1. изд. 1844), 3. изд. (1851), стр. 122—124. Es ist für den Verstand durchaus unmöglich, sich kleine Theilchen Materie zu denken, welche absolut untheilbar sind; im mathematischen Sinne, unendlich klein, ohne alle Ausdehnung können sie nicht sein, eben weil sie Gewicht besitzen; allein so klein auch ihr Gewicht angenommen werden mag, wir können die Spaltung des einen Theilchens in zwei Hälften, in drei, in hundert Theile nicht für unmöglich ansehen. Aber wir können uns auch denken, dass diese Atome nur physikalisch untheilbar sind, so dass sie sich nur unserer Wahrnehmung nach so verhalten, wie wenn sie keiner weiteren Theilung mehr fähig wären; ein physikalisches Atom würde in diesem Sinne eine Gruppe von viel kleineren Theilchen sein, die durch eine Kraft oder durch Kräfte zu einem Ganzen zusammengehalten werden, stärker als alle auf dem Erdkörper zu ihrer weiteren Spaltung uns zu Gebote stehenden Kräfte... Ein Tübinger Professor hat diese Ansicht durch ein geistreiches Bild versinnlicht; er vergleicht die Atome mit den Himmelskörpern, die in Beziehung zu dem Raum, in welchem sie schweben, unendlich klein, d. h. Atome sind... Das Weltall stellt in diesem Sinne einen grossen Körper dar, dessen Atome, die Himmelskörper, untheilbar und unveränderlich sind. — G. Th. Fechner, Ueber die physik. und philos. Atomenlehre (1855), стр. 75, 76. An den Namen Atome, der ohnehin nicht von Allen gebraucht wird, hat man sich nicht zu stossen. Was der Physiker als Atomistiker verlangt, sind überhaupt nur discrete, für uns endlich nicht weiter theilbare Massen, in welche die Körper oder zunächst das Molecül des Körpers zu zerfallen; ob sie an sich noch theilbar sind, ist nicht seine Sache zu beurtheilen. Es kann sich möglicherweise damit ebenso verhalten wie mit den Weltkörpern, die in Bezug zu einander wahre Atome sind, weil es keine Kraft giebt, etwas von dem einen auf den andern überzuführen; doch sind sie theilbar an sich... So kann der Physiker auch gar nicht zu behaupten wagen, dass der Raum zwischen seinen Atomen absolut leer, dass nicht vielmehr ein feines continuirliches Wesen sich noch zwischen ihnen erstreckt, was nur auf die Erscheinungen, die er beurtheilen kann, keinen Einfluss mehr hat. Der Physiker spricht nur nicht von solchen Möglichkeiten, die ihm gleichgültig sind, weil sie ihm nichts leisten. — Ctp. 79. Die letzten Atome sind entweder an sich unzerstörbar, oder es sind wenigstens im Bereiche der Physik und Chemie keine Mittel gegeben, sie zu zerstören, und liegen keine Gründe vor, eine je ein-

tretende Zerstörung oder Verflüssigung derselben anzunehmen. — Сrp. 125. Worauf sollen die kleinen Massen endlich führen, bei denen der Physiker mittelwegs stehen bleibt; sie sind noch nicht das Letzte, bei dem man stehen bleiben kann. Sei physikalisch in ihnen ein Fortschritt gewonnen, philosophisch bleiben sie nur ein Zurückgeschobenes, und das Ziel liegt nach ihnen so weit als zuvor. — J. Frohschammer, Ueber die Aufgabe der Naturphilosophie etc. (1861), сrp. 128, 145—147. — Immanuel Hermann Fichte, Anthropologie etc. (1. изд. 1855), 2. изд. (1860), сrp. 181—261 (Vom Realen und seinen Grundeigenschaften; die mechanische Atomistik und die metaphysische Construction der Materie). — Сrp. 206—208. Es sei noch zuzugeben, dass die Atomistik eine für die Mathematik und Chemie bequeme, an sich unschädliche Fiction sei, sofern sie nur für nichts anderes und für nicht mehr erkannt werde . . . Wie schon ein Physiker uns lehrte und was weiterhin noch stärker erhellen wird, vermag die mechanische Atomistik das stetige Continuum der Raumerfüllung, die Cohäsion, durchaus nicht zu erklären: sie substituirt ihr unablässig den Aggregatzustand oder die blosse Adhäsion . . . Alle unsere folgenden Untersuchungen und Ergebnisse sind mit atomistischen Voraussetzungen durchaus unverträglich. Dennoch sind die letztern so sehr eingewurzelt in der Denkweise der heutigen Naturforschung, und zwar nicht bloss als eine zulässige Fiction zum Behufe mathematischer Messung und Berechnung, sondern als die einzige mögliche Erklärung der physikalischen und chemischen Thatsachen, dass wir einer tiefer gehenden Prüfung derselben uns nicht entziehen können. Wir müssen nicht nur zeigen, dass die Atomenlehre Hypothese sei, sondern zugleich eine widersprechende und in sich unmögliche Hypothese. — Къ этимъ разсужденіямъ J. H. Fichte младшаго относятся возраженія Лотце въ Streitschriften (1857), сrp. 17—50. — Сp. впрочемъ E. Du Bois-Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerkennens etc. (1884), сrp. 20. Ein physikalisches Atom . . . ist eine in sich folgerichtige und unter Umständen, beispielsweise in der Chemie, der mechanischen Gastheorie, äusserst nützliche Fiction. — Kurd Lasswitz, Geschichte der Atomistik, I. Bd., сrp. 402. Ob die Atome wirklich das letzte und äusserste Element der Körperwelt und das absolut Einfache sind, ist eine Frage, auf deren Beantwortung die physikalische Atomistik verzichtet. Es genügt ihr anzunehmen, dass es sehr kleine Körpertheile giebt, deren weitere Theilbarkeit für ihre physikalischen

Zwecke nicht in Betracht kommt. Aus diesen construirt sie die physischen Phänomene, ohne um den letzten Grund der Berechtigung zur Annahme jener Theilchen zu sorgen. Ihr Verfahren ist daher ebenfalls physikalisch; sie sucht für die beobachteten Erscheinungen zunächst eine Veranschaulichung, im weitem Fortschritte ein Mittel der mathematischen Darstellung... An Stelle der Atome wird die richtigere Bezeichnung *Corpuscula* gebräuchlich, und wir nennen daher diese Lehre die *Corpusculartheorie*. — Ср. еще F. Harms, *Philosophische Einleitung in die Encyclopädie der Physik въ Allgemeine Encyclopädie der Physik*, herausgegeben von Gustav Karsten (Leipzig 1869), I. Bd., стр. 307—357 (*Atomistik*). — Тамъ же стр. 865—873. — Wilhelm Wundt, *Essays* (Leipzig 1885), стр. 24—60 (*Die Theorie der Materie*). — Ero же *System der Philosophie* (Leipzig 1889), стр. 450—465.

Къ стр. 106 и 107, 1. Завершениѣмъ физическаго атомизма Лотце признаетъ *Monadologia physica* Канта. Ср. Kl. Schr. III, 1, стр. 227. Ich bin nun allerdings der Ueberzeugung, dass diese Kantische Theorie von 1756 der wahre Abschluss der Atomistik ist, auf den wir zurückkommen müssen; nirgends spricht sich so klar wie hier der Sinn jener dynamischen Raumerfüllung aus, die Kant im Sinne lag, und die hier in völliger Einheit mit dem Atomismus erscheint, während später sich ein neuer Streit zwischen dynamischer und atomistischer Physik erhob. In der Schilderung der Tauglichkeit dieser Hypothese zur Reconstruction der jetzt in der Physik geltenden Vorstellungen ist mir Fechner in seiner beredten und kenntnissreichen Darlegung zuvorgekommen. — Впрочемъ въ той же рецензiи на сочинение Fechner'a „Ueber die physik. und philos. Atomenlehre“, написанной въ 1855 г., Лотце заявляетъ (ib. стр. 225): „Fechner bemerkt, dass diese Ansicht sich ihm selbständig und namentlich nicht abhängig von Herbart gebildet habe; es bedurfte bei einem so reichen und scharfsinnigen Geiste dieser Versicherung nicht, und ich würde sie um so weniger verlangen, als ich selbst glaube, auf diese eigentlich doch naheliegende Vorstellungsweise aus andern und nächstens zu erörternden Gründen seit langem gleich selbständig gekommen zu sein.“ Эта самостоятельность, конечно, относится къ доказательствамъ, которыя Лотце приводитъ въ пользу динамической теорiи объ атомахъ, а не къ самой теорiи. — Kants Werke (Hart.), VIII. Bd., стр. 409—419. Prop. II. *Corpora constant monadibus*. — Prop. III. *Spatium*,

quod corpora implent, est in infinitum divisibile, neque igitur constat partibus primitivis atque simplicibus. — Prop. V. Quodlibet corporis elementum simplex s. monas non solum est in spatio, sed et implet spatium, salva nihilo minus ipsius simplicitate. — Prop. VI. Monas spatiolum praesentiae suae definit non pluritate partium suarum substantialium, sed sphaera activitatis, quae externas utrinque sibi praesentes arcet ab ulteriori ad se invicem appropinquatione. — Prop. VIII. Vis, qua elementum corporis simplex spatium suum occupat, est eadem, quam vocant alias impenetrabilitatem; neque si ab illa vi discesseris, huic locus esse potest. — Prop. X. Corpora per vim solum impenetrabilitatis non gauderent definito volumine, nisi adforet alia pariter insita attractionis, cum illa conjunctim limitem definiens extensionis. — Lotze, Kl. Schr. III, 1, стр. 226. Es ist interessant zu sehen, wie 1756 diese Kräfte noch sehr wohl angebbare Centra haben, denn die völlig atomistische Ansicht Kants spricht sich hier ganz einfach in dem Corollarium zu Prop. IV aus: Corpus quodlibet definito constat elementorum simplicium numero. Die Naturphilosophie der metaphysischen Anfangsgründe dagegen lässt bekanntlich an Klarheit darüber, wer oder was eigentlich das ausübende Subject der dort erwähnten Repulsion und Attraction ist, Vieles zu wünschen übrig (ср. стр. 308, 309). — Впрочемъ кантовскій динамическій атомизмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ въ I. томѣ „Микрокосма“ (стр. 400 ss), имѣть въ глазахъ Лотце лишь предварительное и условное значеніе, поскольку тамъ говорится о самомъ пространствѣ, какъ транссубъективно существующемъ, соотвѣтственно принципу, высказанному Mikr. III, стр. 504: „So wie wir stets vom Aufgang und Untergang der Sonne sprechen und nie unsere Ausdrücke schwerfällig nach dem wohl-erkannten wirklichen Thatbestande formen werden, so können wir in allen Einzelheiten der Weltbetrachtung fortfahren, den Raum sich ausser uns ausdehnen zu lassen und uns selbst als schwimmend in ihm zu betrachten; nur da, wo es darauf ankommt, die obersten Grundsätze festzustellen, nach denen aller Zusammenhang des Scheines zu beurtheilen ist, werden wir ebenso wie die Astronomie genöthigt sein, auf das wahre Verhalten als Grundlage aller Regeln des Erscheinens zurückzukommen“ (Ср. стр. 100, 122, 147). — Ср. еще С. Н. Weisse, Grundzüge der Metaphysik (1835), стр. 338—344. — G. Th. Fechner, Ueber die physik. und philos. Atomenlehre (1855), стр. 128. Anstatt, wie man

der Atomistik vorwirft, auf halbem Wege stehen zu bleiben, oder endlich zu Nichts zu kommen und hiemit entweder physikalisch bleiben oder nihilistisch werden zu müssen, bleibt noch ein drittes als philosophischer Abschluss der physikalischen Atomistik übrig, nämlich dass man zu einfachen Wesen kommt, die nur noch einen Ort, aber keine Ausdehnung mehr haben; indess sie durch ihre Distanz verstaten, das die aus ihnen bestehenden Systeme noch solche haben. — Стр. 132. Sie sind vorzustellen als Punkte nicht hinter oder ausser Zeit und Raum, sondern in Zeit und Raum, nur mit Bedacht, dass, wie klein man diese Punkte vorstellen will, es immer noch nicht reicht. — Стр. 164. Herbart's einfache Wesen heissen unveränderlich, unsere sind unveränderlich. Herbart's einfache Wesen schweben zwischen körperlicher und geistiger Natur; unsere liegen ganz auf körperlicher Seite. Nach Herbart ist die Seele ein einzelnes einfaches Wesen inmitten des Körpers, nur durch günstigste centrale Stellung von den andern einfachen Wesen des Körpers unterschieden und mit ihnen in äusserer Wechselwirkung; nach uns ist die Seele ein mit den einfachen Wesen des Körpers unvergleichbares einheitliches Wesen, statt einzeln inmitten derselben vielmehr das allgemeine Band derselben und ihrer Wechselwirkungen und Wechsel. Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что атомистическая теорія Feschneg'a существенно отличается отъ теоріи Лотце, поскольку Лотце всѣмъ элементамъ міра приписываетъ внутреннія состоянія по аналогіи съ нашимъ я, а Feschneg прямо отрицаетъ такое предположеніе. Кромѣ того по мнѣнію Feschneg'a для атомовъ существенно ихъ пребываніе въ пространствѣ, тогда какъ въ системѣ Лотце взаимоотношенія атомовъ вполне независимы отъ пространства. — Относительно атомистическаго ученія такъ наз. мутакалимуновъ, которое излагаетъ Маймонида въ More Nebochim ср. Kurd Lasswitz, Gesch. der Atomistik, I. Bd., стр. 134—150. — Стр. 139. Die Atome sind punktuell, sie haben keine Ausdehnung und nehmen keinen Raum ein, besitzen aber eine bestimmte Position. Durch diese bestimmte Position, die sie zu einander haben, entsteht die Raumgrösse; die Quantität wird erst durch die Lagebeziehung der Atome geschaffen. — Стр. 410 (Eilhard Lubin). — Одновременно съ Лотце и независимо отъ него выработалъ Maximilian Drossbach атомистическую теорію, которая, хотя на ней отражается вліяніе монадологіи Лейбница, не лишена оригинальности; вліяніемъ Лейбница и обусловлено нѣкоторое сходство ея съ воззрѣніями Лотце. Ср. Maximilian

Drossbach, Die Harmonie der Ergebnisse der Naturforschung mit den Forderungen des menschlichen Gemüthes oder die persönliche Unsterblichkeit als Folge der atomistischen Verfassung der Natur (Leipzig 1858), стр. 19. Was wir Materie zu nennen gewohnt sind, ist nicht dem Immateriellen Entgegengesetztes, nicht etwas Anderes als Kraft, es ist das Immaterielle, Lebendige, Kräftige selbst in gewissen Zuständen. — Стр. 40. Jedes Atom besteht aus einer Menge Kraftkugeln von verschiedenen Durchmessern, welche aber alle Einen Punkt zu ihrem Mittelpunkt haben . . . Die einzelnen Atome sind in Bezug auf ihre Schwere Kraftkugeln so gross, dass sie bis zum Monde und zur Sonne reichen . . . Die Zusammenhangskraft der Atome nimmt einen bedeutend kleinern Raum ein als die Ausdehnungskraft oder die Anziehungskraft, und sowie die Körper in Gas übergehen, wird dieselbe von der Ausdehnungskraft so sehr überwältigt, dass meistens keine Spur mehr von ihr wahrzunehmen ist. — Стр. 62. Die Kräfte sind untheilbar und der Raum, in dem sie wirken, oder vielmehr den sie bewirken, ist von keinem Einfluss auf ihre Theilbarkeit. — Стр. 119. Es giebt keine sinnliche Wahrnehmung im Gegensatz zu einer geistigen, denn auch die sinnliche Wahrnehmung ist eine geistige und zwar in doppelter Hinsicht, einmal weil der Geist es ist, welcher (mittels der Sinne) wahrnimmt, und zweitens, weil die Wahrnehmung stets durch atomistische Geistwesen hervorgerufen wird (nicht durch Stoffe) . . . Alle sinnliche Wahrnehmung ist die Folge vernunftgesetzlicher Wechselwirkung lebendiger Wesen. — Стр. 138, 139. Eine geordnete Stufenreihe lebendiger Wesen ist das, was wir Staat, Gesellschaft nennen, daher ist jedes Naturgebilde ein Staat oder eine Gesellschaft von lebendigen Wesen. Am deutlichsten für uns ist diese Ordnung in den organischen Gebilden ausgesprochen . . . Das organische Gebilde ist kein Gebäude, welches von irgend einem Künstler aus irgend einem Stoff gebildet wird, wie der Topf vom Töpfer aus Thon, sondern wie ein Staat, eine geordnete Gesellschaft lebendiger, selbstthätiger Wesen mit Einem dieser lebendigen selbstthätigen Wesen als Staatsoberhaupt in seiner Mitte. На этомъ атомизмѣ основываетъ Drossbach оригинальное учение о безсмертіи души, которое по его мнѣнію является слѣдствіемъ физическихъ условий, дѣйствующихъ на нашей планетѣ.

Къ стр. 108, 1—112, 4. На изложенныхъ здѣсь гносеологическихъ воззрѣніяхъ Лотце ясно отражается вліяніе кантовой Критики чистаго разума и взглядовъ знаменитаго фізіолога Жо-

hannes Müller'a. Cp. Kants Werke (Hart.), II. Bd., ctp. 66. Wir können nur aus dem Standpunkte eines Menschen vom Raum, von ausgedehnten Wesen etc. reden . . . Dieses Prädicat wird den Dingen nur insofern beigelegt, als sie uns erscheinen, d. i. Gegenstände der Sinnlichkeit sind. — Ctp. 68. Der transcendente Begriff der Erscheinungen im Raume ist eine kritische Erinnerung, dass überhaupt nichts, was im Raume angeschaut wird, eine Sache an sich, noch dass der Raum eine Form der Dinge sei, die ihnen etwa an sich selbst eigen wäre, sondern dass uns die Gegenstände an sich gar nicht bekannt sind, und was wir äussere Gegenstände nennen, nichts anders als blossе Vorstellungen unserer Sinnlichkeit sind, deren Form der Raum ist, deren wahres Correlatum aber, d. i. das Ding an sich selbst dadurch gar nicht erkannt wird, noch erkannt werden kann, nach welchem aber auch in der Erfahrung niemals gefragt wird. — Ctp. 73. Solche Eigenschaften, die den Dingen an sich zukommen, können uns durch die Sinne auch niemals gegeben werden. — Ctp. 78. Wenn wir unsere Anschauung auch zum höchsten Grade der Deutlichkeit bringen könnten, so würden wir dadurch der Beschaffenheit der Gegenstände an sich selbst nicht näher kommen. Denn wir würden auf alle Fälle doch nur unsere Art der Anschauung, d. i. unsere Sinnlichkeit vollständig erkennen und diese immer nur unter den dem Subject ursprünglich anhängenden Bedingungen von Raum und Zeit; was die Gegenstände an sich selbst sein mögen, würde uns durch die aufgeklärteste Erkenntniss der Erscheinung derselben, die uns allein gegeben ist, doch niemals bekannt werden. — Ctp. 83. Es ist wohl zu urtheilen, dass, da uns durch den äussern Sinn nichts als blossе Verhältnissvorstellungen gegeben werden, dieser auch nur das Verhältniss eines Gegenstandes auf das Subject in seiner Vorstellung enthalten könne und nicht das Innere, was dem Objecte an sich zukommt. — Ctp. 149. Gesetze existiren ebenso wenig in den Erscheinungen, sondern nur relativ auf das Subject, dem die Erscheinungen inhäriren, sofern es Verstand hat, als Erscheinungen nicht an sich existiren, sondern nur relativ auf dasselbe Wesen, sofern es Sinne hat. — Ctp. 250. Der Begriff eines Noumenon ist bloss ein Grenzbegriff, um die Annahmen der Sinnlichkeit einzuschränken, und also nur von negativem Gebrauche. Er ist aber gleichwohl nicht willkürlich erdichtet, sondern hängt mit der Einschränkung der Sinnlichkeit zu-

sammen, ohne doch etwas Positives ausser dem Umfange derselben setzen zu können. — Ctp. 252. Wenn wir denn also sagen: die Sinne stellen uns die Gegenstände vor, wie sie erscheinen, der Verstand aber, wie sie sind, so ist das Letztere nicht in transscendentaler, sondern bloss empirischer Bedeutung zu nehmen, nämlich wie sie als Gegenstände der Erfahrung im durchgängigen Zusammenhange der Erscheinungen müssen vorgestellt werden, und nicht nach dem, was sie ausser der Beziehung auf mögliche Erfahrung und folglich auf Sinne überhaupt, mithin als Gegenstände des reinen Verstandes sein mögen. — Ctp. 265. Die Materie ist substantia phaenomenon. Was ihr innerlich zukomme, suche ich in allen Theilen des Raumes, den sie einnimmt, und in allen Wirkungen, die sie ausübt und die freilich nur immer Erscheinungen äusserer Sinne sein können. Ich habe also zwar nichts Schlechthin-, sondern lauter Comparativ-Innerliches, das selber wiederum aus äusseren Verhältnissen besteht. Allein das Schlechthin-, dem reinen Verstande nach, Innerliche der Materie ist auch eine blossе Grille; denn diese ist überall kein Gegenstand für den reinen Verstand; das transscendentale Object aber, welches der Grund dieser Erscheinung sein mag, die wir Materie nennen, ist ein blosses Etwas, wovon wir nicht einmal verstehen würden, was es sei, wenn es uns auch Jemand sagen könnte. Denn wir können nichts verstehen, als was ein unseren Worten Correspondirendes in der Anschauung mit sich führt. — Въ виду приведенныхъ здѣсь мѣстъ изъ Критики чистаго разума и изложенныхъ на стр. 76, 77, 99—112, 336, 349—353 воззрѣній Лотце можно утверждать, что Лотце является сторонникомъ кантовой критики по отношенію къ задачамъ естествоиспытанія; онъ также послѣдовательно, какъ Кантъ, отвергаетъ всякія метафизическія предположенія, вращающіяся на почвѣ физическаго проективизма. Но тогда какъ Кантъ полагаетъ, что человѣческое познаніе вообще должно ограничиваться одними только явленіями (Erscheinungen), Лотце признаетъ правильнымъ такой взглядъ лишь по отношенію къ естественнаго научному познанію (ср. стр. 336, 349—353, 377—382). Относительно этого вопроса ср. еще примѣчанія къ стр. 125—130. — Johannes Müller, Zur vergleichenden Physiologie des Gesichtssinnes des Menschen und der Thiere (1826), стр. 39, 40. Das Selbstbewusstsein, von welcher Art immer die Objecte der subjectiven Empfindungen sein mögen, schliesst das Bewusstsein eines von dem Selbst Verschiedenen, nicht Selbstigen, aus. Wenn

daher auch die Veränderungen der thierischen Selbstheit die Ursache der Erregung in einem von ihr selbst Verschiedenen hätten, so weiss das Individuum im blossen Zustand des Selbstbewusstwerdens und ohne Ausbildung des Urtheils nichts von diesem problematischen äussern Grunde, sondern nur und immer nur von inneren Veränderungen. Die einzige Aeusserlichkeit des thierischen Bewusstseins auf dieser Stufe sind eben nur die Veränderungen als Objecte der subjectiven Empfindung . . . Wenn somit die thierische Selbstheit auch Anregungen des Bewusstseins durch den Gesichtssinn hätte, wenn das Thier sich seiner während dem Sehen bewusst würde, so würde es der Gesichtsobjecte nur als Theile seiner selbst bewusst werden können, und nicht als von dem Ich verschiedener Dinge, vielmehr nur äusserlich und verschieden als empfundenes Selbst von dem empfindenden. Wir können also ursprünglich durch den Sinn von Nichts als von uns selbst wissen; unsere Affectionen sind uns unsere Sinnenwelt, unsere äussere Natur. — Стр. 47. Alle Substanzen, alle Reize, welche auf das lebende Organische wirken, setzen weder ihre eigene Wirksamkeit in das Organische, wie im mechanischen Process, noch auch verbindet sich die einwirkende Substanz mit der leidenden organischen zu einem neutralen Product; sondern alle einwirkenden Substanzen bewirken in dem thierischen Process ein Anderes, als sie selbst sind, und die Art der Reaction hängt nicht wesentlich von dem Reiz ab, sondern sie ist eine von den in der thierischen Wesenheit gelegenen Energien. — Стр. 50. Wir kennen nur die Wesenheiten unserer Sinne; und von den äusseren Dingen wissen wir nur, inwiefern sie auf uns in unseren Energien wirken. — Лотце, конечно, не могъ не указать на недопустимую неточность выражения, въ какую впадаетъ J. Müller, излагая свое учение о специфической энергii нервовъ; ибо у J. Müller'a самые нервы и чувственные органы являются субъектами, воспринимающими свои собственные состоянія (напр. 1. с. стр. 45. Die Sehsinns substance bringt ihre Affection sich selbst zur Empfindung; der Sehnerv kann gar nicht afficirt werden, ohne zu sehen sich selbst leuchtend etc.). Но при этомъ положенiи J. Müller'a формулированы такъ, что нужно лишь замѣнить слова „нервы“, „чувства“ и т. п. словами „душа“, „духъ“, „я“, чтобы его положенiямъ придать такую форму, въ какой они безпрепятственно входятъ въ составъ гносеологическихъ ученiй Лотце. Ср. J. Müller, Zur vergl.

Physiol. des Gesichtssinnes (1826), стр. 45. Der Grundgedanke aller physiologischen Untersuchungen sowohl über den Gesichtssinn als über alle anderen Sinne ist der: dass die Energien des Lichtes, des Dunkeln, des Farbigen, nicht den äusseren Dingen, den Ursachen der Erregung, sondern der Sehsinnssubstanz selbst immanent sind, dass die Sehsinnssubstanz nicht afficirt werden könne, ohne in ihren eingeborenen Energien des Lichtes, Dunkeln, Farbigen thätig zu sein; dass das Lichte, das Schattige und die Farben nicht dem Sinn als etwas fertiges Aeusserliches existiren, von welchem berührt der Sinn nur die Empfindung desselben habe, sondern dass die Sehsinnssubstanz von jedweden Reiz, welcherlei Art er immer sei, aus ihrer Ruhe zur Affection bewegt, diese ihre Affection in den Energien des Lichtes, Dunkeln, Farbigen sich selbst zur Empfindung bringe . . . Es ist ganz gleichgültig, von welcher Art die Reize auf den Sinn sind; ihre Wirkung ist immer in den Energien des Sinnes. — Стр. 47. Es ist nie nöthig, dass objectives Licht in dem Auge erzeugt werde, damit es empfunden werde; in dieser Ansicht hängt die Wesenheit der Empfindung von einem vor der Empfindung schon fertigen sinnlichen Eindruck ab, was dem Begriff des Sinnes widerspricht. — J. Müller, Handb. der Physiol. des Menschen (1838), II. Bd., 2. Abth., стр. 262. Die Sinnesnerven empfinden zwar zunächst nur ihre eigenen Zustände, oder das Sensorium empfindet die Zustände der Sinnesnerven; aber dadurch, dass die Sinnesnerven als Körper die Eigenschaften anderer Körper theilen, . . . zeigen sie bei ihrer Veränderung durch äussere Ursachen dem Sensorium ausser ihrem Zustande auch Eigenschaften und Veränderungen der Aussenwelt an, in jedem Sinne verschieden nach dessen Qualitäten oder Sinnesenergien (ср. стр. 112, 3, 4). — Примыкая къ J. Müller'у и Лотце, Н. Helmholtz выражается слѣдующимъ образомъ (Handbuch der physiol. Optik, 1867, стр. 442, 443): „Unsere Anschauungen und Vorstellungen sind Wirkungen, welche die angeschauten und vorgestellten Objecte auf unser Nervensystem und unser Bewusstsein hervorgebracht haben. Jede Wirkung hängt ihrer Natur nach ganz nothwendig ab sowohl von der Natur des Wirkenden, als von der desjenigen, auf welches gewirkt wird . . . Ich meine daher, dass es gar keinen möglichen Sinn haben kann, von einer andern Wahrheit unserer Vorstellungen zu sprechen, als von einer practischen. Unsere Vorstellungen von den Dingen können

gar nichts anderes sein, als Symbole, natürlich gegebene Zeichen für die Dinge, welche wir zur Regelung unserer Bewegungen und Handlungen benutzen lernen. Wenn wir jene Symbole richtig gelernt haben, so sind wir im Stande mit ihrer Hilfe unsere Handlungen so einzurichten, dass dieselben den gewünschten Erfolg haben, d. h. dass die erwarteten neuen Sinnesempfindungen eintreten. Eine andere Vergleichung zwischen den Vorstellungen und den Dingen giebt es nicht nur in der Wirklichkeit nicht, sondern eine andere Art der Vergleichung ist gar nicht denkbar und hat gar keinen Sinn... Vorstellung und Vorgestelltes sind offenbar zwei ganz verschiedenen Welten angehörig, welche ebenso wenig eine Vergleichung unter einander zulassen als Farben und Töne, oder als die Buchstaben eines Buches mit dem Klang des Wortes, welches sie bezeichnen. — Выясненію значенія изложенныхъ на стр. 108, 1. — 112, 4 воззрѣній Лотце могутъ и способствовать остроумныя разсужденія Volkelt'a. Ср. Erfahrung und Denken (1886), стр. 6, 26, 38, 39, 59, 60, 61, 70, 77, 125, 187, 188, 516—544. — Относительно физиологической стороны вопроса о специфической энергіи нервовъ ср. Н. Helmholtz, Handb. d. physiol. Optik, стр. 193 ss. — Особенно Wilhelm Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie, 3. изд. (1887), I. Bd., стр. 221—232, 293 ss. — E. Du Bois-Reymond, Ueber die Grenzen des Naturerk. (1884), стр. 18. — Вообще ср. стр. 285—290.

Къ стр. 113, 1—115, 1. Теорія Лотце о мѣстныхъ знакахъ или знакахъ размѣщенія (Localzeichen) подробно изложена С. Stumpf'омъ и Ribot'омъ. Ср. Carl Stumpf, Ueber den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung (Leipzig 1873), стр. 86—101. — Th. Ribot, La psychologie allemande contemporaine (Paris 1885), стр. 68—94. — Своей всеобщей извѣстности достигла теорія о мѣстныхъ знакахъ главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что физиологическая сторона вопроса обращала на себя вниманіе физиологовъ и психофизиологовъ; въ особенности же она могла служить пригоднымъ орудіемъ въ борьбѣ „эмпиризма“ противъ „нативизма“. Ср. Н. Helmholtz, Handb. der physiol. Optik (1867), стр. 435, 441, 456, 530, 595, 697, 800. — Стр. 595. Die Rückkehr der Physiologen zu der ältern entgegenstehenden Ansicht, wonach alle Beurtheilung des Räumlichen auf Erfahrung beruhe, findet ihr Vorspiel auf philosophischer Seite in den Ansichten von Herbart über die Sinneswahrnehmungen... Lotze war es namentlich, der diese Ansichten auf die factischen Verhältnisse bei den sinnlichen Wahrnehmungen zu übertragen suchte, und an den

sich physiologischerseits zunächst Meissner und Czermak in ihren Untersuchungen über den Tastsinn anschlossen. In der physiologischen Optik wurde die Aufmerksamkeit zunächst durch das Studium der Bewegungen des Auges wieder in diese Richtung gelenkt (Brücke, Wundt). — Впрочемъ теорія о знакахъ размѣщенія не предрѣшаетъ вопроса о природѣ самого пространства. Ср. Th. Ribot, *La psych. allem. cont.*, стр. 68—71. Il faut d'abord bien comprendre le but que Lotze s'est proposé dans son chapitre sur les räumlichen Anschauungen. Il ne s'agit pas pour lui d'expliquer la notion de l'espace, considérée forme dernière et irréductible de l'esprit . . . On croit d'abord qu'il s'agit d'une „déduction“ de l'espace, d'une analyse élémentaire ayant pour fin la réduction de l'espace á une notion plus simple, — réduction que quelques écoles empiriques ont essayée. Il n'en est rien. Nous n'avons nullement, dit Lotze, le projet de déduire de ces signes locaux la faculté pour l'âme de voir l'espace en général, ni la nécessité pour elle de comprendre le senti sous cette notion . . . Il est donc bien entendu qu'il ne s'agit pour Lotze que d'expliquer la genèse empirique des intuitions d'espace. — Изъ труда Th. Ribot'a приведемъ еще два мѣста. Стр. 93. Sa théorie tient le milieu entre les essais qu'a tentés l'école anglaise pour expliquer totalement, par l'expérience seule, la genèse de l'idée d'espace, et l'absence complète d'explication qui a prévalu d'ordinaire chez les partisans d'une intuition a priori. L'examen incessant auquel la science soumet cette notion, à la lumière des théories ou des expériences nouvelles, en déterminera de mieux en mieux la valeur relative. Quoi qu'il advienne de la solution de Lotze, elle restera comme l'oeuvre d'un esprit ingénieux, pénétrant, extrêmement habile à mettre en saillie toutes les difficultés du problème. — Стр. 100. En 1811, un auteur aujourd'hui peu connu, Steinbach, soutint que le mouvement seul peut fournir la notion d'espace. Sa théorie qu'il appliquait surtout à la vision, mérite d'être rappelée: elle contient en germe la thèse soutenue plus tard avec tant d'éclat et d'ampleur par les psychologues anglais et surtout par Bain. Mais Lotze est le premier qui ait donné une théorie profondément élaborée de l'hypothèse empirique. — Для выясненія различія между фізіологическою и гносеологическою стороною вопроса о знакахъ размѣщенія особенно важно письмо Лотце, которое появилось въ видѣ приложенія къ упомянутому сочиненію С. Stumpf'a. Ср. послѣдняго Ueber den psychol. Ursprung der Raumvorstellung, стр. 319—322. Ich hebe vor Allem

hervor, dass dieser mein Versuch, die Entstehung der verschiedenen Localzeichen für das Auge nachzuweisen, nichts Anderes als eine Hypothese sein sollte; nur die vorhin entwickelten allgemeinen Betrachtungen gelten mir als eine logische Nothwendigkeit . . . Sie werfen die specielle Frage auf, ob die von mir angenommenen Localzeichen physische Bewegungsprocesse oder Empfindungen seien. Ich beantworte sie durch folgende Bemerkungen. Nehmen wir an, zu einer Zeit, in welcher das Auge eines neugeborenen Kindes bereits völlig lichtempfindlich gewesen sei, habe zum ersten Male ein heller Strahl die seitliche Netzhautstelle M berührt, so wird die physische Erregung von M diejenige bestimmte Reflexbewegung m wirklich hervorgebracht haben, welche nöthig ist, um den Eindruck des Strahles von M auf die Stelle des deutlichsten Sehens überzuführen; diese Bewegung m aber, indem sie geschieht, erzeugt zugleich ein Bewegungsgefühl μ . Beschreiben lässt sich dieses μ nicht weiter; aber Jeder kennt es; es ist eine Art, wie uns zu Muth ist, die sich unterscheidet von der andern Art π , wie uns dann zu Muth ist, wenn das Auge eine andere Bewegung p ausführt, durch die der Eindruck von der seitlichen Stelle P auf die Stelle des deutlichsten Sehens übergeführt wird . . . An dem Eindruck auf P , welches auch seine Farbe sein mag, haftet nun von früher her die associirte Empfindung π , an dem Eindruck auf M die andere μ ; und diese beiden Empfindungen, von denen ich voraussetze, dass sie in der von mir geschilderten Weise vergleichbare Glieder einer Reihe bilden, sind die Gründe, um deren willen wir den einen Eindruck auf M , den andern auf P verlegen . . . μ und π sind wirkliche Empfindungen; sie lassen sich, wie gesagt, nicht beschreiben, aber ihr Vorhandensein ist Jedem deutlich, der zugiebt, dass ein blauer Punct unter dem Gesichtswinkel φ rechts von der Augenaxe sich für sein Gefühl anders ausnimmt als ein gleicher Punct unter gleichem Winkel links . . . Ich habe selbst früher daran gezweifelt, ob die merkbaren Unterschiede der Bewegungsgefühle μ π κ gross genug seien, um der wirklichen Feinheit unserer Localisation zu genügen . . . Ich halte jedoch dies Bedenken nicht für triftig . . . Zuletzt muss ich wiederholen, dass mein ganzer Versuch sich auf die Localisation der Empfindungen bezog; ich habe bestimmt hervorgehoben, glaube es aber hier noch einmal thun zu müssen, dass meine Absicht gar nicht war zu zeigen, wie wir zu räumlichen Anschauungen überhaupt kommen. Die Localzeichen bilden immer ein an sich ganz unräumliches, ich

möchte sagen, arithmetisch-qualitatives Reihensystem. — Ср. еще Wilhelm Volkman Ritter von Volkmann. Lehrb. der Psychol. vom Standp. des Realismus (1876), II. Bd., стр. 48 ss., 124.

Къ стр. 116, 1—121, 2. Учение Лотце о пространствѣ въ существенныхъ пунктахъ зависимо отъ Канта. Лотце, правда, не признаетъ основательнымъ заключеніе Канта изъ апіорности созерцанія пространства къ феноменальности послѣдняго, утверждая, что это созерцаніе носило бы на себѣ характеръ апіорности и въ томъ случаѣ, еслибъ пространство обладало трансубъективнымъ существованіемъ (ср. стр. 120, 3). Но онъ всетаки оказывается зависимымъ отъ Канта, поскольку и онъ, говоря о пространствѣ, имѣетъ въ виду геометрическое пространство, или по крайней мѣрѣ извѣстный апіорный элементъ въ нашей душѣ, отличающійся отъ понятій и категорій и не подлежащій дальнѣйшему объясненію; и приведенныя на стр. 116, 2 соображенія не даютъ намъ права утверждать противоположное. Поэтому относящіеся сюда разсужденія Лотце вращаются на почвѣ кантовскаго нативизма, чѣмъ объясняется и то обстоятельство, что мы у него не встрѣчаемъ яснаго различія между пространствомъ и протяженіемъ (ср. стр. 207). — Ср. Lotze, Kl. Schr. I. Bd., стр. 103. Raum, Zeit und Bewegung sind von Kant für Objecte einer reinen apriorischen Anschauung erkannt worden, ein Ausdruck, den ich noch immer für einen der klarsten und lichtvollsten Gedanken dieses Philosophen halten muss. — Стр. 105. Ich glaube, dass mit den Grundbestimmungen der Anschaulichkeit in der Metaphysik ein neuer Anfang gemacht werden muss; ein ebenso absolut neuer Anfang, wie er zuerst mit dem Begriffe des Sein gemacht worden ist. So wie dieser Begriff nicht ableitbar ist, sondern mit seiner ihm eigenen Evidenz sich als Anfang charakterisirt, so fangen die reinen Anschauungen von sich selbst an. — Въ своей первой „метафизикѣ“, правда, Лотце отрицаетъ примѣнимость выраженія „reine Anschauung“. Ср. Metaphysik (1841), стр. 146. Wir sprechen von dem, was wir behandeln wollen, als von Principien der Anschaulichkeit, nicht aber als von reinen Anschauungen . . . Die einfachen Namen des Raumes und der Zeit sind nur Zusammenfassungsformen für räumliche und zeitliche Gesetze und verleiten dazu, das, was als Regel der Verknüpfung zum Behufe der Anschaulichkeit zu fassen ist, selbst als Object einer wenn auch noch so reinen, doch keineswegs ursprünglich gegebenen Anschauung anzunehmen. — Стр. 147. Vergisst man die Unendlichkeit des Seienden, die man aus an-

derweitigen Gründen im Gedanken hat, so bleiben nicht Raum und Zeit, sondern die einfachen geometrischen und chronometrischen Gesetze als Bedingungen jedes Inhaltes zurück, aus deren wiedererfolgender Ausbreitung auf allen Inhalt sich auch jene Totalformen reconstruiren lassen. — Но если имѣть въ виду дальнѣйшую дедукцію пространства на стр. 177 ss., то оказывается, что Лотце только не признаетъ пространства за „безконечную данную величину“, а почти во всѣхъ другихъ отношеніяхъ остается на почвѣ кантовскаго „нативизма“. Ср. Metaph. (1841), стр. 177. Die kosmologischen Formen sind die Mittel zur Verwirklichung und Auseinandersetzung der ontologischen Beziehungen; im Mittel muss aber etwas mehr hinzukommen, als in der Forderung liegt, sonst brauchte man keines . . . Hieraus erhellt der neue Anfang bei jeder kosmologischen Form. — Стр. 178, 179. Unsere erste Aufgabe ist, die kosmologische Bedingung für die gleichzeitige Position vieler Seiender und ihrer Beziehungen aufzuzeigen. Das eine Gesetzte bezieht sich auf in demselben Momente der Gegenwart ausser ihm gesetzte Andere. Dieses Ausser, welches sich hier noch ungerufen zudrängt, ist nicht etwa ein unräumliches Ausser der Ontologie, sondern es ist eine wahrhafte räumliche Bestimmung, die uns sogleich entgegenkommt, weil ohne sie jede Vielheit des Seienden eine erzwungene unwahre Abstraction bleiben würde . . . Diese Forderungen finden wir befriedigt in dem Phänomen der Ausdehnung, welche darin besteht, dass in jedem Punkte die Hindeutung auf Unendliches in dem gleichgültigen Ausstrahlen aller Richtungen objectivirt ist. Es ist aber gleich hinzuzufügen, dass unter der Ausdehnung nicht der ausgedehnte Raum mit seiner geometrischen Gesetzmässigkeit gemeint ist. — Стр. 182. Wir wissen noch garnicht, wie die verschiedenen Strahlenbüschel der einzelnen Punkte ineinandergreifen zu der Einen zusammengegangenen Ausdehnung des Weltraums . . . Unser Raum ist jetzt nur das Element, in dem von Punkt zu Punkt Linien gezogen werden können. — Стр. 189. Aus dem unbestimmten und regellosen Scheine der Ausdehnung hat sich bis jetzt die circulare Fläche der Richtungen herausgebildet. — Болѣе рѣшительнымъ образомъ высказывается Лотце въ смыслѣ кантова воззрѣнія во второй „Метафизикѣ“. Ср. напр. Metaph. (1884), стр. 242. Die Anschauung des Raumes mit der Mannigfaltigkeit ihrer inneren Verhältnisse steht uns als ein gegebener Gegenstand innerer Erfahrung gegenüber, den wir, wenn er uns so nicht gegeben wäre, aus einer logi-

schen Verknüpfung unräumlicher, ja selbst der räumlichen Elemente niemals würden machen können. — Для дальнѣйшаго разъясненія затронутыхъ здѣсь вопросовъ ср. изложенныя на стр. 202—208 воззрѣнія Тейхмюллера и соотвѣтственные разсужденія А. А. Козлова въ его сочиненіяхъ: Генезисъ теоріи пространства и времени Канта (Кіевъ 1884) и Свое Слово. № 4 (С.-Петербургъ 1892). Ср. Генезисъ и т. д., стр. 179—181, 187—190, 197, 198, 250, 251, 260—262. — Свое Слово № 4, стр. 14. По моему пространство есть дѣяніе, актъ души и именно такой актъ, который называется мыслью. Стр. 37, 38. Мы не различаемъ простаго сознанія отъ вниманія, а потому и думаемъ, что въ общей идеѣ пространства уже заключается и идея пространственныхъ измѣреній, подобно тому какъ для сенсуалистовъ кажется, что въ ощущеніяхъ уже заключается общая идея пространства . . . Что касается до кантіанизма или вообще нативизма, то ихъ положеніе въ этомъ отношеніи гораздо выгоднѣе, ибо при предположеніи, что пространственное созерцаніе какъ либо дано а priori, можно и не заботиться о выводѣ понятій измѣренія, разстоянія, положенія и проч. . . Слово: протяженіе или протяженность почти вездѣ и всегда употребляется синонимически съ словомъ: пространство, между тѣмъ какъ это есть смѣшеніе понятій, ибо пространство и протяженіе должны быть различаемы. Въ понятіи протяженія или протяженности мыслится элементъ количества; пространство же вовсе не есть количество . . . Такое утвержденіе, конечно, покажется весьма страннымъ, потому что мы слишкомъ привыкли включать во всякое пространство ясную или неясную мысль объ его величинѣ. — Стр. 64, 65. Въ противоположность Лотце и Шмицъ-Дюмоню я вовсе не чувствую надобности, для опроверженія Римана и Гельмгольца, становиться на ихъ точку зрѣнія, потому что я въ моихъ воззрѣніяхъ на сущность пространства и на происхожденіе этой идеи отстою отъ нихъ гораздо дальше, чѣмъ Лотце и Шмицъ-Дюмонъ. Хотя эти послѣдніе такъ же, какъ и я, не видятъ въ пространствѣ какой либо о себѣ сущей вещи, а также, подобно Канту, не видятъ въ немъ и чистой апіорной формы созерцанія, но всетаки они еще не вполне порвали съ кантовскою точкою зрѣнія . . . Для меня же пространство имѣетъ только идейное существованіе, оно есть только нашъ умственный актъ или продуктъ нашего мышленія. Чувственная же качественность, возникающая въ насъ на основаніи природы нашей субстанціи и на основаніи ея связи

съ другими существами всего міра, есть для меня только поводъ, возбуждающій наше мышленіе къ расположенію актовъ ощущенія этой качественности въ пространственный порядокъ. Поэтому я не только съ Лотце и Шмицъ-Дюмонъ отрицаю право на понятіе какого-то „пространства вообще“ или „n-разъ протяженной многообразности“, но и признаю, что для пространства трехъ измѣреній высшимъ родовымъ понятіемъ будетъ понятіе **порядка**, по отношенію къ которому пространство есть видъ, соподчиненный съ другими видовыми понятіями, каковы, напр., время, причинность, порядки чиселъ, ступеней развитія существъ или дѣятельностей и проч. и проч. Но на это послѣднее положеніе едва ли согласились бы Лотце и Шмицъ-Дюмонъ. — Стр. 109. Разнообразныя ощущенія соединяются въ одинъ образъ, потому что одинъ и тотъ же нераздѣльный дѣятель (животная субстанція) безвременно и безпространственно ощущаетъ и воображаетъ всѣ эти ощущенія; и далѣе этотъ образъ понимается съ точки зрѣнія: подлѣ, рядомъ, послѣ и проч., потому что ощущающее животное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мыслящій челоуѣкъ. Кромѣ того стр. 11, 16, 18, 19, 20, 31, 33, 35, 39, 41, 43, 45, 67, 74, 75, 78, 107, 117, 119. — При опроверженіи такъ наз. реальности пространства Лотце именно во второй „метафизикѣ“ примѣняетъ главнымъ образомъ косвенный способъ аргументаціи, исходя изъ анализа природы геометрическаго пространства и показывая, что признаніе трансубъективной реальности за послѣднимъ неизбѣжно приводитъ насъ къ абсурднымъ результатамъ. Но эта аргументація не является убѣдительною: можно возразить (ср. нижеприведенныя слова Е. v. Hartmann'a), что опроверженіе трансубъективности абстрактнаго геометрическаго пространства само собою не даетъ права утверждать идеальность пространства вообще. Итакъ хотя способъ аргументаціи не заимствованъ у Канта, однако на предполагаемомъ у Лотце основномъ воззрѣніи о пространствѣ отражается вліяніе трансцендентальной эстетики. Ср. Lotze, *Metaph.* (1884), стр. 208. Fragen wir nach seinem Dasein, so wollen wir nur wissen und dürfen nur wissen wollen, welche Art der Wirklichkeit diesem so vorgestellten, leeren und unrealen Raum zukommen könne. Nun ist allerdings, so gestellt, für meine Ueberzeugung die Frage bereits durch das entschieden, was ich früher über die Natur aller Beziehungen bemerkte: sie sind nur entweder als Vorstellungen in einem beziehenden Bewusstsein, oder als innere

Zustände in den realen Elementen, die, wie wir zu sagen pflegen, in ihnen stehen. Ich möchte jedoch nicht die gegenwärtige Frage bloss mit der Consequenz dieser früheren Behauptung beantworten, sondern würde es für vortheilhaft halten, wenn es gelänge, durch ihre independente Behandlung zu demselben Ergebnisse zu gelangen. — Eduard von Hartmann, Lotzes Philosophie, стр. 108. In Wahrheit liegt der eigentliche psychologische Grund, weshalb Lotze die reale Räumlichkeit bekämpft, nicht in den Argumenten, die er als die massgebenden anführt, sondern in dem Argument, das er nur beiläufig erwähnt, aber nicht als entscheidend gelten lassen möchte. Für Lotzes persönliche Ueberzeugung ist nämlich die ganze Frage durch die Consequenz seiner ontologischen Ansichten über die Causalität entschieden, nach denen causale Beziehungen oder Wechselwirkungen nicht zwischen den Dingen, sondern nur in den bewussten Innerlichkeiten der Dinge sollen stattfinden können; er will aber seinen Lesern gegenüber diese Frage nicht durch die Consequenz jener ontologischen Ansicht entscheiden, sondern durch unabhängige Behandlung derselben lösen (ср. вышеприведенное мѣсто изъ метафизики). — Стр. 110. Der Monismus fordert grade die Anerkennung jener realen Räumlichkeit, deren Undenkbarkeit nachzuweisen Lotze mit keinem Worte versucht hat, obwohl er sich so anstellt, als ob er mit der Undenkbarkeit des unphilosophischen Glaubens an die substantielle Realität eines leeren, real seienden Raumes die Undenkbarkeit aller realistischen Raumtheorien überhaupt nachgewiesen hätte. — Предполагая трансубъективную реальность пространства, полемизируетъ противъ воззрѣній Лотце и Johann Wolff въ своей статьѣ: Ueber Lotzes Metaphysik (Fulda 1892), стр. 76—83. — Ср. еще O. Caspari, Hermann Lotze in seiner Stellung zu der durch Kant begründeten neuesten Geschichte der Philosophie, 2. изд., стр. 33—54. — Стр. 39. Wir hätten also bei Lotze trotz seiner Anerkennung des real Transcendenten den aprioristischen subjectiv-phänomenalen Raum Kants. Genau genommen spielt hier der transcendente objective Factor als Form keine Rolle mehr . . . Der Realismus Lotzes aber sucht trotzdem für diese transcendente Welt, welche (als unbekanntes Object und reales Ding an sich) der raumbildenden und raumanschauenden Seele gegenübertritt, nach einem Ausdruck. Er erfasst denselben, indem er an die Töne erinnert, die im Accorde gesondert zugleich und doch nicht räumlich neben einander gehört wer-

den. Aus einem unräumlichen Beisammensein muss die Seele völlig von neuem das zu Grunde gegangene räumliche Bild wieder-erzeugen.

Къ стр. 123—127, 2. На изложенныхъ здѣсь положеніяхъ Лотце, рѣшительно отвергающихъ взглядъ Канта на духовную жизнь, какъ на феноменъ или явленіе, явно отражается вліяніе Лейбница: Кантъ переноситъ воззрѣнія, примѣнимыя лишь въ области внѣшняго опыта, на область „внутренняго чувства.“ Ср. Leibniz, Reponse aux reflexions contenues dans la seconde Edition du Dictionnaire Critique de M. Bayle sur le systeme de l'harmonie preétablie: Gerhardt, IV, 559. Outre les principes, qui établissent les Monades, dont les composés ne sont que les resultats, l'expérience interne refute la doctrine Epicurienne: c'est la conscience qui est en nous de ce moy qui s'aperçoit des choses qui se passent dans le corps; et la perception ne pouvant estre expliqué par les figures et les mouvemens, établit l'autre moitié de mon hypothese, et nous fait reconnoître en nous une substance indivisible, qui doit estre elle même la source de ses phenomenes. — Nouveaux Essais sur l'entendement: Gerhardt, V, 415. Cette intuition qui fait connoître notre existence à nous mêmes, fait que nous la connoissons avec une evidence entiere, qui n'est point capable d'estre prouvée et n'en a point besoin; tellement que lors même que j'entreprends de douter de toutes choses, ce doute même ne me permet pas de douter de mon existence. Enfin nous avons là dessus le plus haut degré de certitude qu'on puisse imaginer. Et j'ajoute que l'apperception immediate de notre Existence et de nos pensées nous fournit les premieres Experiences, comme les propositions identiques contiennent les premieres verités a priori, ou de Raison, c'est à dire les premieres lumieres. Les unes et les autres sont incapables d'estre prouvées et peuvent estre appellées immediates; celles-là parce qu'il y a immediation entre l'entendement et son objet, celles-cy, parce qu'il y a immediation entre le sujet et le predicatum. — De modo distinguendi phaenomena realia ab imaginariis: Erdmann 442. Primum sine probatione ex simplici perceptione sive experientia existere judico, quorum intra me conscius sum, hoc est primo me varia cogitantem, deinde ipsa varia phaenomena sive apparitiones, quae in mente mea existunt. Haec enim duo, cum immediate a mente percipiantur, nullius alterius! interventu comprobari possunt. — Nouveaux essais: Gerhardt, V, 274. Je ne suis pas au reste de Vostre

avis, qu'il y a icy de la difference entre les idées des substances et les idées des predicats, comme si les definitions des predicats (c'est à dire des modes et des objets des idées simples) estoient tousjours reelles et nominales en même temps, et que celles des substances n'estoient que nominales. Je demeure bien d'accord qu'il est plus difficile d'avoir des definitions reelles des corps, qui sont des Estres substantiels, parceque leur contexture est moins sensible. Mais il n'en est pas de même de toutes les substances; car nous avons une connoissance des vraies substances ou des Unités aussi intime que nous en avons de la pluspart des modes. — De ipsa natura: Gerhard, IV, 507. Haec autem vis insita distincte quidem intelligi potest, sed non explicari imaginabiliter; nec sane ita explicari debet, non magis quam natura animae; est enim vis ex earum rerum numero, quae non imaginatione, sed intellectu attinguntur. — Cp. eme Lettre touchant ce qui est independant des Sens et de la Matiere: Gerhard, VI, 501. Il y a encor des objets d'une autre nature, qui ne sont point du tout compris dans ce qu'on remarque dans les objets des sens en particulier ou en commun, et qui par consequent ne sont point non plus des objets de l'imagination. Ainsi outre le sensible et l'imaginable, il y a ce qui n'est qu'intelligible, comme estant l'objet du seul entendement, et tel est l'objet de ma pensée, quand je pense à moy même. Cp. также Friedrich Eduard Beneke, *Psychologische Skizzen* (Göttingen 1825), I. Bd., стр. 24. Von den Elementen des Seelenseins vermögen wir einen grossen Theil wenigstens, alle bewussten Seelenthätigkeiten nämlich, unmittelbar und wie sie an und für sich selber sind, wahrzunehmen. — II. Bd., стр. XV. Nur unser eigenes Seelensein vermögen wir, wie es in Wahrheit ist, anzuschauen und zu begreifen; die ganze übrige Natur nur, inwiefern und inwieweit sie diesem gleich oder ähnlich ist. Das Selbstbewusstsein allein giebt uns eine metaphysisch-wahre Erkenntniss, eine Wahrnehmung des Zuerkennenden, wie dasselbe an und für sich selber ist; unsere sinnlichen Wahrnehmungen zeigen uns dasselbe nur in sehr einzelnen und unvollständigen Wirkungen. Nichts anderes vielleicht hat so nachtheilig auf die Entwicklung der neuern deutschen Philosophie gewirkt, als dass es Kant gelungen ist, für die Leugnung dieser Verschiedenheit einen so allgemeinen Glauben zu gewinnen. — Cp. Kant's Werke (Hart.), II. Bd., стр. 83, 84. Mit der innern Anschauung ist es ebenso bewandt . . . Wenn das

Vermögen sich bewusst zu werden, das, was im Gemüthe liegt, aufsuchen (apprehendiren) soll, so muss es dasselbe afficiren und kann allein auf solche Art eine Anschauung seiner selbst hervorbringen, deren Form aber, die vorher im Gemüthe zum Grunde liegt, die Art, wie das Mannigfaltige im Gemüthe beisammen ist, in der Vorstellung der Zeit bestimmt; da es denn sich selbst anschaut, nicht wie es sich unmittelbar selbstthätig vorstellen würde, sondern nach der Art, wie es von innen afficirt wird, folglich wie es sich erscheint, nicht wie es ist. — Crp. 145. Wir müssen die Bestimmungen des innern Sinnes gerade auf dieselbe Art als Erscheinungen in der Zeit ordnen, wie wir die der äusseren Sinne im Raume ordnen, mithin, wenn wir von den letzteren einräumen, dass wir dadurch Objecte nur sofern erkennen, als wir äusserlich afficirt werden, auch vom innern Sinne zugestehen müssen, dass wir dadurch uns selbst nur so anschauen, wie wir innerlich von uns selbst afficirt werden, d. i. was die innere Anschauung betrifft, unser eigenes Subject nur als Erscheinung, nicht aber nach dem, was es an sich selbst ist, erkennen. — Crp. 266. Uns ist es nicht einmal gegeben, unser eigenes Gemüth mit einer andern Anschauung, als der unseres innern Sinnes zu beobachten. Denn in demselben liegt das Geheimniss des Ursprungs unserer Sinnlichkeit. Ihre Beziehung auf ein Object, und was der transcendente Grund dieser Einheit sei, liegt ohne Zweifel zu tief verborgen, als dass wir, die wir sogar uns selbst nur durch innern Sinn, mithin als Erscheinung kennen, ein so unschickliches Werkzeug unserer Nachforschung dazu brauchen könnten, etwas Anderes als immer wiederum Erscheinungen aufzufinden. — Crp. 315. Also ist durch die Analysis des Bewusstseins meiner selbst im Denken überhaupt in Ansehung der Erkenntniss meiner selbst als Objects nicht das Mindeste gewonnen. — Crp. 328. Sich als Noumenon zu erkennen . . . ist unmöglich, indem die innere empirische Anschauung sinnlich ist und nichts als Data der Erscheinung an die Hand giebt. — Въ этомъ отношеніи до известной степени является предшественникомъ Канта Tetens. Ср. послѣдняго Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwicklung (1777), II. Bd., 152—156. Wir kennen unser Empfinden, unser Vorstellen, unser Denken, Wollen und so ferner, bis dahin, dass wir uns Ideen von diesen Operationen unseres Selbst machen, sie mittelst dieser Ideen vergleichen und unterscheiden auf die nämliche Art, wie wir es mit den Ideen von den Wirkun-

gen und Kräften der körperlichen Dinge machen. Aber da wir die Ideen von jenen wie von diesen aus den Empfindungen haben, und da die Körper und ihre Beschaffenheiten, die der äussere Sinn uns darstellt, nur Phänomene vor uns sind, was werden denn jene Seelenausserungen, davon der innere Sinn uns die Vorstellung giebt, vor uns sein? Sind Empfinden, Denken, Wollen auch nur Phänomene? . . . Eine von den beiden Ursachen, wodurch unsere äussern Empfindungsideen zu verwirrten und zu einseitigen Ideen werden, ist offenbar bei den innern Empfindungsideen vorhanden, und von der andern ist es wahrscheinlich, dass sie auch da sei . . . Was die zweite Eigenschaft eines Phänomens betrifft, dass nämlich die Idee der Sache nur eine relative Idee von uns sei, die ausser der Natur des vorstellenden Wesens von gewissen Werkzeugen des Vorstellens und von andern Umständen abhänget; so sind wir, das wenigste zu sagen, hierüber nicht völlig sicher, dass unsere Ideen aus innern Empfindungen nicht eben so wohl zu diesen Klassen gehören, als die Ideen aus den äussern Sinnen. Das Gegentheil wird vielmehr wahrscheinlich und beinahe völlig gewiss, wenn man auf die Art zurücksiehet, wie solche Ideen entstehen . . . Das Fühlen, das Denken, das Selbstbestimmen ist vor uns etwas einfaches ohne innere Mannigfaltigkeit; aber da es vor uns ein Phänomen ist, so kann es entweder eine solche Empfindung sein, welche aus unterschiedenen Theilen zusammengesetzt ist, wie die von dem weissen Lichte ist, oder sie kann aus homogenen Kraftäusserungen bestehen, wie die Ideen von den einfachen Grundfarben, von welchen wir es noch nicht wissen, dass sie heterogene Theile in sich enthalten. — Стр. 174. Wir kennen die Körper und ihre Kräfte ebenso wenig unmittelbar als die Seele, und erhalten von ihnen ebenso, wie von uns selbst nur Ideen aus ihren Eindrücken und Wirkungen auf uns. Ср. ниже приведенные стр. 170, 171. — Ср. Robert Sommer, Grundzüge einer Geschichte der deutschen Psychologie (1892), стр. 299—302. — Относительно учения Канта ср. J. H. Witte, Das Wesen der Seele und die Natur der geistigen Vorgänge im Lichte der Philosophie seit Kant und ihrer grundlegenden Theorien. Historisch-kritisch dargestellt (Halle 1888), стр. 21—43. (Der Kantianismus und Kriticismus: Die Seele ein Phänomen, ihr beharrliches Wesen ein Postulat der Vernunft. — Kant's eigene Ansicht vom Wesen der Seele im Zusammenhang seiner erkenntnisstheoretischen Lehre: die Seele ein objectives Phänomen, ihre Substanz ein Postulat). Относительно понятия „объективного феномена“ Witte

примыкаетъ къ воззрѣнію Falkenberg'a, изложенному послѣднимъ въ *Geschichte der neuern Philos.* (1886), стр. 268 ss. — Ср. также и А. А. Козловъ, *Свое Слово*. № 4, стр. 81—83. — Стр. 88, 89. Къ прерванной вами моей критикѣ ученія Канта о непознаваемости бытія, въ противоположность познаваемости явленія, я добавлю еще слѣдующее. Когда, какимъ бы то ни было образомъ, образовалось „въ насъ“ созерцаніе, то опять спрашивается, кто созерцаетъ его? Конечно „мы“; но кто же эти „мы“: душа ли, какъ „вещь сама въ себѣ“, или какъ „явленіе?“ Если послѣднее, то выйдетъ, что явленіе созерцаетъ явленіе. Но, какъ извѣстно, созерцаніе образовъ можетъ происходить безъ вниманія и съ вниманіемъ, которое всегда обуславливается какимъ либо интересомъ созерцающаго. Значить, если интересуется и внимательно созерцаетъ опять таки явленіе, то, очевидно, явленіе имѣетъ свои интересы, желанія, волю — вообще свою природу, свою самость — слѣдовательно, оно есть субстанція, сказалъ бы всякій иной, кромѣ послѣдователя Канта, которому это запрещено. . . Когда мы познаемъ свои мысли, чувства и желанія, то, по принципу непознаваемости бытія, мы познаемъ „во внутреннемъ чувствѣ“ только явленія своихъ мыслей, чувствъ и желаній, а не самыя реальныя мысли, чувства и желанія. Отсюда слѣдуетъ заключить, что подлинныя или дѣйствительныя мысли, чувства и желанія остаются заодно съ подлинной душой непознаваемыми. — Стр. 101, 102. — Примѣняя терминъ „Fürsichsein“ для обозначенія душевной жизни, Лотце примыкаетъ къ своему учителю С. Н. Weisse, который въ свою очередь зависимъ, конечно, отъ Гегеля. Ср. *Grundzüge der Metaphysik* (1835), стр. 532, 533. Die einfache nackte Thatsache des Fürsichseins... ist die Empfindung. — Стр. 538. — Стр. 541. Wie aus der dialektischen Durchdringung dieser zwei Begriffe, der Vorstellung als des zeitlosen und der Empfindung als des zeitlich gegenwärtigen Fürsichseins, der speculativ vollendete Begriff des Lebens, der Begriff dessen, was in seinem empirischen Dasein Seele heisst, hervorgeht, ist nicht mehr... schwer zu sehen. И относительно изложеннаго на стр. 124, 1 воззрѣнія (ср. Falkenberg, *Geschichte der n. Philos.*, стр. 455. Es darf die Aufgabe der Erkenntniss nicht darein gesetzt werden, eine ohne das Geisterreich schon fertige und abgeschlossene Welt, zu der das Vorstellen accessorisch hinzukomme, noch einmal abzubilden. Licht und Klang sind keineswegs deshalb Täuschungen, weil die Wellen des Aethers und

der Luft, aus denen sie entspringen, nicht treu kopiren, sondern sie sind der Zweck, den die Natur mit jenen Bewegungen erreichen wollte, aber nicht allein, sondern nur durch Einwirkung auf geistige Subjecte erreichen kann . . . Ohne die durch Einwirkung äusserer Reize in den Geistern erweckte neue Welt der Vorstellungen würde die Welt ihres wesentlichen Abschlusses entbehren. Die Dinge haben den Zweck, von Geistern erkannt, erlebt, genossen zu werden) Лотце оказывается зависимымъ отъ С. Н. Weisse. Ср. послѣдняго Grundz. der Metaph., стр. 532—535. Der Begriff des Daseins hat sich uns im Verlaufe der metaphysischen Betrachtung jetzt zum Begriffe des Fürsichsein erhoben, indem sich als das abstracte Element, als die allgemeine Formbestimmung dieses Daseins die grossen Gesamtbegriffe von Zahl, Raum und Zeit erwiesen haben, und Sein folglich nunmehr von demjenigen zu prädiciren ist, für welches die unendliche Bestimmtheit dieser Formen, welches selbst aber nicht mehr für Anderes, sondern wesentlich für sich selbst ist . . . In dem hier erreichten Gipfel unserer Wissenschaft ist das grosse Problem gelöst, welches derselben von der Erfahrung vorgelegt wird: das Problem, woher es komme, dass nicht etwa nur die unendlich reiche Welt des Bewusstseins, oder auch nur das inhaltvolle und gegliederte Vorstellungsleben der animalischen Seele, sondern schon die einfache, nackte Thatsache des Fürsichseins (dies aber ist die Empfindung) . . . in der Natur der Dinge überall nur als Resultat jener ungeheuren Zurüstung, welche der Begriff organischer Lebendigkeit in sich schliesst, wirklich gegeben ist . . . Der Begriff des Lebens also in dem Sinne, da Leben nicht den körperlichen Process des Organismus als körperlichen, sondern das in diesem Processe sich realisirende Fürsichsein bedeutet, ist uns, als Endziel zunächst des organischen, mittelbar durch diesen aber auch aller mechanischen Processe, zunächst in Gestalt des Gegensatzes gegen die Zeitlichkeit dieser Processe aufgegangen. Ср. Lotze, Metaphysik (1841), стр. 268—273. — Терминъ „Selbstheit“ (стр. 126) также встрѣчается у С. Н. Weisse. Ср. Grundz. der Metaph., стр. 553. Dieser Ausdruck ist Ich, Ichheit, Selbstheit; seine Bedeutung ist eben diese: das subjective Princip in seiner letzten Abstraction, da wo es alle von aussen kommende Bestimmtheit von sich abgestreift hat und, ohne wirklich bestimmt zu sein, nur die reine Möglichkeit des Bestimmtwerdens und Bestimmens, also absolut Freies ist, als Fürsichseiendes und Selbständiges auszusprechen. — Относительно понятія и термина

„Selbstgefühl“ ср. Joh. Müller, Zur vergleichenden Physiologie des Gesichtssinnes (1826), стр. 39. Das Selbstbewusstsein, dessen ursprünglicher Inhalt die dunkelsten anfänglichen Regungen des Selbstgefühls sind, ist Bewusstsein innerer Veränderungen an demselben, welches bewusst wird. — Впрочемъ изъ этого мѣста видно, что J. Müller не отличаетъ „самочувствія“, какъ сознанія самого я, отъ сознанія функций. Первоначально, напр. у Tetens'a, выражение „Selbstgefühl“ употребляется просто въ смыслѣ „воспріятія своихъ собственныхъ внутреннихъ состояній и дѣятельностей вообще“ въ противоположность „воспріятію внѣшнихъ предметовъ“. Лотце, опредѣляя „самосознаніе“, указываетъ также и на отличіе послѣдняго отъ сознанія отдѣльных состояній и функций. Но называя непосредственное самосознаніе „самочувствіемъ“ (Selbstgefühl), и имѣя при этомъ въ виду „чувствованіе“ (Gefühl) въ собственномъ и болѣе узкомъ смыслѣ, онъ опять лишается возможности строго отличать самосознаніе отъ отдѣльных функций и высказывается въ такомъ смыслѣ, будто бы опредѣленная функция нашего я, а именно чувствованіе, можетъ служить достаточнымъ выраженіемъ непосредственнаго самосознанія. Ср. стр. 199—202, 232—235, 240, 254. Кроме того Mikr. I, стр. 278. Ich meine das Selbstbewusstsein, in welchem wir 1. uns als Ich von dem Nicht-Ich der übrigen Welt unterscheiden und 2. die Mannigfaltigkeit der inneren Zustände auf dies Ich, als den zusammenhaltenden Mittelpunkt aus- und eingehender Wirkungen, beziehen. — Стр. 280, 281. Wohl wäre für diese vollkommene Erkenntniss ihr eigenes Wesen in völliger Klarheit gegenständlich geworden, aber auch so gegenständlich, dass ihr eigenes Selbst ihr nur als ein Gegenstand unter anderen erschiene; unbekannt und unverständlich würde ihr die Innigkeit bleiben, mit der wir in unserem wirklichen Selbstbewusstsein den unendlichen Werth dieser Zurückbeziehung auf uns selbst empfinden. Wie alle Werthe des Vorgestellten, so wird auch dieser nur durch Gefühle der Lust und Unlust von uns ergriffen . . . So gilt uns das Selbstbewusstsein nur für die Ausdeutung eines Selbstgefühls, dessen vorangehende und ursprüngliche Lebendigkeit durch die Ausbildung unserer Erkenntniss nicht unmittelbar gesteigert wird. Укажемъ здѣсь и на то, что Лотце, какъ видно изъ его разсужденій о самосознаніи, оставилъ почву интеллектуализма, на которой стоитъ Лейбницъ (ср. вышеприведенныя мѣста изъ сочиненій послѣдняго). — Ср. еще J. N. Tetens, Philos. Versuche über die

menschl. Natur (1777), I. Bd., crp. IV. Die Modificationen der Seele so nehmen, wie sie durch das Selbstgefühl erkannt werden; diese sorgfältig wiederholt und mit Abänderung der Umstände wahrnehmen, beobachten, ihre Entstehungsart und die Wirkungsgesetze der Kräfte, die sie hervorbringen, bemerken; alsdann die Beobachtungen auflösen und daraus die einfachsten Vermögen und Wirkungsarten und deren Beziehung aufeinander aufsuchen: dies sind die wesentlichsten Verrichtungen bei der physiologischen Analysis der Seele, die auf Erfahrungen beruhet. — II. Bd., crp. 170, 171. Wenn ich mich selbst und meine Actionen fühle, was ist alsdann das Object meines Gefühls? . . . Stellen wir uns das Fühlen und Empfinden so vor, wie es die Erfahrungen wenigstens erlauben, als eine Reaction der Seele auf eine Gehirnsveränderung, so lässt sich die Art und Weise, wie das Selbstgefühl sich äussert, noch etwas bestimmter angeben. Ein jedes Gefühl ist nämlich ein Actus der modificirten Seele, mit dem sie gegen eine Gehirnsveränderung thätig ist. Sie kann dies nun zwar nicht sein, ohne sich selbst zu verändern, indem sie zur Reaction übergeht und dadurch ihren eigenen Zustand verändert; aber eigentlich ist doch das nächste Object, auf welches sie zurückwirkt, das Gehirn und die materielle Idee in demselben. Nehmen wir die Vorstellungsart als die wahre an, so kann die Seele sich selbst und ihre Actionen nur auf eine ähnliche Art in dem Gehirn empfinden, wie das beseelte Auge sich selbst durch ein reflectirtes Licht im Spiegel sehen kann. Jeder Actus der Seele hat eine Wirkung im Gehirn nachgelassen, und auch vielleicht in dem Ich oder in der Seele selbst, von der ich hier voraussetze, dass sie ein eigenes von dem, was wir unter Organ und Gehirn uns vorstellen, verschiedenes Wesen sei. Soll ich aber nun einen solchen Actus fühlen, so muss eine Reaction der Seele auf jene bleibende Folgen desselben im Gehirn vor sich gehen. Das heisst, die Seele muss sich fühlen und sehen in dem Gehirn; da ist ihr Spiegel, da stehen die Wirkungen und Folgen ihrer Thätigkeit abgedruckt, die nämlich, auf welche sie zurückwirken, die sie fühlen und wahrnehmen kann. — Относительно дальнѣйшаго развитія этихъ возрѣній ср. Gottlob Wilhelm Gerlach, Lehrbuch der philosophischen Wissenschaften (Halle 1826), I. Bd., crp. 23. Insofern das Bewusstsein mit derjenigen Thätigkeit, welche in ihm kund wird, z. B. dem Wollen oder Denken, zugleich wirklich ist, macht es ein unmittelbares Bewusstsein aus, im Unterschiede von dem mittelbaren, welches

durch eine besondere Reflexion eintritt, als wodurch das dort in seiner realen Wirklichkeit kund Gewordene objectivirt oder vorgestellt wird, und durch die Wiederholung dieses Actes auch dann dem Ich wieder gegenwärtig werden kann, nachdem es längst in die Vergangenheit zurückgetreten ist. So macht also die Reflexion zwar allerdings eine Art des Bewusstwerdens aus, aber nicht die ursprünglichste und erste. Diese besteht vielmehr in dem mit der realen Wirklichkeit ihres Inhalts selbst sich verbindenden, also unmittelbaren Bewusstsein. — Ctp. 29. Insofern das Bewusstsein seinen Inhalt in etwas besitzt, was dem Ich selbst angehört, ist es Selbstbewusstsein, insofern es sich aber auf das Object einer Thätigkeit bezieht, welche in der Abbildung von etwas Aeusserem besteht, ist es Bewusstsein von etwas Anderem. — Ctp. 41, 42. Während im Bewusstsein die Wirklichkeit, Richtung und Beschaffenheit eines inneren Actes dem Ich kund wird oder erscheint, erhält derselbe Act auch zugleich eine Beziehung auf das Ich selbst und wird gefunden als der Seinige. Und hiermit macht sich uns ein Inhalt des Bewusstseins bemerkbar, welcher das Ich sich selbst finden lässt als das reale Subject der innern Thätigkeit oder als das darin Wirkende, zugleich aber auch in einem Verhältnisse zu seiner Thätigkeit und deren Producte, welches, aufgefasst durch die Reflexion, unter dem Begriffe des Causalverhältnisses gedacht wird . . . Selbst da verliert jener Inhalt des unmittelbaren Selbstbewusstseins die angegebene Bedeutung nicht, wenn er nach dem Typus der Verstandesthätigkeit zu der Form des Begriffs ausgebildet worden ist, indem durch den Verstandesact nichts anderes bewirkt wird, als dass der Blick des Geistes für die im ursprünglichen Selbstbewusstsein enthaltene dynamische (ursachliche) Beziehung der innern Thätigkeit erweitert wird auf den ganzen Umfang des zeitlich sich fortbewegenden Bewusstseins, so dass alsdann unter dem Begriffe des Ich nichts anderes gedacht wird, als das allen innern Thätigkeiten und Zuständen gemeinschaftliche reale Subject. Allein wenn die Reflexion bei ihrer unendlichen Wiederholbarkeit das Selbstbewusstsein des Geistes bloss in derjenigen Form sucht und betrachtet, welche es in der Verstandesthätigkeit angenommen hat, so tritt ihr das Ich nothwendig als das Werk eines bloss logischen Actes auf. Anstatt des realen Subjects innerer Thätigkeit, welches im unmittelbaren Selbstbewusstsein mit der letztern zugleich da ist, erblickt der Mensch einen

blossen Begriff, und die Thätigkeit, wodurch derselbe gebildet wird, ist ihm das Erste, und consequenter Weise verflüchtigt sich ihm das gesammte geistige Dasein in blosse Thätigkeiten, welchen ein Thätiges, Substantielles fehlt. Aber obgleich diese Deutung des Selbstbewusstseins einen Schein von Schärfe der Reflexion hat, so fehlt es ihr doch dabei um so mehr an Tiefe und an einem umfassenden Blicke in der Erkenntniss der Elemente des Lebens und Bewusstseins. — Crp. 46, 47. Ursprünglich hat der Sprachgebrauch das Wort Fühlen für die Wahrnehmungen mittelst des Betastungssinnes gebildet, also für eine Aeusserung des Vorstellungsvermögens, wobei der Sinn mit dem gegenständlich Realen in unmittelbare Berührung gekommen ist. Halten wir uns bloss an den Umstand, dass darin ein unmittelbares Zusammentreffen der subjectiven in das Bewusstwerden übergehenden Wirksamkeit mit ihrem Gegenstande stattfindet, so lässt sich jenes Wort allerdings auch auf das von uns oft erwähnte unmittelbare Selbstbewusstsein anwenden; denn auch hier findet dieses unmittelbare Zusammentreffen des Wirklichen mit dem Bewusstsein statt, und zwar noch weit inniger; ein reines Hereintreten der geistigen Wirklichkeit ins Bewusstsein. Und da eben hierin das ursprünglichste und erste Innewerden des Ich von sich selbst besteht, so sagen wir, dass die erste Form des Selbstbewusstseins, von uns bisher das unmittelbare genannt, im Fühlen bestehe. — Crp. 52. Wenn wir in dem Fühlen ein inneres Kundwerden oder eine innere Erscheinung finden, welche mit der realen Wirklichkeit des Kundwerdenden und Erscheinenden zugleich gesetzt ist, so stellt sich in der Vorstellung überhaupt ein Product des Ich dar, worin das Wirkliche objectivirt ist oder dem Blicke des Geistes vorgehalten wird und also in einem rein idealen Sein erscheint. In der Vorstellung ist also das Verhältniss zwischen der Wirklichkeit und dem Bewusstsein ein anderes, als welches im Fühlen stattfindet. Denn im Fühlen ist beides noch vereint und so innig mit einander verbunden, dass keins ohne das andere ist; in dem Vorstellen aber tritt zwischen das Wirkliche und das Bewusstsein die Vorstellung als Repräsentant des Erstern für das Ich und sein Bewusstsein . . . Auf der einen Seite lässt das Bewusstsein, sobald man in demselben nichts als Vorstellungen finden will, eine idealistische Deutung zu, ja es fordert alsdann dieselbe, indem dabei das Wirkliche, was in der Form des Fühlens von dem Bewusstsein durchdrun-

gen wird, sowie umgekehrt, schon zu etwas bloss Idealem verflüchtigt ist. Auf der andern Seite ist dagegen der Geist in der Vorstellung zu einem eigenthümlichen Besitze gelangt, in dessen Gebrauche er unabhängig ist von der veränderlichen und sich unaufhaltsam fortbewegenden Wirklichkeit und Gegenwart, nämlich deshalb, weil ihm die Vorstellung in ihrer freien Reproducirbarkeit bleibt, auch wenn das von ihr bloss repräsentirte Wirkliche längst nicht mehr ist. Эти разсужденія изъ малоизвѣстнаго труда Gerlach'a приведены здѣсь in extenso главнымъ образомъ потому, что нѣкоторые положенія Gerlach'a имѣютъ разительное сходство съ положеніями Тейхмюллера о самосознаніи и самопознаніи. Но врядъ ли можно предполагать здѣсь зависимость Т.а отъ относящихся сюда возрѣвій Gerlach'a (ср. стр. 199—202.) — Ср. еще Schelling's Werke, I. Abth., III. Bd., стр. 465, 466. Das Ich findet sich im ersten Moment seines Bewusstseins schon in einer Gegenwart begriffen. Denn es kann das Object nicht sich entgegensetzen, ohne sich eingeschränkt und gleichsam contrahirt zu fühlen auf Einen Punkt. Dieses Gefühl ist kein anderes, als was man durch das Selbstgefühl bezeichnet. Mit demselben fängt alles Bewusstsein an, und durch dasselbe setzt sich das Ich zuerst dem Object entgegen. Im Selbstgefühl wird der innere Sinn, d. h. die mit Bewusstsein verbundene Empfindung sich selbst zum Object. — Для объясненія понятія „самочувствія“ укажемъ еще на то дальнѣйшее развитіе, которому оно впослѣдствіи подвергается у Volkelt'a и Lipps'a. Ср. Johannes Volkelt, Erfahrung und Denken (1886), стр. 87. Das Eine musste hier festgestellt werden, dass ein constantes Ich, von dem die Ordnung, Einigung, Gesetzmässigkeit meiner Bewusstseinsvorgänge spontan ausgeht, ausserhalb aller Erfahrung liegt. Doch aber ist andererseits unbestreitbar, dass ich mich in allen meinen Vorstellungen als dasselbe Bewusstsein, als mit mir identisch fühle und weiss . . . Es ist mir unstreitig als eine Erfahrungsthatsache gegeben, dass jeder meiner Bewusstseinsvorgänge das dunkle oder deutlichere Innesein daran in sich hat, meinem Bewusstsein anzugehören. Damit ist zugleich gesagt, dass jedem meiner Bewusstseinsvorgänge das Innesein beiwohnt, einem und demselben Bewusstsein anzugehören, wie alle übrigen. Wie dieses Gefühl der Bezogenheit auf dasselbe Bewusstsein psychologisch zu Stande komme, geht mich hier nicht an. Mir ist nur dies wichtig, dass jedem meiner Bewusstseinsinhalte

dieses Gefühl unablösbar eingeschmolzen, jede meiner Vorstellungen im weitesten Sinne von diesem Spüren, Fühlen, Wissen, dass immer und überall ich es bin, der sie hat, durchdrungen ist. Diese bewusste Beziehung auf mich ist die allgemeine, beharrende Form meiner Vorstellungen, das Element, in dem sie leben ... Ich kann mich nie isolirt von meinem jeweiligen Bewusstseinsinhalt spüren und wissen. Mein Bewusstsein bietet mir erfahrungsgemäss nichts anderes dar als eine von Zeitpunkt zu Zeitpunkt wechselnde Summe heterogener Vorstellungen, deren jede das dunkel oder deutlich bewusste Bezogensein auf mich als ein nicht für sich heraushebbares Element in sich trägt. Wenn man ausschliesslich die reine Erfahrung fragt, so hat demnach Hume mit der Eliminirung der Substanz aus den Bewusstseinsvorgängen und mit der Auffassung des Bewusstseins als eines Bündels oder einer Sammlung von Vorstellungen im Grossen und Ganzen recht. — Theodor Lipps Grundthatsachen des Seelenlebens (Bonn 1883), стр. 408, 409. Je bestimmter und fester eine Apperception ist, je mehr die zu Grunde liegende Association nöthigend wirkt, desto mehr tritt der appercipirte Inhalt zu mir in ein bestimmtes Verhältniss. Dies „zu mir“ hat hier eine besondere Bedeutung. In allmählicher Stufenfolge scheiden wir mit zunehmender Erfahrung, was ursprünglich eine ungetrennte Einheit bildet, den Inhalt der Welt und den Inhalt unserer Persönlichkeit, oder kürzer die Welt und das Ich. Mehr und mehr heben sich dabei die Inhalte des unmittelbaren Selbstgefühls, die Gefühle der Lust und Unlust, der Strebung und Widerstrebung, die alles sonstige seelische Leben begleiten, als die eigentliche Grundlage oder der eigentliche Kern der Persönlichkeit oder des Ich heraus. Mit Recht, da in ihnen die Beziehungen der seelischen Inhalte zu einander und zum seelischen Gesamtleben, die besondere Art und Gesetzmässigkeit der Beziehungen, überhaupt also unser eigentliches, nicht bloss peripherisches Wesen sich dem Bewusstsein unmittelbar ankündigt. Zu den Inhalten dieses Selbstgefühls nun gehört auch das Zwangsbewusstsein, das Urtheile, auch bloss einfache Wahrnehmungsurtheile mit sich führen ... Wir appercipiren, indem wir Inhalte uns aneignen, d. h. sie zu unserem Selbstgefühl in Beziehung bringen oder in das System unseres Selbstbewusstseins einordnen. Здѣсь примѣняется, какъ мы видимъ, понятие „самочувствія“ съ цѣлью сдѣлать излишнимъ принатіе „суб-

станціональности“ нашего я. Относительно воззрѣній Lipps'a вообще ср. J. H. Witte, Das Wesen der Seele und die Natur der geistigen Vorgänge im Lichte der Philos. seit Kant (1888), стр. 17—21, 197—223. — Ср. впрочемъ Theodor Waitz, Lehrb. der Psychologie als Naturwissensch. (1849), стр. 678. Der Wille erscheint als der tiefere und eigentliche Kern und Mittelpunkt der ganzen Persönlichkeit, als dasjenige, wodurch der Mensch zu einem völlig selbständigen Wesen wird, das seine Einheit in sich selbst hat. Das bewusste Wollen ist daher das Phänomen, durch welches die Entstehung des Selbstbewusstseins hauptsächlich vorbereitet wird. — Для основоваззрѣнія Лотце во всякомъ случаѣ характерно отверженіе съ одной стороны кантова критицизма, поскольку послѣдній функціи нашего я и самое я считаетъ только за феномены, метафизическая сущность коихъ остается де трансцендентною и непознаваемою, съ другой стороны идеалистическаго интеллектуализма, по которому я или самосознаніе есть лишь продуктъ познавательной дѣятельности. Ср. Hugo Sommer, Ueber das Wesen und die Bedeutung der menschlichen Freiheit und deren moderne Widersacher (Berlin 1882), стр. 9. Nur ein altes, in seinen Consequenzen sehr verhängnissvolles Vorurtheil hat Lotze beseitigt, indem er darauf hinwies, dass uns in dem, was wir unmittelbar erleben, bereits der volle Inhalt und das wahre Wesen unseres Ich in allen denjenigen Beziehungen offenbar und anschaulich wird, welche für das wahre Ziel des menschlichen Lebens und Wissens überhaupt in Frage kommen. Lotze hat uns zuerst das wahre Verständniss des Unmittelbaren eröffnet und dadurch die Reformbewegung des Kriticismus vollendet. Während Kant noch mitten auf dem Ocean metaphysischer Vorurtheile nur den Compass richtete und mit zwingenden Gründen die Gegend bezeichnete, wo das gesuchte Land, welches die Grundlage aller spätern metaphysischen Forschung bilden sollte, zu finden sei, hat Lotze dieses Land wirklich entdeckt... Lotze hat diese Vorurtheile beseitigt und uns klar und offen dargelegt, dass dasjenige, was wir unmittelbar in uns erleben, die einzige und ganze ursprünglich gegebene Basis alles unseres Wissens und Erkennens sei und dass wir keine Wissenschaft anders und tiefer begründen können, als dadurch, dass wir ihre Wurzeln in dem Gebiete der unmittelbaren Lebenserfahrung aufsuchen. — Относительно идеалистическаго интеллектуализма ср. Schelling's Werke, I. Abth., III. Bd., стр. 355. Da der Trans-

cendental-Philosoph überall nur das Subjective sich zum Object macht, so behauptet er auch nur, dass es subjectiv, das heisst, dass es für uns irgend ein erstes Wissen gebe . . . Dieses erste Wissen ist für uns nun ohne Zweifel das Wissen von uns selbst oder das Selbstbewusstsein. — Crp. 364, 365. Da die Vorstellung das Subjective, das Sein aber das Objective ist, so heisst die Aufgabe aufs genaueste bestimmt soviel: den Punkt zu finden, wo Subject und Object unvermittelt Eines sind. Durch diese immer nähere Einschränkung der Aufgabe ist sie nun auch so gut als gelöst. Jene unvermittelte Identität des Subjects und Objects kann nur da existiren, wo das Vorgestellte zugleich auch das Vorstellende, das Angeschaute auch das Anschauende ist. Aber diese Identität des Vorgestellten mit dem Vorstellenden ist nur im Selbstbewusstsein; also ist der gesuchte Punkt im Selbstbewusstsein gefunden. — Crp. 366. Das Ich ist gar nicht vor jenem Act, wodurch das Denken sich selbst zum Object wird, es ist also selbst nichts anderes als das sich Object werdende Denken, und sonach absolut nichts ausser dem Denken. — Crp. 369. Das Ich . . . ist intellectuelle Anschauung, weil durch das Wissen des Ichs von sich selbst das Ich selbst (das Object) erst entsteht. Denn da das Ich als Object nichts anderes ist als eben das Wissen von sich selbst, so entsteht das Ich eben nur dadurch, dass es von sich weiss; das Ich selbst ist also ein Wissen, das zugleich sich selbst als Object producirt. — Crp. 389. Der Begriff, von dem wir ausgehen, ist der des Ichs, d. h. des Subject-Objects, zu dem wir uns durch absolute Freiheit erheben. — Crp. 395. Das Selbstbewusstsein ist der absolute Act, durch welchen für das Ich alles gesetzt ist . . . Nun entsteht aber die Frage, wodurch der Philosoph sich jenes ursprünglichen Acts versichere oder um ihn wisse. Offenbar nicht unmittelbar, sondern nur durch Schlüsse. — Для дальнѣйшаго объясненія значенія этихъ разсужденій ср. стр. 201, 202. — Ср. еще С. Н. Weisse, Grundz. der Metaph., стр. 556. Weder Verstand, noch Selbstbewusstsein ist ohne Vernunft möglich . . . In dem Bewusstsein der Kategorien hat das Ich schon vor allem zeitlichen Denken und Vorstellen den Inhalt, der ihm selbst, das heisst seinem verständigen Denken unbewusst, seine unendliche Leere erfüllt; ja das Ich selbst ist nichts anderes, als dieses Bewusstsein der Kategorien. — A. Riehl, Der philos. Kriticismus, II. Bd., II. Th., стр. 43. — Относительно воззрѣній Гербарта о самосознаніи и я ср. Herbart's Werke, VI. Bd., стр. 228—260 (Vom

Селbstbewusstsein). Поскольку Герbartъ отвергаетъ понятие „чистаго я“ въ смыслѣ Канта и Фихте, Лотце, конечно, можетъ съ нимъ согласиться. Herbart's Werke, VI. Bd., стр. 254. Wie bei allen Begriffen, denen ein wesentliches Ergänzungsstück fehlt, auf das sie sich beziehen, ohne es zu enthalten und unmittelbar anzuzeigen: so liegt auch beim Ich die Täuschung daran, dass man diesen Begriff für denkbar hält, nach Absonderung von allem Individuellen. Wer, wie Kant, das Ich für die ärmste und gehaltloseste aller Vorstellungen ansieht, wer ihr ein abgesondertes Geistesvermögen anweist, durch das sie ohne Beziehung, ohne nothwendigen Zusammenhang mit unsern übrigen Vorstellungen für sich allein dastehe, sich erst hintennach an die übrigen gleichsam anlegen, oder dieselben in ihren Schoss aufnehmen soll: der ist mitten in der Täuschung befangen. Die Täuschung führt nun... auf metaphysische Abwege von der Art, wie Fichte sie vielfältig durchlaufen ist. Но разногласіе между основополагающими Гербарта и Лотце тотчасъ обнаруживается, если имѣть въ виду лишь то обстоятельство, что Герbartъ вообще не признаетъ никакого первоначальнаго и непосредственнаго самосознанія. Ib. стр. 259, 260. Wir gehen zurück auf die Voraussetzung unserer ganzen psychologischen Untersuchung, wir nehmen aus der allgemeinen Metaphysik als bekannt an, dass die Seele ein streng einfaches, ursprünglich nicht vorstellendes Wesen ist, dessen Selbsterhaltungen aber gegen mannigfaltige Störungen durch andere Wesen Acte des Vorstellens ergeben. Die Seele an sich, in ihrer einfachen, übrigens unbekannten Qualität, die nicht vorstellende, kann nicht Subject noch Object des Bewusstseins werden. Aber die Seele in Hinsicht auf alle ihre Selbsterhaltungen, welche Vorstellungen sind, ist das wahre Subject, das Eine, ungetheilte, aber höchst mannigfaltig thätige, des gesammten Bewusstseins. — Ср. также и Moritz Wilhelm Drobisch, Empirische Psychologie (1842), стр. 145—147. — Adolf Horwicz, Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage. II. Th., I. Hälfte: Die Analyse des Denkens (Halle 1875), стр. 164, 165.

Къ стр. 128—130, 1. Изложенныя здѣсь воззрѣнія Лотце въ сущности сводятся къ двумъ положеніямъ: во первыхъ, истинное и нераздѣльное единство, совмѣстимое съ множествомъ состояній и актовъ и заслуживающее наименованія субстанціи, становится намъ извѣстнымъ лишь на основаніи непосредственнаго внутренняго опыта; во вторыхъ, это субстанціальное единство никакимъ образомъ не можетъ быть построено изъ какихъ либо само-

стоятельныхъ элементовъ, первоначально не образующихъ собою единства. Относительно этихъ положеній ср. Leibniz, *Reponse aux reflexions* contenues dans la seconde Edition du Dictionnaire Critique de M. Bayle sur le systeme de l'Harmonie préétablie: Gerhardt, IV, стр. 565. J'aurois souhaité de voir pourquoy l'on croit, que cette multitude de perceptions, que je suppose dans une substance indivisible, n'y sauroit avoir lieu; car je crois que, quand même l'expérience et le sentiment commun ne nous en feroient point reconnoître une grande variété dans nostre âme, il seroit permis de la supposer. Ce ne sera pas une preuve d'impossibilité de dire seulement, qu'on ne sauroit concevoir une telle ou telle chose, quand on ne marque pas en quoy elle choque la raison, et quand la difficulté n'est que dans l'imagination, sans qu'il y en ait dans l'entendement. — Gerhardt, VI, стр. 609. Nous experimentons nous mêmes une multitude dans la substance simple, lorsque nous trouvons que la moindre pensée dont nous appercevons enveloppe une variété dans l'objet. Ainsi tous ceux, qui reconnaissent que l'Ame est une substance simple, doivent reconnoître cette multitude dans la Monade, et Monsieur Bayle ne devoit point y trouver de la difficulté, comme il a fait dans son Dictionnaire, article Rorarius. — Ib стр. 628. Cependant la simplicité d'une substance n'empêche point qu'il y ait là dedans plusieurs modes tout à la fois. Il y a des perceptions successives, mais il y en a aussi de simultanées. — Friedrich Eduard Beneke, *Psychologische Skizzen* (1827), II. Bd., стр. 264. Wie das Ineinander mehrerer Existenzen zu Einer Existenz nur in unserem Seelensein, in dem Ineinanderfliessen unserer Vorstellungen, Gefühle, Strebungen, unmittelbar uns vor Augen liegt, so haben wir auch nur in unserem Seelensein eine unmittelbare Anschauung des ursächlichen Zusammenhanges (ср. стр. 221). — Вращаясь въ кругу мыслей W. Wundt'a, Kresto K. Krestoff возражаетъ противъ допущенія субстанціальности души въ своемъ сочиненіи Lotze's metaphysischer Seelenbegriff (Halle 1890), стр. 25: „Hat Lotze in der That die Nothwendigkeit eines Seelendings erwiesen, wie es beim ersten Blicke scheint? Nein. Alle seine Untersuchungen hat er geführt, um angeblich das allgemeine Sprachurtheil zu prüfen, in Wahrheit aber um sich dasselbe so schnell wie möglich anzueignen. Nirgends ist die Frage ernstlich aufgeworfen worden, ob die Psychologie so wie die Physik ohne weiteres nach einem Substrat zu fragen hat“. Kresto K. Krestoff не-

ходить, слѣдую Wundt'у, изъ того положенія, будто бы душѣ можно приписать субстанціальность, лишь перенося понятие субстанции, примѣняемое физикою, на область психологiи. Лотце же именно на стр. 128 указываетъ на возможность образовать понятие субстанции совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было физическихъ аналогiй. Поэтому Wundt'омъ и его послѣдователемъ не точно опредѣленъ status controversiae. Ср. еще Wilhelm Wundt, *Logik. Eine Untersuchung der Principien der Erkenntniss und der Methoden wissenschaftlicher Forschung* (Stuttgart 1880), I. Bd., стр. 486—489. Das Selbstbewusstsein wird durch die denkende Bearbeitung der ihm gegebenen Objecte genöthigt anzunehmen, dass als die Träger der sinnlichen Dinge Substanzen voraussetzen seien. Den so aus der Wechselwirkung des Denkens mit seinen Objecten hervorgegangenen Begriff überträgt man dann auf das denkende Subject selbst, obgleich sich dieses doch unmittelbar seiner selbst gewiss ist, sodass hier jene Motive, die uns veranlassen hinter dem sinnlichen Schein ein von ihm verschiedenes, obgleich immer nur hypothetisches Sein vorauszusetzen, gänzlich hinwegfallen . . . Der Substanzbegriff hat für die innere Erfahrung eine legitime Anwendung nur im Gebiet der psychophysischen Vorgänge, d. h. also für den ganzen materiellen Inhalt unserer innern Erfahrung, der stets zugleich von physischen Vorgängen begleitet ist. Auch hier kann es sich nun aber nicht darum handeln, auf der Grundlage der innern Erfahrung allein einen Substanzbegriff auszubilden, sondern, da das Substrat unserer Vorstellungen zugleich als das Substrat begleitender physischer Vorgänge anzusehen ist, so kann die Aufgabe nur in einer Ergänzung des materiellen Substanzbegriffs bestehen, welche denselben tauglich macht zugleich als Grundlage physischer Vorgänge zu dienen. Diese Ergänzung besteht in der Voraussetzung, dass den Substanzelementen eine psychische Qualität zukommt, in Bezug auf welche sie in einer wechselseitigen innern Verbindung stehen. — Относящаяся сюда разсужденія Wundt'а хорошо разбираетъ I. H. Witte. Ср. его *Das Wesen der Seele und die Natur der geistigen Vorgänge im Lichte der Philosophie seit Kant*, стр. 11—17. — Извѣстный представитель нѣмецкаго позитивизма Ernst Laas разбираетъ въ своемъ трудѣ „*Idealismus und Positivismus* (Berlin 1879—1884)“ и воззрѣнiя Лотце. Хотя онъ, придерживаясь общей позитивистической точки зрѣнiя, считаетъ предположенiе „душевной субстанции“ невозможнымъ безъ перехода въ область непознаваемой трансцендент-

ности, онъ всетаки долженъ согласиться, что Лотце, признавая „субстанціальность“ души, не выходитъ за предѣлы непосредственнаго внутренняго „опыта“. Вслѣдствіе этого Лаас толкуетъ воззрѣніе Лотце въ смыслѣ позитивизма, но безъ достаточнаго основанія. Ибо Лотце утверждаетъ, что фактъ единства сознанія eo ipso есть фактъ существованія субстанции, причемъ онъ рѣшительно отвергаетъ мнѣніе, будто бы понятіе субстанции вообще могло намъ быть извѣстно независимо отъ внутренняго опыта и будто примѣненіе понятія субстанции къ душѣ неизбѣжно приводитъ насъ къ положеніямъ, недоказуемымъ на основаніи научнаго анализа нашего непосредственнаго сознанія. Лаас же, какъ позитивисты вообще, имѣетъ въ виду проективно-догматическое понятіе субстанции, приспособленное къ объектамъ внѣшняго воспріятія; такая субстанція, конечно, недоступна ни внѣшнему, ни внутреннему опыту, и на самомъ дѣлѣ оказывается призракомъ некритическаго мышленія. Нельзя впрочемъ отрицать, что у Лотце недостаетъ строгой послѣдовательности относительно вопроса о субстанціальности я и вещей вообще (ср. стр. 185, 192, 196—202, 228—230, 245, 1, 254—262, 267). Ср. Lotze, *Metaphysik* (1884), стр. 481. Sehr weit war ich von der Ansicht derer entfernt, welche die Seele als ein hartes und unzersprengbares Atom neben andern oder als ein unaufhebliches reales Wesen in den Lauf der Ereignisse einführen, und in diesem ihrem Charakter als Substanz die Grundlage zur Construction ihres übrigen Verhaltens zu finden glaubten; die Thatsache der Einheit des Bewusstseins ist es, die eo ipso zugleich die Thatsache des Daseins einer Substanz ist, nicht aber auf eine solche wie auf die Bedingung ihrer Möglichkeit erst durch einen Schluss zurückgeführt zu werden braucht, durch einen Schluss, der ganz irrig in einer vorher bekannten anderweitigen Natur und Vortrefflichkeit der Substanz die Quelle suchte, aus der der Seele und jedem einzelnen Dinge erst die Fähigkeit zuflösse, als einheitlicher Mittelpunkt eines mannigfachen Wirkens und Leidens sich aufführen zu können. — Стр. 485. Darauf also komme ich zurück, dass eben jene Identität des Subjects der innern Erfahrung das Einzige ist, was wir brauchen; sofern und solange die Seele sich als dieselbige Subject weiss, ist und heisst sie eben deswegen Substanz; der Versuch aber, die Befähigung zu dieser Leistung in der numerischen Einheit einer andern unterliegenden Substanz zu suchen, ist nicht ein Schluss, welcher ein an sich richtiges

Ziel nur verfehlte, sondern er hat gar kein Ziel. Das was als Einheit in der Mannigfaltigkeit nicht nur von Andern gedacht wird, sondern sich selbst als solche weiss und geltend macht, das ist eben dadurch die wahrste und untheilbarste Einheit, die es geben kann; bei Kant, so scheint es mir wenigstens, läuft immer wieder das Vorurtheil unter, es gebe ein gewisses Einheitsein, und dies sei metaphysisch noch viel vornehmer, als jedes blosses Sichgeltendmachen als Einheit, das allenfalls auch dem nicht wahrhaft oder numerisch Einen zukommen könne. — Crp. 486. Jede Seele ist das, als was sie sich giebt: in bestimmten Vorstellungen, Gefühlen und Strebungen lebende Einheit . . . Niemals kann aus dem leeren Begriffe der Substanz, als wäre in ihm der Rechtsgrund ihres Verhaltens zu finden, ein nothwendiger Schluss auf ihre Gesamtstellung in der Welt gezogen werden. — Ernst Laas, Idealismus und Positivismus, III. Bd., стр. 111. Der Positivismus findet in einer Substanz, die nur „Titel“ und Name ist, die kein Grund, keine Ursache, nichts sachlich Neues sein soll, aus dem man weiteres folgern könnte, kaum noch einen Ansatzpunkt zur Widerlegung. — Crp. 268. Der Rationalist (Lotze) gewahrt die Continuität und Einheit des Bewusstseins; sofort weist sie ihn auf einen besondern denknothwendigen Träger dieser Continuität und Einheit hin, der die vielen simultanen und successiven Inhalte zusammenfasst, die „Seele“ . . . Nun folgen eine Reihe von Reservationen und Cautelen, denen gegenüber es sehr schwer ist zu sagen, was man eigentlich vor sich hat: ein leeres analytisches Urtheil über das, was thatsächlich vorliegt, oder ein synthetisches Urtheil, das erst hinterher auf die Denknothwendigkeit eines analytischen klüglich abgedämpft werden soll. Aber ganz klar ist, wie den kritisch gestimmten Rationalisten selbst ein nachträgliches Gefühl von der Unberechtigung des Cardinalgedankens der rationalistischen Psychologie überkommt. Из приведенных мѣстъ ясно видно, — и Лаас по неволѣ самъ признается въ этомъ, — что указанное воззрѣніе Лотце о субстанціальности души не входитъ ни въ одну изъ примѣняемыхъ Лаас'омъ ходячихъ рубрикъ. — Типичнымъ для позитивистическаго воззрѣнія о природѣ нашего я является слѣдующее мѣсто изъ Юма Treatise on human nature (IV, 6), которое и Лаас признаетъ наилучшимъ выраженіемъ своего собственнаго убѣжденія: Idealismus und Positivismus, I. Bd., стр. 216. „Nimmt man einige «Metaphysiker» aus,

so kann von den übrigen Menschen ganz bestimmt behauptet werden, dass sie und ihr «Geist» (Mind) nichts sind als ein Aggregat, eine Sammlung (bundle, heap, collection) von verschiedenen Bewusstseinszuständen (perceptions), die durch bestimmte Beziehungen aneinander gebunden sind. Unser Selbst befindet sich in fortwährendem Fluss und Bewegung (in a perpetual flux and movement) . . . Die Vorstellungen gehen und kommen und ziehen wieder ab und mengen sich in einer unendlichen Mannigfaltigkeit von Stellungen und Lagen. Es giebt eigentlich keine Einfachheit darin zu irgend einer Zeit, auch keine Identität im Verschiedenen. Es sind die successiven Vorstellungen allein, welche den Geist, die Seele (Mind) ausmachen.“ So David Hume. Wir wissen unsererseits nicht, wie wir uns diesem psychologischen Heraklitismus entziehen, weshalb wir uns nicht rückhaltlos ihm anschliessen sollen. Wir sind überzeugt, Protagoras hätte desgleichen gethan; auch er würde den Thatfachen, die hier einmal ohne alle platonische Umhüllung in ihrer ganzen Nacktheit gezeigt werden, Ehre und Achtung erwiesen haben. — Cp. Edmund Koenig, Ueber den Substanzbegriff bei Locke und Hume, crp. 294—302. — Cp. eme Johan Stuart Mill, A System of Logic, ratiocinative and inductive (London 1851), I. vol., crp. 67. Body having now been defined the external cause, and the hidden external cause, to which we refer our sensations; it remains to frame a definition of Mind. Nor, after the preceding observations, will this be difficult. For, as our conception of a body is that of an unknown exciting cause of sensations, so our conception of a mind is that of an unknown recipient, or percipient, of them; and not of them alone, but of all our other feelings. As body is the mysterious something which excites the mind to feel, so mind is the mysterious something which feels, and thinks . . . But it is necessary to remark, that on the inmost nature of the thinking principle, as well as on the inmost nature of matter, we are, and with our faculties must always remain, entirely in the dark. All which we are aware of, even in our own minds, is a certain „thread of consciousness“; a series of feelings, that is, of sensations, thoughts, emotions, and volitions, more or less numerous and complicated. There is a something I call Myself, or, by another form of expression, my mind, which I consider as distinct from these sensations, thoughts etc. . . But what this being is, although it is myself, I have no knowledge, other than the series of its states of consciousness. — William James, Psychology (briefer course), London

1892, стр. 202, 203. — Ср. Charles Jeanmaire, *L'idée de la personnalité dans la psychologie moderne* (Toulouse 1882), стр. 18 ss. — Приписывая душѣ субстанціальное единство, Лотце отвергаетъ не только матеріалистическія и позитивистическія, но также и идеалистическія воззрѣнія (ср. стр. 135, 1); въ позднѣйшихъ же трудахъ онъ кромѣ того имѣетъ въ виду полуидеалистическое учение Th. Fechner'a. Послѣдній отрицаетъ субстанціальность души, придерживаясь того взгляда, что душа и тѣло есть одно и то же существо, созерцаемое съ различныхъ точекъ зрѣнія, и что между отдѣльными состояніями душевной жизни и фазисами ея развитія существуетъ не субстанціальная, а лишь причинная связь. Ср. Lotze, *Metaph.* (1884), стр. 480. Es ist gewöhnlich, unsere jetzt aufgestellte Folgerung dahin auszudrücken, dass die Seele eine untheilbare und einfache Substanz sei, und ich habe diesen Ausdruck als verständliche Bezeichnung arglos gebraucht. Wie er missverstanden werden kann, lehrt mich die Art, wie Fechner in seiner Atomenlehre meine Ansicht der seinigen gegenüber charakterisirt. Meinem hochverehrten Freunde lag es als Naturforscher nahe und wurde ihm durch Vertrautsein mit den eminentesten Vertretern der Herbart'schen Philosophie wahrscheinlich noch näher gelegt, Substanz in dem Sinne eines physikalischen Atomes oder eines einfachen realen Wesens jener Schule zu fassen. Besondere Veranlassung zu diesem Missverständniss hatte ich nicht gegeben. — Gustav Theodor Fechner, *Ueber die Seelenfrage. Ein Gang durch die sichtbare Welt, um die unsichtbare zu finden* (Leipzig 1861), стр. 221. Diese Ansicht ist ganz Identitätsansicht, indem sie Beides Leib und Seele, nur für zwei verschiedene Erscheinungsweisen desselben Wesens hält, die eine auf innerem, die andere auf äusserem Standpunkt zu gewinnen, nur dass sie das Wesen, was beiden Erscheinungsweisen gemeinsam unterliegt, in Nichts als der untrennbaren Wechselbedingtheit beider Erscheinungsweisen und die letzte Bedingung der Untrennbarkeit in der Einheit des göttlichen Bewusstseins sieht. Schroff widerspricht sie nur der Monadologie; mit dieser gilt es einen Kampf auf Tod und Leben. — Ero же Psychophysik (Leipzig 1860), II. Bd., стр. 526, 527. Das psychisch Einheitliche und Einfache knüpft sich an physisch Mannigfaltiges, das physisch Mannigfaltige zieht sich psychisch ins Einheitliche, Einfache oder doch Einfachere zusammen. Oder anders: das psychisch Einheitliche und Einfache sind Resultanten physischer Mannigfaltigkeit, die physische Mannigfaltigkeit giebt ein-

heitliche oder einfache Resultanten (cp. crp. 94, 1) . . . Untrifftig hat man oft die abstracte Einfachheit des Bewusstseins mit einer Einfachheit der ganzen concreten Seele verwechselt, nutzlos meines Erachtens durch ein einfaches hinterwirkliches Seelenwesen hypostasirt. Denselben Satz habe ich mit anderer Richtung der Auffassung auch so ausgesprochen, dass der Geist, die Seele, das verknüpfende Princip für die körperliche Zusammenstellung und Auseinanderfolge sei, unter Hinweis, wie beide Ausdrucksweisen im Factischen zusammentreffen . . . So gewiss es ist, dass einheitliche und einfache psychische Resultanten an physischer Mannigfaltigkeit hängen, so gewiss ist von der andern Seite, dass nicht alles physisch Zusammengesetzte, selbst wenn es einem in sich zusammenhängenden körperlichen Systeme angehört, in eine einfache psychische Resultante zusammengeht. — Crp. 539, 540. Die Seele kann im Zeitlaufe von einem materiellen Systeme auf ein nach Stoff und Form ganz anderes übergehen; aber nicht überspringen; sondern die neuen Materien müssen in das alte psychophysische System eintreten, indess die alten austreten, wie im Stoffwechsel allmählich geschieht, oder die alte psychophysische Bewegung muss sich in continuo auf neue Materien überpflanzen, wie bei dem Wechsel der Aufmerksamkeit plötzlich geschieht. — Ero же Zend-Avesta oder die Dinge des Himmels und des Jenseits vom Standpunkte der Naturbetrachtung (Leipzig 1851), III, crp. 263 ss. Es wäre unrecht, die Einheit der Seele als einen todten Kern, als ein einfaches, concrètes Wesen inmitten seiner Bestimmungen zu fassen. Es ist vielmehr eine lebendige, der Gesamtheit und dem Fluss aller Bestimmungen der Seele gleich innerliche Einheit des Wirkens, die alle unter sich verknüpft, vermöge deren alles Gleichzeitige im Geist sich wechselseitig bestimmt und jeder spätere Zustand hervorwächst aus dem früheren, dessen Fortwirkung in sich tragend . . . Mit dem Gefühl der Wechselbestimmtheit alles dessen, was in unsrer Seele vorgeht, ist zugleich das Gefühl ihrer Einheit unabtrennlich gegeben . . . Nun aber findet nicht nur eine Wechselbestimmtheit, sondern auch eine Folgebestimmtheit dessen, was in der Seele ist und geht, statt, die jedoch mit der Wechselbestimmtheit selbst zusammenhängt . . . Der spätere Geist fühlt sich eins mit dem früheren, und ist insofern noch derselbe als früher, als er noch die Fortwirkung des früheren in sich hat . . . Die identische Forterhaltung des Ich diessseits durch allen innern und äussern Wechsel hängt

also kurz gesagt an der Forterhaltung des ursächlichen oder Causalzusammenhanges zwischen unseren geistigen Phänomenen. Insofern etwas als geistige Folge aus dem fließt, was unserem früheren Ich angehört, gehört sie auch von selbst noch demselben Ich an, erhält sich das Ich darin von selbst fort, wenn auch die Erscheinungen noch so sehr wechseln. — Cp. J. J. Borelius, Blicke auf den gegenwärtigen Standpunkt der Philosophie in Deutschland und Frankreich. Deutsch von Emil Jonas (1886), стр. 7, 8. — Относительно единства сознания мы встречаемъ подобное воззрѣніе у Franz Brentano. Cp. послѣдняго Psychologie vom empirischen Standpunkte (Leipzig 1874), I. Bd., стр. 218 ss. Auch das gehört nicht zur Einheit des Bewusstseins, dass die psychischen Phänomene, welche wir als unsere früheren Seelenthätigkeiten zu bezeichnen pflegen, Theile desselben wirklichen Dinges waren, welches unsere gegenwärtigen psychischen Erscheinungen umfasst . . . Es bleibt zunächst eine offene Frage, ob der Fortbestand des Ich das Beharren ein und desselben einheitlichen Dinges oder etwa eine Aufeinanderfolge verschiedener Dinge sei, von welchen nur das eine an das andere sich anschliesst und so zu sagen an seine Stelle tritt. Es würde darum z. B. unseren Auseinandersetzungen nicht widerstreiten, wenn einer glaubte, dass das Ich ein körperliches Organ sei, welches fortwährendem Stoffwechsel unterliegt, wenn er nur annimmt, dass die Eindrücke, die es erfahre, auf die Weise, in welcher es sich erneuere, von Einfluss seien, dass also ähnlich wie die Wunde die Narbe hinterlässt, auch das frühere psychische Erlebniss nachwirkend eine Spur von sich und in ihr die Möglichkeit einer Erinnerung daran vererbe. Die Einheit des Ich in seinem früheren und späteren Bestande wäre dann keine andere als die eines Flusses, in welchem die eine Woge der andern Woge folgt und ihre Bewegung nachbildet. — Относительно противопоставленія „смыслу знанія“ „знанію о смыслѣ“ ср. Микр. I, стр. 250. Es reicht nicht hin, dass Beziehungen zwischen den einzelnen Vorstellungen bestehen oder Erinnerungsbilder vorüberziehen. Käme nichts anderes hinzu, so wäre die Seele nur ein Schauplatz, auf welchem thatsächlich ein Zusammenhang des Vorstellens oder ein Wechsel des Wissens stattfände; ein Vorstellen dieses Zusammenhanges aber oder ein Wissen von diesem Wechsel würde erst in einem Beobachter entstehen können, der mehr verstände, als Zustände in sich aufeinander folgen zu lassen; der es verstände, in einem zweiten und höhern Bewusstsein jene That-

sachen, die stattfindenden Beziehungen zwischen jenen gleichzeitigen oder abwechselnden Vorstellungen, zusammenzufassen und zu beurtheilen. Ср. съ этимъ Herbart's Werke, VI. Bd., стр. 142. Ein fliessendes Vorstellen, fortgleitend von dem Anfangspunkte, würde zwar selbst Zeit verbrauchen; aber es würde die Zeit nicht darstellen, indem es von dem Successiven einen Theil über dem andern fahren liesse, anstatt das ganze Successive zusammenzufassen. — Въ „Микрокосмъ“ (I. стр. 161) Лотце утверждаетъ: „Drei Züge sind es vornehmlich, welche das Seelenleben auf unwiderrufliche Weise von allem Naturlauf zu trennen scheinen.“ А такими чертами онъ считаетъ 1. свободу внутренняго самоопредѣленія; 2. несравнимость психическихъ процессовъ съ физическими явленіями; 3. единство сознанія; причемъ лишь послѣднее имѣетъ въ его глазахъ рѣшающее значеніе. Этотъ ходъ аргументаціи въ пользу субстанціального единства души предначертанъ уже Tetens'омъ, который въ этомъ отношеніи, конечно, вращается въ кругу мыслей Вольфа, Лейбница и Декарта. Ср. Mikr. I, стр. 161—170. Drei Züge sind es vornehmlich, welche das Seelenleben auf unwiderrufliche Weise von allem Naturlauf zu trennen scheinen. 1. Auf keinen von ihnen legt die gewöhnliche Ansicht mehr Gewicht, als auf den zweifelhaftesten von allen, auf die Freiheit der innern Selbstbestimmung nämlich, die wir mit unmittelbarer Klarheit in uns selbst zu erfahren glauben, im Gegensatz zu der ununterbrochenen Nothwendigkeit, mit welcher die Zustände des Unbeseelten sich auseinander entwickeln . . . 2. Alles, was den materiellen Bestandtheilen der äusseren Natur oder denen unseres eigenen Körpers begegnet, Alles, was ihnen als einzelnen oder als mannigfach verbundenen zustossen kann, die Gesamtheit aller jener Bestimmungen der Ausdehnung, Mischung, Dichtigkeit und Bewegung, dies alles ist völlig unvergleichbar mit der eigenthümlichen Natur der geistigen Zustände, mit den Empfindungen, den Gefühlen, den Strebungen, die wir thatsächlich auf sie folgen sehen und irrthümlich aus ihnen entstehen zu sehen glauben . . . 3. Als die entscheidende Thatsache der Erfahrung, welche uns nöthigt, in der Erklärung des geistigen Lebens an die Stelle der Stoffe ein übersinnliches Wesen als Träger der Erscheinungen zu setzen, müssen wir jene Einheit des Bewusstseins bezeichnen, ohne welche die Gesamtheit unserer inneren Zustände nicht einmal Gegenstand unserer Selbstbeobachtung werden könnte. — Относительно перваго пункта ср. Joh. Heinr. Ferd. Autenrieth, Handbuch der empirischen menschlichen Physiologie (1801), I. Bd.,

crp. 57. Dass die Seele und ihre Wirkungen kein Product der Kräfte der Maschineneinrichtung des belebten Körpers sei, der etwa von aussen her durch die Luft, Wärme etc. seinen ersten Stoss erhielte, das beweist nicht nur die Regellosigkeit in Absicht auf die Zeit der Thätigkeit der Seele, sondern auch das Gefühl von Freiheit unseres Willens, nämlich das Bewusstsein der Möglichkeit, gerade das Gegentheil von dem, wozu uns Neigung oder Abneigung aufruft, oder dieses selbst oder keines von beiden thun zu können, also das Gefühl der Unabhängigkeit von jeder möglichen Maschineneinrichtung. — J. N. Tetens, Philos. Versuche über die menschl. Natur, II. Bd., crp. 180. A) Was das eigne Raisonement Hennings' aus der Willkür betrifft, so ist es wohl ausser Zweifel, dass in diesem Vermögen der Seele sowohl, als in den übrigen, der Charakter der immateriellen Natur durchscheinen werde. Aber um dies deutlich zu sehen, würde wohl ein mehr entwickelter Begriff von der Spontaneität erfordert werden, als Hennings voraussetzt, der auf den Indeterminismus baut. Und dann, deucht mich, sei dieser Beweisgrund es am wenigsten, der uns den kürzesten Weg führe. Crp. 178. B) Die erste Vorstellung, die wir aus dem Selbstgefühl von einem Wesen uns machen, welches fühlen, denken, sich bewusst sein und wollen kann, ist so ganz heterogen von dem Begriff, den wir uns von der Materie und dem Körper aus unseren äusseren Empfindungen abstrahiren, und beide sind so unvergleichbar mit einander, dass wir nothwendig anfangs diese beiden Arten von Wesen als ganz verschiedene Wesen uns vorzustellen genöthigt sind. Der Körper leidet, nimmt auf, wird modificirt, bewegt und wirkt zurück; aber keine Spur vom Gefühl, von Apperception, Vergnügen und Verdruss, vom Wollen, vom Selbstbestimmen liegt in allen Eindrücken, die wir von ihm erhalten. Crp. 191 ss. C) Es ist ein so erwiesener Beobachtungssatz, als es sonst einer sein kann, dass das Ich, welches siehet, das nämliche ist, welches höret, schmecket, riechet, fühlet, denket, will . . . Ich, der ich fühle, denke, afficirt werde, leide, handle, bin so sehr eins und dasselbige Wesen, Ding oder Kraft, wie man es nennen will, dass ich keinen Begriff von einer grösseren Identität habe, als diese Identität meines Ichs. Ich kann mir nicht vorstellen, dass a mehr einerlei mit a, oder ein Ding mehr einerlei mit sich selbst sein könne, als das Ich, welches denket, es ist mit dem Ich, welches will . . . Das erste und vornehmste, was uns hier aufstösst, ist die Frage: ob fühlen, afficirt werden, wahrnehmen,

sich bestimmen, nur bloss collective Handlungen eines zusammengesetzten Ganzen sein können, die aus gewissen Handlungen der einfachen Substanzen bestehen, welche einzeln genommen zwar seelenartige Kraftäusserungen genannt werden mögen, aber von den eigentlichen Seelenäusserungen unterschieden sind? und die vielleicht gar nur in Bewegungen bestehen, oder wenigstens zu einer Art von Wirkungen gehören, wovon wir keine Vorstellungen haben? . . . Ist der Actus des Fühlens aus einer Menge anderer Kraftäusserungen zusammengesetzt, die einzeln genommen keine Gefühle sind, so wird aus diesen letztern nur alsdann erst ein Gefühlsactus, wenn sie vereinigt und zusammen, das ist, collective genommen werden. Aber es ist unmöglich, dass sie colligirt werden können, wofern solches nicht in Einem Dinge geschieht, welches eine wahre substantielle Einheit ist. — Cp. еще Chr. W. Snell und Fr. W. D. Snell, Handbuch der Philosophie (Giessen 1809), I. Bd., стр. 11—13. — Относительно дѣлимости психическаго принципа, которую такъ рѣшительно отвергаетъ Лотце, ср. приведенное на стр. 364 мѣсто изъ J. Müller'a Handb. der Physiol. des Menschen, I. Bd., стр. 817. — Относительно такъ наз. трихотомическихъ теорій ср. Mikr. II, стр. 143 ss. и Wilhelm Volkmann Ritter von Volkmann, Lehrb. der Psychol. (1875), I. Bd., стр. 147. — Относительно стр. 128—130 вообще ср. стр. 185—202, 228—230, 245, 254—262, 267.

Къ стр. **130**, **2—135**, 2. Касательно относящихся сюда воззрѣній Гербарта ср. стр. 375 и 376. Кромѣ того J. H. Witte, Das Wesen der Seele etc. (1888), стр. 256. Die gänzliche Verkennung des vorempirischen Bewusstseins und seiner apriorischen Factoren bezeichnet den Grundirrthum und das unkritische Moment von Herbarts Lehre, durch die alle übrigen Mängel, wie die unbedingte Verwerfung der Annahme von psychischen Vermögen und die rein associative und mechanische Auffassung der seelischen Zusammenhänge und Veränderungen im Sinne des positivistischen Empirismus bedingt sind. — Cp. 272, 273. Nicht alle Vorstellungen sind (nach Herbart) Erzeugnisse der Seele selber, sofern sie ihre Selbsterhaltung behauptet, sondern nur die einfachsten sind deren eigene Producte . . . Das gesammte höhere geistige Leben gilt ihm für Ergebniss eines psychischen Vorstellungsmechanismus, zu dessen Entstehung es keiner erneuten Selbstthätigkeit der Seele bedarf, sobald diese nur einmal die Grundlage von Vorstellungen geschaffen hat. — Cp. 137—142. — Cp. также и

Max Nath, Die Psychologie Hermann Lotzes in ihrem Verhältniss zu Herbart, crp. 13. Diese Erklärbarkeit des gesammten geistigen Lebens durch das Spiel der Vorstellungen ist der Grundgedanke der Herbartschen Lehre. Bei Herbart scheint die Seele ihre wirkende Thätigkeit zurückzuziehen, nachdem sie einmal aus ihrer Natur das ursprüngliche Material, die Welt der Empfindungen, erzeugt hat. Die Erzeugnisse aber scheint sie sich selbst und den allgemeinen Gesetzen ihrer Wechselwirkung zu überlassen, niemals scheint sie wieder mit ihrer vollen Natur handelnd in das Getriebe einzugreifen und den herbeigeführten Verhältnissen neue Wendungen zu geben . . . Hiergegen können für Lotze auf dem Grund und Boden des Bewusstseins die Vorstellungen keineswegs nur ihren Wechselwirkungen sich überlassen, sind sie keineswegs dem alleinigen Gebote eines allgemeinen Mechanismus unterworfen. Vielmehr ist für ihr späteres Verhalten, nachdem sie einmal entstanden, auch der Boden reizbar und von Einfluss, auf dem sie sich bewegen. Die Seele bringt die Vorstellungen nicht nur irgend einmal hervor und entlässt sie dann; das geistige Leben ist mit diesem ersten Erzeugnisse keineswegs abgeschlossen, die höheren Thätigkeiten, auf denen sein Werth beruht, gehen aus dem mechanischen Treiben der Vorstellungen keineswegs von selbst hervor . . . So scheidet der Gedanke der beständigen Rückwirkung der ganzen Natur der Seele auf ihre augenblicklichen Zustände principiell die Lehre Lotzes von derjenigen Herbarts. Aus ihr erklären sich die Einzelabweichungen der beiden Forscher. — Лотце на основаніи своего воззрѣнія о субстанціальной природѣ души рѣшительно отвергаетъ полусенсуалистическое и полуинтеллектуалистическое ученіе Гербарта, приписывая самой душѣ способность порождать изъ своей субстанціальной природы не только ощущенія и представленія, но также чувствованія и акты воли. Принимая названныя три „способности“ души, Лотце примыкаетъ къ Канту. Но при этомъ нельзя не указать на ту существенную разницу между Лотце и Кантомъ, что у Лотце такъ наз. „способности“ суть несводимыя другъ на друга функціи души, какъ субстанціального субъекта, тогда какъ у Канта вслѣдствіе непризнанія „субстанціальности“ души „способности“ ея являются почти уже самостоятельными субъектами. Поэтому критика Гербарта, направленная главнымъ образомъ противъ кантова ученія о способностяхъ души, вовсе не оказывается опасною для ученія Лотце. Ср. Kants Werke (Hart.), I. Bd. (Ueber die Philosophie überhaupt), стр. 143, 144. Wir können alle Vermögen des menschlichen Gemüths ohne Aus-

nahme auf die drei zurückführen: das Erkenntnissvermögen, das Gefühl der Lust und Unlust und das Begehrungsvermögen. Zwar haben Philosophen, die wegen der Gründlichkeit ihrer Denkungsart übrigens alles Lob verdienen, diese Verschiedenheit nur für scheinbar zu erklären und alle Vermögen aufs blosses Erkenntnissvermögen zu bringen gesucht. Allein es lässt sich sehr leicht darthun, dass dieser . . . Versuch Einheit in die Mannigfaltigkeit der Vermögen hereinzubringen vergeblich sei, denn es ist immer ein grosser Unterschied zwischen Vorstellungen, sofern sie, bloss aufs Object und die Einheit des Bewusstseins derselben bezogen, zum Erkenntniss gehören, im gleichen zwischen derjenigen objectiven Beziehung, da sie, zugleich als Ursache der Wirklichkeit dieses Objects betrachtet, zum Begehrungsvermögen gezählt werden, und ihrer Beziehung bloss aufs Subject, da sie für sich selbst Gründe sind, ihre eigene Existenz in demselben bloss zu erhalten, und sofern im Verhältnisse zum Gefühle der Lust betrachtet werden; welches letztere schlechterdings kein Erkenntniss ist, noch verschafft, ob es zwar dergleichen zum Bestimmungsgrunde voraussetzen mag. Die Verknüpfung zwischen dem Erkenntnisse eines Gegenstandes und dem Gefühle der Lust und Unlust an der Existenz desselben, oder die Bestimmung des Begehrungsvermögens, ihn hervorzubringen, ist zwar empirisch kennbar genug; aber da dieser Zusammenhang auf keinem Princip a priori gegründet ist, so machen insofern die Gemüthskräfte nur ein Aggregat und kein System aus. — VII. Bd. (Kritik der Urtheilskraft), стр. 15. Alle Seelenvermögen oder Fähigkeiten können auf die drei zurückgeführt werden, welche sich nicht ferner aus einem gemeinschaftlichen Grunde ableiten lassen: das Erkenntnissvermögen, das Gefühl der Lust und Unlust und das Begehrungsvermögen. — Cp. Jürgen Bona Meyer, Kant's Psychologie (Berlin 1870), стр. 40—121. — Franz Brentano, Psychologie vom empirischen Standpunkte (1874), I. Bd., стр. 244. Hören wir auch noch Lotze, der gegenüber Herbarts neuem Versuche, jede Mehrheit von Vermögen zu beseitigen, der Kant'schen Dreitheilung eine eingehende Vertheidigung widmet. — Стр. 251. Nach dem, was wir bei Kant und Hamilton gefunden, ist es aber von vornherein zu vermuthen, dass eine Verschiedenheit der Seelenthätigkeiten in Rücksicht auf die Beziehung zum Objecte auch Lotze dazu führte, gerade diese drei Classen als die am meisten verschiedenen und als die Grundclassen der psychischen Erscheinungen anzusehen. Хотя такимъ образомъ Brentano

совершенно правильно указывает на зависимость учения Лотце о „способностях души“ отъ Канта, однако онъ не обращаетъ вниманія на ту существенную разницу между учениями обоихъ философовъ, о которой выше было упомянуто. За то Brentano мѣтко характеризуетъ неудовлетворительность попытокъ Лотце различить „волю“ отъ „чувствованія“; это обстоятельство Brentano вполне справедливо считаетъ косвеннымъ подтвержденіемъ своей собственной теоріи о существенномъ родствѣ чувствованія и воли. Впослѣдствіи Тейхлюллеръ, какъ это было показано на стр. 238, 2—240, 1, высказался въ пользу полного отождествленія воли съ чувствованіемъ. Ср. Mikr. I, стр. 286—290. Wir haben gesagt, dass neben dem Vorstellen und dem Gefühl das Wollen ein eigenthümliches Element geistiger Regsamkeit enthalte, nicht ableitbar aus jenen beiden, obwohl von ihnen als Veranlassung seines Hervortretens abhängig. Indem wir jedoch jetzt zu einer genauern Betrachtung dieser neuen Thätigkeitsweise der Seele geführt werden, müssen wir das Zugeständniss vorausschicken, dass unter den mannigfaltigen Erscheinungen, die man unter verschiedenen Namen ihr (scil. der Willensthätigkeit) entweder unmittelbar zuordnet oder doch als verwandt an sie anknüpft, viele sich befinden, in denen wir nur besondere Formen des Vorstellens und Gefühls zu erkennen vermögen . . . Prüfen wir die Mannigfaltigkeit der sinnlichen Triebe, so werden wir als ihnen eigenthümlichen Kern immer nur ein Gefühl antreffen, das in Lust oder Unlust uns den Werth eines vielleicht nicht zu bewusster Einsicht kommenden körperlichen Zustandes verräth . . . Der Trieb ist nur das Innewerden eines Getriebenwerdens . . . Aber wir können diese Betrachtung nicht auf sinnliche Triebe beschränken; der grösste Theil dessen, was wir im täglichen Leben unsere Handlungen nennen, geschieht völlig in derselben Weise . . . Aller mögliche Inhalt des Wollens wird überall durch den unwillkürlichen Verlauf der Vorstellungen und Gefühle herbeigeführt, und ohne an sich selbst ein nach aussen gerichtetes, gestaltendes und schaffendes Streben zu sein, muss der Wille sich mit der Freiheit unbeschränkter Wahl zwischen dem begnügen, was ihm von dorthier dargeboten wird. Wäre es nun unmöglich, diese Freiheit zu denken oder ihre Annahme zu rechtfertigen, würden wir dann noch Veranlassung haben, überhaupt den Namen des Willens beizubehalten? . . . Dennoch glauben wir, dass selbst unter dieser Voraussetzung das Wollen als eigenthümliches Element sich aus der Reihe der übrigen Aeusserungen

geistiger Thätigkeit nicht würde hinwegdeuten lassen, obwohl seine Stellung eine sehr befremdliche sein würde . . . Diese Billigung, durch welche unser Wille den Entschluss, welchen die drängenden Beweggründe des Vorstellungslaufes ihm darbieten, als den seinigen adoptirt, oder die Missbilligung, mit welcher er ihn von sich zurückweist, beide würden denkbar sein, auch wenn keine von beiden die geringste Macht besässe, bestimmend und verändernd in den Ablauf der inneren Ereignisse einzugreifen . . . In der That ist es ein Irrthum, von dem Willen mehr zu verlangen, als dass er wolle. — Mikr. II, ctp. 316, 317. Mit Unrecht sucht dieser Rigorismus die klare und unabweisbare Verbindung zu lösen, in welcher nichtsdestoweniger der verachtete . . Begriff der Lust zu dem andern Begriffe des Werthes überhaupt steht . . . Dieses Interesse für Ordnung und für die Möglichkeit eines Erfolgs unseres Wollens, was ist dies anders, als . . das Zugeständniss, dass andere Maximen, als jene verlangten, zu allgemeinem Uebelbefinden führen würden und deswegen zu verwerfen seien? — Cp. Fr. Brentano, Psychol. vom empir. Standp., ctp. 306. Wie wir Vorstellung und Urtheil trennen, so vereinigen wir Gefühl und Willen. — Ctp. 310. Es ist interessant und lehrreich, das vergebliche Bemühen der Psychologen um eine feste Grenzbestimmung zwischen Gefühl und Willen oder Streben zu beobachten. Sie widersprechen dabei dem herkömmlichen Sprachgebrauch; und der eine widerspricht dem andern, ja nicht selten sogar sich selbst. — Ctp. 312. Wenn etwas Inhalt eines Urtheils werden kann, insofern es als wahr annehmlich oder als falsch verwerflich ist: so kann es Inhalt eines Phänomens der dritten Grundklasse werden, insofern es als gut genehm oder als schlecht ungenehm sein kann. Es handelt sich, wie dort um Wahrheit und Falschheit, hier um Werth und Unwerth eines Gegenstandes. — Ctp. 314, 315. Diese charakteristische Beziehung zum Objecte ist es, die, wie ich behaupte, bei Begehren und Wollen so wie bei allem, was wir Gefühl oder Gemüthsbewegung nennen, die innere Wahrnehmung in gleich unmittelbarer und evidenter Weise erkennen lässt . . . Was ist diese Billigung oder Missbilligung, von der Lotze spricht? Es ist klar, dass er nicht ein gut- oder schlecht-Finden im Sinne eines praktischen Urtheils meint, da er die Urtheile zur Classe der Vorstellungen rechnet. Was lehrt er also anders, als dass das Wesen des Wollens in einer besonderen Beziehung der psychischen Thätigkeit auf den Gegenstand als gut oder schlecht bestehe?

— Стр. 318. Es ist bemerkenswerth, dass Lotze nicht bloss sagt, dass das Gefühl Werth und Unwerth empfinde, und es so zu dem Gegenstand als gut und schlecht in Beziehung setzt, sondern bei ihm (scil. Gefühl) auch ganz derselben Bezeichnung „billigen“ sich bedient, die er zuvor angewandt hatte, um „das eigenthümliche Element, welches den Willen zum Willen macht“, zu benennen (ср. вышеприведенное мѣсто изъ Mikr. I., стр. 286—290; кромѣ того Mikr. I, стр. 276. Die sittlichen Grundsätze jeder Zeit wurden stets von dem Gemüthe in einer andern Weise gebilligt, als die Wahrheiten der Erkenntniss; auch sie waren Aussprüche eines werthempfindenden Gefühles). — Стр. 323. Als Ergebniss unserer Erörterungen dürfen wir also aussprechen, dass die innere Erfahrung deutlich die Einheit der Grund-classe für Gefühl und Willen offenbart. На основаніи всего приведеннаго можно утверждать: 1. что Лотце не удалось убѣдительно образомъ провести разграниченіе между „волею“ и „чувствованіемъ“, 2. что ученіе Brentano приближается къ полному отождествленію воли съ чувствованіемъ, проведенному потомъ Тейхмюллеромъ. — Ср. 173—175, 238—240. — Относительно теоріи о способностяхъ души вообще ср. Herbarth's Werke, V. Bd., стр. 38—89; 215—218, 244—251. — M. W. Drobisch, Empirische Psychologie nach naturwissensch. Methode (1842), стр. 268—355. Именно разсужденія послѣдняго не остались безъ нѣ котораго вліянія на соотвѣтственные положенія Лотце, какъ это видно, если сравнить нижеприведенныя мѣста изъ сочиненія Drobisch'a съ воззрѣніями Лотце, изложенными на стр. 133, 1. Ср. Drobisch, Emp. Psych., стр. 289. Zuerst ist zu bemerken, dass diese Seelenkräfte nichts weiter sind als logische Abstractionen, gut genug, um als allgemeinste Classenbegriffe der Seelenthätigkeit zu gelten, aber völlig unbrauchbar, um daraus die Erscheinungen in ihrer Individualität zu begreifen. — Стр. 291, 292. Wo liegt der Unterschied zwischen den physischen Kräften und den Seelenvermögen? Darauf ist zu antworten, dass bei jenen physischen Kräften dreierlei in Betracht kommt, nämlich dass erstens für sie ein scharf bestimmtes Gesetz ihrer Wirksamkeit, zweitens eine ebenso bestimmte Regel des Zusammenwirkens solcher Kräfte gegeben ist, drittens endlich in der Erfahrung diese Kräfte gar nicht so einfach, wie sie die Theorie denkt, sondern nur in ihren Zusammenwirkungen vorkommen, sodass die einfachen Kräfte hier die Abstractionen sind, durch deren mannigfaltige Zusammensetzungen man die wirkliche Erfahrung erst

begreifen lernt . . . Die Seelenkräfte sind aber auf keine Weise einfache, sondern offenbar sehr complicirte Kräfte, nicht Erklärungsprincipien, sondern Probleme. Auch mangeln ebenso sehr die bestimmten Gesetze ihrer Thätigkeit, als die Regeln ihrer Verbindung. Oder von welchem Seelenvermögen ist ein in qualitativer und quantitativer Hinsicht bestimmtes Gesetz angebbar, das sich mit der Präcision der Gesetze physikalischer Kräfte nur einigermassen messen könnte? — Сtp. 297. Anstatt den Bedingungen genau nachzuforschen, unter denen die Eine Seele zu so mannigfaltigen, zum Theil sogar entgegengesetzten Lebensäußerungen kommt, indem sie bald als thätig, bald als leidend, bald als der weder vorzugsweise thätig noch leidend erscheinende, einfarbige, oder vielmehr farblose Hintergrund erscheint, auf dem sich die Vorstellungen abbilden, suchte man den alten gebrechlichen Bau durch philosophische Künste immer wieder neu zu stützen und aufzuputzen und brachte es hierdurch allmählich zu einem immer reichhaltigern System von Seelenvermögen, deren reale Einheit man immer weiter aus den Augen verlor, indem man aus ihnen immer bestimmter eine Art fabelhafter persönlicher, oder, wie sich Herbart ausdrückt, mythologischer Wesen schuf, die gleich Dämonen in der menschlichen Seele ihren Wohnsitz aufgeschlagen zu haben schienen, um ihr nimmer Ruhe zu lassen. — Сtp. 337. Mag man General- und Grundvermögen unterscheiden und aus den letztern abgeleitete hervorgehen lassen, ein Princip zur Erklärung der innern Phänomene in ihrer Individualität erhält man doch nicht, sondern es verbleibt bei blossen Allgemeinheiten; die Gesetze der Thätigkeit der Vermögen bleiben unbestimmt, die Bedingungen ihres Zusammen- oder Entgegenwirkens ganz im Dunkeln, die Ungereimtheit in ihren Begriffen unbeachtet. — Friedrich Eduard Beneke, Psychologische Skizzen (1825), I. Bd., стр. 263—283; II. Bd., стр. 8—30. Его же Lehrbuch der Psychologie (Berlin, Posen und Bromberg 1833), стр. 24, 25, 28—30. Beneke отрицает способности души или духовныя силы въ „субстанціальномъ“ смыслѣ, а считаетъ необходимымъ употребленіе этого понятія въ „атрибутивномъ“ смыслѣ. — Ср. еще Friedrich Harms, Die Philosophie in ihrer Geschichte. I. Psychologie (Berlin 1878), стр. 291—294, 342—346, 386—398. — М. Троицкій, Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи (Москва 1867), стр. 124, 125. — Для дальнѣйшаго выясненія затронутыхъ здѣсь

вопросовъ ср. стр. 232, 2—240, 3; 245, 2. — Къ стр. 135, 1, 2 ср. стр. 413—417.

Къ стр. **136—147**, 2. Прежде всего ср. стр. 196, 1—199, 2; 201, 2—202, 1; 210, 1—212, 1; 222, 1—223, 1; 246—262. — Что касается до изложенныхъ здѣсь воззрѣній Лотце, то для всякаго, конечно, видно ихъ сходство съ воззрѣніями Лейбница; Лотце раздѣляетъ съ Лейбницемъ именно одно существенное предположеніе: по мнѣнію обоихъ философовъ всѣ транссубъективные вещи или субстанціи обладаютъ духовною природою. Но при этомъ нельзя не указать на другія, не менѣе существенныя, положенія, относительно коихъ Лотце является независимымъ отъ Лейбница. Такими воззрѣніями можно признать слѣдующія. 1. По Лейбницу душа заключаетъ въ себѣ исключительно только представленія: душа есть „представляющая“ субстанція. Въ противность такому воззрѣнію Лотце считаетъ чувствованіе и волю несводимыми на представленія коренными способностями души (ср. стр. 423 ss.) 2. Лейбницъ, правда, говоритъ о непосредственной апперцепціи нашего собственнаго существованія, однако эта апперцепція есть дѣяніе нашей интеллектуальной способности: наше собственное *я* намъ извѣстно, лишь какъ объектъ разсудка (*l'entendement, intelligible*; ср. приведенное на стр. 397 мѣсто *Gerh. V*, 415). По мнѣнію Лотце же мы сознаемъ непосредственно свое *я*, независимо отъ всякаго представленія и познанія, на основаніи непосредственнаго самочувствія: самоотличеніе всякаго существа отъ всѣхъ другихъ обусловлено чувствованіемъ (ср. стр. 126, 403—411). Значить, Лотце отвергаетъ интеллектуализмъ Лейбница. 3. У Лейбница понятіе субстанціи получаетъ особую окраску вслѣдствіе того, что онъ при созданіи этого понятія исходитъ изъ критики ученій Демокрита и Декарта: субстанція есть непротяженная, нераздѣльная сила. Вслѣдствіе этого Лейбницъ поневолѣ попадаетъ подъ вліяніе „физическаго проективизма“. Лотце же указываетъ на возможность установить понятіе „вещи“ или субстанціи на основаніи одного только самосознанія или внутренняго опыта (ср. мое сочиненіе *Untersuchungen über den Substanzbegriff bei Leibniz* (Dorpat 1888), стр. 24, 25). 4. Лейбницъ не отдѣлался отъ того мнѣнія, будто бы во внѣшнихъ воспріятіяхъ даны метафизическія или умопостигаемыя отношенія субстанцій, представляемыя, правда, смутнымъ образомъ; т. е. у Лейбница проглядываетъ та мысль, что, еслибъ мы только обладали достаточно ясными представленіями, мы могли бы открыть въ самихъ чувственныхъ созерцаніяхъ сѣть умопостигаемыхъ отношеній

субстанцій. Лотце же, придерживаясь въ этомъ отношеніи кантовскаго взгляда, строго разграничиваетъ между собою чувственное созерцаніе и трансцендентное познаніе міра вещей въ себѣ; чувственное созерцаніе ни при какихъ условіяхъ не можетъ превратиться или разрѣшиться въ познаніе вещей въ себѣ: оно *toto genere* различно отъ послѣдняго. Мы можемъ ограничиться здѣсь этими краткими указаніями, такъ какъ другія различія между ученіями Лейбница и Лотце не относятся сюда. — Для дальнѣйшаго объясненія ученія, изложеннаго на стр. 141, 2, приведемъ здѣсь слѣдующія мѣста. *Med. Psych.*, стр. 133. Nennen wir das Gefühl als diejenige Thätigkeit des Seelenlebens, die nie erlischt, wenn alle andern Aeusserungen desselben nach abwärts in der Reihe der Wesen allmählich verschwinden, so verstehen wir doch unter diesem Namen nicht jene Abschwächung der geistigen Fähigkeiten überhaupt, die man unter dieser Bezeichnung in den niederen Geschöpfen an die Stelle des hellen Bewusstseins höherer treten lässt, sondern wir meinen ausschliesslich die Fähigkeit, äussere Anregungen unter der Form der Lust oder Unlust wahrzunehmen. In dieser Umformung des bloss Thatsächlichen in Affectionen, denen ein störender oder begünstigender Werth für die Seele zukommt, kann allein die Aufgabe bestehen, welche sie in Bezug auf die äussere Welt zu erfüllen hat. — Стр. 234. Aus dem Begriffe eines störenden Einflusses fliesst mit analytischer Nothwendigkeit nur die Thatsache der Störung, aus dem eines begünstigenden nur die der Förderung desjenigen Daseins, auf welches beide einwirken; nicht aber ist damit auch dies von selbst verbunden, dass jene Thatsache noch überdies als Wehe, diese als Wohlgefühl werde. In dem Begriff der Seele ferner als eines nur intelligenten Wesens liegt kein Motiv, das sie bestimmen könnte, die Veränderungen, die sie erfährt, jemals anders, als unter der Form vollkommen gleichgültiger Vorstellungen wahrzunehmen. Thut sie nun dies dennoch nicht, so muss der Grund dazu in einem andern Zuge ihres Wesens liegen, der sie befähigt und nöthigt, Werth oder Unwerth ihrer veränderlichen Zustände unter der eigenthümlichen Form des Wohl und Wehe zu fühlen. — Стр. 254. Wir müssen vor allen Dingen darauf aufmerksam machen, dass die Gefühle nicht vereinzelte Erscheinungen sind, sondern dass in mannigfach abgestuften Graden und wechselnden Formen Gefühle ganz allgemein jeden Erregungsprocess begleiten. — Стр. 278. Nicht

immer wird jedoch der Zustand, welcher die Gefühle veranlasst, selbst Gegenstand der Wahrnehmung, und sie erscheinen dann abgelöst von ihm als innere Ereignisse, die sich weder auf ein äusseres Object, noch auf bestimmte Theile des Körpers beziehen lassen. — Mikr. III, стр. 535, 536. Diese Realität hat sich uns abhängig gezeigt von der Natur dessen, dem sie zukommen soll; sie ist das Dasein des Fürsichseienden. Den Namen des Fürsichseins aber brauchen wir, um auf allgemeinere Weise die Natur der Geistigkeit zu bezeichnen, die in dem Selbstbewusstsein des Wesens, das sich als Ich weiss, nur ihre höchste Stufe der Vollkommenheit erreicht, ohne deswegen in dem zu fehlen, was von der Klarheit dieses Bewusstseins weit entfernt, doch in irgend einer dumpfern Form des Gefühls für sich selbst da ist und sein Sein genießt (ср. стр. 126, 127, 403—411). Въ виду приведенныхъ мѣстъ нельзя признать основательнымъ мнѣніе Kresto K. Krestoffa, будто бы Лотце считаетъ чувствованіе съ одной стороны „самымъ существеннымъ элементомъ духовной жизни“, а съ другой зависимымъ отъ „представленій“, не замѣчая заключающагося здѣсь противорѣчія (ср. Lotzes metaph. Seelenbegriff, стр. 33, 34). Лотце не требуетъ, чтобы чувствованіе всегда вызывалось непременно „представленіями“; всякое состояніе или возбужденіе вообще, которое можетъ и оставаться совсѣмъ неосознаннымъ, въ состояніи дать душѣ поводъ къ порожденію соответственнаго чувствованія. Лишь въ этомъ смыслѣ психическая жизнь низшихъ существъ можетъ ограничиваться однимъ только чувствованіемъ, и послѣднее является „существеннымъ“ элементомъ духовной жизни. При этомъ на самомъ дѣлѣ возникаетъ для Лотце затрудненіе, а именно въ томъ отношеніи, что онъ не смотря на свою склонность отрицать „безсознательныя“ состоянія души всетаки для объясненія психическихъ явленій довольно часто ссылается на такія состоянія (ср. стр. 253, 254, 261, 262). — Относительно стр. 144, 1 ср. стр. 209—212, 1; 262, 289. — Относительно субъективнаго идеализма вообще и позитивистическаго идеализма въ частности ср. J. Volkelt, Erfahrung und Denken, стр. 113—130. Volkelt критикуетъ между прочимъ воззрѣнія A. von Leclair'a, Wilhelm'a Schuppe, R. von Schubert-Soldern'a. Ср. A. von Leclair, Beiträge zu einer monistischen Erkenntnisstheorie (Breslau 1882), стр. 7 ss., 19, 45 ss. и др. — Wilhelm Schuppe, Erkenntnisstheoretische Logik (Bonn 1878), стр. 33 ss., 87 ss. и др. — Его же Grundriss der Erkenntnisstheorie

und Logik (Berlin 1894), стр. 16—34. — Richard von Schubert-Soldern (Leipzig 1884), стр. 5, 28, 29, 65—87. — Ср. еще A. Riehl, Der philosophische Kriticismus, II. Bd., II. Th., стр. 61, 143, 144, 147, 162, 153, 168, 169, 172. Riehl придерживается того взгляда, что ощущение непосредственно служит доказательством транссубъективной реальности. — Относительно воззрѣній, изложенныхъ на стр. 144—147, ср. стр. 190—192, 195, 212—218.

Къ стр. **148—153**. Относительно взаимодействія между тѣломъ и душою мы у Лотце находимъ: 1. предварительныя разсужденія съ точки зрѣнія картезіанскаго дуализма (ср. стр. 79—82), 2. изложеніе относящихся сюда взглядовъ съ точки зрѣнія его собственной метафизики (ср. стр. 148—150). Лотце показываетъ, что даже съ точки зрѣнія картезіанскаго дуализма можно опровергнуть обычныя возраженія противъ взаимодействія между тѣломъ и душою; тѣмъ менѣе опасными являются послѣднія для болѣе зрѣлой и критической метафизики, не признающей за матеріею значенія метафизической субстанціи. Что Лотце въ картезіанскомъ дуализмѣ никогда не усматривалъ удовлетворительной метафизической теоріи, это видно изъ указаній, сдѣланныхъ на стр. 349. — Послѣднія указанія нужно имѣть въ виду также и при оцѣнкѣ разсужденій Лотце о „мѣстопребываніи“ души. Онъ въ „Medicinische Psychologie“ и въ первомъ изданіи „Микрокосма“, трактуя объ этомъ вопросѣ, выражается такъ, будто бы на самомъ дѣлѣ существуетъ тѣло въ качествѣ картезіанской субстанціи: опровергая матеріализмъ, онъ предварительно становится на спиритуалистически-дуалистическую точку зрѣнія, которая является наиболѣе распространенною. Но такъ какъ онъ въ дѣйствительности отрицаетъ транссубъективность пространства и матеріи, то въ его системѣ съ самаго начала вопросъ о „мѣстопребываніи“ души имѣетъ лишь феноменологическое, а не метафизическое значеніе, и можетъ быть рѣшенъ только на основаніи фізіологіи и анатоміи нервовъ. Поэтому Лотце и въ „Medicinische Psychologie“ уже смотритъ на изложенную тамъ теорію о мѣстопребываніи души, не какъ на необходимое метафизическое положеніе, а скорѣе какъ на одну изъ возможныхъ психофізіологическихъ гипотезъ. Въ позднѣйшихъ трудахъ онъ и отказывается, по всей вѣроятности вслѣдствіе критики Th. Fechner'a, отъ представленія „пунктуальнаго“ мѣстопребыванія души, вовсе не измѣняя своихъ метафизическихъ воззрѣній. Въ подтвержденіе вышесказаннаго приведемъ слѣдующія мѣста изъ „Микрокосма“ и „Medicinische Psychologie“. Mikr. I, стр. 304. Klarheit und Einsicht

Очерки

изъ исторіи

ЛИТОВСКО - латышскаго народнаго
творчества.

Параллельные тексты и изслѣдованія

Я. Лаутенбаха.

I.

Народныя пѣсни.

Оглавление.

	Стр.
Предисловіе	IX
Источники. а) Литовскіе	1
б) Латышскіе	7
Тексты.	
I. Пѣсни о пѣніи	14
II. Мнѣстическія пѣсни.	
1) Свадьба дочери Солнца	14
2) Роза (var. бобъ)	19
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	23
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	25
5) Читаніе звѣздъ	27
6) Лайма и утонувшій братъ	28
7) Вслѣдствіе несчастной любви умершій юноша	32
8) Божественное родство сироты	42
III. Военныя пѣсни.	
1) Два голубя, два брата	43
2) Сестра воина	45
3) Вѣсть о войнѣ	47
4) Освобожденіе воина	51
IV. Пѣсни о похищеніи неvěсты.	
Похищенная сестра	53
V. Объ упавшемъ вѣнѣ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	60
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	62
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	66
VIII. О потерянномъ конѣ.	
Предложеніе къ вступленію въ бракъ	69
IX. О сватаніи — о ночевѣ.	
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	70
2) Молодая жена	73
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка, у вдовца	74
4) Любовныя размышленія на ночномъ	75
5) Ночлегъ	78
X. Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.	
Защита обиженной сестры	78

XI. Сиротскія пѣсни.	Стр.
1) Могила матери	80
2) Отвѣтъ матери изъ могилы	81
3) Строгіе бары	82
XII. Странное обѣщаніе	82
XIII. Дорогая семья.	
1) Примѣты	83
2) Поиски возлюбленной	86
XIV. Пьяница.	
Сидящій на лошади	88
XV. Свадьба птицъ, волка.	
Разныя роли гостей	88
XVI. О козлѣ.	
Приключенія козла на мельницѣ	93
XVII. Колыбельныя пѣсенки.	
Мышка приноситъ сонъ	96
XVIII. Многократный обмѣнъ.	
Даръ удача и отца	97
XIX. Служба.	
Различное вознагражденіе	98
XX. Прощаніе	
Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	100

Исслѣдованія.

Введеніе	102
I. О пѣніи	108
II. Мнѣстическія пѣсни	114
1) Свадьба дочери Солнца	116
2) Роза (var. бобъ)	123
3) Солнце, заботящееся о сиротахъ	130
4) Свадьба Мѣсяца съ Солнцемъ	134
5) Читаніе звѣздъ	142
6) Лайма и утонувшій братъ	144
7) Юноша, умершій вслѣдствіе несчастной любви	155
8) Божественное родство сироты	165
III. Военныя пѣсни	168
1) Два голубя, два брата	170
2) Сестра воина	172
3) Вѣсть о воинѣ	173
4) Освобожденіе воина	177
IV. Пѣсни о похищеніи невѣсты.	
Похищенная сестра	179
V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.	
Дѣвица теряетъ вѣнокъ	184
VI. Объ упавшемъ кольцѣ.	
Объ утонувшей дѣвицѣ	186
VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.	
Три кукушки	188

VII

	Стр
VIII. О потерянномъ конѣ.	
Предложеніе вступить въ бракъ	189
IX. О сватаніи, о ночевкѣ	190
1) Преимущество дѣвицы передъ вдовою	191
2) Молодая жена	192
3) Ночь, проводимая дѣвицею у холостяка и у вдовца	193
4) Любовныя размышленія на ночномъ	194
5) Ночлегъ	195
X. О посѣщеніи братомъ вышедшей замужъ сестры.	
Защита обиженной сестры	196
XI. Сиротскія пѣсни.	
1) Могила матери	198
2) Отвѣтъ матери изъ могилы	199
3) Строгіе бары	200
XII. Странное общаніе	201
XIII. Дорогая семья	202
1) Примѣты	203
2) Поиски возлюбленной	205
XIV. Пьяница.	
Сидящій на лошади	206
XV. Свадьба птицъ, волка.	
Разныя роли гостей	207
XVI. О козлѣ.	
Приключенія козла на мельницѣ	210
XVII. Колыбельныя пѣсенки.	
Мышка приноситъ сонъ	212
XVIII. Многократный обмѣнъ.	
Даръ удода и отца	213
XIX. Служба.	
Различное вознагражденіе	214
XX. Прощаніе.	
Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей	215
Заключеніе	215

Предисловіе.

Уже много лѣтъ тому назадъ поражало меня сходство многихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Подробно изучая ихъ, я нашелъ, что уже семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Л. И. Реза, профессоръ Кенигсбергскаго университета, первый выдающійся собиратель и критикъ литовскихъ дайнъ (лит. народныхъ пѣсенъ), замѣтилъ сходство между литовскими и латышскими пѣснями и помѣстилъ двѣ такія сходныя съ литовскими латышскія пѣсни въ своемъ объемистомъ изданіи „Dainos oder Litthauische Volkslieder. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825“ (Ср. *ibid.* стр. 312, 314 и сл.). Я не остановился на однѣхъ дайнахъ, но въ своихъ изслѣдованіяхъ литовскихъ и латышскихъ параллельныхъ текстовъ пошелъ дальше. Я простеръ свои разысканія по всей весьма богатой духовной сокровищницѣ литовскихъ и латышскихъ народныхъ преданій. За дайнами слѣдовали пословицы, заклинанія и загадки. Относительно послѣднихъ я долженъ сказать, что я пришелъ, какъ и Д-ръ А. Биленштейнъ, къ заключенію „объ удивительномъ сходствѣ литовскихъ загадокъ съ латышскими“ (Ср. 1000 Lettische Räthsel. Uebersetzt und erklärt von A. Bielenstein. Mitau 1881, стр. 10, 18 и сл.). Когда почти всѣ собранные мною источники были приведены въ порядокъ, я весьма обрадовался, что нашелъ и у уважаемаго ученаго А. Беценбергера (Litauische Forschungen) сравненіе нѣсколькихъ литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ и загадокъ; то же предпринялъ и я, — только въ большемъ объемѣ. — Выразивши въ своемъ сочиненіи мнѣніе о томъ, что сравненіемъ литовскаго народнаго творчества съ латышскимъ возможно будетъ констатировать большее число древнихъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, А. Беценбергеръ говоритъ: „Ich zweifle nicht, dass manche diese forderung mit

achselzucken aufnehmen werden, sie ist indessen unabweisbar geworden, nachdem Bielenstein (in der gratulationsschrift zum 50jährigen amtsjubiläum des generalsuperintendenten Wilpert, Mitau 1858) die daina „Lāima šaūkē, Lāima vērķē“ im Lettischen nachgewiesen, und Mannhardt (Die lettischen Sonnenmythen, Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, s. 73 ff.) andere übereinstimmungen des lettischen mit dem litauischen volksgesang hervorgehoben hat¹⁾. Указывая затѣмъ на нѣсколько соотвѣтствій, Беценбергеръ замѣчаетъ: „Es wird nicht schwer fallen, derartige übereinstimmungen, die — trotz des nachweislichen eindringens lettischer lieder in das Litauische — eine weite historische perspective eröffnen, in grösserer zahl nachzuweisen, und es wäre sehr dankenswert, wenn dies einmal geschähe“²⁾. — Моя работа, хотя лишь случайно, соотвѣтствуетъ желанію, выраженному профессоромъ Беценбергеромъ. Составляя свой трудъ „Needrischu Widwuds“ (Митава, 1891 г.), я замѣтилъ соотвѣтствія также и въ чисто эпической народной поэзіи (въ сказкахъ) литовцевъ и латышей.

На этотъ разъ я ограничусь достаточно богатымъ матеріаломъ, содержащимъ параллельные тексты дайнъ, пословицъ, заклинаній и загадокъ. Я изслѣдовалъ, по возможности, всѣ письменные источники литовскаго и латышскаго народнаго творчества и привожу ниже названія всѣхъ тѣхъ сборниковъ, изъ которыхъ я взялъ паралл. тексты и ихъ варианты. Такъ какъ я имѣлъ дѣло съ множествомъ сборниковъ, часто совсѣмъ не обработанныхъ или даже вовсе не приведенныхъ въ порядокъ, и такъ какъ я для своей цѣли долженъ былъ просмотрѣть многія тысячи произведеній народной поэзіи, то возможно, что я и проглядѣлъ нѣкоторый годный для меня матеріалъ. На абсолютную полноту не могу здѣсь имѣть претензій и вслѣдствіе того, что собраніе этихъ народныхъ произведеній еще не вполне окончено. Но благосклонный читатель, по сопоставленнымъ мною ниже текстамъ, ихъ параллелямъ и вариантамъ, можетъ убѣдиться, что передъ нимъ находится достаточно исчерпанный матеріалъ, приведеніе въ порядокъ, обработка и изданіе ко-

1) См. его Litauische Forschungen стр. X.

2) Ibid. стр. XI.

торого заслуживаютъ того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

Въ I части помѣщены народныя пѣсни, во II части пословицы, заклинанія и загадки. Ради лучшаго обзора я раздѣлилъ параллельные тексты народныхъ пѣсенъ на нѣсколько отдѣловъ: I о пѣніи, II миѣическія пѣсни, III военныя пѣсни и т. д. Впрочемъ, такое дѣленіе есть лишь попытка, такъ какъ литовскія и латышскія народныя пѣсни строго раздѣлить по содержанію очень трудно, даже невозможно. Напр., миѣологическій элементъ проходитъ почти чрезъ всѣ пѣсни, и я назвалъ ихъ военными, сиротскими etc. пѣснями потому, что въ нихъ какъ разъ война, сироты и т. д. играютъ главную роль, а миѣическій элементъ — второстепеннуу. Въ другихъ пѣсняхъ имѣются иные мотивы дѣленія.

Въ томъ же порядкѣ, въ какомъ находятся параллельные тексты, помѣщены и разысканія и выводы, состоящіе изъ введенія и заключенія. Для языковѣда всегда важны источники извѣстнаго языка. Въ своемъ сочиненіи я предлагаю такіе источники литовско-латышскаго языка. Такъ какъ эти параллельные тексты представляютъ общее достояніе, общее духовное сокровище литовцевъ и латышей, такъ какъ они, несомнѣнно, вводятъ насъ въ то время, когда латыши и литовцы составляли еще одинъ, нераздѣльный народъ, который говорилъ на одномъ — всѣмъ его членамъ понятномъ — языкѣ, и свои духовныя произведенія создавалъ и передавалъ еще вмѣстѣ, то мы имѣемъ въ этихъ паралл. текстахъ памятники глубокой древности. Они доставляютъ для лингвиста очень важную часть самыхъ древнихъ источниковъ литовско-латышскаго языка.

Что касается правописанія, то я достигъ единства лишь относительно согласныхъ, употребляя въ литовскихъ текстахъ, по примѣру Юшкевича, вмѣсто польскихъ sz, cz etc., принятыя въ лингвистической транскрипціи Ź, ċ etc., чтобы такимъ образомъ ихъ согласовать съ латышскимъ правописаніемъ, въ которомъ въ новѣйшее время предпочитается послѣднее начертаніе. Касательно гласныхъ я оставилъ, какъ это дѣлалъ и Шлейхеръ, то разнообразіе, которое господствуетъ въ различныхъ изданіяхъ, чтобы не уничтожить діалектическихъ отбѣнковъ, которые большею частью выражены гласными. Нѣкоторые лит. тексты имѣютъ удареніе, другіе не имѣютъ. И

въ этомъ отношеніи я строго держался источниковъ. При этомъ, въ дайнахъ можно обойтись безъ обозначенія ударенія, ибо тутъ встрѣчается, какъ въ литовскомъ, такъ и въ латышскомъ языкахъ, отличный отъ ежедневнаго разговорнаго языка акцентъ. Какъ литовецъ, такъ и латышъ различаетъ въ народныхъ пѣсняхъ акцентъ прозы отъ акцента ритма (ср. Nesselmann, *Litauische Volkslieder*, стр. IX и A. Leskien und K. Brugman, *Litauische Volkslieder und Märchen*, стр. 90). Знаки ` и ' въ латышскомъ текстѣ не обозначаютъ ударенія, но — протяжныя (*gedehnte*) и толкучія (*gestossene*) гласныя.

Въ заключеніе, прошу благосклоннаго читателя не поставить мнѣ въ особую вину тѣхъ промаховъ противъ русскаго стиля, которые вѣроятно найдутся въ настоящей моей работѣ; нѣкоторымъ извиненіемъ этого можетъ служить то, что предлагаемый трудъ есть первый печатный мой опытъ на русскомъ языкѣ.

Источники.

а) Литовскіе.

Еще въ 1689 г. И. А. Брандъ (профессоръ въ Дуйсбургѣ, † 1691) опубликовалъ два отрывка литовскихъ народныхъ пѣсенъ въ своемъ „Reysen durch die Marck Brandenburg, Preussen, Churland, Liefland, Plesscovien, Gross-Naugardten, Tweerien und Moskovien“. Послѣ этого начала первыми напечатанными литовскими народными пѣснями нужно считать три „dainos“ (нар. пѣсни), изданныя въ 1745 г. пасторомъ Ругигомъ (Ruhig, 1708—1749 г. въ Вальтеркемѣ у Гумбины) въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Betrachtung der litthauischen Sprache in ihrem Ursprung, Wesen und Eigenschaften“. Познакомившись съ этими тремя пѣснями, Лессингъ первый въ своемъ тридцать третьемъ письмѣ (въ 1759 г.), въ которомъ онъ касается новѣйшей литературы, обратилъ вниманіе всего литературнаго міра на достоинство литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1778 и 1779 гг. издалъ Гердеръ въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ тоже нѣкоторыя литовскія „дайны“, хотя только въ нѣмецкомъ переводѣ. Полные сборники литовскихъ народныхъ пѣсенъ появляются лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. Въ 1809 и 1824 гг. появились стихотворенія Резы подъ заглавіемъ „Prutena“, между которыми мы находимъ и нѣкоторыя переведенныя литовскія дайны, а въ 1825 г. былъ напечатанъ имъ объемистый сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ. Важнѣйшія изданія литовскихъ народныхъ пѣсенъ, въ хронологическомъ порядкѣ (съ указаніемъ тѣхъ сокращеній, подъ которыми онѣ цитуются) слѣдующія:

1. Rh.: Rhesa L. J. Dainos, oder Litthauische Volkslieder gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext her-

ausgegeben. Nebst einer Abhandlung über die litthauischen Volksgedichte. Königsberg, 1825. Neue Auflage von F. Kur-schat. Berlin, 1843.

Это — самый древній сборникъ, который содержитъ 85 не-метрически на нѣмецкій языкъ переведенныхъ литовскихъ на-родныхъ пѣсенъ и составляетъ, какъ по объему, такъ и по богатству своего содержания, сдѣланныхъ примѣчаній, наблю-деній и приложенныхъ народныхъ напѣвовъ, надежное осно-ваніе для сужденія о литовской національной поэзіи. Гёте написалъ одобрительную рецензію объ этомъ сочиненіи, ко-торая начинается словами: „Durch diese Sammlung ist aber-mals einer meiner Wünsche erfüllt.“ Хотя Нессельманъ и ука-зываетъ въ этомъ сборникѣ на погрѣшности противъ раз-мѣра и на недостатки строфическаго построенія, но это имѣ-етъ значеніе только съ чисто эстетической точки зрѣнія и не причиняетъ научному разысканію никакого ущерба. На-противъ, то обстоятельство, что Реза оставилъ свои пѣсни такъ, какъ онъ ихъ слыхалъ въ народѣ, возвышаетъ ихъ поэтическую объективность. Жаль только, что недостаётъ здѣсь дѣлений пѣсенъ по содержанию. Новое изданіе этого сборника заключаетъ въ себѣ несущественныя поправки, касающіяся только нѣкоторыхъ словъ и ихъ ударенія въ ли-товскомъ текстѣ. Кромѣ того, здѣсь отдѣльныя пѣсни озна-чены номерами, чего въ первомъ изданіи не имѣется. Я при-бавилъ, по примѣру Нессельмана, каждой ссылкѣ на Резу двѣ цифры, изъ которыхъ первая означаетъ номеръ пѣсни, а вторая (въ скобкахъ) страницу перваго изданія.

2. Stan.: Stanewicz S. Daynas Žemaycziau surynktas yr iszdutas. Wilniuje, 1829. (Жемайтскія пѣсни. Собраны и изданы С. Станевичемъ. Вильно, 1829.)

Эти пѣсни (числомъ 30) собраны (какъ въ заглавіи ука-зано) въ Жемайтѣи. Нѣкоторыя изъ нихъ совпадаютъ съ пѣснями сборника Резы, представляя лишь варианты послѣд-нихъ. Это изданіе относительно строфическаго построенія, по мнѣнію Нессельмана, гораздо правильнѣе и лучше, чѣмъ изданіе Резы. Этотъ незначительный сборникъ мало извѣ-стенъ, хотя, по сообщенію Нессельмана, появилось и второе его изданіе. Я пользовался этими пѣснями по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

3. Brz.: Brzozowski K. M. Pieśni Ludu Nadniemeńskiego

z okolic Aleksoty zebrał i przełożył K. M. B. z dołączeniem niektórych melodyj. Poznań 1844.

Этотъ сборникъ мнѣ извѣстенъ только по Нессельману и Барчу. Тутъ находится метрическій переводъ на польскій языкъ 51 литовской народной пѣсни, но только первая восемь пѣсенъ приведены въ подлинникѣ, отъ другихъ лишь по двѣ или по три начальныхъ строки. Текстъ упомянутыхъ восьми пѣсенъ, какъ и Нессельманъ говоритъ, очень неправиленъ. Приложены къ этой книжкѣ и нѣкоторыя мелодии.

4. Dowk.: Dowkont S. Dajnes *Žiamajtiū pagal žodiū Dajninikū iszraszytas. Pirmasis Pėdelis. Petropilie, 1846.* (Жемайтскія пѣсни, написанныя со словъ пѣсельниковъ. Первый выпускъ. Ст. Петербургъ, 1846.)

Этотъ сборникъ содержитъ 118 на жемайтскомъ говорѣ написанныхъ пѣсенъ, между которыми имѣются многія не чисто народныя и многія заимствованныя изъ сборниковъ Резы и Станевича. Группировка матеріала и редакція исполнены небрежно: случается, напр., много разъ, что одна и та же пѣсня съ незначительными измѣненіями (варіаціями) встрѣчается въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Изъ этого слѣдуетъ, что упомянутый сборникъ доставляетъ менѣе богатую добычу, чѣмъ по числу его пѣсенъ можно было бы ожидать. Эта книга такъ же, какъ и Станевича, безъ перевода и мало извѣстна, такъ что я и его пѣснями могъ воспользоваться только по сборникамъ Нессельмана и Шлейхера.

5. Ness.: Nesselmann, G. H. F., *Littauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt. Mit einer Musikbeilage. Berlin, 1853.*

Этотъ сборникъ содержитъ 410 номеровъ самого разнообразнаго содержанія и объемистѣ всѣхъ предшествующихъ. Онъ по словамъ гг. Фортунатова и Миллера (см. ниже № 8) „составляетъ какъ бы энциклопедію литовскаго народного творчества по части пѣсенъ въ прусскихъ областяхъ Литвы“. Кромѣ богатыхъ рукописныхъ матеріаловъ и многочисленныхъ пѣсенъ, встрѣчаемыхъ въ изданіи „*Neue Preuss. Prov.-Blätter*“ (съ 1846 г.), онъ поглотилъ въ себя всѣ вышеупомянутые пѣсенные сборники. Хотя въ этой книгѣ произведена группировка по однороднымъ пѣснямъ, но въ ней не имѣется никакихъ наименованій для этихъ группъ, вслѣдствіе чего тутъ довольно трудно читателю оріентироваться.

Нессельманъ подвергнулъ имъ изданныя пѣсни эстетической критикѣ и въ большинствѣ случаевъ вносилъ нѣкоторыя измѣненія на основаніи правилъ, выведенныхъ имъ изъ эстетической оцѣнки, вслѣдствіе чего онѣ приобрѣли большее художественное достоинство, но за то утратили нѣсколько характеръ непосредственности и простоты народнаго преданія. Кромѣ того всѣ мѣстныя отличія говоровъ имъ стерты и такимъ образомъ вся богатая добыча, драгоцѣнная для филолога, оставлена почти безъ вниманія. Переводъ — метрическаго склада и какъ Нессельманъ самъ признается въ предисловіи „дословный и вполнѣ передающій смыслъ подлинника“. Текстъ сопровождается сравнительными примѣчаніями и музыкальнымъ приложеніемъ.

6. Schl.: Schleicher A., Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.

Тутъ находятся всего 63 пѣсни, снабженныя лингвистическими примѣчаніями, частью заимствованныя изъ сборниковъ Резы, Нессельмана, Станевича и Довконта (при чемъ пѣсни Резы сравнены съ пѣснями Нессельмана), частью записанныя самимъ Шлейхеромъ (послѣднихъ всего 35).

7. Юшк.: Юшкевичъ И. А., Литовскія народныя пѣсни. Съ переводомъ на русскій языкъ. Санктпетербургъ, 1867.

Этотъ маленькій выпускъ, напечатанный русскими литераторами, содержитъ предисловіе, трактующее объ опытѣ „примѣненія русской азбуки къ литовскому языку“ и 33 литовскія народныя пѣсни, снабженныя неметрическимъ переводомъ на русскій языкъ.

8. Ф. и М.: Фортунатовъ и Миллеръ, Литовскія народныя пѣсни. Изданіе Императорскаго Московскаго Университета. 1872 г.

Сборникъ этотъ заключаетъ 100 напечатанныхъ русскими буквами пѣсенъ съ предпосланными статьями о литовскихъ народныхъ пѣсняхъ и о людвиновскомъ нарѣчій. Текстъ сопровождается русскимъ прозаическимъ переводомъ и синтаксическими замѣчаніями.

9. Kol.: Kolberg O., Pieśni Ludu Litewskiego. Zebrał O. K. Kraków, 1879.

Тутъ помѣщены 75 пѣсенъ, сопровождаемыхъ напѣвами и

польскимъ переводомъ. Предпослано этимъ пѣснямъ обстоятельное разсмотрѣніе литовской народной поэзіи.

10. Arch.: Archiv für Slavische Philologie. Unter Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehring herausgegeben von V. Jagić. Vierter Band. Berlin, 1880.

Въ этомъ томѣ опубликованы А. Лескиномъ и снабжены замѣчаніями Г. Веберомъ 28 пѣсенъ изъ Вилкишкена.

11. Jušk. Sv. R.: Svatbīne Rėda Velūnų̃ių Liėtūviu su-rašyta par Antaną Juškėvičę 1870 metųė. (Свадебные обряды Велѣнскихъ литовцевъ, записанные Антономъ Юшкевичемъ в 1870 году). Казань, 1880.

Въ сочиненіи этомъ можно найти между разнообразными свадебными обрядами Велѣнскихъ литовцевъ въ разныхъ мѣстахъ и нѣсколько литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсенъ.

12. Jušk. L. d.: Liėtūviškos Dajnos užrašytos par Antaną Juškėvičę apigardoje Pušalačiū ir Velūnós iš žodžiu Liėtūviu Dajnininku ir Dajnininkiu ([Pirmā ir] Āntra lājda). — (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Пушолат и Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и пѣвицъ.) (Приложеніе къ „Ученымъ Запискамъ“ Императорскаго Казанскаго университета. Годъ XLVII.) Казань, 1880.

Āntrā knýga. (Trečiā ir ketvirtā lājda.) Томъ второй. (Третій и четвертый выпускъ.) (Иждивеніемъ издателя.) Казань, 1881.

Trečiā knýga. (Литовскія народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ в окрестностяхъ Велѣны со слов литовскихъ пѣвцев и вѣвицъ и от Ольсядскихъ Жемайтовъ.) Третій томъ. (Иждивеніемъ издателя.) Казань, 1882.

Это по нынѣ самый обширный сборникъ литовскихъ народныхъ пѣсенъ, числомъ 1569. Хотя въ этотъ трудъ попали и нѣкоторыя, впрочемъ весьма немногія, не чисто народныя пѣсни, все-таки онъ представляетъ вообще солидную и надежную работу. Но такъ какъ она, къ сожалѣнію, не имѣетъ почти никакой группировки громаднаго матеріала, то читатель блуждаетъ въ ней какъ въ первобытномъ лѣсу безъ путеводителя.

13. Lesk. u. Brug. Litauische Volkslieder und Märchen aus dem Preussischen und dem Russischen Litauen, gesammelt von A. Leskien und K. Brugman. Strassburg, 1882.

Въ сочиненіи этомъ помѣщены Лескиномъ 143 пѣсни изъ Вилкишкенской окрестности и Бругманомъ 106 изъ Годлевы, при чемъ и тѣмъ и другимъ предпосланы предварительныя примѣчанія.

14. Bezz. L. F.: Bezenberger A., Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntniss der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen, 1882.

Сочиненіе это заключаетъ, между другимъ богатымъ этнографическимъ матеріаломъ, 67 пѣсенъ, снабженныхъ замѣчаніями и ссылками, и въ концѣ книги находятся ноты къ нѣкоторымъ дайнамъ.

15. Jušk. L. sv. d. Liétuviškos Svatbînės Dájos, užrašytos par Antaną Juškėvičę ir išspaudintos par Joną Juškėvičę. Petropūlė, 1883. Литовскія Свадебныя Народныя Пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Санктпетербургъ, 1883.

Это — второй, также весьма объемистый, сборникъ, вмѣщающій 1100 литовскихъ свадебныхъ народныхъ пѣсенъ, коимъ предпослано предисловіе на русскомъ и литовскомъ языкахъ. Издатель самъ замѣчаетъ, что тутъ „немало встрѣчается свадебныхъ пѣсенъ, которыя происходятъ изъ глубокой старины, отъ того времени, когда существовали отличные отъ теперешнихъ свадебные обычаи и обряды. Во второй части настоящей книги, въ числѣ обрядовыхъ пѣсенъ, встрѣчается гораздо болѣе пѣсенъ приличныхъ совершаемому обряду; онѣ поются на свадьбахъ тѣхъ Велѣнскихъ Литовцевъ, которые придерживаются еще обычаевъ своихъ отцовъ и предковъ. Къ третьей части свадебныхъ пѣсенъ отнесены тѣ пѣсни, въ которыхъ молодая или молодой хвалить или хулить свою долю. Здѣсь помѣщены тоже тѣ пѣсни, которыя можно бы отнести къ тому или другому обряду.“ Тутъ очень богатый матеріалъ уже довольно обстоятельно группированъ; именно, пѣсни по своему характеру раздѣлены на нѣсколько частей.

16. Mitt.: Mitteilungen der Litauischen Litterarischen Gesellschaft. Erster Band. Heidelberg, 1883.

Въ этомъ томѣ опубликовано только незначительное число пѣсенъ.

17. Bar.: Bartsch Chr., Dainu Balsai. Melodien litau-

scher Volkslieder, gesammelt und mit Textübersetzung, Anmerkungen und Einleitung im Auftrage der Litauischen Litterarischen Gesellschaft herausgegeben. Erster Teil. Heidelberg, 1886. Zweiter Teil. Heidelberg, 1889.

Тутъ помѣщены 392 лит. нар. пѣсни, переведенныя на нѣмецкій языкъ, большею частью уже извѣстныя и снабженныя напѣвами. Каждая изъ этихъ пѣсенъ содержитъ лишь начальную строфу въ литовскомъ подлинникѣ. Сочиненіе это имѣетъ цѣлью ознакомить нѣмецкую публику преимущественно съ литовскою народною музыкою.

б) Латышскіе.

Первыя латышскія народныя пѣсни напечатаны въ латышской грамматикѣ Г. Ф. Стендера (Первое изданіе, Брауншвейгъ, 1761 г.), слѣдовательно — позже литовскихъ народныхъ произведеній. Въ изданіи „Gelehrte Beiträge, Riga 1764“ опубликовано тоже нѣсколько латышскихъ народныхъ пѣсенъ. Гердеръ былъ первый, который, ознакомившись съ поименованными учеными записками, обратилъ вниманіе въ своей книгѣ „Stimmen der Völker in Liedern“ и на латышскую народную поэзію. Хотя цивилизованный міръ узналъ о латышскихъ пѣсняхъ позже, чѣмъ о литовскихъ, все-таки сборники латышскаго народнаго творчества стали появляться раньше, чѣмъ литовскіе. Здѣсь слѣдуютъ источники въ хронологическомъ порядкѣ съ указаніями тѣхъ сокращеній, подъ которыми они цитуются.

1. St.: Stender G. Fr. Lettische Grammatik, verfasst von Gotthard Friedrich Stender, Probst des Selburgischen Kirchenkreises, Pastor senior zu Selburg und Sonnaxt, und der Königl. deutschen Gesellschaft zu Göttingen Mitglieде. Zweyte Auflage, von dem Verfasser selbst verbessert, vermehret und von neuem umgearbeitet. Mitau, 1783.

„Damit man sich von dem Genio dieser Liederchens nähere Begriffe machen möge, will ich einige derselben mit ihrer wörtlichen Uebersetzung hersetzen“. Такъ говоритъ самъ авторъ въ этой грамматикѣ и приводитъ 14 пѣсенъ, — нѣкоторыя изъ нихъ только въ отрывкахъ, какъ примѣры для трактуемой имъ латышской поэтики.

2. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literärischen

Gesellschaft. Fünften Bandes erstes und zweites Stück. Mitau, 1835. Тутъ помѣщены:

- Bergm. { (a) (Erste) Sammlung ächt Lettischer Sinngedichte von
Gustav von Bergmann. Rujen, 1807.
(б) Zweite Sammlung Lettischer Sinn- oder Stegreifs-
Gedichte von Gustav von Bergmann. Rujen, 1808.
в) Palzmareeschu Dseešmu Krahjums (Lettische und
Palzmarsche Lieder und Sinngedichte). Von Fr. Daniel Wahr. 1807.

Тутъ имѣется и изъ первыхъ трехъ латышскихъ сборниковъ множество пѣсенъ, при чемъ пѣснямъ, собраннымъ Бергманомъ, предпослана англійская рецензія въ нѣмецкомъ переводѣ. Первый изъ этихъ выпусковъ заключаетъ 238 и второй 252, всего 490 пѣсенъ, которыя Бергманомъ собственноручно были напечатаны въ немногихъ экземплярахъ, никогда не появлявшихся въ продажѣ. Въ введеніи къ этимъ пѣснямъ, записаннымъ въ Лифляндіи и Курляндіи и получившимъ столь малую извѣстность, пасторъ фонъ Бергманъ обратился къ своимъ младшимъ товарищамъ по службѣ съ воззваніемъ, ревностно собирать латышскую народную поэзію. Воззваніе это дало поводъ пастору Вару немедленно выступить съ сборникомъ, содержащимъ 411 народныхъ пѣсенъ. Вотъ три первые сборника латышскихъ народныхъ произведеній, которые впрочемъ весьма неполны и не имѣли никакого распространія.

3. Bütn.: G. F. Büttner, Latweeschu lauschu dseešmas un singes. Latweeschu tautai un wiņņas draugeem šagahdatas no Latweeschu draugu beedribas. Jelgawā, 1844. (Латышскія народныя пѣсни и романсы. Латышскому народу и его друзьямъ. Изданы Обществомъ Латышскихъ Друзей. Митава, 1844 г.)

Это — первый объемистый сборникъ, который даетъ возможность обстоятельно ознакомиться съ латышскою національною поэзію и составляетъ надежное основаніе для ея изученія. Такъ какъ пасторъ Бютнеръ самъ собралъ болѣе 3400 пѣсенъ, къ которымъ присоединилъ пѣсни, полученныя имъ отъ профессора и ректора Дерптскаго университета Д-ра Ульмана, и три уже упомянутыхъ изданія, то въ его трудъ вошло около 4500 народныхъ пѣсенъ и 760 ихъ варіантовъ. Но изъ нихъ вошли въ его сборникъ только

2854 пѣсни. Тутъ пѣсни разгруппированы по содержанию и мѣстностямъ, въ которыхъ онѣ собраны, и показываютъ разнообразныя діалектическія отгѣнки. Въ предисловіи Бютнеръ говоритъ, что онъ этимъ сборникомъ хотѣлъ 1) до сихъ поръ мало извѣстную народную поэзію сдѣлать публикѣ доступною, 2) латышамъ сохранить сокровище ихъ національнаго (духовнаго) произведенія и 3) наконецъ, открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка (Sprachstudium). Все это въ своемъ сборникѣ онъ — этотъ отличный знатокъ и критикъ латышскихъ народныхъ пѣсенъ — дѣйствительно мастерски исполнилъ. Въ приложеніи встрѣчаются краткія объясненія и замѣчанія.

4. Šeh.: Šehta, dabba, pašaule. Trešča grahmata. Tehrapatā 1860 gaddā. (Дворъ, природа, міръ. Третья книга. Юрєвъ, 1860 г.)

Этотъ выпускъ заключаетъ между прочимъ народныя пѣсни. Если выбросить поддѣльныя, то остается тутъ около 128 чисто народныхъ пѣсенъ, большею частью четверостишій.

5. Спр.: Памятники латышскаго народнаго творчества, собраны и изданы Иваномъ Спрогисомъ. Вильна 1868.

Эти пѣсни собраны у Западной Двины на границѣ трехъ губерній, Лифляндской, Курляндской и Витебской, именно — въ окрестностяхъ Штокмансгофа и Кокенгузена. Большое достоинство этого почти во всѣхъ отношеніяхъ надежнаго сборника, вмѣщающаго 1857 пѣсенъ, покоится какъ на многочисленныхъ, интересныхъ вариантахъ къ уже извѣстнымъ пѣснямъ, такъ и на многихъ новыхъ произведеніяхъ. Онъ напечатанъ русскими буквами, снабженъ русскимъ переводомъ и введеніемъ, трактующимъ о латышскомъ народномъ пѣснотворествѣ.

6. Pl. u. M.: Plater Comtesse C. v. u. Mannteuffel-Szoegel Baron G. v. Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. Vierzehnten Bandes zweites Stück. Mitau, 1869. Lettische Volkslieder von Comtesse Celine von Plater und Baron G. von Mannteuffel-Szoegel.

Въ этомъ томѣ встрѣчаются 170 пѣсенъ, собранныхъ въ Краславской окрестности Витебской губерніи. Эти пѣсни особенно драгоцѣнны вслѣдствіе собственнаго говора Краславской окрестности. Нѣсколько изъ нихъ (съ измѣненіями)

уже напечатано въ „*Inflantu ziemes laika gramata*“ („Временникъ инфлантской земли“).

7. *Zim.*: Zimse J., *Dseešmu rota jaunekleem un wihreem. Otra daļa. Lauka puķes. Latweešchu tautas-dseešmas. Apgah-datas no J. Zimse, seminara direktora. Leipzija, 1872. Trešcha daļa. Rihgā, 1874. Zeturta un peekta daļa. Rihgā, 1875. Šesta daļa. Rihgā, 1879.* (Полевые цвѣты. Латышскія народныя пѣсни въ четырехъ выпускахъ.)

Въ этихъ четырехъ выпускахъ и пяти частяхъ находятся переложенные на ноты латышскіе народныя напѣвы съ ихъ текстами. Въ этихъ послѣднихъ иногда разбросаны безъ строгаго разбора чисто народныя пѣсни между искусственными; но все-таки при тщательной критикѣ и тутъ получается богатая добыча чисто народной поэзіи.

8. Брив.; Бривземніаксъ Фр., Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ, издаваемый В. А. Дашковымъ. Книга II. Москва, 1873.

Въ этомъ сборникѣ мы находимъ 1118 пѣсень, напечатанныхъ русскими буквами и снабженныхъ русскимъ переводомъ. Предпосланы ему предисловіе и статья о народной поэзіи латышей. Сочиненіе сопровождается поясненіями и замѣчаніями къ пѣснямъ, гдѣ этнографъ можетъ найти краткія указанія на нѣкоторыя стороны народнаго быта и характера.

9. *Biel.*: Bielenstein A., *Latweešchu tautas dseešmas. Šameklētas un peeždešmitam beedribas gadam par peemiņu drukā dōtas no Latweešchu draugu beedribas. I. Leipzigā, 1874. II. Leipzigā, 1875.* (Латышскіе народныя пѣсни. Собранны и въ память 50-лѣтней годовщины изданы Обществомъ латышскихъ друзей (подъ редакціею А. Биленштейна). I. Лейпцигъ, 1874. II. Лейпцигъ, 1875.)

Этотъ сборникъ началъ выходить къ 50-лѣтнему юбилею Латышскаго литературнаго общества и долженъ былъ заключать въ себѣ какъ пѣсни, записанныя еще въ молодыхъ годахъ самимъ Биленштейномъ и его товарищами съ устъ народа, такъ и пѣсни, собранныя и напечатанныя Бютнеромъ, потому что его изданіе было распродано. Предположено было въ четырехъ выпускахъ издаваемого сборника напечатать отъ 9000—10000 четырехстишій. Къ сожалѣнію, до сихъ

поръ появились лишь первые два выпуска съ 4793 пѣснями, расположенными, какъ и въ изданіи Бютнера, по содержанію и мѣстностямъ, гдѣ онѣ собраны.

10. Taut. d.: Tautas dseesmas šalašitas Wentas krastôs Leischmalē. Leerajā, 1876. (Народныя пѣсни. Собранны на берегахъ Виндавы на литовской границѣ. Либава, 1876.)

Какъ сказано въ заглавіи, эти пѣсни, всего 475, собраны у береговъ рѣки Виндавы на литовской границѣ. Въ сборникѣ этомъ въ первый разъ (послѣ Г. Ф. Стендера) справедливо отдѣлены длинныя пѣсни (zinges, dainas или романсы, здѣсь названы dzejoli) отъ краткихъ (dzesmas).

11. Jur.: Jurjanu Andrejs, Latveešu tautas dzeesmu krājums. I. Rīgā, 1884. II. Rīga, 1885. (Латышскія народныя пѣсни, собранныя А. А. Юрьяномъ. Lettische Volkslieder, gesammelt von A. Jurjan.)

Въ этихъ двухъ выпускахъ напечатано всего 20 пѣсень или народныхъ романсовъ съ ихъ мелодіями.

12. Bezz. L. D.: Bezenberger A., Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885.

Тутъ между прочимъ помѣщены, какъ діалектическіе примѣры, около 79 пѣсень. За исключеніемъ нѣкоторыхъ не чисто народныхъ произведеній мы и здѣсь имѣемъ возможность познакомиться съ самобытнымъ народнымъ творчествомъ.

13. Ar. M.: Muhsu Tautas dseesmas. Pa tehviņas kalneem un lejālm lašitas un vaiņagā wihtas Aronu Matisa. Rīgā, 1888. (Наши народныя пѣсни. По горамъ и долинамъ отечества собраны Матисомъ Арономъ.)

Сборникъ этотъ содержитъ 2067 пѣсень. Составитель сборника, какъ видно изъ его разныхъ замѣчаній, имѣлъ цѣлью, возбудить и оживить въ народѣ интересъ къ наслѣдованной отъ предковъ поэзіи.

14. R. kr.: Rakstu krajums izdots no Rīgas Latveešu Beedribas Zinību Komisijas. 5. krajums. Latveešu tautas dzeesmas. Jelgavā, 1889. 6. krajums. Jelgavā, 1890. (Сборникъ, изданный научною комиссіею Рижскаго Латышскаго Общества. Выпускъ 5. Латышскія народныя пѣсни. Митава, 1889. Выпускъ 6. Митава, 1890.)

Въ пятомъ выпускѣ находятся 1377 пѣсень, группиро-

ванныхъ такимъ же образомъ, какъ въ вышепоименованномъ сборникѣ Спрогиса. Въ шестомъ выпускѣ встрѣчаются между прочимъ описанія латышскихъ свадебныхъ обрядовъ, гдѣ, какъ и въ вышеупомянутыхъ описаніяхъ свадебныхъ обрядовъ литовцевъ, цитуются множество латышскихъ народныхъ пѣсенъ.

15. R. nod.: Jelgawas Latweeschu Beedribas Rakstneezibas Nodaļas Rakstu krahjums. I. Tautas dzeesmu virknes. Jelgawā, 1890. II. Jelgawā, 1893. (Сборникъ литературнаго отдѣленія Митавскаго Латышскаго Общества. I выпускъ. Народныя пѣсни. Митава, 1890. II выпускъ. Митава, 1893.)

Первый выпускъ содержитъ 168 большею частью длинныхъ пѣсенъ или народныхъ романсовъ; второй заключаетъ около 127 большею частью четверостишія, написанныхъ какъ диалектическіе примѣры въ разныхъ говорахъ.

16. Э. В.: Вольтеръ Э. А., Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи. Собралъ и снабдилъ объясненіями Э. А. Вольтеръ. Часть I. Праздники и семейныя пѣсни латышей. Санктпетербургъ, 1890.

Въ этомъ сборникѣ этнографическихъ матеріаловъ помѣщено около 900, частью уже извѣстныхъ, изъ прежнихъ изданій заимствованныхъ, частью до того времени еще не опубликованныхъ пѣсенъ. Пѣсни сопровождаются русскимъ переводомъ и объясненіями. Эта работа исполнена почти безъ всякой критической оцѣнки. Тутъ, напр., часто встрѣчаются четверостишія съ искаженными и невѣрно переданными мыслями. Кажется, собиратель недостаточно понималъ латышскій языкъ, въ особенности верхнелатышское нарѣчіе, на которомъ эти пѣсни написаны. Этимъ объемистымъ, но весьма ненадежнымъ сочиненіемъ надо пользоваться очень осторожно. Въ предисловіи обѣщена вторая часть этого сборника, но до сихъ поръ еще не появилась.

17. R. B.: Behrsiņ R., Latwijas wijolites. Tautas romanzas, šakahrtotas un isdotas no R. B. I. waiņags. Jelgawā, 1894. (Фіалки латышской земли. Народные романсы, собраны и изданы Р. Берзинемъ. I вѣнокъ. Митава, 1894.)

Тутъ находятся 60 народныхъ романсовъ съ приложеніемъ напѣвовъ для 20 изъ нихъ. Въ предисловіи собиратель обѣщаетъ, послѣ благосклонной встрѣчи его труда, издать и второй томъ.

18. Austr.: Austrums sinibas un rakstneczibas mehnešč-raksts. Jelgawā 1885—1894. (Востокъ, научно-литературный ежемѣсячный журналъ. Митава, 1885—1894.)

Тутъ встрѣчаются, именно въ № 8 1894 г., нѣкоторые годные для моей цѣли народные романы.

19. B. et W.: Baron Kr. et Wissendorff H., Chansons nationales lataviennes. Latwju dainas. Kr. Barona un H. Wissendorffa isdotas. Jelgawā, 1894.

Этотъ сборникъ началъ лишь недавно выходить и въ настоящее время появились только четыре выпуска, заключающіе, кромѣ очень многочисленныхъ вариантовъ, 2043 пѣсенъ. Упомянутый сборникъ, какъ видно, будетъ далеко превосходить своимъ объемомъ всѣ предшествующіе. Онъ долженъ вмѣстить въ себѣ всѣ прежнія изданія и новыя пѣсни со всѣми вариантами — всего на всего 150,000 произведеній, расположенныхъ по новой группировкѣ и классификаціи.

20. L.: Мною собранныя въ Нижней Курляндіи, но еще ненапечатанныя латышскія народные произведенія.

Тексты.

Литовскіе.

Латышскіе.

I. Пѣсни о пѣниі.

Bezz. L. F. 54.
Jušk. L. d. 66; 756.

Ar. M. 143; 144; 145.
B. et W. 26; 758; 759.

Aš išdainoju
Visas dainėles,
Dar vėnos nedainavau.
Aš išdainosu
Pavasarię
Rutėles rovédama.

Visas dziesmas isdziedaju,
Brāla govīs ganidama,
Vienas dziesmas nedziedaju —
To dziedāšu vakarā,
To dziedāšu vakarāi
Mazajai māsiņai.

II. Миѣическія пѣсни.

1. Свадьба дочери Солнца.

Rh. 26 (220) Ness. 4.
Schl. 4.

L... (Bergm.) Брив. 41; 43; 89.
W. Mannhardt (Zeitschrift für
Ethnologie, Jahrgang 1875. Die
lettischen Sonnenmythen) 72; 73.
K. Ulmann (Lettische Volkslieder,
übertragen im Versmass der
Originale, Riga, 1874) 451; стр.
195, № 16.

Aušrine svodbā kēle,
Perkuns pro vartus ijojo¹⁾,
Aužolā žalā²⁾ parmuše.

Mēness jēma Saules meitu¹⁾,
Pērkons jāja panākstōs,

1) Ness. jojo.

2) Schl. žalie; Ness. Žal'aužolā.

1) Zim. III, 99.

Ausekls ņēma Saules meitu,
Pērkons jāja vedejōs.

Aužolo krauj's vervėdams
Apšlakste mano ¹⁾ drabužius,
Apšlakste vainikelį.

Saulės dukryte verkiant
Surinko tris metėlius,
Pavytus ²⁾ lapėlius.

O kur, mamyte mano,
Drabužius išmazgōsu?
Kur kraują išmazgōsu?

Dukryte, mano jaunoji ³⁾,
Eik pas tą ežerātį,
Kur tėk devynos ⁴⁾ upātes.

O kur, mamyte mano,
Drabužėlius džovīsu? ⁵⁾
Kur vėje išdžovīsu?

Dukryte, tame daržatij',
Kur aug devynos rožates.

O kur, mamyte mano,
Drabužėis apsivīlsu?
Baltosus išnešōsu?

Dukryte, toj' dienėlej',
Kad spīs devynos Saulėles.

Pa vārtiemi iejādāmis,
Nospēr' zelta ozoliņ',
Nošlak manus brūnus svārkus
Ar ōzola asinīm.
Saulės meita trīs gad' raudaj',
Zelta zarus lasidām'.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus ismazgāšu?
Mazgā, puisi, tai upēi,
Kur deviņas straumes tek.
Mīlai Mārai pavaicāju:
Kur es svārkus išžāvėšu?
Žāvė, puisi, tai dārzai,
Kur deviņas rōzes aug.

Pa vārtiemi iebraucoti
Nosper zelta ābelit'.

Saulės meita trīs gad' raudaj',
Zelt' ābolus lasidama. Слич
ниже (5) второе замѣчаніе.

Taut. d. 9.

— — — — —
Auseklītis aistecejis
Saulės meitu lūkoties.
Mēness jēma Saulės meitu,
Pērkons jāja panākstōs;
Isjādāmis, pārjādāmis
Sasper zelta ozoliņu.
Saulē ¹⁾ raude trīs gadiņus
Zelta zarus lasidama;
Trīs gadiņi ceturtā
Usjem pašu galokniti.
Saulės meitas nopinušas
Zelta zaru vainādziņu,
Nopinušas, nonesušas
Mīlas Māras baznicā. — — — ²⁾

-
- 1) Ness. man.
2) Schl. pavýtusius.
3) Ness. jauna.
4) Schl. devýnios.
5) Schl. džovįsiu.

-
- 1) Брѣв. 43 Sėrdianite gauži
raud — — —
2) См. ниже (5) Var. Taut.
d. 9.

Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus sarullēšu?
 Rullé, puisī, tai rullēi,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kur es svārkus paglabāšu?
 Glabā, puisī, tai klētēi,
 Kur deviņas atslēdziņas.
 Mīlai Mārai pavaicāju:
 Kad es svārkus novalkāšu?
 Valkā, puisī, tai dienāi,
 Kur deviņas Saules spīd.

1. Var. Austr. 1894 r. № 8,
 ctp. 97.

Saki, saki, sakulīti,
 Kādi viesi istabāi?
 Sirmu zirgu mītenieki,
 Jaunu meitu precinieki. —
 Kam tie zirgi, kam tie rati
 Pie Saulītes nama durvu? —
 Dieva zirgi, Laimas rati,
 Saules meitas precenieki.
 Dieva dēli pūru veda
 Ausekliņa-dēliņam,
 Dieva dēli pūru veda
 Meža galus kārstidami:
 Liepai kāra zelta ziedus,
 Priedei mēlu villainīti,
 Mazajama bērziņama
 Zelta griestu gredzentiņu.
 Saules meita isjādama
 Lūdz Pērkonu panākstôs;
 Pērkonītis isjādamis
 Nosper zelta ozoliņu.
 Nošlac manus brūnus svārkus
 Ar ozola asinīm. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus ismazgāšu? —
 Meklē tādu lielupīti,

Kur deviņas straumes tek;
 Devītāi straumītēi,
 Tur tu viņus ismazgāsi.
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus isžavēšu? —
 Meklē tādu lielu osi,
 Kam deviņas atvasītes;
 Devītāi atvasēi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus sarullēšu? —
 Meklē tādu lielu rulli,
 Kam deviņi vilcieniņi;
 Devītāi vilcieniņi etc. —
 Es tev lūdzu, mīla Laima,
 Kur es viņus paglabāšu? —
 Meklē tādu liepas pūru,
 Kam deviņas atslédziņas;
 Ais devītas atslédziņas —
 Tur tu viņus paglabāsi.

2. Var. Брив. 42.

Zirgi zviadz, velni brāuc,
 Tek upīte dzirkstēdam';
 Es stāvēju maliņā
 Ar asūa zuabeniņ'.
 Es sacirtu velnam galvu
 Deviņiam gabaliam.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar tām velna asinīm.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izmazgāšu?
 — Meklē tādu ezeriņ'
 Deviņam istekām.
 Es māsīp' pavaicāju:
 Kur es viņus izkaltēš'?
 — Meklē tādu uazualiņ'
 Deviņiam žuburiam.
 Es māsīpu pavaicāju:
 Kur es viņu sarullēšu?
 — Meklē tādu ruļļu galdu
 Deviņiam vilcējiam.

Es māsīņ' pavaicāju:
 Kur es viņu paglabāšu?
 — Meklē tādu šķirstu galdu
 Deviņām atslégām.

3. Var. Сп. стр. 303 и 304.
 K. Ulm. стр. 187, № 13.

Laime gāja baznicā,
 Mani līdzī aicināja.
 Laime joza zelta jostu,
 Man iedēve sudrabiņa.
 Ta sacīja iedodama:
 „Nes, meitiņ', ar godiņu!“
 Apsa-gauži-raudajos¹⁾,
 Tos vārdiņus dzirdedama.
 Kur es būšu noslaucīt
 Savas gaudas asariņas?
 Jedod man pate Laime
 Savu zīda nazdaudziņ'.
 Kur es viņu izmazgašu.
 Laimes dotu nazdaudziņu?
 Pate Laime parādīja
 Zelt-upiti lejiņā.
 Kur es viņu izkaltešu,
 Laimes dotu nazdaudsiņu?
 Pate Laime parādīja
 Zelta kārti dārziņā.
 Kur es viņu sarullešu,
 Laimes dotu nazdaudziņu?
 Pate Laime parādīja
 Zelta rulli kambarē.
 — Izkalte, sarulle,
 Liec pūriņa dibinā!
 Kad atnāce svēta diena,
 Tad iedod arajam, —
 Tad iedod arajam
 Laimes dotu nazdaudziņu.
 Kad iedama tautiņās,
 Sedz man baltu vilnaniti!

1) Вмѣсто: Gauži apsaraudajos.

2. Поза (var. 606з).

Rh. 84 (300). Schl. crp. 10.

Bergm. II, p. 67, № 237. W.
Mannhardt 83.

Žemynēle ¹⁾, žiedeklēle ²⁾,
Kur sodīsu rožū šakēlē?
Ant aukšto kalnēlio,
Prie jurū, prie marēlū ³⁾.
Žemynēle, žiedeklēle,
Kur rāsu tėvā, močutē,
Aš prastumta vargdienute?
Eik ant aukšto kalnēlio,
Pri jurū, pri marēlū! ³⁾

Iš rožū kelmāčo
Užaugo didis medatis,
Šakos iki debeseliū.
Užkopsu ant debeseliū
Per tas rožū šakēles.

Ir sutikau jaunā bernyti
Ant Dievo žirgyčo.
Ay bernyti, raitelyti,
Ar ne regējei tevā, močutē?
Mergyte, mano jaunoji,
Eik ī pakalnēs šali,
Ten tevēlis, močute
Sesytei svodbā kēla ⁴⁾.

Nuējus' ī pakalnē:
Lab' ryt', laba dien', tetuti,
Lab' ryt', laba dien', močute,
Kam manē mažā prastumēt
Į svetimus žmonēles?

Man bij viena zelta rōze,
Kur mēs to stādīsim?
Tur mēs to stādīsim —
Pašā kalna galiņā.

— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —
— — — — —

Tur usauge garas rōzes
Līdz pašām debesīm.
Es uskāpu debesīs
Par tiem rōžu zariņiem.

Es atradu Dieva dēlu,
Kumeliņu seglojot.
Lab' rīt', lab' rīt', Dieva dēls,
Voi redzej' tēv' ar māt' ?
Tēvs ar māti Vāczemē
Bāluliņam kāzas dzer.

Es nogāju Vāczemē
Pa tiem jūras licišiem.
Lab' rīt', lab' rīt', tēvs ar māt',
Kur jūs mani maz' atstājat?

1) И въ латышскихъ народ-
ныхъ пѣсняхъ встрѣчается эта
богиня, какъ-то: Vai, lūdzama,
Zemes - māte, — — (Būtn. 238.
Спр. стр. 218, № 18 и 21).

2) Schl. žēdkelēle.

3) Schl. prē jūriu, prē marēliu.

4) Schl. kēlie.

Užaugau dide mergāte;
Viena radau lopšytelī,
Kur džaungiaus' kudikele¹⁾.

Var. Ness. 7.

Žemynele, Žedēklele,
Kur rožiū šakā sodīsiu?
Sodīk ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Žemynele, Žedēklele,
Kur rasiu tėvā, močutę?
Rasi ant aukšto kalnelio,
Prē jureliū, prē mareliū.

Užaugo didis medatis,
Šakos iki debeseliū.
Užkopjau ant debeseliū
Per tas roželiū šakeles.

Sutikau jauną bernytį
Jojant ant Dėvo žirgyčo.
Ey bernyti, raitelyti,
Ar matai tėvā, močutę?

Mergyte, mano jaunoji,
Eik į Pakalnes šalelę,
Ten tėvelis, ten močute
Sesytelei svodbą kelia.

Nuėjusi į Pakalnę:
Lab' ryt', laba dēn', tetuti,
Lab' ryt', laba dēn, močute,
Kam manę jauną prastumėt?

Prastumėt manę į žmones.
Užaugau dide mergate.
Vėno radau lopšytelī,
Kur džaungiausi kudikele.

Es usangu liela meit';
Šūpulit' es vien atradu,
Kur es maziņš ligojos.

1. Var. Брив. 90.

Es dēstiju baltu rūazi
Baltā smilkšu kalniņā;
Man izāuga kupla rūaze
Līdz pašāmi debesim.
Pa tiam rūazu zariņiam
Es uzkāpu debesīs.
Es redzēju Diava dēlu,
Baltus zirgus segluajuat.
Diavs palidze, Diava dēls!
Vaj redzēj' tēv' ar māti?
— Tēvs ar māti Vāczemē
Bāliņam kāzas dzer.
Es apkālu krauklām kājas,
Es nūajāju Vāczemē.
Vāczemniaki brinejās:
Tavu melnu kumeliņ!

2. Var. R. nod. I, 46.

Es iedēstu baltu rūzi
Baltā smilšu kalniņā.
Ta usauga gara, leela
Līdz pašāmi debesim.
Es iekāpu debesīs
Pa rōzītes zariņiem.
Redzu pašu Dieva dēlu
Sirmu zirgu seglojam.
Dievs palidzi, Dieva dēli,
Vaj redzeji tēv' ar māt' ?
— Tēvs ar māti Vāczemē
Bāliņami kāzas dzer.

3. Var. Э. В. стр. 370, а 2.

Es uzkāpu debesīs
Pa rūzejtes lapeņōm,
Es atrodu D'īva dālu

1) Schl. kudikēlis, masc. gen.

Kumēleņu saglūjūt.
 Dīvs paleidž, Dīva dāls,
 Kumēleņu saglūjūt.
 Dīvs paleidž, Dīva dāls,
 Oj rēdžeji munu moāti?
 Tavs tās, tava moāte
 Jyuras molā kozas džār.
 Muns tās, muna moāte,
 Kur jyuš maņi pamātōf?
 Sydabreņa šyupūfi
 Enģelejšu šyupūjūt.

4. Var. Брив. 88.

Es dabuju baltu pupu,
 Stādij' kalna galiņā.
 Ta izāuga liala, gara
 Līdz pašām debesīm.
 Es uzkāpu debesis
 Pa tiam pupu zariņiam;
 Tur redzēju Diava dēlu
 Kumeliņu sedlūajam.
 „Labdian, labdian, Diava dēls!
 Kur aizgāja tēvs ar māt?“
 — Tēvs ar māt' Vāc zemē,
 Saules meitai kāzas dzer:
 Saule pate pūru vede
 Mežiam galus veltidama:
 Uzuālam rāibus cimdus,
 Liapai zaļu villāiniti,
 Mazājam kārkliņam —
 Apzeltitu priavitiņu.

5. Var. Спр. стр. 72.

Es dabuju baltu pupu
 Daugaviņas maliņā.
 Teku šurpu, teku turpu,
 Kur es viņu iedēstišu?
 Teku rōžu dārziņā,
 Tur es viņu iedēstiju.

Ta bij man uzaugusi
 Līdz pašām debesīm.
 Es uzkāpu debesīs
 Pa pupiņas lapiņām;
 Jeraudziju Dieva dēlu,
 Kumeliņu seglojot.
 — Labritiņ, Dieva dēls!
 Kur jums tēvs, māmaliņa?
 — Tēvs ar māti jūrmalē
 Es paliku šai zemē;
 Es paliku šai zemē
 Zobenīņu kaldināt.
 Es pakalu zobenīņu
 No bitītes dzenoliņa.
 Es sacirtu jōdu (velna) māti
 Deviņiem gabaliem.
 Man apskrēja brūni svārki
 Ar teem jōdu asiniem.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izmazgašu?
 — Dabu tādu ezeriņu,
 Kur deviņas upes tek.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izkaltešu?
 — Dabu tādu ozoliņu,
 Kur deviņi žuburiņi.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus izrullešu?
 — Dabu tādu ruļļu koku,
 Kur deviņi vilcejiņi.
 — Es tev lūdzu, mīla Laime,
 Kur es viņus paglabašu?
 — Dabu tādu šķirsta lādi,
 Kur deviņas atslēdziņas.

6. Var. Zim. III, 99.

Stādij' vienu baltu pupu
 Baltā smilšu kalniņā.
 Tā usauga tieva, gara
 Līdz pašāmi debesīm.

Es uskāpu debess virsū
 Pa tiem pupu zariņiem.
 Es redzeju Dieva dēlus
 Kumeliņus seglojoti.
 Labrit, labrit, Dieva dēli,
 Kur redzejāt tēv' un māt' ?
 Tēvs un mātē Vāczemitē
 Saules meitai kāzas dzer.
 Ausekls ņēma Saules meitu,
 Pērkons jāja vedejōs.
 Pa vārtiemi iebraucoti
 Nosper zelta ābelit'.
 Saules meita trīs gad' raudaj',
 Zelt' ābolus lasidama.

7. Var. Ә. В. стр. 371 а 3.

Treis dīnešes, treis naksnešes
 Nī putrōm' ās naraudzeju.
 Dijs nūsvid'e vīnu pupu,
 Tū samynu kōjeņōm ;
 Tei izauga kupla gara
 Da patīm debesīm.
 Ās īkōp debesīs
 Pa tōs pupēs zafeņīm :
 Tur redzēju Dīva dālū
 Kumeleņu sadlojūt.
 Dijs paleidž, Dīva dāls,
 Redzēj munu tāv' ar mōti ?
 Paldīs, cīma dzaltaņeite,
 Redzēj tavu tāv ar mōtē,
 Deviņūs kambarūs,
 Aiz deveņ atslēdzeņ !

3. Солнце заботящееся о сиротахъ.

Rh. 78 (282).

Спр. стр. 309, № 2 и 4.

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
 Kur taip ilgay užtrukei,
 Kur taip ilgay gyvėnai,
 Nū mus' atstojusi ?

Kur, Saulite, kavejies,
 Ka tu agri ne izlēci ?

— — — — —
 — — — — —

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildžau piemenāčus.

Miela Saulyte, Dievo dukryte,
Kas rytais, vakarėleis
Prakure tav ugnėlį?
Tav klojo patalėlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnį prakure,
Vakarine patalą klojo.
Daug mano gimeneles,
Daug mano dovaneliu.

1. Var. Ness. 1.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kur taip ilgay užtrukai?
Kur taip ilgay gyvenai,
Nū musū atstojusi?

Po juriū, po kalneliū
Kavojau sirateles,
Sušildau pėmenāčus.
Daug mano dūvaneliū.

Saulyte, Dėvo dukte,
Kas rytais, vakareleis
Prakure tav ugnelę?
Tav klojo patalėlį?

Aušrine, Vakarine:
Aušrine ugnuželę,
Vak'rine patalėlį.
Daug mano gimenelės.

2. Var. Schl. ctp. 3.

Mėla Saulytė, Dėvo dukrýtė,
Kūr teip ilgai užtrukai,
Kūr teip ilgai gyvenai,
Nū mūs atstójusi?

Mėla Saulytė, Dėvo dukrýtė,
Kās rýtais, vakarėleis
Prakúre táv ugnėlę,
Táv klójo patalėlį?

Aiz kalniņa kavejos,
Bāreniti sildidama. —

Ai, Saulit', māmaliņ,
Parādies ganiņam:
Ganiņam gara diena,
Kad Saulites ne redzeja!

1. Var. Biel. 3798.

Kur, Saulite, kavėjies,
Ka tik spodri netecēji?
Aiz kalniņa kavėjos,
Bārenišu sildidama.
Pulciņš teka bārenišu
Basājām kājīnām.

2. Var. Zim. VI, 9. Ar. M. 218.

Kas tie tādi, kas dziedāja
Bes Saulites vakarā?
Tie ir visi bāra bērni,
Bārgu kungu klausitaj'.

Kurin' ugun' ¹⁾), silda gaisu,
Slauka gaužas asariņ's ²⁾);
Krimta cietu pelav' maizi,
Avotiņā mērcedam'.

Saulit' vēlu vakarāi
Sēžās zelta laiviņā.
Rītā agri uslēkdama,
Atstāj laivu ligojot.

1) Лучше: Кур уguni.

2) Поправлено вѣсто непра-
вильнаго „asaras“.

Aušrinē, Vakarīnē;
 Aušrinē ugni prakūrē,
 Vakarīnē pātālā klójo.
 Daūg mánó gimenēlēs,
 Daūg mánó dovanēliu.

Kam, Saulīte, vélu léci?
 Kur tik ilgi kavējies?
 Ais viņiemi kalniņiemi,
 Bāra bērnus sildīdam'.

3. Var. Biel. 3779.

Kur, Saulīte, kavējies,
 Ka' tu agri neūzlēci?
 Aiz kalniņu kavējos,
 Sērdienišus sildīdama.

4. Свадьба Мсяца съ Солнцемъ.

Rh. 27 (92).

Menū Saulužē vede
 Pirmā pavasareļi.

Sauluže anksti kelēs;
 Menužis atsiskyre.

Herder (Stimm. d. V.) 9.

Gestern nicht, es war schon
 lange ¹⁾,
 Da die Sonne Braut noch war;
 Gestern nicht, es war schon
 lange,
 Als der erste Sommer ward.
 — — Rejta agri Saule lacia,
 Vokorā Mieniēstiañč. — — —
 (Pl.-M. 101.)

Var. Zim. II, 38 (I, 1);
 VI, 9. Ar. M. 218.

(Saulīt' vélu vakarā
 Sēžās zelta laiviņā.)
 Rītā agri uslēkdama
 Atstāj laivu ligojot ²⁾. — —
 (Спр. стр. 311, № 16.) Saule bāra
 Mēnestiņu,
 Kam tas dienu ne spēdeja;
 Mēnestiņš atbildeja:
 „Tav' dieniņa, man' naksniņa.“

Menū viens vaikštīnējo,
 Aušrinē pamilējo.

1) Сличи (1.) выше „Mēness
 jēma Saules meitu“ — —

2) См. выше (3.) второй вари-
 антъ.

Perkuns didey supykęs
Jį kardu perdalijo.
Ko Saulužės atsiskyrei?
Aušrinę pamilėlei?
Viens naktij' vaikštinėlei?

1. Var. Ness. 2.

Mėnū Saulužę vede
Pirmą pavasarelį.
Saulužė anksti kėlės,
Mėnužis atsiskyre.
Mėnū vėn's vaikštinėjo,
Aušrinę pamylėjo.
Perkun's didey supykęs
Jį kardu perdalyjo.

Ko Saulės atsiskyrei?
Vėn's naktij' vaikštinėlei?
Aušrinę pamylėlei?
Širdis pilna smutnybės.

2. Var. Schl. ctp. 3.

Mėnū Saulužę védė,
Pirmą pavasarėlį.
Saulužė anksti kėlės,
Mėnužis atsiskyrė.
Mėnū vėns vaikštinėjo,
Aušrinę pamylėjo.
Perkūns didei supykęs
Ji kardu pėrdalyjo.

Ko Saulužės atsiskyrė¹⁾,
Aušrinę pamylėlei,
Vėns naktý vaikštinėlei?
Širdis pilnà smutnybės.

1) Вмѣсто: Ко нū Saul. ats.
(Зам. III.)

Var. Zim. II, 38 (II, 3.)

Saulit kūle Mėnesniū
Ar sidraba čakarniū.
Ak, Saulite, nekul mani:
Tev dieninā, man naksniā.
(Брив. 94. Спр. ctp. 313, № 30.
St. ctp. 274. Rh. ctp. 316.
Bergm. ctp. 42.)

Saul' sacirta Mėnestiū¹⁾
Ar asaju²⁾ zobentiū:
Kam paņēma³⁾ Auseklām
Saderetu⁴⁾ ligaviū?

1. Var. Брив. 62.

Saule kūle Mėnesnīt'
Ar sudrab' pátadziņ':
Kam paņēme Auseklām
Saderētu mātes méit'.

2. Var. Спр. ctp. 311, № 19.

— — Saule laide Mėnešam
Ar sudraba akmentiņ'.

3. Var. Ar. M. 1934.

Mėnestiņ, vecais brāl,
Kam tu dienu netecejī?
Kam tu nakti maldinājī
Savu smuidru augumiņū?

1) St. и Rh. Saule Mėnesi
sacirte.

2) Спр. Ar aso.

3) St. и Rh. Kam paņēme —

4) Rh. Suderetu.

5. Считаніе звездъ.

Jušķ. L. sv. d. 637.	Bütn. 264. Спр. стр. 314, № 4.
1. Užteka Saulūžē, Daulēlu, lēlu ¹⁾ , Aplīnkāj dangūži, Daulēlu ¹⁾ .	— — — — — — — — — — — — — — — —
2. Apėjki, Saulūžē, Aplīnkāj orūži.	— — — — — — — —
3. Paskajtyķ, Saulūžē, Ar visos žvajgždūžēs?	Mēnesniņis zvaigznes skaita, Voi ¹⁾ ir visas vakarā.
4. Jau skajtaū, ne skajtaū, Jau viēnós ir nēra.	Visas zvaigznes vakarā, Ausekliņa vien nevaid;
5. Šviēsiāusios žvajgždūžēs, Kur ānkstī užtekēju.	Ausekliņš Vāczemē Saulitei svārkus šuva;
6. Kur ānkstī užtekēju, Ir vēlāj nusilējdu.	Vienu stripi zelta lika, Otru tira sudrabiņa.
* * *	
7. Užteka Saulūžē, Aplīnkāj Dangūži.	Var. Taut. d. 9. — — — —
8. Apėjki, matūše, Aplīnkāj dvarūži.	— — zvaigznes skaitit ²⁾ , Vaj ir visas vakarā.
9. Paskajtyķ, matūše, Ar visos dukrūžēs?	Ir gan visas vakarā, Ausekliša vien nevaida.
10. Jau skajtaū, ne skajtaū, Jau viēnós ir nēra.	Auseklitis aistecejis Saules meitu lūkoties.
11. Viriāusiosios dukrūžēs, Kur ānkstī atsikēlē.	Mēness jēma Saules meitu — — ³⁾
12. Kur ānkstī atsikēlē, Ir vēlāj atsīgulē.	1) Спр. Ar'.
13. Linēliu verpējēlēs, Drobēliu audējēlēs.	2) Относительно народной поэ- зии неправильный стихъ.
14. Šienēliu grēbējēlēs Rugēliu pļovējēlēs.	3) Варианты въ нѣмецкомъ пе- реводѣ находятся у В. Мангардта въ его статьѣ „Die lettischen Sonnenmythen“ въ „Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875 стр. 82, № 73; у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder übertragen im Versmass der Originale“. Riga, 1874. Здѣсь № 451 гласитъ:

1) Повторяется во всѣхъ стро-
фахъ.

Mond zählt alle goldnen Sterne,
Die am Himmel nah' und fern;

6. Лайма и утонувший братъ.

Rh. 75 (272).

Спр. стр. 1.

Laime šauke, Laime rēke¹⁾,
 Basi bēgant per kalneli. —
 Aš užkopusi kalneli,
 Mačiau tris žvejāčus,
 Kopininkus ant juračū.
 Ar ne matēt mano broleli
 Ant aukštū jurelių?
 Ay mergate, lėlijate,
 Tavo brolytis gul nuskendęs
 Ant juriū dugnelio.
 Smiltas²⁾ jo veidėli grauža,
 Vilnys jo plaukėlius plauja.
 Kopininkai, mieli kumai,
 Ar ištrauksite brolyti
 Iš juriū dugnelio?
 Kagi dūsi, kad ištrauksim?
 Vienam dūsu šilkū josta,
 Antram dūsu aukso žieda,
 Trečiam ne turu ko dūti.
 Tūmi pati suderėsu,
 Jaunu styrininku.
 Styrininkas mudrus vyras,
 Tasai mok' akrotu bėgti,
 Bėgt su vėju, bėgt prieš vėją.
 Kaipgi tu vengtė išvengsi
 Savo nieprietelius? — —

Tris māsīnas gauži raud,
 Gar jūrmali staigadamas.
 — Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
 Redzejāt mūs' bālīņus?
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Kādi bija jūs' bālīņi?
 — Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
 Tādi bija mūs' bālīņi:
 Sarkan-baltiem vaidziņiem,
 Dzeltaniem matiņiem.
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Tie gul jūras dibinā!
 — Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
 Velciet viņus malīņā!
 — Ak, jūs, ciema dzeltanites,
 Ko jūs mums maksasiet?
 — Vienam došu slēšu kreklu,
 Otram — zida nazdaudziņ'.
 Tam trešam ne ko dot,
 Tam es pate piederēšu:
 Ne vienam, ne otram,
 Kā pašam stūrmanam!
 Stūrmanitis — gudris vīrs,
 Tas māceja laivu griest:
 Preti vėju, pret ūdeni,
 Preti savu naidinieku!

1. Var. Ness. 8.

Laime šauke, Laime rēke.
 Basi begau per kalneli,

1. Var. Спр. стр. 2.

Vakar gāja jūriņā
 Div' bālīņi tiklu mest;

1) Одна лат. нар. пѣсня начинается такъ: „Laiimit' klieḏza, Laiimit' brēca“ — — — (сличи Zim. III, 79).

2) Въмѣсто Smiltis (един. ч.), smiltys (множ. ч.).

Alle waren hell erschienen, Fehlte nur der Morgenstern. Morgenstern ist fortgeritten, Auf zur Sonne geht sein Flug, Sountochter will er freien, Und Perkunos führt den Zug — — сл. выше (1) и (2) шестой вариантъ.

Ješkodama broļužyti.

Aš užkopusi kalnelį,
Tai pamačiau trys žvejačus,
Kopininkus ant juračū.

Kopininkai mėli kumai,
Ar ne matėt brolytelį
Ant jurelių, ant marelių?

Ey mergate Pakalnėne,
Tavo brolytis nuskenkęs
Gul ant juračū dugnelio.

Gul ant juračū dugnelio,
Smiltys jo veidelį graužia,
Vilnys jo plaukelius plauja

Kopininkai, mėli kumai,
Ar ištrauksit, ar žvejosit
Mano broli iš dugnelio?

Ey mergate Pakalnėne,
Kągi dūsi, kad ištrauksim?
Kągi dūsi, kad žvejosim?

Vėnam dūsiu šilkū josta,
Antram dūsiu aukso žėda,
Trečiam ne turiu ką dūti.

Su šiū trečūju žvejaču,
Su jaunūju styrininku,
Su tū pati suderėsiu.

Styrininkas mudrus vyras,
Tasai mok akrotu bėgti,
Bėgt' su vėju, bėgt' prieš vėją.

2. Var. Schl. ctp. 8.

Laima šaukė, Laima vėrkė;
Basi ¹⁾ bėgau pėr kalnelį
Ješkodama broļužyti.

Aš užkopusi kalnelį
Pamačiau tris žvejačus,
Kopininkus ant juračū.

Šodien iet jūrmalė

Tris māsīnas skatities.

— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Redzejāt mūs bāliņus?

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Kādi bija jūs bāliņi?

— Vienam bija balts seiņiņis,
Otram zelta maltu gali.

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Tie gul jūras dibinā!

— Ai, jūs, jūras zveinieciņi,
Velciet viņus malīņā!

— Ak, jūs, ciema dzeltanites,
Ko jūs mums maksāsiet?

— Vienam došu cimdu pāri,
Otram — zida zēgeliti;

Tam trešam — stūrmaņam,
Tam es pate piederēšu!

Stūrmanītis — gudris virs,
Tas māceja laivu griest

Pret rītiem, vakariem:

Pret rītiem laivu grieze,

Pret vak'riem ¹⁾ zēgeliti.

2. Var. Jur. II, 17.

K. Ul. ctp. 163²⁾.

Jūra krāca, jūra špāca
Miglainai rītiņā.

Ejma māsas mēs uz jūru,
Uz jūrmalu pastaigat.

Uz jūrmalu pastaigati,
Bāleliņus apmeklet.

Visi bija mūs bāliņi,
Pastariša vien nebij.

1) Вѣрнѣе: vakariem.

2) Вариантъ въ нѣмецкомъ переводѣ у К. Ульмана въ его книгѣ „Lettische Volkslieder“.

Kópininkai, mēli kúmai,
Ar nemátēt máno brolēli
Ant júriu, maréliu?

Ei mergátē Pakalnēnē,
Távo brólis gūl nuskēndēs
Ant jurāču dugnēlio.

Smiltys jo veidēli grāužie,
Vilnys jo plaukeliūs plāuje.

Kópininkai, mēli kúmai,
Ar ištáuksit, ar žvejósit
Máno brolytēli?

Ei mergátē Pakalnēnē,
Kāgi dūsi, kād ištáuksim,
Kāgi dūsi, kād žvejósim?

Vēnām dūsiu šilkú jūstā,
Antrām dūsiu áukso žēda,
Trečām nēturin kā dūti.

Sū šiū trecūju žvejāču
Patī suderēsiu,
Sū¹⁾ jáunu stýrininku.

Stýrininkas budrūs výras.
Tasaí mok akrútu bēgti,
Bēgt sū vēju, bēgt prēš vējē.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 465.

1 Ējva, sésē,
Ējva, sésē,
Seserēlē,
Júriu-marūžiu } ds.
Pažiurēti. }

2 Jūrēs-mārēs,
Jūrēs-mārēs
Sululāvu,
Váriu tiltūžis
Susķambēju.

3 Po tām tiltu,

Dožajami, ložajami,
Meklejami bāleliņa.

Mekledamas bāleliņa,
Uzejm jūras zvejnieciņus,
Zida tiklis, zelta laiva,
Sudrabiņa zēgelīte.

Ai, jūs jūras zvejnieciņi,
Redzejati mūs bāliņu?

Ai, jūs ciema zeltenites,
Kāds bij jūsu bāleliņš?
Sarkan-baltiem vaidziņiem,
Dzeltaniemi matiņiem.

Ai, jūs ciema zeltenites,
Tāds guļ jūras dibenā!
Ai, ludzami zvejnieciņi,
Velciet viņu maliņā!

Ai, jūs ciema zeltenites,
Mēs par velti nevīlksim.

Ai, jūs jūras zvejnieciņi,
Mēs par velti negribam. —
Vienam devu slēša kreķlu,
Otram zida mutautiņ’.

Tam trešam neko doti —
Devu zelta gredzentiņ’.
Kuram zelta gredzentiņū,
Tam es pate piederej’.

Ne vienami, ne otrami,
Kā pašami stūrmaņam.
Stūrmanitis gudris vīris,
Pret vilniti laivu grieza.
Pret vilniti laivu grieza,
Pret vējiņu zēgelit’.
Lai pūš vēji, kur pūsdami,
Neizpūta maliņā.

Kad putisi ziemelitis,
Tad izputis maliņā.
Ziemeļami baltas putas,
Man baltākas zēgelit’s.

1) Это „Sū“ прибавлено са-
мимъ Шлейхеромъ.

3. Var. Zim. II, 41.

1. Vakar gāja div’ bāliņi

- Po tām tiltu,
Tiltužēliu,
Te žvejōju
Trys žvejēlej.
4 Ej, jus žvéjej,
Ej, jus žvéjej,
Trys žvejēlej,
Ar ne mātēt
Mus brolēliu?
5 Viēnas tārē,
Viēnas tārē:
Mes ne mātēm,
'Antras tārē:
Ne regējūm,
6 O šis trēcīas,
O šis trēcīas
Žvejuzēlis:
Kān man dūsi?
Pasakýsiu.
7 Viēnām dūsiu,
Viēnām dūsiu
Šilkū kūskā,
Antrām dūsiu
Auksu žiedā,
8 O šiam trečiām,
O šiam trečiām
Žvejuzēliuj
Patī tēksiu
Mergužēlē.
9 Jūsu brōlis,
Jūsu brōlis,
Brolužēlis
Nū žirgēliu
Pasvyrēju.
10 Jis, ijōdams,
Jis, ijōdams
Ī jurēles,
Nū žirgēliu
Pasvyrēju.
11 Jis, ipūldams,
Jis, ipūldams

- Gar jūriņu spēledami:
Šodien nāca trīs māsiņas
Gar jūriņu raudadam's.
2. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Vai redzejāt mūs' bāliņus?
Ai, Vidzemes zeltenites,
Kādi bija jūs' bāliņ'?
3. Ai, jūs jūras zveinieciņi,
Tādi bija mūs' bāliņi:
Dzeltaniemi matiņiemi,
Sarkaniemi vaidziņiemi.
4. Ai, Vidzemes zeltenites,
Viņ' guļ jūras dibinājē¹⁾,
Smiltis viņu kaulus bālē,
Udens matus pludina.
5. Ak, jūs jūras zveinieciņi,
Velkat viņus malinājē¹⁾
Velkat viņus malinājē¹⁾
Rokat viņus smiltinās.
6. Ai, Vidzemes zeltenites,
Ko tad jūs mums maksasieti?
Vienam došu linu kreklū,
Otram zižu nēzdocīņ'.
7. Trešam došu sav' rociņu,
Savu zelta gredzeniņu,
Un es pati padošos
Pēc Laimites likuma²⁾.

4. Var. R. nod. I, 130.

Mēness pēma Saules meitu³⁾,
Pérkons jāja precibās.
Aizjādamis, pārjādamis
Nosper zelta ozoliņu.
Sērdienite gauži rauda,

1) Обыкновенно: dibināje, malīnāje, или: dibenāi, malīnāi.

2) Единственно правильно: likumiņ' или likumiņa.

3) В издании неверно: Saule pēma mēness meitu.

- Ī jurēlēs,
 Aukštýn rānkas
 Īškēldamas: —
 12 Gēbēk mānē,
 Gēlbēk mānē,
 Žvejuzēli,
 Norts ne mānē, —
 Kepurēlē.
 13 Kaṅ gēlbēsiu,
 Kaṅ gēlbēsiu,
 Broļužēli,
 Mes ne tūrim
 Klēvu ģrklu.
 14 Klēvu ģrklas,
 Klēvu ģrklas
 Īšplušōju,
 Šilkū tīnklas
 Sublizgēju.

Zelta zarus lasidama¹⁾.
 Salasij'si zelta zarus
 Tek ar vienu tecešanu.
 Tacedama uzteceja
 Lejā zelta ābeliti.
 Narauj zelta āboltiņu,
 Tek ar vienu tecešanu.
 Tecedama uzteceja
 Tris zvejniekus jūrīnā.
 Labdien, labdien, zvejnieciņi:
 Vaj redzejat man' bāliņ' ?
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Kāds bij tavis bāleliņš ?
 Sarkanbaltiem vaidziņiem,
 Dzelteniemi matiņiem.
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Tāds gul jūras dibināi.
 Miļi lūdzu, zvejnieciņi,
 Izzvejojiet maliņā.
 Paldies, paldies, smukmeitiņa,
 Ko dos' mums par izvilksānu ?
 Vienam došu ziedu sauju,
 Otram zelta āboltiņu,
 Trešajami, istajam,
 Tam es pati piederešu.

7. Владыцвiе несчастной любви умершiй юноша.

Rh. 85 (304).

Bēgk, bēgk, valtēle,
 Ant greitōs Nēmonēlēs!
 Pribēgk aukštā kalnēli,
 Kur žalas aužolēlis.
 Ten aukštame kapātij'
 Gul mano tėvātis.
 Pasiskusu mielam tevēliui,
 Kā patevis man daro.
 Skaudžey manē ģsbare,
 Īš nameliū ģšvare — —

Спр. стр. 279. R. nod. II, стр. 149.

—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—
—	—	—	—

1) Это введение соответствует № 4 сего же отдѣла.

Bēgk, bēgk, valtéle,
 Ant greitôs Nēmonēlēs!
 Pribēgk žalajī dvaratī!
 Tam' žalamjam' dvaratij'
 Trys viežlibos mergates:
 Viena staklužes taisē,
 Antroji plonay verpe,
 Trečoji šilkais raše.
 Ta, kuri šilkais rašo,
 Bus mano mylimoji.
 O jey aš tā ne gausu,
 Numirsu dēl smutnybēs.
 O kur jus manē laidosit,
 Kad mirēs iš smutnybēs?
 Ten lelijū daržatij'
 Po rožu krumaču.

Ir atējo jaunos mergates
 Kas nedēlēs rytužī
 Sav kvētkēles pyti.
 Skinkit, skinkit, mergates,
 Vis kā tikt norit;
 O tikt ne skinkit žiedelī
 Nu to rožū krumēlio.

Ir atējo jauna sesyte
 Šventôs nedēlēs rytā,
 Nuskyne rožēs pumpurelī
 Nū tū rožū krumēlio.
 Ay, gražey kvēpja žiedēlis,
 Tas rožū pumpurēlis.
 Atsake močute verkiant:
 Juk tai ne rožū žiedēlis,
 Tai dvase jauno bernēlio,
 Kurs mirēs dēl smutnybēs.

1. Var. Ness. 379.

Bēgk, bēgk, mano valtele,
 Ant greito Nemonelio,
 Pribēgk aukštā kalnelī,
 Kur žalias aužolelis.
 Ten aukštame kapatij
 Gul mano tėvužatis.

Ligo, laiva, uz ūdeņa,
 Uz araja meitiņām!
 Arajam skaistas meitas,
 Zēgelišu audejiņas:
 Viena vērpa, ōtra auda,
 Treša zīdu šķetereja.
 — Do', māmiņ', to meitiņu,
 Kuŗa zīdu šķetereja.
 Ja ne dosi tās meitiņas,
 Es nomiršu bēdiņas.
 Kur jūs mani glabasiēt,
 Bēdiņas nomirušu?
 Sarkan' rōžu dārziņā,
 Zam rōzišu lapiņām.
 Tur izauga kupla rōze
 Deviņiem žuburiem.
 Tur teceja trīs meitiņas
 Ikritiņus puškoties,
 Viena saka: Rauj rōziti!
 Otra saka: Ne var raut!
 Treša saka, stāvedama:
 Ta ir puiša dvēselite,
 Ta ir puiša dvēselite
 Meitu bēdās nomiruša!

1. Var. St. стр. 278.

(Стендеръ говорить: Въ этой
 длинной пѣснѣ (zingē): Кур
 ту iesa, bāluliņ, Куда ты пой-
 дешь, братецъ? гласить подъ
 конецъ):

Nu piejāju lielū ceļu,
 Istek man trīs zeltenites,
 Divi mani pašu vede
 Treša manu kumeliņ'.
 Jeved mani istabā,
 Kumeliņu stallītē,
 Paceļ manim liepu-galdu,
 Apklāj baltu galdautiņ.
 Usklājuši galdautiņ',
 Usliek manim sāl' un maiz'.

Pasiskūsiu tēveliui,
Kā patēvis man daro.
Skaudžey manē išbare,
Iš nameliū išvare.

Bēgk, bēgk, mano valtele,
Ant greito Nemonelio,
Pribēgk žaliā dvaratī.
Tam' žāliamjam' dvaratij'
Trys vēžlybos mergates.
Vēna staklužes taisē,
Antroji plonay verpe,
Trečoji šilkais raše.
Ta, kuri šilkais rašo,
Bus mana mylimoji.

O jey aš tā ne gausiu,
Numirsiu dēl smutnybēs.
O kur manē laidosit?
Ten lēlijū darzatiļ'
Po roželiū krumaču.
Ir atējo mergates
Sav kvētkēles nuskīti.
Skinkit, skinkit, mergates,
O tikt ne skinkit žēdā
Nū to rožiū krumelio.

Ir atējo sesyte
Šventōs nedēlēs rytā,
Nuskyne pumpurelī
Nū to rožiū krumelio.
Ey gražey kvēpja žēdas,
Tas rožiū pumpurelis.
Močut' atsake verkiant:
Juk tai ne rožiū žēdas!
Tai dvase bernuželio,
Kur's mirēs dēl smutnybēs.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 18.

1 Vākar diēnā
Aukštām svirnē
Trys mergýtēs
Šilkus sūku.

Nu es iešu lūkoties,
Ko tās ciema meitas dara.
Viena vērpe, otra ade,
Treša zidu šķetere.
Dod man, māmiņ, to meitiņu,
Kas to zidu šķetere.
Ja ne dosi to meitiņu,
Es nomiršu bēdīnās.
Kur jūs mani apraksiet,
Kad nomiršu bēdīnās? —
Raksim rōžu dārziņā
Apakš rōžu lapiņām.
Tur usaugē daiļas rōzes
Mana kapa galiņā,
Tur teceja ciema meitas
Švētku rītā puškoties.

2. Var. Bergm. I, стр. 37 и 38.

Divi dienas mežā gāju,
Ne ka labu ne dabuļ.
Nu vėl iešu trešā dienā,
Dabuš' mellu kumeliņ.
Uskāpišu mugurā,
Usjājišu augstu kalnu:
No ta kalna nojājišu,
Jejājišu smukā birzī,
No tās birzes isjājišu,
Nogriezīšu šautru šaujiņ',
Istrūks ciema sūniņi¹⁾:
Istek tur trīs skaistas meitas;
Divi mani pašu ņēme,
Viena manu kumeliņ.
Kumeliņu stallī vede,
Mani pašu istabā:
Kumeliņam auzas silē,
Man pacēle liepas galdū,
Usklāj baltu galdautiņ,
Ustais' manim sienu vietu,

1) Неправильно окончиваю-
щийся стихъ.

- 2 Viēna vėrpė,
Antrā āudė,
O ši trečiā
Šīlkus sūku.
- 3 Motynėlė,
Sengalvėlė,
Pažadėk ma
Tān dukrėlė.
- 4 Pažadėk ma
Tān dukrėlė,
Kurī vākar
Šīlkus sūku.
- 5 Ja ne lėjsi
Tos dukrėlės,
Aš numīrsiu
Šėn diėnėlė.
- 6 Bernužėli,
Dobilėli,
Kur mes tėvė
Pakavósim?
- 7 Ar stajinėlė
Tarp žirgėliu?
Ar daržėly
Tarp rutėliu?
- 8 Ni stajinėlė
Tarp žirgėliu,
Tik daržėly
Tarp rutėliu.
- 9 Kąjį lągėlį
Pavirėsit',
Mānė, jāunā
Paminėsit:
- 10 Benė tas ėe
Gul bernýtis,
Katrās mīrė
Dėl mergýtės.

3. Var. Ness. 83.

— — — — —
— — — — —
— — — — —

Lūdze manim, lai es guļu:
Guledams nolūkaju,
Ko dar ciema meitiņas¹⁾.
Viena šuš, otra ade,
Treša tine zižu diegus,
Cetorta, jaunaka,
Ta cūciņas ėdinaj'.
Dod man, māmīņ, to meitiņu,
Kas cūciņas ėdinaj'.
Ja ne dosi to meitiņ,
Miris' meitas bėdīņās.
Kur jūs mani racisiet?
Racis rōžu dārziņā,
Apakš rōžu saknitėm.
Tur usauge zelta rōzes
Mana kapa galiņā.
Atjāj divi Dieva dėli,
Nolauz' divi zariņus¹⁾,
Aisnes Māras baznicā,
Puško Māras altariti;
Saka Māra sieredama:
Ta puiša dvėselite,
Meitas bėdās nomirusi.

3. Var. Pl.-M. 16.

Isim syla maleniā,
Sausim syla vovierejti;
Nusovuš vovierejti,
Pordusim naudieniā;
Pordavuš naudieniā,
Pierksim siermu kumieleniu;
Pierksim siermu kumieleniu,
Brauksim miejtu cimieniā.
Nadabrauksim da vortienia,
Iztak miejtu dzaltoniejta,
Porjam siermu kumieleniu,
Porjam siermu kumieleniu,

1) Неправильно оканчиваю-
щийся стихъ.

Dūkit man tada ilsētis
 Ne po kalnu šauru,
 Kasdamu ir bjauru.
 Bet labjaus atsigulēti
 Po daržo rutelems,
 Apkaišyt's kvētkēlems.
 Jey tada ateis sesytes
 Žalias rutas skinti,
 Man ant galvōs minti,
 Tai manēs jus atsimīsit,
 Man apēra dējant,
 Ašaras pralējant.

Ivad mani pogolmā,
 Ivad mani ustobā,
 Ajzvad mani ajz lipys golda;
 Dud' maņ ēst, dziert',
 Dud' vitu porgulet'
 Tymsajā kaktienā.
 Bieja Diva div daleni,
 Agry brauca laulotus;
 Iraudzieja Morys miejtas,
 Satiecieja rožu dorzā,
 Vina šyva, utra oda,
 Treša roksta ziejžutienies. (?)
 Dud' mamieņ tu miejtieniu,
 Kurej roksta ziejžutienies;
 Ka' nadusi tos miejtienias,
 Kurej roksta ziejžutienies,
 Numiert' maņ biedieniom;
 Numiert' maņ biedieniom,
 Kur jyus mani paglobosit?
 Smolku rožu darzieniā,
 Mogunieniu lapieniōs.

4. Var. Брив. 381.

Man uztāisa dūmu gultu
 Tumšajā kaktiņā.
 Gulédams rāudzijúas,
 Kúa dar ciama dzeltainites:
 Viana vérpa, viana áuda,
 Trešā diagu šķeterēja.
 Dúad, māmīņa, túa méitiņu,
 Kas túa diagu šķeterēja,
 Par visám jāunákúa,
 Par visám skáistákúa.
 Ja nedúasi túa méitiņu,
 Es núamiršu bēdiņās.
 Kur jūs mani iaraksit
 Bēdiņās núamirūšu?
 Rúaciet rūožu dārziņā
 Apakš rūožu saknītēm.
 Tur uzāuga kupla liapa

Mana kapa galiņā.
 Tur sanāca ik svēdianas
 Jaunas mēitas krūanus vīt.
 Rāujat, mēitas, pazarītes,
 Nerāujat galúatnītes.
 Lai palika galúatnītes
 Vējiņam vēdināt.

5. Var. Брив. 382.

Arājam skāistas mēitas,
 Zēgelišu vērpejiņas :
 Viana ada, ūatra vēr¹⁾,
 Trešā raksta zīda āut'.
 Dúad manim tūa meitiņ,
 Kuŗa raksta zīdāutiņ.
 Ja nedūasi tās mēitiņas,
 Es nūamiršu bēdiņās.
 Kur jūs mani glabāsīt
 Žēlabās nūamīrušu ?
 — Tur mēs tevi glabāsim
 Skāistā rūožu dārziņā.
 Tur izāuga kupla lapa
 Deviņiam žuburiam.
 Ik svēdianas mēitas nāca
 Vaiņadziņus darināt.
 Nūavijušas vaiņadziņ,
 Aiziat Māras baznīcā.
 Māŗa prasa rāudādama :
 Kur, mēitiņa, tādu ņēmi ?
 — Rīgā pirku, náudu devu,
 Vāczemē kaldināju.
 — Kúa jūs, mēitas, melúajat ?
 Tā puisīša dvēselīte.

6. Var. Zim. IV, 80.

1. Ligo, laiva, us ūdeņa,
 Us arāja meitiņām !

1) Или : vērpi.

Arajam ir ¹⁾ skaistas meitas,
Zēgelišu audejiņ's!

2. Viena ada, otra vērpa,
Treša raksta zidautiņ'.
Dod, māmiņa, to meitiņu,
Kura raksta zidautiņ'!

3. Ja nedosi tās meitiņas,
Es nomiršu žēlabās.
Kur jūs mani glabasiet.
Žēlabās nomirušu?

4. Tur mēs tevi glabasimi:
Skaistā rōžu dārziņā.
Tur isauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.

5. Ik svētdienas meitas pāca
Vaiņadzīņu darināt.
Novijušas vaiņadzīņus,
Aisiet Māras baznīcā.

6. Māra prasa raudadama:
Kur, meitiņa, tādu ņem'?
Rīgā pirk, naudu devu,
Vācemei ²⁾ kaldināj'.

7. Ko jūs, meitas, melojati
Ta ir puiša dvēselit';
Ta ir puiša dvēselite,
Žēlabās nomiruša!

7. Var. Bezz. L. D. стр. 34.
Zim. II, 59.

Trīs diņiņas mežā brauču,
Naka lōba nedābū',
Ka izbrauču caturtū,
Dābū' vōsku riteniš'.
Nū ta vōsku ritenīše
Īzakūlu naudiņu,
Nūzēpirku aukstu zirgu,
Uzejāju aukstu kōlnā,

1) Это „ir“ вставлено.

2) Обыкновенно: Vācemei.

Pīlasīju šautru klāpi,
 Nūsvis' cīma sētmali.
 Sājutuši cīma suņi
 Sāka visi čavināt;
 Istek divi ¹⁾ dzeltānites
 Dzeltanām kāipām,
 Īvad zirgu stalitē,
 Īvad pati istabā,
 Pacel baltu ²⁾ lēpas gōldu,
 Usklai bōltu ²⁾ pōladziņu,
 Uzlik baltas ²⁾ biķerites,
 Uzlik bōltu ²⁾ maizes klaipu,
 Līk man āst, līk man dzārt,
 Līk naktiņu pārgulāt.
 As ²⁾ aizgāju, nūzever',
 Kū darīja cīma meitas:
 Vīna oda, ūtra ²⁾ šūi,
 Treše zīdu šķeterā.
 Dūd, mamiņ', man tō meitu,
 Kas tō zīdu šķeterā;
 Ja nadūsi tās meitiņas,
 Es ²⁾ nūmiršu bādiņas.
 Kur jus mani glōbāsat,
 Bādu puisī nūmiruš'?
 Zem rōzišu lāpiņām,
 Mōgūniņu dārziņā.
 Tur uzauga lōla lēpa
 Dāviņim žuburim,
 Tur ikrītā meitas gāja
 Pī tās lēpas puškūtīs.
 Rāva vīna, rāva ōtra ²⁾,
 Nenūrāva galvenīka.
 Dajāi' divi Dīva dēli,
 Tē nūrāva galvenīku.

1) Двойств. число женск. рода.
(Зам. Бецц.)

2) Здѣсь нѣтъ послѣдовательности.

8. Var. Bezz. L. D. стр. 43.

Līgoa laiva us ūden',
 Us arājā meitīnām.
 Arājam bij' skaistes meites,
 Zāgālišu audējīnes;
 Viena āda, oatra šū',
 Treša rakst' zīž' autīn'.
 Doad, mamīna, toe meitīn',
 Kas māc rakstīt zīž' autīn';
 Jā, mamīn', tās nedoes',
 Žēlabās nomirīšu.
 Kur jūs mani glabasiet,
 Žēlabās nomirušu?
 Roaceet¹⁾ mani roež' dārzā
 Apakš' roežu saknītem.
 Tur uzaug' kupla liepa
 Devīpiem žuburiem.
 Ik svēdienes meites gāje,
 Vainācīnus darināt,
 Noepīpušas vainācīnus²⁾
 Aiznes Māres baznīcā.
 Māre pras' raudādam':
 Kur jūs meites tādu ņemat?
 Rīgā³⁾ pirkam, naudu dāvam,
 Vāc(z)emē kaldinām⁴⁾.

1) Sic! Хотя ожидается „Roaciet“.

2) Sic! Хотя ожидается „vainācīnus“.

3) Здѣсь Беценбергерь замѣчаетъ: Ich weiss nicht, ob die Altertumsforscher der Ostseeprovinzen schon beachtet haben, dass der litauische Name Rigas Ringa ist (s. Juškevič Liēt. dajn. № 298, Lit. Forsch. S. 24); sicher ist lett. Rīga hieraus entstanden. Сличи у Юшкевича тамъ же 1169-ую дайну.

4) Или: kaldinājam. (Зам. Бецу.)

Koe, jūs meites, melojet ?
 Ta ir puisiu dvāšālīt'
 Želabās nomirušā.

9. Var. Austr. 1894 r. № 8,
 ctp. 98.

Tautu meita gultu taisa,
 Aicin' mani klāt gulet. —
 Guli viena, tautu meita,
 Es pie tevis negulešu ;
 Es gulešu jūriņai
 Savā niedru laiviņai.
 Niedru laiva viegli teka, —
 Simtu jūdžu naksnīņai.
 Tecedama aizteceja
 Saules muižas pagastāi,
 Saules muižas pagastāi
 Viena veca māmuliņa.
 Tai māmīņi trīs meitiņas,
 Katra savu darbu dara :
 Viena ada, otra raksta,
 Trešā zidus šķetināja.
 Dod, māmīņa, to meitiņu,
 Kas tos zidus šķetināja. —
 Ne, puisiti, to nedošu,
 Ta ta visu jaunakā. —
 Ja nedosi to meitiņu,
 Es nomiršu sirdēstōs.
 Kur jūs mani glabasita,
 Sirdēstōsa nomirūšu ?
 Rokāt rōžu dārziņai
 Rōžu krūma galiņai.
 Tur uzauga kupla rōze,
 Mana kapa maliņai.
 Tur sanāca svētu rītu
 Jaunas meitas pušku raut. —
 Laužat zarus, pazarītes,
 Galonites nelaužata !
 Atjāj divi Dieva dēli,
 Tie nolauza galoniti,

Nolauzuši galoniti,
 Nones tautu istabai.
 Meitu mâte brinijasi:
 Kur jums tādi ziedi zied?
 Tie nebija rōžu ziedi,
 Ta bij puīša dvēselite :;
 Sirdēstōsa nomirūša :;
 To meitiņu nedabuj'ša :;
 Kas tos zīdus šķetināja.

8. Божественное родство сироты.

Ness. 74. Dowk. 84.
 Lesk. 119. Brug. 50.

Спр. стр. 177, № 1.

— — — —
 — — — —
 — — — —
 Saule motuše,
 Saule motuše,
 Saule motuše
 Kraiteliui kloti.
 Mēnū tetušis ¹⁾ — — —
 Dalelei skirti.
 Žvaigžde sesele ¹⁾ — — —
 Vainikui pinti.
 Sētas ²⁾ brotatis ¹⁾ — — —
 Lauku lydēti.

Nem, bāliņ, bāreniti,
 Bārenite liela rada:
 Dieviņš — tēvs, Laime — mâte,
 Dieva dēli — bāleliņi.

Var. Ness. 81. Bar. 11.

O kur josiū, brolužei,
 Šitā švēsū rytuzī?
 Jēškau, jēškau, merguže,
 Savo bēra žirgužī.
 Be tetužio, mamužēs,
 Kai bēdnoji sirata.
 Švēsi Saule ant dangaus,
 Tai yr' mano močuže.

Var. Ar. M. 295.

Grib bāliņš, sievu ņemt,
 Nevar meitu sataujāt.
 — Nem, bāliņ, bāreniti,
 Netaujā mātes meitas!
 Bārenite, usāugdama,
 Visu darbu ieradusi —
 Jeradusi riju kult,
 I māliti ritināt. —
 Nem, bāliņ, bāreniti,
 Bārenite liela rada:
 Dievis — tēvis, Laima — mâte,
 Dieva dēli — bāleliņi.

1) Повторяется тоже три раза.
 2) Сито, семизвѣздіе. (Зам.
 Нещ.)

Švēsus Mēnū ant dangaus,
 Tai yr' mano tetužis.
 Švēses žvaigzdes ant dangaus,
 Tai yr' mano seseles.
 Giroj' žali aužolai,
 Tai yr' mano brolelei.
 Švēsi Aušra ant dangaus,
 Tai yr' mano mergužė.

III. Военные пѣсни.

1. Два голубя и два брата.

Dowk. 24. Schl. стр. 29.

Zim. II, 60.

Du balandiu klanī¹⁾ giere,
 Begerdamu sudumoje,
 Ar but gerti, ar negerti,
 Ar sparnelius paplasnoti.

Gerčiau, gerčiau balandeli,
 Kaip pagersiau paplasnosiau
 Ir nulieksiau į girelę
 Ir nutupsiau į pušelę.
 Pušijs šaka linkterieje,
 Visa gire užterieje.

Du broleliu keliu joje,
 Bejodamu sudumoje,
 Ar but joti, ar nejoti,
 Ar žirgelius nubalnoti.
 Jokiau, jokiau, brotereli,
 Kaip nujosiau, nubalnosiau.

— — — — —
 — — — — —

1. Var. Jušk. L. d. 1566.

1. Du brolēliu keliū jōju,
 Be-jōdamu sudumōju: { ds.
2. Ar vādum jōti, ar ne jōti,
 Ar žirgēlius nubalnōti?

Div' baloži pelti dzėra;
 Kā tas var būt?
 Padėruši plivinaja;
 Tas gan var notikt.

Div' bālīpi karā gāja,
 Kā tas var būt?¹⁾
 Abi gāja dōmadami,
 Tas gan var notikt¹⁾.

Vai būs ieti, vai ne-ieti,
 Vai būs palikt šai zemītė?²⁾

Kas karajė cisas taisa,
 Kas klāj baltu paladziņū?
 Zobins, plinte cisas taisa,
 Skrōšu, lōžu paladzinis.

Us ta lauka žālė žālė,
 Us tās žālės zelta rasa.

Us tās rasas zelta gulta,
 Us tās gultas zida dėkis.

Jesim nu un skatīsimies,
 Kas tai gultā iekšā gulej'?

Tur guļ divi kara vīri,
 Sašauditi, sakapati.

1) Этот стихъ повторяется въ каждой строфѣ.

2) Правильнѣе: Vai palikti šai zemėi.

1) Или: klanė. (Срав. Шл.)

3. Jókiv, jókiv, broteréli,
Kajp parjósva, nubalnósva,

* * *

4. Du balāndiu klāne gērē,
Be-gérdamu sudumóju:
5. Ar vādum gērti, ar ne gērti,
Ar sparnélius paplasnóti?
6. Gėrkiv, gėrkiv, balandėli,
Kajp pagėrsva, paplasnósva.

* * *

7. Dvi bitėli mėdu nėšė,
Be-nėšdami sudumóju:
8. Ar vādvim nėšti, ar ne nėšti,
Ar rejķ ķe-pat žiėmavóti?
9. Nėškiv, nėškiv, bitelājītė,
Kajp parnėšva, žiėmavósma.

* * *

10. Dvi sesėli šilķūs siůva,
Be-siůdami sudumóju:
11. Ar vādvim siůti, ar ne siůti,
Ar ne siůtus dovanóti?
12. Siůkiv, siůkiv, seserėlė,
Kajp pasiůsva, dovanósva.
13. Į tris kertės šilķūs siůva,
Į ketvīrtą vārdą sáva.

2. Var. Jušk. L. d. 723.

1. Du karvēliu klóny gėre, } ds.
Be-gėrdamu suuldāvu: } ds.
2. O kur mūdu karvelėliu,
O kur gāusiv nakvynėlė?
3. Viėnas: lėksiv į girėlė,
Į girėlė pas gegėlė.
4. 'Antras: lėksiv į ānžūlą,
Į ānžūlą pas genėlį.
5. Bepīg tau, karvelėli,
To girėlė — pas gegėlė.
6. Bėda ma, karvelėliuj,
Tam ānžūle — pas genėlį.

1. Var. Pl.-M. 46.

Div baluży paltīē dziera,
Pidzarušy plejvynava.
Obi dziaria gudodami,
Div broleni karā goja,
Obi goja raudodami.
Div broleni karaviejry dumo-
dami:
Vaj mums jot', vaj na jot',
Vaj palikt' šymā molā?
Isim cimā mosieniom.

2. Var. Cnp. ctp. 98.

Div' baloži paltē dzėre,
Izdzeruši plivineja.
Div' bālīpi karā gāja,
Abi gāja dōmadami,
Abi gāja dōmadami:
Voi būs iet, voi ne iet,
Voi palikt šai zemē?
Šai zemē laba dzive:
Pašas meitas vietu taisa,
Aicin' mani klāt gulēt.
Kas taisija zoldatam?
Zoldats gul tīrumā,
Zoldats gul tīrumā
Uz peleķa akmentīņ,
Zobentīņš pagālvē.

3. Var. Taut. d. 51. R. kr. V, 1157.

Divi zili balodiši
Strautā dzėra dūdodami;
Duj brālīši karā jāja,
Abi jāja dōmadami.
Abi jāja dōmadami:
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj būs jāte, vaj nejāte,
Vaj palikte Kurzemē?
Kurzemē laba dzive,
Sievas, meitas gultu taisa,

7. Du brolėliu laukù jòju,
Be-jòdamu sudumòju:
8. O kur mùdu, brolužėli,
O kur gáusiv nakvynėlė?
9. Viėnas: jòsiv į dvarėli,
Į dvarėli pas mergėlė.
10. 'Antras: jòsiv į kiėmėli,
Į kiėmėli pas mergėlė.
11. Bepįg tėvej, brolužėli,
Tam dvarėly — pas mergėlė.
12. Bėda manej, brolužėliuj,
Tam kiėmėly — pas mergėlė.

Kas tais' man zaldatam?
Zaldats cėla gąjejiņš.
Zaldats cėla gąjejiņš,
Zábaks dubļu bridejiņš:
Us akmeni galvu lika,
Kąjas mirka údeni¹⁾.

4. Var. Zim. VI, 11.

1. Div' dūjiņas gaisā skrēja,
Abas skrēja dūdodam's.
Ai, ai, ai — ja!
Abas skrēja dūdodam's²⁾.
2. Div' bāliņi karā jāja,
Abi jāja domadam'.
3. Vai būs jāti, vai nejāti,
Vai palikti sētiņā?
4. Kur palika mans bālītis,
Karodziņa nesajīts?
5. Tur palika jājejītis
Us tām Leišu robežām.
6. Tur staigāja Dieva dēli,
Dvēselītes lasīdam'.
7. Atraduši dvēselīti,
Ietin baltā villanē.
8. Ienes svētā pa-ēnāi,
Guldin' Dieva šūpulī.
9. Liek eņģeli šūpotāju;
Tas dziedāja aijadams.
10. Aija, mīla dvēselīte!
Karā kauta, nemirus'.

2. Сестра воина.

Jušk. L. d. 1074.
Arch. 4.

Брив. 1011; 1012.
Ар. М. 1947 и 1948.

1. Ger' bajoraj arelkėlė;
Netiekgėre, kiek išlájštė. } ds.
2. Išjò bròlis karúmenė,
Paliėk mázą seserėlė.
3. Parjò bròlis iš karúmenės,
Ne pažīnu seserėlės.

Es karā aizīadams,
Atstāj mūsu šūpulī:

- 1) Въ Р. кр. V, 1157: Даугавā.
- 2) Эти два стиха повторяются
въ каждой строфѣ.

4. O, matūšē, o, senóji,
Kanó mázas gul vygélē?
5. O, sunýti, o, jaunāsis,
Taj vis távo seserēlēs.
6. Dūki kárda kū ašviāusi
Kīrsiu sesēlēs galvélē.
7. Ne kīrsk gálvā subatóje,
Nukīrsk gálvā nedēlióje,
8. Kad daug sviētu pamatýtu,
Kītos tajp ne padarýtu.

Var. Φ. и M. 53, 2.

1. Oj kad aš išjoju
In didē vajnelē,
Palikau mergelē
Margoje vīgelēj.
2. Oj kad aš parjoju
Iš didēs vajnelēs,
Randu mergužēlē
Už nauju stakleliu.
3. Mergužēle mano,
Balta lelijēle,
Oj kas tau padarē
Naujajses stakleles,
O kas tau inredē
Plonajses drobēles?
4. Brolelej padarē
Naujajses stakleles,
Seselēs inredē
Plonajses drobēles.

Atpakaļu atnākdamis,
Atrad' lialu užaugušu.
Paprasīju māmīpai:
Kam tik dāila mātes méit'?

Māmīp man atsacīja:
Ko atstāji šūpulī.
Būt zināis tō agrāk,
Ka tik liala man' māsīpa, —
Es tai pirktu vāīpadziņu
Ar sudraba vizuīliam,
Lai tā manis piaminētu
Tāutu galdu galiņā.

1. Var. Jur. I, 8.

Es karāi aizeedams,
Atstaj' māsū šūpulī.
No karaīa atliešams,
Atrod' lielu rakstitaj'.
Māmīpai pavaicaj':
Kas ta liela rakstitaj'?
Ta, deliņi, tav māsīp,
Ko atstāji šūpulī.
Rakstitaja, man māsīp',
Norakst' kara karodziņ'.
Raksti zaļu vaj sarkan',
Mūžam vairsi neredzet.
Būtu manim brīvestīb'
No tiem kara vedejiem,
Vestu līdsi sav' māsīp'
Svešu zemi lieveret.
Laj redzetu man' māsīp',
Kādu nāvi man jamirst.

2. Var. Bezz. L. D. стр. 33.

Es karā nūīdams
Atstai' māsū šūpulī,
Par trīs gadi atnākdams
Nūraug' lēlu rakstītaju.
Es te lūdzu, mīle māse,
Rakst' man kara karūdziņ'.

3. Вѣсть о войнѣ.

Rh. 37 (130). Stan. 24. Kol. 2. Спр. стр. 271 и 272. Bergm. I, Arch. 24. Ness. 341—354. Schl. 47. Pl.-M. 1 и 2. Брив. 1006, стр. 14, 25, 38 и 41. Lesk. 90. 1007, 1009 и 1010. Taut. d. 31 Bezz. 1; 14. Юмк. 3. Јушк. L. и 52. Bezz. L. D. стр. 36 и 37. d. 1111; 1133; 1135; 1136; 1137; R. kr. V, 1152. L — —. K. Ulm. 1140; 1171. Mitt. стр. 205. Bar. стр. 176, № 8.
149; 150.

Jau ir atlēke gulbjū pulkatis:
O ir pavare ī karā jūti.
Kitū išjūjo jauni brolyčei,
O musū niera neygi kam jūti:
Brolyčui jūti, brolui ne jūti;
Eiva tevēlui žirgā žaboti!
Viena sesyte brolytī rēde ¹⁾),
O ši antroji vartelus kēle.
Ai broli, broli, kada parjūsi
Po musū tēvo raudona rože?
Kad ji pražydēs, tai aš parjūsu.
O ir pražydo nedelēs rytā.
Niera, kai niera muma brolāčio.
Eiva, sesyte, brolyčio laukti,
Ant ano kalno, pas ūsiēs tvorā!
Ir nustovējom' kalnā ²⁾), dūbatē,
Ir pakilnējom ³⁾ ūsiēs tvoratē.
Niera, kai niera muma brolāčio.
Parbēg' žirgatis, rišia ⁴⁾ par-
bēgo ⁴⁾).
Aukso kilpatis šalē kabējo ⁵⁾).

1) Сличи Ф. и М. 74, стихъ 3 и 4:

— Suskink, sesele,
Man rutu ir meteliu!
Vaj kap suskiosi
Man rutu ir meteliu,
Užkišk, sesele,
Už mano kepureles.

2) Schl. kalne.

3) Варианты: nurýmojom, pér-
lipinējom.

4) Schl. riščē parbēga.

5) Schl. subūje.

Aši, aši zile dzied
Brāla nama pakalā.
— Tec, māsīņ, klausities,
Kādu vēsti zil' atnese?
— Zil' atnese tādu vēsti:
Bāliņam karā iet, —
Bāliņam karā iet
Aizpuškotu cepuriti.
— Tec, māsīņ, dārziņā,
Puško brāla cepurit!
— Dziedadama appuškoju,
Raudadama pavadiju.
— Raud, māsīņ, voi ne raud,
Vairs tu mani ne redzesi!..
Ja tu mani ne sagaid,
Sagaid manu kumeliņ, —
Sagaid manu kumeliņ
Par deviņas vasariņas, —
Par deviņas vasariņas
Ievas ziedu laiciņā,
Vaicajiet no kumeļa,
Kur palika jājejiņš?
— Tur palika jājejiņš,
Kur guļ viri, kā ózoli;
Kur zōbinus sārziem krauj,
Cepurites kaudzēm met...
Tas ne bija stundes laika,
Divi upes aspu tek, —
Divi upes aspu tek,
Treša — gaudu asariņ!..

1. Var. Zim. II, 48. R. kr. V, 1144;
1150. R. nod. I, 70; 162. R. B. 51.

1. Cekulaiņa zile dzied

Eiva, sesyte, žirgą sugaudīt',
Ir jam ¹⁾ sugāvus, išklausinėsim.

Ai žirge, zirge, brolio begune,

O kur tu dejei muma brolytį?

Juma brolytį mušij' nušóve,

O mane paleido į visą svieta.

Devynes upes plaukte per-
plaukiau,

O šę dešimtą nerte pernėrau.

Ui, ui Dievuži, Dievulau mano,

Kas mum' ²⁾ padėsi ³⁾ brolio ge-
dėti?

Sauluže tare nusileisdama:

Aš jum' padėsu, brolio gedėti;

Devynes rytus miglužej' temsu,

O ši dešimtą ney ne tekėsu.

1. Var. Ф. и М. LXXIV.

1. O kad aš augau
Pas senąjį tėvelį,
Aš nusišėriau
Žirgelį jūdbėrėlį.
2. O ir atsiuntė
Man marga gromatėlę:
Vaj rajks man, rajks man
In Rigužėlę jotė!
3. Balnok, broleli,
Man žirgą jūdbėrėlį!
Suskink, sesele,
Man rutu ir meteliu!
4. Vaj kap suskinsi
Man rutu ir meteliu,
Užkišk, sesele,
Už mano kepurėlės.
5. Padūk, sesele,
Šikšnini kančiukelį!

Staļa spāres galinā ¹⁾).

Ej, māsije ²⁾, klausities,

Kādu ziņu zil' atnes'?

2. Tādu ziņu zil' atnes':

Būs brāļami karā iet.

Būs brāļami karā iet

Nepuškotu cepurīt' ³⁾?)

3. Ej, māsije, dārziņā,

Puško brāļa cepurīt'!

Dziedadama iegājus',

Raudama rōzes rāv'.

4. Dziedadama nopinus',

Raudadama galvā liek;

Dziedadama vartus vēr',

Raudadama pavadij'.

5. Raud', māsije, vai neraud',

Tu jau manis neredzes'.

Devitajē gadinā

Atnācis mans kumeliņš.

6. Kumelami pavaicāj':

Kur palika jājejiņš?

Tur palika jājejiņš,

Kur zōbini sviaukš un
svaukš.

7. Tur palika jājejiņš,

Kur asinnu upe tek,

Kur asinu upe tek,

No kauļiem tiltu tais'.

2. Var. Zim. VI, 12.

1. Zile dzied, zile dzied
Staļa spāres galiņā ⁴⁾).
- Ej, māsipa, klausities,
Kādu ziņu zil' atnes!

1) Schl. jī.

2) Variantai: mums, man.

3) Ness. padētu.

1) Рядомъ съ этимъ: galiņā.

2) Обыкновенно: māsipa.

3) Творительный падежъ ж. р.

4) L. Vārtu staba galiņā.

Vaj kap padūsi
Šikškninī kančiukelī,
Atkelk, sesele,
Žalio vario vartelius!

6. Vaj kad aš jojau
Tai siaurą uličelę,
Gražej kalbėjau
In žirgą jūdbērēlį:
7. Vaj žirge, žirge,
Žirgeli jūdbērēlī,
Vaj ar nuneši
Tu manę in Rigele?
8. Da ne dajojau
Nė in pusę kelelio,
Jau ir suklupo
Žirgelis an kojaliu.
9. Vaj kad žinotu
Mano senas tėvelis,
Jis man atsiustu
Žirgelį jūdbērēlį.

2. Var. Rh. 47 (170). Ness. 24.
Jušk. L. d. 1085; Bar. 118; 160;
376.

Atlėke jūdas varnas¹⁾,
Atnėše baltą ranką
Ir auksiną žiedėlį.
Klausu tavę, paukštėli,
Tu jūdasis varnėli:
Kur gavai baltą ranką
Ir aukselio žiedėlį?

Aš buvau didžam' kare.
Ten didį mušį muše,
Ten kardu tvorą tvėre,
Pučkėlemis dūbę kase,

1) Сличи Jušk. L. d. 1136:

О ir atlėkė
Jūds vabalėlis, —

и выше: gulbjų pulkatis.

2. Tādu ziņu zil' atnesa,
Ka bāliņam karā iet.
Kur puškota cepurite,
Kur seglotais kumeliņš?
3. Ej, māsīņa, dārziņā,
Puško brāļa cepurīt'!
Puško brāļa cepuriti,
Seglo brāļa kumeliņ'!
4. Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij' ¹⁾.
Dziedadama appuškoja,
Raudadama aizvadij' ¹⁾.
5. Par deviņi pusgadiņi
Pie māsīņas serstu nākš'.
Ja es pats neatnākšu ²⁾,
Atnācis ³⁾ mans kumeliņš.
6. Paprasait kumeļam ⁴⁾:
Kur palika jājejiņš? —
Tur palika jājejiņš,
Kur zōbinus zārdā ⁵⁾ krauj.
7. Kur cepures kaudzē met,
Kur no kauliem tiltu tais';
Kur no kauliem tiltu taisa,
Kur asinu jūra tek.
8. Pāri gāja mūs' māsīņa,
Kā lapiņa drebedam';
Kā lapiņa drebedama,
Kā lapiņa mirdzedam' ⁶⁾.
9. Ņem, māsīņa, šņpdauciņu,
Slauki savas asaras! ⁷⁾
Slauki savas asariņas,
Dziedē savu sirsnīņu! ⁸⁾

1) L. pavadij'.

2) L. nepārnākšu.

3) L. Pārtecēs —

4) L. Paprasaiti kumeļami.

5) L. sātā.

6) L. Kā puķite ziedēdam'.

7) Правильно asariņ's.

8) Неправильный конец стиха.

Ten kraujo upė bego ¹⁾;
 Ten gul ne viens sunėlis,
 Ten verkia ne viens tėvėlis.

Ui, ui, tai mano žiedėlis.
 Ne gryš mano bernėlis,
 Krint mano ašareles.

3. Var. Jušk. L. d. 1169.

1. Vidūr laūku }
 Kryklės ²⁾ āngu, } ds.
 Balti žiedaj žydi; } ds.

2. Balti žiedaj,
 Jūdos ūgos

Ir šakėlės līnku

3. Ir atlėkė
 Jūdas vārnas,
 Jūdāsīs varnėlis,

4. Ir atnėšė
 Bāltą rānką
 Su āuksu žiedėliu.

5. O, tu, vārnaj,
 Jūdvarnėli,
 Jūdāsīs varnėli,

6. O kur ėmėj
 Bāltą rānką
 Su āuksu žiedėliu?

7. O Rīngūžės ³⁾
 Miestužėly
 Dīdis kāras būvu;

8. Te nukirtu
 Bróliu rānką
 Su āuksu žiedėliu,

1) Ф. и М. LXXVI, стихъ 5:
 O an kalno vajsкас žusta,
 O po kalnu kraujeis pluksta,
 O nog dumu akis marksta,
 O nog krauju širdis alpsta.

2) Kryklė, jūda slýva, arškė-
 tis, slývu (Зам. Юшк.).

3) Ф.-М. LXXIV: Rigužėle.

3. Var. Брив. 1006. Zim. II, 84.
 Jur. I, 4. R. kr. V, 1152. Schl.
 стр. 18.

Div' dūdiņas gáisā skréja,
 Abas skréja dūdúadamas;
 Div' bāliņi karā jāja,
 Abi jāja dūamādami: —
 Vai būs jāti, vai nejāti,
 Vai palikti šai zemē ¹⁾.
 Tec, māsīņa, dārziņa,
 Puškūa brāļa cepuriti,
 Dziadādama appuškūaja,
 Rādādama pavadija.
 Kara pulkā brasėdamis,
 Piamin savu ligaviņu;
 Ja tu patsi ²⁾ neatnāksi,
 Atsūt' savu kumeliņu.
 Par deviņi vasariņi
 Kumeliņis attecēja.
 Pavaicāju kumeliņu:
 Kur palika jājėjiņis?
 Kur palika jājėjiņis,
 Karūdziņa nesėjiņis?
 — Tur palika jājėjiņis
 Uz tiam Lėišu rūabežiam,
 Kur gul viri kā ūazūali,
 Sārtiam krāuti zūabentiņ';
 Kur asiņu upe tek,
 Nūa kāuliami tiltu tāis'.
 Pārbrāuc jāuna ligaviņa
 Kā lapiņa drebėdam'.
 Tur stāigā Diava dēli
 Dvēselītes lasidami;
 Atraduši dvēseliti,
 Iatin baltā villāinē,
 Ianes svētā pa-ēnā,
 Guldin Diava šupulī;

1) Сличи съ № 1 и его вари-
 антами. См. выше.

2) Соответствует лит. patsai.

9. Te užmušė
Jus broliūką,
Pújkų karejviūką.
10. Aš átnešiau
Báltą rąną
Pas senūs tėvėlius.
11. O ne viėna
Motynėlė
Sunėliu raudóju,
12. O ne viėnas
Tėvužėlis
Sunėliu gedėju,
13. O ne viėna
Seserėlė
Bróliu žėlavóju,
14. O ne viėni
Sunužėlej
Dumėlę dumóju.
15. Sudumóju
Dumužėlę,
Katrám káran jóti?
16. O gražiausiam,
O jauniausiam,
Į karėlį jóti.

Liak engeli šúpúatájų,
Kas džiádája šúpúadamis:
Kará káuta dvėselit'
Mūžam esi nemirus'.

4. Освобождение воина.

Bezz. L. F. 27.
Jušk. L. d. 230. Bar. 53.

1. Šýrau žirgėlį į strajėlį,
Auginau mergėl' per metėl',
O aš jauns ipólau į vargėl'.
2. Sušėau tarnėl' pas tėtūžę,
Rási manę jaună išvadótui.
3. Tėtūžis máno áteidamas,
Šimtą jūngu jaučiu átvėzdama-
mas,
Tik jis manę jaună neišva-
dáva.
4. Sušėau tarnėlę pas mamūžę,
Rási manę jaună išvadótui.

Bezz. L. F. 27, примѣчаніе 3.
R. kr. V, 1155.

1. Zvidz, zvidz sirmáis zirdziņš
Īkš staļa,
Ráud, ráud miláis bráliņš
Īkš kara.
2. Pasakáit tam manam tėvam
Nū maním.
Vái tas zirgu (al. zemi) ne-
pārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
3. Nepārdeva sava zirgu,
Neispirka man nū kara.
4. Zvidz, zvidz etc.

5. Mamūže māno āteidama,
Šimtā kāpu drūbu ātneš-
dama,
Tik ji manē jaūnā neišva-
dāva.
6. Sušāu tarnēlē pas brolyti,
Rāsi manē jaūnā išvadōtui.
7. Brolytis māna āteidamas,
Šimtā bēru žirgu ātvezdams,
Tik jis manē jaūnā neišva-
dāva.
8. Sušāu tarnēli pas sesyte,
Rāsi manē jaūnā išvadōtui.
9. Sesužyte āteidama,
Aūksa žēdēli ātnešdama,
Tik ji manē jaūnā neišva-
dāva.
10. Sušāu tarnēlē pas mergyte,
Rāsi manē jaūnā išvadōtui.
11. Mergyte māna āteidama,
Mirtu vainikēli ātnešdama,
Ir ji manē jaūnā išvadāva.
5. Pasakāit tāi manāi mātēi
Nū manīm.
Vāi tā gūvis nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
6. Nepārdeva sava gūvi,
Neispirka man nū kara.
7. Zvidz, zvidz etc.
8. Pasakāit tāi manāi māsai
Nū manīm.
Vāi tā āites (al. pūru) neiz-
deve,
Nū nelaimes nevadūja?
9. Māsa pūru gan izdeve,
Man nū kara neispirka.
10. Zvidz, zvidz etc.
11. Pasakāit tāi manāi brūtēi
Nū manīm.
Vāi tā mantas (al. krōni)
nepārdeva,
Nū nelaimes nevadūja?
12. Tā pārdeva sava mantas,
Nū nelaimes izvadūja
(al. Tā izpirka man nū kara).

Var. Ness. 119.

Devynes metus,
Ne vēnā dēnā,
Tralala lala,
Ne vēnā dēnā
Studentijoj' vaikščojau,
Turmužije sēdējau.
Kad ben ateitu
Mano mamuže,
Kad atsineštu
Du tryš šimtelius,
Kad manē išvadotu,
Kojas, rankas liosotu.
O ir atējo
Mano mamuže,
Ir atsineše
Porā šimteliū,

Var. L — —.

1. Zviedz, zviedz, sirmais zird-
ziņ,
Zviedz, zviedz, zviedz iekš
kara,
Eh, eh, zviedz iekš kar'! } Dz.
2. Raud, raud, jaunais puisit,
Raud, raud, raud iekš kara,
Eh, eh, raud iekš kar'! } Dz.
3. Pasakāiti manam tēvam,
Eh, eh, pasakāit,
Eh, eh, pasakāit!
4. Lai isdeva savu zemi,
Lai ispirka man' no kara.
5. Tēvs isdeva savu zemi,
Neispirka man' no kara.
6. Zviedz, zviedz etc.

Bet manę n'išvadavo,
Ney rankas n'išliosavo.

Kad ben ateitu

Mano sesele,

Ir atsineštu

Du trys šimtelius,

Kad manę išvadotu,

Kojas, rankas liosotu.

O ir atėjo

Mano sesyte,

Ir atsineše

Porą šimtelį,

Bet manę n'išvadavo,

Ney rankas n'išliosavo.

O ir atėjo

Mano mergele

Ir atsineše

Aukso žėdelį,

Tai manę išvadavo,

Kojas, rankas liosavo.

7. Raud, raud etc.

8. Pasakąiti manai mātai etc.

9. Lai isdeva savas goves etc.

10. Māte goves gan isdeva,
Neispirka man' no kara.

11. Zviedz, zviedz etc.

12. Raud, raud etc.

13. Pasakąiti manam brālīm etc.

14. Lai isdeva savu zirgu etc.

15. Brālis zirgu gan isdeva etc.

16. Zviedz, zviedz etc.

17. Raud, raud etc.

18. Pasakąiti manai māsai etc.

19. Lai isdeva savu pūru etc.

20. Māsa pūru gan isdeva etc.

21. Zviedz, zviedz etc.

22. Raud, raud etc.

23. Pasakąiti manai brūtei etc.

24. Lai isdeva savu krōni,

Lai ispirka man' no kara.

25. Brūte krōni isdevuse,

Man no kara ispirkuse.

IV. ПѢСНИ О ПОХИЩЕНИИ НЕВѢСТЫ.

Похищенная сестра.

Ness. 206; 204; 205. Dowk. 5. L. — — (Līga. Rīgā un Tērpātā. 1880) стр. 137.

L. F. 41.

Dar gaidelai ne gēdojo,

Kad motuše kēlēs,

A a a a a a a

Kad motuše kēlēs.

Kelkit, kelkit, sunuželei,

Nebēr' seserelēs,

A a a a a a a

Nebēr seserelēs.

Reiks jums joti, reiks važiūti,

Seselēs veizdēti,

Viena pate mūs' māsiņa,

Mēs deviņi bāleliņi;

Viena pate mūs' māsiņa, } Dz.

Mēs deviņi bāleliņ' 1).

Ko liksimi mēs darīti

Tai vienaļ māsiņai? —

Ik rītiņus pa pārami

Tirus rudzus maldināt.

1) См. Jušk. L. d. 146, строфы 1 и Arch. 13, строфы 4.

A a a a a a a
 Seseleš veizdēti ¹⁾).
 Eikit, eikit ī staldelī,
 Balnokit žirgelius.
 Motušele, balandele,
 Kuriu keliu josma?
 Kur antjosit vēškelelī,
 Ruteleis barstyta.
 Kur atrasit žales lankas,
 Žaliases lēpeles,
 Tū lēpeliū galunelej'
 Margajē gegele.
 Ir antjojem vēškelelī,
 Ruteleis barstyta,
 Ir atradom žales lankas,
 Žaliases lēpeles,
 Tū lēpeliū galunelej'
 Margajē gegele.
 Pasakyki, gegužele,
 Kur musū sesele?
 Jokit, jokit, bernuželei,
 Če nēr' sesereleš.
 Kur antjosit aukštus kalnus,
 Margajī dvarelī,
 Ten atrasit seserele
 Užstali' sēdinčē.
 Ir antjojem aukštus kalnus,
 Margajī dvarelī.
 Ir atradom seserele
 Graudžey beverkiančē.
 Ne verk, ne verk, seserele,
 Mes tavē vadosma.
 Nors zirgelius mes padūsma ²⁾),
 Tavēs ne padūsma.
 Išvadosma, ne padūsma
 Savo seserele.

Eļ, māmīņa, paskatiesi,
 Ko dar' mūsu malejīņa. —
 Ienāk mātē raudādama:
 Nav malejas kambarī.
 Ko gaidati, jūs, brālīši,
 Dzenatiesi pēc māsīņas!
 Bēržat piešus, aupat kājas,
 Seglojati kumeliņus!
 Seglojati kumeliņus,
 Velkat lūšu kažociņus!
 Velkat lūšu kažociņus,
 Liekat caunu cepurītes!
 Liekat caunu cepurītes,
 Dzenatiesi pēc māsīņas!
 Dzenatiesi pēc māsīņas
 Simtu jūdžu naksniņā!
 Simtu jūdžu naksniņai,
 Divi simti dienīņa. —
 Jau simtiņa galiņai,
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, deviņi spēlmaniši,
 Kam tik daiļi spēlejat?
 Tai māsai spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi otru simtu,
 Tad jūs viņu panāksat. —
 Otra simta galiņai
 Stāv deviņi spēlmaniši.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Kam tik daiļi spēlejat?
 Tai māsai spēlejami,
 Ko vakari garam veda;
 Ko vakari garam veda,
 Kam deviņi bāleliņi.
 Vai, godīgi spēlmaniši,
 Voi varesim mēs panākt?
 Dzenatiesi trešo simtu,

1) Такие стихи повторяются во всех строфах.

2) Dowk.adūsma (= atdūsma).

Ui brolelei, kame buvot
 Vakār vakareļi?
 Kad aš buvau mergužele
 Po rutū vainiko?
 Jau šē dēnā, šē dēneļē
 Vyro gulovele.

1. Var. Jušk. L. sv. d. 212; 23;
 88; 151; 180; 209, 210 u 211.

1. Trejī gajdzēj ne gūedōju, } ds.
 Kajp močuūtē kēlē;
2. Atsikēlus, ulavōju,
 Sunēlius kilnōju: —
3. Kēlkiť, kēlkiť, sunytēlej,
 Balnōkiť žirgēlius;
4. Svīrnu dūrys atdarýtos, —
 Jau sesēlēs nēra.
5. Pabalnōkiť šešvūs žirgus,
 Visūs šešvūs širmus,
6. O jus, jōkiť, jus keliāukiť
 Sesēlēs jūškōti.
7. Jōkiť, jōkiť, sunytēlej,
 Ant šešiū kelēliu;
8. Výkiť, výkiť seserēle
 Vīēštūju kelēliu.
9. Kur sesēlēs nuvažvūta, —
 Rutēlēs barstýta,
10. Diēverēliu šalē jōta,
 Rasūžē braukýta,
11. Šalē kēliu-vīēškelēliu
 Ugnēlē kūrinta,
12. Aplīuk tājē ugnužēlē
 Jaunimēliu šōkta.
13. Ir prijōjum žāliā lānkā, —
 Žirgēlej ganýti,
14. Ir prijōjum srōvēs ūpi, —
 Žirgēlej gýrdyti,
15. Ir prijōjum žāliā lēpā, —
 Ugnēlē kurinta,
16. Aptē lēpos lēmenēļi, —
 Sesēlē šokdīnta,

Tad jus vīpu panāksat. —
 Trešā simta galiņāi
 Stāv vartiņi paviruši.
 Isnāk veca māmuliņa
 Sīvus suņus sārgādama.
 Sīvus suņus sārgādama,
 Ielaiž mani sētiņā.
 Ielaiž mani sētiņāi,
 Ieved mani istabā.
 Ieved mani istabāi,
 Paceļ mani niedru krēslu.
 Paceļ mani niedru krēslu
 Pie tā balta liepu galda.
 Usliek mani koka sviestu,
 Stērķelētu baltu maizi.
 Ne mēs ēdam, ne mēs dzēram
 Pēc māsīņas dzidamies.
 Es ierāugu sav' māsīņu
 Sēžam galda galiņā;
 Sēžam galda galiņāi,
 Birst man sēras asariņas.
 Māsīņ', zelta drōstaliņa,
 Nāc man līdz us mājīņām.
 Brālīt, vasku rituliti,
 Es ne-iešu tev vairs līdz.
 Es usgāju labu zemi,
 Labas zemes arajiņu.
 Pārnes manai māmuliņai
 Dižus labus vakariņus!
 Kam māmīņa mani lika
 Tanī tumšā kambārī.
 Tanī tumšā kambārēji
 Tirus rudzus maldināt.

1. Var. Cnp. ctp. 261.

Ej, māmīņ, maltuvē,
 Apraug savas malejiņas.
 — Durvis, logi vaļā stāv,
 Nau ne vienas malejiņas...
 Sukajiet, seglojiet,

17. Ļ lapēlius, Ļ žaliūstus,
Spilgēlēs smajgstýtos,
18. Ļ liēpēlēs viršunēlē
Vajņikas kabīntas,
19. Ļ liēpēlēs šakužēles
Kasnīnkaj vēdinti.
20. Kāj p prijójum ūšvēs dvāra,
Štaj mūsu sesēlē :
21. Už stalēliu be-sēdinti,
Graūdžej be-vérkuanti.
22. Cit, ne verk, seserēlē,
Mes tāvē vadūsīm :
23. Šešūš žirgus atidūsīm,
Tāvē išvadūsīm.
24. Jau ne čēsas, broļužēlej,
Māņē atvadūti.
25. Būvu atjof, broļužēlej,
Vākar vakarēly,
26. Kāj aš buvaū po vajņiku,
Po šilkū kasnīnku,
27. O jau dabār, broļužēlej, —
Po jādu gobtūru,
28. Po jādūju gobturēliu,
Po dýmos rišēliu.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 674;
672; 673. Mitt. I, стр. 206.

1. Kadā būvu gerī mētaj,
Gērē bernēlej arelkēlē.
2. Kāj bernēlej pasigērē,
Sau mergēlē parkalbēju,
3. Sau mergēlē parkalbēju,
Ni močiūtē ne žinóju.
4. Vājšcio móčia po dvarēli,
Sunytēlius kilūdama: —
5. Kēlkiť, kēlkiť, sunytēlej,
Balnókite žirgužēlius.
6. Pabalnóju ir išjóju
Seserēlēs pajēškóti.
7. Mes pavýjūm seserēlē
Aņt jurēliu, aņt marēliu, —

Bāleliņi, kumeliņus!
Dzenaties pēc māsīņas! . .
— Jāju, jáju visu dienu,
Uzjāj vienu augstu kalnu;
Augsta kalna galiņā
Ieraudziju lielu ciemu.
Piesalaužu šautru klēpi,
Laižu ciema sētmalē.
Sasatrūka ciema supī;
Iztek ciema dzeltanites.
Divas mani pašu veda,
Treša — manu kumeliņ'.
Ieved manu kumeliņu
Zaļu piedru staltē.
Ieved pašu istabā,
Paceļ man liepas krēslu,
Pavelk man meln' galdiņu,
Uzliek Dieva mielastīņu,
Pasniedz baltas biķerites.
Liek man ést, liek man dzert,
Liek diendusi padusét.
Ni es édu, ni es dzéru,
Pēc māsīņas dzidamies.
— Ēd un dzer, ne bēda!
Šepat būs jūs' māsīņa . . .
Šai-viņā kambarē
Séd pie galda rakstidama, —
Séd pie galda rakstidama,
Balts autiņš galviņā! . .

2. Var. Zim. IV, 20.

1. Ej, bālini, lūkotiesi,
Ko dar' tava malejiņ' ? —
Logi vaļā, duris vaļā,
Nedzird rūcot dzirnaviņ'.
2. Iet bālinis lūkotiesi,
Atnāk as'ras slaucidams.
Velc, bālini, melnus svarkus,
Seglo savu kumeliņ'!
3. Jāju, jáju vienu simtu,
Usjaj' vienu augstu kaln'.

8. Su lajvūnu be-kálbanti,
I lajvēlī be-sēdanti,
9. I lajvēlī be-sēdanti,
Labāj graūdžej be-vérkianti.
10. Cit, ne vérki, seserēlē,
Išvadūsīm mes brolélej:
11. Šešūs žirgus atidūsīm,
Seserēlē išvadūsīm.
12. Jau ne čēsas, brolužēlej,
Jau sudētos bāltos rānkos,
13. Jau sudētos bāltos rānkos
Sumajnýti žtēdužēlej.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 682;
853; 854. Bezz. L. F. 17. Ž. B.
crp. 162.

1. Šén naktēlē }
Par naktēlē } ds.
Dvarēlis dūnzgēju }
2. O če būta
Didžu pónu,
Išvēžta dukrēlē.
3. Ir išējna
Motynēlē
Iš āukštu svirnēliu.
4. Išēju iš
Svirnužēliu
Ne rānda dukrēlē,
5. Ir ne rānda
Dukružēlē,
- Sāvu lelijēlē: —
6. Kélkiť, kélkiť,
Sunužēlej,
Balnókiť žirgēlius,
7. Pabalnóję
Žirguzēlius,
Výkite sesēlē.
8. Kur sesēlēš
Nuvažiūta, —
Rutēlēš barstýtos;

- Us ta viena augsta kalna
Trīs deviņi spēlmaniš'.
4. Labdien, labdien, spēlma-
nīši,
Kam jūs šodien spēlejiet?
Tai meitiņai spēlejami,
Ko šo dienu gāram ved'.
5. Jāju, jāju otru simtu,
Usjāj' otru augstu kaln'.
Us ta otra augsta kalna
Trīs deviņi kokletaj'.
6. Labdien, labdien, kokle-
taji,
Kam jūs šodien koklejiet?
Tai meitiņai koklejami,
Ko šo dienu gāram ved'.
7. Jāju, jāju trešu simtu,
Usjāj' vienu osolmuiž'.
Visapkart ir liepas sēta,
Vārtu priekšā atslēdzip'.
8. Isnāk trīsi tēva dēli
Dzeltaniemi matiņiem.
Divi mani pašu veda,
Trešais veda kumeliņ'.
9. Liek man ēsti, liek man
dzerti,
Liek apkārti skatīties.
Ne es ēdu, ne es dzēru,
Apkārti vien skatījos.
10. Es redzeju sav' māsīņu
Viņā galda galiņā;
Balta mice galviņai,
Alus kannā rociņā.
11. Ed, bālini, dzer, bālini,
Es vairs tava nebūšu:
Patikama šī zemīte,
Pa prátam ir arajiņš¹⁾.

1) Правильно: Па прátami ara-
jiņ's.

9. Šalē kēliu,
Vieškelēliu,
Ugnēlē kūrinta;
10. Pas taņ ūgni,
Ugnužēlē,
Jaunimēliu šokta.
11. Jōkim, jōkim,
Brolužēlej,
Ik žāliaj girēlej.
12. Kāj p prijōjum
Žāliā grē, —
Žirgēlej ganīti.
13. Jōkim, jōkim,
Brolužēlej,
Ik srōvej upēliu.
14. Kāj p prijōjum
Srōvēs ūpi, —
Žirgēlej gýrdyti.
15. Jōkim, jōkim,
Brolužēlej,
Ik mārgam dvarēliuj.
16. Kāj p prijōjum
Mārgā dvāra, —
Če rādum sesēlej:
17. Tajp ji gražēj
Parēdýta,
Už stālu sodīnta.
18. Grīnžki, grīnžki,
Sesuzēlē,
Grānžina močūtē.
19. Jau ne-tiēsa,
Brolužēlej,
Ne-viērni žodēlej;
20. Vākar buvaū
Su vajņiku
Ir su kaspinėlejs,
21. O jau šēndiēn,
Brolužēlej,
Su šilkú gobtūru.
22. Sudtēv, sudtēv,
Sesuzēlē,

3. Var. Taut. d. 37.

Mēs devīpi bāleliņi,
Viena pate mūs māsīņa,
Viena pate mūs māsīņa
Ira liela malejiņa.
Ta ikrīta pa pūram
Tirus rudzus maldināja. —
Neŗúc zelta dzirnaviņas,
Nedzird mūsu malejiņas.
Eit, dēliņi, apraugāt,
Ko dar' mūsu malejiņa!
Neŗúc dzelta dzirnaviņas,
Nav vairs mūsu malejiņas.
Še, dēliņi, raibi zimdi,
Dzenatiesi sav' māsīņu!
Dzenatiesi sav' māsīņu,
Līdz jūs viņu panāksit.
Simtu jūdžu galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejam tai māsai,
Ko vakari gaŗam veda.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Kur mēs viņu panāksim?
Dzenatiesi otru simtu,
Tad jus viņu panāksit.
Otra simta galiņā
Spēlē koši spēlmaniši.
Ai, lūdzami spēlmaniši,
Priekš ka koši spēlejat?
Spēlejami tai māsai
Ko vakari pārvedām.
Ai, brāliši, mīli, balti,
Pēc ka jūsi dzenaties?
Ai, māsīņa, mīla, balta,
Mēs pēc tevis dzenamies.

4. Var. 3. B. стр. 158.

1. Valā duris, valā lūgi
Nādžerd mōses moltivē.

Baltà lelijēle ;

23. Mes parnēšim

Motynēlej

Dīdžē naujynēlē.

2. Eij, mamiņ, pasaver¹⁾,
Ku dor meusu maļejeņa.
3. Atīt mōte raudōdama,
Asareņas slaucēdama.
4. Celītēs, brōleliņi,
Aunīti zōbokus,
5. Aunītet zōbokus,
Sādalojet kumelenš.
6. Sādlojet kumelenš
Dzenītes simt jeudz.
7. Dzenītes simt jeudz.
Muš mōseņ danōcēt.
8. Simta jeudzu galeņa
Dūdoj pīce dūdmaņīše.
9. Jeus mīli dūdmaņēši,
Kōpec jeus dūdōjet?
10. Tai mōsai dūdōjami,
Kur šū (šo) nakt cauri veda ;
11. Bolta mēla vilnōneite,
Syrkan rožu vainuciņš.
12. Jōjam, brōli, ūtru simtu,
Mož mōsiņ(u) danōcem.
13. Ūtra simta galeņa
Spelej pīce spālmaņi(ša).
14. Jeus, mīļēji spālmaņīši,
Pēc ko jūs spēļejēt?
15. Tai masai spēļojam,
Kur šo nakt cauri veda.
16. = 11.
17. Jōjam brōli trešu simtu,
Moš(ž) mōseņu danōcem.
18. Treša simta galeņai
Doncoj simta dzaltaņīš(u).
19. Jeus, mīļōjes dzaltaņīšes,
Kōpēc jeus doncōjīt?
20. Tai (toi) mōsai doncōjam
и т. д. = 15 = 10.
21. = 16 = 11.

1) Вм. нūsaskrej (Зам. Э. В.).

22. Ēinam, brōli, ustobā,
Mož mōseņu pazinam.
23. Sād mōseņa aiz galdiņa,
Ols kaniņa rūceņā.
24. Lob reiteņ, meus mōseņa,
Is ar mums apakaļ?
25. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Ās nāgōju apakoļ,
26. Man patyka šei zemeite
Šōs zemeites orōjeņ.
27. Eit ar Dīvu, brōleleņ,
Posokōt mōmeņai,
28. Posokīt mōmeņai,
Lai jei mani naraudov.
29. Es nūgōju pavaser,
Kot jeudeņs nūsoskrēj,
30. Kot jeudeņs nūsoskrēj,
Kai kūceņes salopov ¹⁾).

V. Объ упавшемъ вѣнкѣ.

Дъвица теряетъ вѣнокъ.

Schl. crp. 33. Rh. 61 (216).
Stan. 7. Dowk. 40. Ness.
83—91. Arch. 27.

Taut. d. 4.

Nusipýniau vainikēļi
Vēnū nēgelkāču;
Užsidējau ānt galvélēs,
Ējau vandenāčo.
Ir užkilo vējužēlis ¹⁾),
Šiaurinis vējātis,
Ir nupūtē vainikēļi
Ī srovēs upēlē.
Ir atjōjo trýs bernýčei,
Visi trýs nevédē;

Smuka meitiņ agri cēlās,
Gāja dārziņā.
Gāja, gāja dārziņā
Ravēt baltas rozēs.
Ravé, ravé baltas rozēs,
Pina vaiņadziņu.
Pina, pina vaiņadziņu,
Lika galviņā.
Lika, lika galviņā,
Gāja gar jūriņu.

1) Вариантъ: Ir pakilo šiaurēs vējes. (Срав. и Шл.)

1) Какъ видно, эта пѣсня плохо записана: въ ней встрѣчаются неправильности въ отношеніи верхнелатышскаго говора.

Kursai būsit máno mēlas,
Plauksit vainikėlio?

Iš tú trijų atsirádo
Šis vėns, tás jaunasis¹⁾;
Kai jis plaukdams nepriplaukė,
Taí jis ir nuskėndo.

Nesakýkit mėlám tėvui,
Kád bernýtis skėndo,
Bėnt sakýkit mėlám tėvui,
Kád zirgýčius girdant.

1. Var. Rh. 6 (20). Ness. 85;
87. Bar. 309.

Kas tai dyvai, didi dyvai!
Rutù sėjau, rožes dygo
Pyk, mergyte, vainikėli,
Žalù rutù vainikėli!
Eik, mergyte, vandenėlio!
Aš ir ėjau vandinėlio,
Ir užtiko šauras vėjas
Ir įpute vainikėli
Į jurù gilumėli.
Trys bernýčiai žaløj' lankoj',
Šėną pjove žaløj' lankoj'.
Katraš busit' mano mielas?
Katraš plauksit' vainikėlio?
„Ir aš busu tavo mielas,
„Ir aš plauksu vainikėlio
„Į jurù gilumėli.“ —
Vainikėlis prie krantėlio,
Bernužėlis prie dugnėlio.
Vainikėlis ant rankėles,
Bernužėlis ant lentėles.

2. Var. Rh. 31 (106). Ness. 144.
Bar. 112.

— — — — —
Pirkit', brolélei,

Gàja, gàja gar jūrìpu,
Uspùš rita vėjš.

Uspùš, uspùš rita vėjš,
Nopùš vainadzių.
Nopùš, nopùš vainadzių,
Iedzen jūrìpà.

Vìppus jùras es redzeju
Divus bálelių;
Viens brálitis isrunaja
Gudru valodių;

Otris saka: Nàc meitių,
Patur' kumelių!
Patur', patur' kumelių,
Peldės¹⁾ jūrìpà;

Peldės¹⁾, peldės¹⁾ jūrìpà
Pėc vainadzių;
Bet nesaki màmiųai
No vainadzių,
Sak' no bėra kumelių
Ar zelta sedliųim.

Var. Брив. 414. Спр. стр. 5.
Pl.-M. 18; 19. Zim. II, 38;
III, 3. R. B. 8; 16.

Jūrà gulu làunadzių,
Níadrė kàru váipadzių;
Atskrián zała lidecių,
Paráu manu váipadzių,
Nem, bálipi, úašu làivu,
Dzenías manu váipadzių!
— Smaga làiva tà, màsių,
Nesadzinu váipadzių.
Nem, bálipi, liapu làivu,
Dzenías manu váipadzių!
— Víaгла làiva tà, màsių,
Nu sadzinu váipadzių, —
Nu sadzinu váipadzių

1) Вариантъ: Vėnas tás maži-
ausies. (Зам. III.)

1) Sic! Хотя ожидается pel-
dės'.

Man vainikēlī
 Ant gelsvū kaselū!
 Vainikužī devēsu,
 Lankoj' sēnužē grēbsu.
 O ir nupūle
 Mano vainikēlis
 Ī čystā vandenēlī.
 Dabar nuplauksi
 Žaloms lankēlēms,
 Ī jures, ī marēles.
 Juruzēms plauksi,
 Mergužē bevirkdīsi.
 Ay tič, ne verkis,
 Mano mergyte!
 Gausi svečią bernytī
 Su žaliaiseis tinklēleis.
 O tu sužvejosi
 Mano vainikēlī
 Iš jurū, iš marēlū.

Simtu jūdžu galiņā . . .
 Es sūaliju simtu mārku,
 Ne galviņas nepacēla;
 Vēl sūaliju ūatru simtu,
 Tad vārdiņu vian attēica, —
 Tad vārdiņu vian attēica:
 Lai nāk pate valkātāja, —
 Lai nāk pate valkātāja,
 Man gultīņas tāisītāja.

VI. Объ упавшемъ кольцѣ.

(Объ утонувшей дѣвицѣ.)

Ness. 378; 93; 94 и 95.
 Rh. 65 (232). Kol. 21.

Trys lēpates paupelij',
 Visos vėnam' kelmūželij'.
 Ir atėjo trys mergates
 Pas tōs upužēs lēpates.
 Dvi sesyti prė šakeliū
 Pasilaikusios perženge.
 O paskiausia ne galėjo,
 Ta ipūle ī upele.
 Upe jejė ne palaike,
 Ir nuneše ī Nemonā.
 Nemonas jė ne palaike,
 Ir nuneše ī Rusnele.
 Rusne jejė ne palaike,
 Ir nuneše ī mareles.

L. — —. Bergm.¹⁾. Pl.-M 4.
 Taut. d. 56. Zim. II, 53.

Skāit' māmīņa, savas mēitas!
 Ar ir visas vakarā²⁾?
 Ira lielas, ira mazas,
 Pastarites vien navāid.
 Pastarite āistecēja
 Gar upīti rūdādama,
 Gar upīti rūdādama,
 Ievas ziedus brāucidama,
 Ievas ziedus brāucidama —
 Nokrit zelta gredzentipš,

1) Livona. 1812. Стр. 187.

2) Bergm. kambare.

Mares jējē ne palaike,
 Ir nuneše i jurates.
 Jures jējē ne palaike,
 Ir nuplauke pas kranteli.
 Ē užaugo žalia lēpa
 Su devynom's šakuželem's.
 Eit brolytis duda pjauti
 Iš lēpatēs šakuželēs.
 Gražey skamba mano duda,
 Balsas graudžey atsilēpia.
 Močute atsake verkiant:
 Tai ne balsas iš lēpatēs.
 Tai sesytēs dvaselate
 Ant vandenačo plaukianti.

Var. Ness. 92.

Ašėjau i daržą,
 Aš pransiau veidelį
 Su rutū rasele.
 Šlostijau veidelį
 Lėlijōs lapeliu,
 Lėlijōs baltosēs.
 Man lenkant lėlija,
 Nupūle žėdelis
 Nū baltōs rankelēs.
 Pamečau žėdelį!
 Kas matēt, sakykit!
 Kas radot, atdūkit!
 Ne mano žėdelis!
 Bernyčo pirktašis,
 Iš meilės dūtašis.

Pēc gredzena sniegdamāsi,
 Iekrit pate upītē.
 Upīt' viņu nepanesa,
 Tā ienesa Dāugavā¹⁾.
 Dāugav' viņu nepanesa,
 Tā ienesa jūrīnā.
 Jūrīn' viņu nepanesa,
 Tā ismeta malīnā.
 Tur isāuga kupla liepa
 Deviņiem žuburiem.
 Iet brālītis kōkles cirst
 Devitāi žuburā.
 Sāk brālītis kōkles sist —
 Tās kōklites gliiti skan.
 Sak' māmīņa rūdādama:
 Tā dzied mana pastarīte,
 Kas iekrita upītē.

1. Var. R. nod. I, 100.

Māte savas meitas sauca,
 Vaj ir visas vakarāi.
 Iraid visas, iraid visas,
 Pastarites vien nevaids.
 Pastarite aizteceja
 Upes malu raudadama,
 Upes malu raudadama,
 Baltas rokas mazgadama.

Baltas rokas mazgadama,
 Udens zīles lasidama,
 Udens zīļu sniedzotiesi,
 Iekrit balta villainite.

Villainites sniedzotiesi,
 Iekrit zelta gredzentiņš;
 Gredzentiņu sniedzotiesi,
 Iekrit pati upītēi.

Upīt' viņu neuznēma,
 Nesa vilņi jūrīnāi.

1) Bergm. и Брив. Gāujiņā.

Jura viņu neuzņēma,
Nesa viņu malīnāi.

Tur uzauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem;
Devītajā gadīnāi
Tur gāj' brāļi kokļu šķelt.

Tās koklites glīti skanē,
Māmuliņa gauži raud:
Tā dzied mana pastarīte,
Kur' iekrita upītē.

2. Var. Cnp. ctp. 27 u 28.
K. Ulm. ctp. 199, № 18.

— Še ir man visi bērni,
Pasterītes vien nevaids! . .
— Pasterīte aisteceja
Upes malu cīeredama,
Upes malu cīeredama,
Ievas ziedus braucidama.
Ievas ziediņ i braukot,
Nokrīt zelta gredzeniņš;
Gredzeniņu meklējot,
Nokrīt mēlu vilnanīte;
Vilnanītes meklēdama,
Iekrīt pate upītē.
Tā upīte ne panēse,
Tā ienēse jūriņā;
Tā jūriņā ne panēse,
Tā issīte malīnā.
Tur izauga kupla liepa
Deviņiem žuburiem.
Devītā žuburā
Savi brāļi kōkles šķēle.
Saka brāļi kōklēdami:
Gauži skan tās kōklītes . . .
Tā raud mūsu pasterīte,
Svešu zemi staigādama! . .

3. Var. Pl.-M. 5.

Meš biejom trejš mosienias,
 Koladu, koladu! ¹⁾
 Mani trešys nairedzieja,
 Išviž mani upiejtā,
 Tiej upiejta nanasdama,
 Išviž mani azarā;
 Tys azars nanasdams,
 Išviž mani Daugavā;
 Tiej Daugava nanasdama,
 Išviž mani jyureniōs;
 Tos jyurenis nanasdamys,
 Izsyť putu gobolā;
 Ti isauga kupla lipa.
 Na ti bieja kupla lipa,
 Ti bie dorga dviesielejta.

4. Var. Брив. 938.

Kūa tia tēva suņi rej
 Aiz tūa manu rūažu dārz'?
 Tāutīats stāv lejiņā,
 Gāida rūažu ravētāju.
 Nāca lialas, nāca mazas,
 Nenāk mana ļaudaviņa.
 Aiziat mana ļaudaviņa
 Gar upīti dziadādama, —
 Gar upīti dziadādama,
 Iavas zīadus lasidama, —
 Iavas zīadus lasidama —
 Nūakrit zelta gredzēnīts;
 Pēc gredzena sniagdamās,
 Iakrit pati upītē.
 Upit' nesa, nepanesa,
 Tā ianesa Gāujiņā;
 Gāujiņ' nesa, nepanesa,
 Tā ianesa jūriņā.

1) Этот стихъ повторяется во всѣхъ строфахъ.

Jūriņ' nesa, nepanesa,
 Tā izmeta maliņā.
 Tur ūzáuga kupla lapa
 Deviņiam žuburiam;
 Devitā žuburā
 Rigas puiši kūakles tāisa.
 Saka paši kūaklétāji:
 Tās kūaklites gáuži skan, —
 Tās kūaklites gáuži skan,
 Kā viantule ligaviņa.

5. Var. Zim. IV, 75; III, 52.
 Bezz. L. D. стр. 26, № 3.

Trīs meitiņas lieljāsi
 Par Daugavu pārpeldēt;
 Divas vien pārpeldeja,
 Treša grima dibinā.

Kur ta meita nogrimusi,
 Tur usauga balta liep';
 Tur usauga balta liepa
 Apzeltitām lapiņām.

Jauni puiši garām gāja,
 Nedriksteja zaru laust.
 Vienu zaru nolauzuši,
 Ietin zižu lakatā.

Ietin zižu lakatiņā,
 Ieliek pūra dibinā.
 Cik reiz vāku pacilāja,
 Tik asaras noslaucij'.

VII. Объ упавшемъ съ лошади юношѣ.

(Три кукушки.)

Rh. 29 (98). Ness. 359.

Jušk. L. d. 1243.

Per tiltā jojau,
 Žirg's issibaido,
 Nu žirgužio nupālau.
 Ay, tai man minkštas,
 Mans patalēlis,
 Čystasis vandenēlis!

Брив. 458.

Por tiltu joju,
 Nū zēirga kritu,
 Dublūs tī es voļjūs.
 Es tī gulēju
 Divi nedēļos,
 Nikos mani navāicāja.

Aš atsikėlęs,
Apsižurėjęs:
Jau nier' mano draugėlio.

Aš patsai ludnas,
Žirgytis smutnas.
Uj, ką dabar darysu?

O ir atlėke
Trys gulbuželes
Iš karalaus darželio.

O ir nutupe
Tos gulbuželes
Ant brolyčio kapėlio.

Gulbe pri kojū,
Gulbe pri galvės,
Gulbe pri šalatiės.

Marti pri kojū,
Sesū pri galvės,
Mamužė pri šalatiės.

Marti gedėjo
Tris nedelates,
Sesū trejus metelus.

O ši mamužė,
Mano garbužele,
Kol jos gyva galvéle.

Var. Ness. 360. Stan. 28.
Dowk. 20. Kol. 4. Jušk. L. d.
1246. Bar. 116; 313¹⁾; 382.

Per tiltą jojau,
Nū žirgo pūliau,
Purvynelij' gulėjau.

Žirgelis mano,
Bėrasis mano,
Pri šalelės stovėjo.

Minojo mano
Kojas, rankeles,
Ir skaitijį veidelį.

A trešąja pi man
Nāk trėis dzaguzas,
Vidā tumsos naksnėiņos.

Kūkoja vīna
Pi koju goliņa,
Utra pi golviņas, —
A treša, (rōiba)¹⁾

Rōiba dzaguza,
Kūkoj pi sirsnėiņos.
Pi kojam mōrša,
Pi golvas mōsa,
Pi sirsnėiņos mōmulėina.

Žālūja mōrša
Pus mēneša,
Mōsa goda pustreša;

A mōmulėina,
Monis ouklejėiņa,
Cikom dzėiva, žālūja.

Mōrša polāida
Nū tōs vītas,
Mōsa da baznėicoi;

A mōmulėina,
Monis ouklejėiņa,
Tei da pošas dzimteines.

1) Справ. Куршатъ: „Gramma-
tik der Lit. Spr.“ стр. 454.

1) Этого слова нѣтъ у Брив.

Tekėjo mano
Jūdi kraujelei
Kaip bijunū lapelei.
Aš ten gulėjau
Trys nedėleles,
Nėk's manės ne gedavo.
O ir atlėke
Trys gegužėles
Vidur tamsios naktelės.
Ui kukoj', kukoj'
Trys gegužėles
Pri mano patalėlio.
Vėna kukavo
Kojū galelij',
Antroji pri galvelės.
O ši trečioji,
Raiba gegele
Pri pat mano širdelės.
Marti pri kojū,
Sesū pri galvės,
Motušė pri širdelės,
Ui sergu, sergu,
Sergu, negaliu,
Ant rankelių nešamas.
Ui sese, sese,
Sesele mano,
Taisyk man patalėlį.
Šilkū paklotę,
Šilkū apklotę,
Lėlijės pagalvelę.
Gyte ne gysiu,
Jau regiu, mirsiu,
Tai gailesį darysiu.
Verks manės varpai,
Verks vargonelei,
Verks ir sena motušė.
Ne atverks varpai,
Ney vargonelei,
N' atverks sena motušė.
Tikt manę atverks

Jūda žemele,
 Balta grabo lentele.
 Ui eisiu, eisiu
 Į tą žemele,
 Kur busiu be vargelio.
 Toje žemelej'
 Baltos lenteles,
 Ten busiu be vargelio.
 Martei paliksiu
 Berą žirgeli,
 Sesei ¹⁾ branges sukneles.
 O motušelei,
 Augintojelei,
 Meilingūsius žodelius.
 Marti lydėjo
 Lygi varteliū,
 Sesū į puskelelį.
 O motušele,
 Augintojele,
 Į žaliūsius kapelius.
 Marti gailėjos ²⁾
 Trys nedėleles,
 Sesū trejus metelius.
 O motušele,
 Augintojele,
 Visa savo amželi.

VIII. О потерянномъ конѣ.

(Предложеніе къ вступленію въ бракъ.)

Ness. 181. Dowk. 19. Ф.-М. 46. Taut. d. 46; 45. Брив. 764.
 Brug. 49. Jušk. L. sv. d. 34; 115. Austr. 1894 г. стр. 95. R. nod.
 I, 102. R. B. 25.

Ko jėškai, bernuželi,
 Ši miglotą rytelį?

Man pazuda kumeliņis
 Celtmotā līdumā;
 Trīs dienīņas, trīs naksniņas
 Meklē savu kumeliņu.
 Ceturtā dienīņā
 Atrod savu kumeliņu,
 Atrod savu kumeliņu
 Tautu meitas laidarā.

1) Въ жамайтскомъ нарѣчїи
 иногда склоняется: Sese, seses,
 sesei вмѣсто Sesū, seseres, sese-
 rei. (Зам. Несс.)

2) Варіантъ: raudojō. (Зам.
 Несс.)

Ješkau bēro žirgelio
Ir tymojo balnelio.

Sakyk tēsa, berneli,
Koksai buvo žirgelis?
Jūdbērelis žirgelis,
Sidabrištas balnelis.

Ne jēškoki, berneli,
Savo bēro žirgelio!
Tavo yra žirgelis
Mano tėvo staldelij'.

Sakyk tēsa, mergele,
Kam padore iškađą?
Naują žogrį išlauže,
Žalius rutus pamyne.

Sakyk tēsa, mergele,
Sakyk tēsa, jaunoji,
Ko tas vertas žogrelis?
Ko yr' verti rutelei?

Penkiū, šešū dorėliū,
Manės jaunōs mergelės.
Daber penkis pridėsiu,
Tavę jauną parvesiu.

Lūgšus lūdzu, lai atdeva,
Solu naudu, to neįjema.
Ká lai varu tev atdot,
Liela skāde padarita!
Man ismina rožu dārzu,
Brālיתי rudzu lauku.
Brālis rudzus gan pieciestu,
Es rozites necietīšu;
Apsolies mani jemt,
Tad rozites piecietīšu.
Ká lai varu tevi jemt,
Kad prātami nepatīk;
Ta navaida viena diena,
Viss mūžiņis dzivojāmis;
Ta navaida villainite,
Ussedzama, nosedzama,
Ussedzama, nosedzama
Miglaiņā laiciņā¹⁾.

IX. О сватаніи — о ночевкѣ.

1. Препимущество дѣвицы передъ вдовою.

Ness. 169. Dowk. 14.
Jušk. L. sv. d. 242.

Taut. d. 19. Magazin стр. 22.

1. Kikili, kikili, laibakoji,
Šę tamšę naktele kur naktvosi?
Žalioje girelej', pušynelij',
Tamkiame berželij' po lapeliū.

1. Kur iesi, puisiti,
Kur pārgulesi?
Kur šādu naksniņu
Pavadisi?

2. Ar vesi našlele, ar mylēsi?
Našlelės patale ar gulėsi?
Meilingus žodelius ar kalbėsi?
Našlelės vaikelius ar lingosi?

2. Vaj jemsi atraiti,
Vaj milesi?

3. Ne vesi našlelės, ne my-
lēsiu,
Našlelės vaikeliu ne lingosiu;

1) По вариантамъ у Бривзем-
ніака и въ „Ауструмъ“ соче-
тается такъ же бракомъ, какъ по
лит. дайнамъ. По варианту въ
„Ауструмъ“ посредницею явля-
ется богиня „Dėklu-māte“.

Našlelēs patalai išgulėti,
Meilingi žodelei iškalbėti.

* * *

4. Kikili, kikili, laibakoji,
и т. д. = 1.

5. Ar vesi mergele, ar mylési?
Mergelės patale ar gulési?
Meilingus žodelius ar kalbési?
Mergelės vainiką ar klastysi?

6. Aš vesi mergele, aš my-
lésiu,
Mergelės vainiką aš klastysiu;
Mergelės patalai n'išgulėti,
Meilingi žodelei n'iškalbėti.

1. Var. Ф.-М. XXXII.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolėlis
Žirge sėdėjo.
2. „Kur josi, brolukaj,
Sakalukaj?“
Pro višniu sodelį,
Pas našlelę.
3. „Ar kęsi našlužę
Dusaujenčę
Jos mažus vaikelius
Virkaujencius?“
4. Ne gulsiu našlužės
Patalūse,
Ne kęsiu našlužės
Dusaujenčios,
Jos mažu vaikeliu
Virkaujenčiu.

2.

1. Per girę, giružę
Saulė tekėjo,
O musu brolelis

Vai dosi maiziti
Atraites bérniem?

3. Nejemsu atraiti,
Nemilešu,
Nedošu maiziti
Atraites bérniem!

4. Atraites gultiņa
Sen pieguleta,
Ir miki vārdiņi
Sen isrunati.

5. Vaj jemsi meitiņu,
Vaj milesi?
Vaj meitas vaiņagu
Paglabasi?

6. Ir jemšu meitiņu,
Ir milešu,
Ir meitas vaiņagu
Paglabašu.

Var. Austr. 1894 r. ctp. 97.

Kur gāji, puisiti, kur staigaji?
Kur šādu naksnīpu pārguleji?
Vaj šinī, vaj tanī, vaj krodziņai?
Vaj šinī, vaj tanī, vaj sētiņai? —
Ne šinī, ne tanī, ne krodziņai,
Ne šinī, ne tanī, ne sētiņai:
Augstāi kalnāi, jaunāi klētī
Pie jaunas, pie dailas, pie zel-
tenites. —

Kur, puisit, nu iesi, kur staigasi?
Kur staigasi, kur domasi?
Vaj sēsi auziņas līdumai?
Vaj jemsi atraitni, vaj milesi?
Vaj dosi maiziti atraitnes bér-
niem? —

Nei sēšu auziņas līdumai,
Nei jemšu atraitni, nei milešu,
Nei došu maiziti atraitnes bér-
niem:
Atraitnes gultiņa sen isguleta,

- Žirge sėdėjo,
 2. „Kur josi brolukaj,
 Sakalukaj?“
 Po rutu darzelį
 Pas mergele.
 3. „Ar gulsi mergelės
 Patalūse,
 Ar kęsi mergele
 Kalbančėja?“
 4. Taj gulsiu mergelės
 Patalūse,
 Taj kęsiu mergele
 Kalbanceja.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 406.

1. Ej, bijun, bijúnaj, } ds.
 Tu, žaliąsis, }
 Kas tave išėju, } ds.
 Nuravėju? }

2. Kas tave išėju,
 Nuravėju?
 Kas tavu šakėles
 Pagenėju?
 3. Sesėle išėju,
 Nuravėju,
 Brolėlej šakėles
 Pagenėju.

* * *

4. Ej, brólau, brolūži,
 Brągvardūži,
 Ar vėsi našlūžę,
 Ar vadžtosi?
 5. Ar vėsi našlūžę,
 Ar vadžtosi?
 Ar gulsi našlūžės
 Patalūžy?
 6. Ne vėstu našlūžės,
 Ne vadžtostu,
 Ne gulsiu našlūžės
 Patalūžy;

Visi miži várdiņi sen isrunati.
 Vaj manim múžiņu nodzīvoti,
 Vaj manim meitiņu nedabuti? —
 Vaj sėsi liniņus tīrumāi?
 Vaj jemsi meitiņū, vaj milesi?
 Vaj viņas vaiņagu paglabasi? —
 Ir jemšu meitiņū, ir milešu,
 Ir viņas vaiņagu paglabašu;
 Meitiņas gultiņa neisguleta,
 Ir miži várdiņi neisrunati . . .
 Iesēju liniņus tīrumāi,
 Pārvedu meitiņū sētiņāi.
 Lip, mana māmiņa, duj vaska
 sveces,

Lai varu meitiņū nolūkotī:
 Vaj balti vaidziņi, vaj sarkani,
 Vaj greznas drāniņas mugurāi?
 Nei balti vaidziņi, nei sarkani,
 Nei greznas drāniņas mugurāi!
 Vai, manu dienīņū, ko padariju!
 Savus jaunus zābakus nostebe-
 reju,
 Atraitni ligavu lūkodams.
 Vai, manu dienīņū, ko padariju!
 Savus jaunus zirdziņus nojādiju,
 Savu zelta naudiņū istēreju,
 Atraitni ligavu lūkodams!
 Vai, manu dienīņū, ko padariju!
 Savas jaunas dienīņas paspēleju
 Dēļ pāra naksniņū gulejuma,
 Dēļ pāra vardiņū runajuma!

7. Ne šilti našlūžēs
Patalūžej,
Ne méjlus našlūžēs
Ni žodūžej ;
8. Pirmūjū bernéliu
Išgulēti,
Mejhlējtē žodūžej
Iškalbēti.
- * * *
9. Ej, brólau, brolūži,
Brangvardūži,
Ar vēsi mergūzē
Ar vadžlōsi ?
10. Ar vēsi mergūzē,
Ar vadžlōsi ?
Ar gūlsi mergūžēs
Patalūžy ?
11. Taj vēstu mergūžē,
Taj vadžlōstu,
Taj gūlstu mergūžēs
Patalūžy ;
12. Taj šilti mergūžēs
Patalūžej,
Taj méjlus mergūžēs
Ir žodūžej ;
13. Pirmūjū bernéliu
N'išgulēti,
Mejhlējtē žodēlej
N'iškalbēti.

2. Молодая жена.

Ness. 207. Dowk. 48.

Zim. III, 33. Bezz. L. D. стр. 42.

1. Ateit žemele,
Šalt's rudenelis,
Veizdēkis, berneli,
Sav' gulovelēs.
2. Ne turiu dvaro,
Ney tēviškelēs,
Kur dēsiu mergeļē
Jaunā parvedēs ?

1. Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
Jauns puika būdams,
Kur likšu sieviņ' ?
2. Taisīšu laiviņ'
Straujupes malā ;
Laidīšu sieviņ'
Svešajā zemē.

3. Dirbīsiu laivā
Per Nemonelī,
Lankysiu mergele
Kas vakarelī.
4. Kukoj' gegele,
Gēd' volungele,
Verk mano mergele
Svetoj' šalelej'.
5. Ne verk, mergele,
Ramdik širdelē,
Aš tavē lankysiu
Kas vakarelī.

3. Kukoja dzeguz(e),
Dzied lakstīgala;
Raud mana sievīn'
Svešajā zemē.
4. Neraudi gauži,
Ne pūt tik grūti!
Šo gad' jeb nākoš(u)
Es ar' tur būšu.
5. Vaicaja zēni:
Kam ta ir meitiņ?
Vagara meitiņ(a),
Dzeltaniem matiem.

3. Ночь проводимая дзвичею у холостяка и у вдовца.

Ness. 168.

L. — —. Bezz. L. F. 53. Прим. 4.

1.

Kreyždutele, lakionele,
Ar girdējei lakiodama
Bernuželī atjojentī,
Bernuželī atjojentī?

Kad žinočau, bernuželis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū peryneliū.

Kā jam dēsi, mergužele,
Kā jam dēsi po galvele?
Aš jam dēsiu po galvele
Penkes, šešes paduškeles.

Paprašysiu gaiduželī,
Kad ilgintu naktuželē,
Kad mēgelī išmēgotu,
Meilēs žodžū iškalbētu.

2.

Kad žinočau, našlaitelis,
Aš jam kločau patalelī,
Aš jam kločau patalelī
Trijū eiliū erškētelīū.

1.

Precēj' man šē precinīki
Pī šā jaunā brūtganīn'.
Jāunam viram vītu tāisu,
Trim kārtām pēlus ¹⁾ liku;
Viņam liku zam ²⁾ galviņas
Četrus dūnu spilvenīņus;
Es apsedzu jāunu viru
Ar baltām villainēm.
Es pī viņa piguluse
Kā rōzīte zīdēdama.
Nedzīd, gāilīt', rītā agri!
Neāust' drizi jel, gāismiņa!
Ne dōmiņas isdōmātas,
Ne valūdas isrunātas.

2.

Precēj' man šē precinīki
Pī šā vecā brūtganīn'.

1) Или: pēles.

2) Или: zem.

Kā jam dēsi, mergužele,
 Kā jam dēsi po galvele?
 Aš jam dēsiu po galvele
 Penkis, šešis akmenelius.
 Paprašysiu gaiduželi,
 Kad n'ilgintu naktužele,
 Kad mēgeli n'ismēgotu.
 Meilēs žodžū n'iškalbētu.

Var. Bezz. L. F. 53.

1. Kad aš ējau pajurēlems, pa-
marēlems
Sēki mānī jaūns bernēlis.
2. Nēsek, nēsek jaūns bernēlis,
Aš tau dōsu nakvinēlē.
3. Aš tau dēsu pō galvēle
Pēnkes, šēšes pýgalvōks.
4. Aš tau dōsu apsīklāt
Dvējus, trējus pātaluks.
5. Teip sugūlau su bernēle,
Kaip lelējē su meirān'.
6. Kad aš ējau pajurēlems, pa-
marēlems
Sēki mānī sēns šeirūks.
7. Nēsek, nēsek sēns šeiirūk',
Aš tau dōsu nakvinēlē.
8. Aš tau dēsu po galvēle
Dvējus, trējes ēglešākes.
9. Aš tau dōsu apsīklāt
Pēnkes, šēšes pušišāks.
10. Teip sugūlau su šeirūku,
Kaip lelēje su erškēt'.

Vecam vīram vītu taisu,
 Trim kārtām dadžus liku;
 Viņam liku zam galviņas
 Četrus sīkus akmentīņus;
 Es apsedzu vecu vīru
 Ar vecām ecežām.
 Es pī viņa pīguluse
 Kā lapiņa drebēdama.
 Dzīd, gāiliti, rītā agri!
 Austi drīzi jel, gāismiņa!
 Jau dōmiņas isdōmātas,
 Jau valūda isrunāta.

4. Любoвныя размышленія на нoчномъ.

Ness. 396; 303.
 Bar. 94; 201.

Bergm. I, 76. R. kr. V, 1225.
 Šeh. стр. 46.

Ey gēriau, gēriau,
 Gerdam's dumojau:

Es piesārku kā brūklene
 Par durīm ie-iedam'.

Kur aš' gausiu naktvynužę? ¹⁾

Bėram žirgui strajelę?

Aš nusijočiau

Į beržynelį,

Tai bus mano naktvynužę,

Bėram žirgui strajelę.

Aš pagenėčiau

Beržų lapelius,

Tai bus žirgo pašarelis

Kai gynos aviželes.

Aš nusilauščiau

Beržų šakeles,

Tai bus mano patalelis,

Margėji prėgalvelei.

Aš paguldyčiau

Švėsę pučkėlę

Šalė mano šaluželės,

Tai mano merguželę.

Aš pakabičiau

Savo kepurę,

Tai bus mano zegorelis,

Raibas mano gaidužis.

Var. Jušk. L. sv. d. 5.

1. Kur kukū gegėlė

Ir lakštūngalėlis?

Ant pūtinu šakėlės.

2. Stóvi brolužėlis,

Jáunas rajtojėlis

Ant cidábru kilpėlės.

3. O kū tu čė stóvi,

O kūdėl ne jóji?

Senėj láukia močūtė.

4. O tegū láukia,

Tegū ji ne láukia,

Juk žinu, kad ne grįštu.

5. Jūru ne plauksu,

Marėlu ne nérstu,

Ni naktūžė vandrūstu.

Es redzej' savu sirsnį'

Sėžam galdu galią.

Es dziros klātu klūt,

Vipš árą par durim.

Es dziros pavaicāt,

Kur gulej' šo naktį',

Voi guleji pie mamių's,

Voi pie citas mątes meitas?

— Pie eglites es guleju,

Skujám klāju paladzių'.

— Voi tu traks, mans miľakais?

Kam tu man ne sacij'?

Es tev būtu nostellej's'

Pàra linu paladzių',

Pàra baltu villainišu,

Pàra mutes nėsdocių,

Pàra smalku linu micu.

1. Var. Taut. d. 11. R. B. 5.

Gara man ši naksniņa

Pa visám naksniņám,

Gàida mani ligaviņa

Šo naksniņu noejām.

Guli viena, ligaviņa,

Šo naksniņu nenóiesu;

Šo naksniņu es gulešu

Baltábola kalniņā,

Baltábola kalniņā

Pie bērā kumeliņa:

Sedlus liku pagalvī

Iemauktiem apsedzos.

2. Var. Спр. стр. 145.

Tris meitiņas smalki raksta

Pie lodziņa kambarė:

Divas raksta smalkus rakstus,

Treša zidu šķetere.

— Es savam miľakam

Rakstu raibu nazdaudzių:

Ap malám puķes lieku,

1) См. ниже № 5.

- Vidō ') — savu mīl sirsniņu.
Ak, tu manu mīlu draugu,
Kur guleji šo nakstiņ?
Voi zam priedes, voi zam egles,
Voi pie citas mātes meitas?
— Nei zam priedes, nei zam
egles,
Nei pie citas mātes meitas;
Es guleju uz zaļ' lauku,
Apakš kuplu ozoliņ;
Llepu lapas pagalvam,
Zaļu skuju paladziņš.
— Ak, tu manu mīlu draugu,
Kad es to būt' zinajusi,
Es tev būtu stellejusi
Divus baltus paladziņus;
Divus baltus paladziņus,
Divus mīkstus spilventiņus.

6

5. Ночлегъ.

Ness. 395. Dowk. 51. Jušk. L. L. — —. Taut. d. 44.
sv. d. 320; 644; 646; 647. Jušk. Jur. I, 6.
L. d. 1087. Bar. 51.

Ey, aš gėriau, gėriau,
Gėrdamas dumojau:
Kur aš gausiu naktvynužę?
Kur aš naktvynosiu?
Ey, aš jaučiu, jaučiu
Pakelij' mergytę¹⁾.
Čon aš gausiu naktvynužę,
Čon aš pernaktvosiu.

Ak, es dzėru, dzėru,
Visu cāuru nakti;
Dzėrdams labi apdōmāju:
Kur gulėš' par nakti?
Ak, es zinu, zinu,
Kur ir skāistas mėitas;
Tur es jāšu, pārgulėšu,
Tur gulėš' par nakti.

Var. Bezz. L. F. 52.
Jušk. Sv. Rėda стр. 59.

1. Ui aš gėrau, gėrau,
Gėrdamas dumājau:
Kur aš jāšu,
Kur nakvāse,
Kur būs nakvinėle?
2. Ui žinau, žinau
Kėme mergėlę,
Čė aš jāšu,
Čė nakvāsu,
Čė būs nakvinėl'.

Var. R. kr. V, 1225
(194).

1. Ak, es dzeru, dzeru
Visu cauru nakti.
Dzerdams labi apdomaju,
Kur gulešu nakti?
2. Ak, es zinu, zinu,
Kur ir smukas meitas,
Tur es jāšu šo naksniau,
Tur gulešu nakti.

X.

Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру.

(Защита обиженной сестры.)

Rh. 44 (160). Ness. 275.
Jušk. L. d. 165. Bar. 82.

R. B. 52. Pl.-M. 24.
Ar. M. 1148. R. nod. I, 151.

Visi manę bare,
Ney viens ne užtare.

Bėdz, tautietī, pabėnķė,
Nu jāj manis bāleliņš!
— Nāc ārā, svaiņa šķelmi,
Kādu vainu māsai liki?
Vaj tu ēdi nesamaltu?
Vaj valkaji neveletu?

1) Вариантъ: Pakelij' butelį.
(Зам. Несс.)

Mano brolytis per kiemą ėjo,
 Ir kardųželių rankoj' turėjo.
 Dabar svainyte,
 Ką tu darai sesytei?
 Nulėks galvele
 Kai kapustelis;
 Varvės kraujo šlakelei
 Kai bijuno lapelei.

Var. Jušk. L. sv. d. 912.

— — — — —
 O da ne sulaukiaui
 Pusej mētū,
 Išgirdau seselę
 Labėj sėrgant: —
 Balnoki, brolėlej,
 Bėrus žirgus,
 Josome seselę
 Aplankyti:
 Ar linksmā seselė
 Martėlėse?
 Ar žaliū rutėlė
 Kvietkėlėse?
 Ne linksmā seselė
 Martėlėse,
 Pavýtu rutėlė
 Kvietkėlėse.
 O da ne įjójum
 Pusej lauku,
 Sužvingu žirgėlis
 Labėj alsej.
 O da ne įjójum
 Pusej šilu,
 Išgirdum bitutės
 Atúžiančias.

Mana roka, tava galva,
 Manė tėrauda zobentiņš!
 Driz certišu, driz lúzis,
 Aisskries tava poda galva,
 Aisskries tava poda galva
 Līdz vārtiem grabedama!

Var. Bütt. 1436. Спр. стр. 241
 и 242. Taut. d. 1.

Kur tu jāje, bāleliņ',
 Vakarē kājas av'?
 — Kuš, kuš, māsīņ', no sak
 neek',
 Pakac' manu zōbeniņ'.
 Es dzirdeju savu mās'
 Tautiņēsu ¹⁾ neecinam.
 Es aizjāj' pi vārtim,
 Māsīņ tece vārt's vērt.
 Vienu roku vārt's vēr',
 Ūtr' slauce asaras.
 Es isvilku nēzdociņ,
 Noslauceju asaras.
 Neraud', neraud', man' māsīņ',
 Tautiņš neek' nepadar's;
 Tautiņš pats neecinajams,
 Tāpēc mās's neecane.
 Es ar savu zōbaniņ
 Tautiņam Diev' rād's:
 Kad nebij cit' dārb',
 Kāpēc mās' neecane.

1) Очень интересная форма,
 где -su (суффикс местного па-
 дежа мн. ч.) еще совершенно
 соответствует санскритскому.

XI. Сиротскія пѣсни.

1. Могила матери.

Ness. 72. Dowk. 83.
Jušk. L. sv. d. 493; 509 до 513.
Bezz. L. F. 6.

Kad žinočiau tą kalnelį,
Kur gul mano motušele,
Aš apdėgčiau tą kalnelį
Žalioms lėpom's, obelelem's.

Kelkis, mano motušele,
Aš pakelsiu velėnelę;
Aš tav gūsiūs, motušele,
Ką man daro pamotele.

Mušo, pešo, plaukus draske,
Per ugnelę dūną dave.
Motušele palikusi
Kaip vištele vištytelius.

Vištytelei burij' ¹⁾ bėga,
O aš vėna siratele.
Leisiūs ir aš į jureles
Pri raudeliū į burelį.

Bütn. 351; 239.
Bergm. I, 1. Спр. стр. 215.
Pl.-M. 3. Брив. 881. Biel. 3217;
3799. Bezz. L. F. XI. Ar. M. 214;
215; 196. Э. В. стр. 372; 373
γ 1. R. нод. II, стр. 157.

Kaut zinatu to kalnių,
Kur gul mana māmukite,
Es apsistu to kalnių
Rakstitām dëlitem. (Bütn. 351)

— — Celies, mana māmukite,
Es pacelšu velenių;
Es tev teikšu raudadama,
Ko man dara sveša mâte:

Pliki cirta, matus plūca,
Kājām spēra pabenķi. (Bütn.
239.)

Sveša mâte bāriņam
Pār 'guntiņu maizi deva . . .
(Ar. M. 196.)

— — Man māmīņa atstājusi,
Kā vistinā cālīšus.
Cāli teka pulcinā,
Es vientule raudādama. (Biel.
3799.)

1. Var. Bütn. 355.

Kaut zinatu to kapsēti,
Kur gul mans tēvs māmīņa,
Es kapsēti appuškotu
Sārkanām rōzitem.

2. Var. Biel. 3785; 3907.

Kaut zinātu tō kalniņu,
Kur gul mana māmukite,
Es nelautu cūciņām
Tō kalniņu ružināt;

1) Это слово соответствует латышскому bars (толпа, множество).

Es apsistū tō kalniņū
 Ar ōzōla dēlītēm,
 Ar ōzōla dēlītēm,
 Ar tērōda nagliņām.
 Svešā mātē bāriņam
 Pār guntiņū maizi dev';
 Tec apkārt, bārenīt',
 Lai rōciņa nesadeg.

2. ОТВѢТЪ МАТЕРИ ИЗЪ МОГИЛЫ.

Rh. 7 (22). Ness. 70.
 Jušk. L. d. 419; 566. Arch. 4.

Э. В. стр. 373 γ 1.

Ī girē manē sunte,
 Ī giružē ūgeliū,
 Ī girē serbentēliū.
 Aš ūgeliū ne rinkau,
 Serbentēliū ne braukiau.
 Užejau ant kalnēliū,
 Ant močutēs kapēliū;
 Tai labay graudžey verkiau
 Aš savo motinelēs.

O, kas če manes verkia?
 Mano kapēlī mindžoj'?
 Aš, aš, ak motinēle,
 Aš viena siratēle.
 Kas šukōs mano galvēlē?
 Nupraus mano burnēlē?
 Kas kalbēs meilēs žodēlī?

Eik namū, dukryte!
 Ten kita motinēle
 Šukos tavo galvēlē,
 Nupraus tavo burnēlē,
 (Vilks tavē marškinēleis,
 Vilks tavē storeseis;)
 Ten jaunasis bernytis
 Kalbēs meilēs žodēlius.
 — (Marškinēleis vilkdama
 Mano rankeles lauzia;
 Burnužē nupraudama
 Mano burnužē pleše.)

Kas aiz mežu aizž(ū)ineja,
 Kas mežā aizskaņēja!
 Bōreneite mōtē cēļa:
 Celis, celis mun mameņ!
 Celis, celis mun mameņ,
 Sasukoi(ji) mun galveņ!
 Sasukoj mun galveņ(u),
 Apūele maņ bolt krēkleņ.
 Apūele maņ bolt krēkleņ,
 Apauņi maņ kōjeņes.
 — Bērneņu munu mīlū(oji),
 Bērneņu munu dōrgu,
 Tev' ir tavys, mōmuļeņa,
 Kam galveņu tev' sukōt,
 Kam galveņu tev' sukōt,
 Kam krēkleņš tev' apūilkt.
 Mameņa muna mīloa,
 Mameņa muna dōrgoa,
 Da kai maņi golū sukova,
 Munēs mateņēs pļeukava.
 Da kai jei krākļeņi ūilka,
 Man sirsneņ slōpeņ slōpa.
 Itūs pošus aizlōdāja:
 Kai tu itūs naiznasōtim,
 Ju vel cit nasapraseitim.
 Da kai jei kōjes ava,
 Smolkōm nōtrōm dzeldedama.

3. Стorie бары.

Dowk. 10. Schl. стр. 29.

L. — —. Zim. III, 95.

— — — — —
 — — — — —
 Pikti ponaj ir uriedaj
 Nedoud¹⁾ manej pailselio;
 Lejskes Saule, tekiek Mienou,
 Douk man šventā vakareļi!

— — — — —
 — — — — —
 Bārgi kūngi, vagarītes
 Nedod laikā vakariņu;
 Ej, Sāulīte, drīz pie Dieva,
 Dod mums svētu vakariņu!

XII. Странное общаніе.

Rh. 11 (38). Ness. 10.
 Schl. стр. 14.

St. стр. 277.

— — — — —
 — — — — —
 O kaday sugryšim
 Iš Vengrujū zemēs?
 — Kad išdygs kolāči,
 Žels ir akmenāči,
 Ant jurū medāči.

— — — — —
 — — — — —
 Kad zaļos sētas mieti,
 Kad sapūs akmentipš,
 Ūle kāpe us ūdeni,
 Spalva grime dibinā,
 — Tad es nākšu šai zemē
 Tēv' un māti apraudzīt.

1. Var. Ness. 149. Stan. 12.

— — — — —
 — — — — —
 Cit, ne verk, ne raudok,
 Jaunoji mergyte,
 Aš tavē parvesiu
 Kitā rudeneļi,
 Kad žydēs, kad žibēs
 Balti akmenelei,
 Kad suklēs glosnelej'
 Raudonos ūgeles.

1. Var. Bergm. I, 22.
 Bütn. 2603.

— — — — —
 — — — — —
 Kad zaļos sētas mieti,
 Kad sapūs akmintipš,
 Ūla uskāps ūdeni,
 Spalva nogrimis dibinā:
 Tad es nākšu šai zemei
 Tēv' un māti apraudzīt.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 822.

— — — — —
 — — — — —
 Kad malūne ant akmēns
 Kvietužēlej geltonūs,

2. Var. Брив. (Труды этногра-
 фического отдѣла. Книга VI.
 Матеріалы по этнографіи латыш-
 ского племени. Москва 1881.)
 Пословица 195.

1) ou соответствуетъ верхне-
 литовскому ū. (Зам. Шл.)

Kad cirvja kátam lapas pláuks,
 Kad vārna ragavām bráuks,

Tadā mūdu su bernēliu
Vieškelēliu važūšiv.

Kad brólej kūlus kals,
Broliū kūlaj pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Bažnytēļen važūšiv.

Kad sesýtēs rútas sēs,
Ānt rytójaus pražydēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī stalēlī pasodīns.

Kad plūksnēlē dūgnū grīms,
Akminēlis viršūm plauks,
Tadā mūdu su bernēliu
Ī lovēlē suguldīs.

Kad saulēlē nusilējs,
O mēnesis užtekēs,
Tadā mūdu su bernēliu
Žodužēlī kalbēsiv.

3. Var. Jušk. L. sv. d. 974.

— — — — —
Kad lapūtē tāncu šoks,
O zujkēlis pasmujkūs,
Tadā mūdu su bernūžu
Už stalēliu susodīns.

Kad pukēlis dūgnā grīms,
Akmenēlis viršūm plauks,
Tadā mūdu su bernūžu
Mejlius žódžtus kalbēsiv.

Kad kūlēlis pražydēs,
Nū karklēliu ūgas rīnks,
Tadā mūdu su bernūžu
Viēnó lóvo gulēsiv.

Kad pupas vadžīm plésis:
Tad man (v. viņam) kázas (v.
. bérni) būs.

3. Var. Taut. d. 40.

Eit, meitiņas, ielaižat,
Kas ais duru baldurē.
Tas, māmiņa, tavs dēliņis,
Kas ais duru baldurē:
Kājas, rokas asenaiņas,
Vaigu gali asaroti.
Ai, dēliņis, milš dēliņis,
Kādu grēku tu dariji?
Ai, māmiņa, mīla, balta,
Es nokavu sav' brāliti!
Ai dēliņis, milš dēliņis,
Kur nu iesi, kur paliksi?
Māte mana, mīla māte,
Es noiešu Vāczemē.
Dēliņš manis, milš dēliņis,
Kad pārnāksi apraudzīt?
Kad sētā mieti plauks,
Kad zaļos akmentiņi! —

XIII. Дорогая семья.

1. Примѣты.

Jušk. L. sv. d. 1075; 134.

Брив. 396.

* * *
O aš pažinau
Sāvu tėvužēlī

Es pazinu
Sav isten' tėv'

Tarp šimtu gerejužėliu,

Tarp šimtu gerejėliu :

Jū baltos rankėlės,

Jū skąjstus vejdelej,

Cidābru stiklinužėlė,

Gėrė rīcką vynėlį.

O aš pažinau

Sāvu motynėlę

Tarp šimtu audėjužėliu,

Tarp šimtu audėjėliu :

Jos naujos staklėlės,

Jos plonos drobėlės,

Jos lėndrinis skėtužėlis,

Cidābru šaudiklėlė.

O aš pažinau

Sāvu seserėlę

Tarp šimtu suvėjužėliu,

Tarp šimtu suvėjėliu :

Jos baltos rankėlės

Jos smūlkus sulėlės,

Žaliū šilkū sulužėlej,

Cidābru adatėlė.

O aš pažinau

Sāvu brolužėlį

Tarp šimtu artojužėliu,

Tarp šimtu artojūziu :

Jū naują žagrėlę,

Jū šėmi jautėlej,

Plėnėnejs noragužėlejs

Arė jūbą laukėlį.

O aš pažinau

Sāvu bernužėlį

Tarp šimtu pjovėjužėliu,

Tarp šimtu pjovėjėliu :

Jū plėnu dalgėlis,

Rašyts dalgkotėlis,

Cidābru pustyklūžėlė,

Plačiausia pradalgėlė.

Starp simtiam dzėrājiam :

Dimanta glāze,

Sudraba kannā, —

Tas ir mans ists tē(v)s,

Tas ir mans dzėrājipš.

Es pazinu

Sav' ist' brālī

Starp simtiam arājiam :

Dimanta arkls,

Bėrs kumelipš, —

Tas ir mans ists brālis,

Tas ir mans arājipš.

Es pazinu

Sav' ist' māt'

Starp simtām vėrpėjām :

Sudraba ratipš,

Smalks āuduminš —

Tā ir mana ista mātė,

Tā ir mana vėrpėjā.

Es pazinu

Sav' ist' mās'

Starp simtām šuvėjām :

Zelt' adatā,

Smalks šuveklītis —

Tā ir mana ista māsā,

Tā ir mana šuvėjā.

Es pazinu

Sav' ist' brūtī

Starp simtām āudėjām :

Dimanta streles,

Zelt' atspūalite —

Tā ir mana ista brūtė,

Tā ir mana āudėjā.

Es pazinu

Sav' ist' drāngu

Starp simtiam šāvėjiam :

Var. Ness. 103; 54.
Rh. 55 (198).

Ey žinau, žinau
Ale ne sakau,
Kur aug mano bernužis.

O aš pažinau
Savo bernužī
Tarp šimtū artejužiū.

Nauja žagruže,
Širmi jaučužei,
Plēnini noragelei.

O aš pažinau
Savo bernužī
Tarp šimtū pjovējužiū.

Mano bernužio
Švēsus dalgūžis,
Naujas dalgkotuželis.

* * *
Ey žinau, žinau,
Ale ne sakau,
Kur aug mano merguže.

O aš pažinau
Savo mergužę
Tarp šimtū audējužiū.

Naujos staklužes,
Plona drabuže,
Sidabro šaudyklele.

O aš pažinau
Savo mergužę
Tarp šimtū grėbikeliū.

Naujas grėblužis,
Baltas rubužis,
Sidabro žėduželis.

Sudraba stūapa,
Tērāuda zūabins.
Tas ir mans īsts drāugs,
Tas ir mans šāvėjīnš.

Var. Zim. II, 46.
K. Ulm. ctp. 165.

Ai, meitenites,
Ai, zeltenites!
Kur šķināt sārtās rōzes,
Kur pināt vaiņadziņ' ?
Maskavā skinām,
Maskavā pinām;
Danskavā novalkajām,
Danskavā novalkaj'.
Vai jūs pazīstat
Man' istu tēvu ?
Par simtiem dzérariem,
Par simtiem dzérariem ?
Sidraba glāze,
Dimanta stōpiņš;
Tas bij mans īstans tēvs,
Tas bij liels dzérariņš.
Ai, meitenites etc.
Vai jūs pazīstat
Man' istu māti ?
Par simtām vērpejām,
Par simtām vērpejām.
Sidraba ratiņš,
Dimanta spōle;
Ta bij' man' īsta mātē,
Ta bij' liel' vērpejiņ'.
Ai, meitenites etc.
Vai jūs pazīstat
Man' istu brāli ?
Par simtiem arajiem,
Par simtiem arajiem.
Sidraba arkliš
Dimanta lemeš',
Tas bij mans īstais brālis,
Tas bij liels arajiņš.

Ai, meitenites etc.
 Vai jūs pazīstat
 Man' istu māsu?
 Par simtām audejām,
 Par simtām audejām.
 Sidraba stelles,
 Dimanta ķemme,
 Ta bij man' ista māsa,
 Ta bij liel' audejiņ'.

2. Поиски возлюбленной.

Ness. 111. Dowk. 29.
 Jušk. L. sv. d. 456.

Eisim kad eisim
 Ī grynčēlē,
 Ī grynčēlē
 Pri malējeliū.
 Yra kad yra
 Trys malējeles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.
 Plēno girneles,
 Vario suktuvai,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.

Eisim kad eisim
 Ī seklyčēlē,
 Ī seklyčēlē
 Pri verpējeliū,
 Yra kad yra
 Trys verpējeles,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.
 Balti linelei,
 Jaunos verpējos,
 Nēra kad nēra
 Mano širdelēs.

Eisim kad eisim
 Ī trobužēlē,

Austr. 1894 r. ср. 96.

Nu iešu, iešu
 Uz zaļu pļavu,
 Uz zaļu pļavu
 Pie grābejami.
 Tur grāba grāba
 Trīs grābejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz linu lauku,
 Uz linu lauku
 Pie ravetajām¹⁾.
 Tur ravé, ravé
 Trīs ravetajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

Nu iešu, iešu
 Uz blieķu dārzu,
 Uz blieķu dārzu
 Pie veletajām.
 Tur velé, velé
 Trīs veletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.

1) Обыкновенно: plūcejām.

Į trobuželę
 Pri audėjeliū.
 Yra kad yra
 Trys audėjeles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Šilkū milelis
 Vario stakleles,
 Nėra kad nėra
 Mano širdelės.
 Eisim kad eisim
 Į pa-upelį,
 Į pa-upelį
 Pri skalbėjeliū.
 Yra kad yra
 Trys skalbėjeles,
 Yra kad yra
 Mano širdele.
 Plonos drobeles,
 Vario kultuves,
 Yra kad yra
 Mano širdele.

Var. Jušk. L. d. 617.

1. Ėjčiau-gi, ėjčiau } ds
 Į lýtus laukélius, }
 Į lýtus laukélius } ds
 Pas artojélius.
2. Žmonú artojėlej
 Aria, dujėja,
 O jau mánu bernúžu
 Nėra, taj nėra.
3. Ėjčiau, ėjčiau
 Į lýtias lankėles,
 Į lýtias lankėles
 Pas šėnpuvélius.
4. Žmonú šėnpuvélej
 Pjáuja, švytėja,
 O da mánu bernúžu
 Nėra, taj nėra.

Nu iešu, iešu
 Uz ruža klėti,
 Uz ruža klėti
 Pie rulletajám.
 Tur rullė, rullė
 Trís rulletajas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz istubių,
 Uz istubių
 Pie vérpejami.
 Tur vérpa, vérpa
 Trís vérpejiņas,
 Bet neva, neva
 Manas ligaviņas.
 Nu iešu, iešu
 Uz maltuvíti,
 Uz maltuvíti
 Pie malejami.
 Tur mala, mala
 Trís malejiņas,
 Tur bija, bija
 Mana ligaviņa.

5. Ējčiau, ējčiau
 Į karčemėlę,
 Į karčemėlę
 Pas gerėjėlius.
6. Žmonų gerėjėlej
 Gėrta, rylėja,
 O jau mąnu bernūžis
 Šepsąns, be-vepsąns.

XIV. Пьяница.

(Сидя на лошади.)

Jušķ. L. sv. d. 193; 374.

L. — —. R. nod. I, 134.

— — — — —
 O aš pragėriau
 Šimtą šeštoku,
 Ant bėru zirgėliu
 Be-sédédamas, — — —
 Búčiau pragėręs
 Ir antrą šimtą,
 Lustaúnas žirgėlis
 Ne nustovėju.
 — — — — —

— — — — —
 Simtu márkū
 Es isdzėru,
 Kumėlai
 Sédédams.
 Vėl būt' dzėris
 Ūtru simtu,
 Nestáv manis
 Kumeliņš. —
 — — — — —

XV. Свадьба птицъ, волка.

(Разныя роли гостей.)

Kol. 53; 51.

Rh. стр. 312.

1. Hóla juns, maží paukštėlei,
 Aš nóriu žiánitis,
 Strázas¹⁾ tegūl balnó žirgą,
 Ans tur zíla plóščiū.

2. Bóbras su kiaúnu kiapūre
 Bus mūsu furmónu,
 Zuikís su lengviúms kójoms
 Bus laufrū.

3. Lakštingála su čistu balsu
 Gismėles tur gidóti,

1. Lustejeties síki putni,
 Nu es pėmšos ligaviņu.
 Strazdiņš zirgu seglotajs,
 Tam ir pelėks mėtėlis.

2. Bebra dėliņš ōrmanis,
 Tam ir cauna cepurite.
 Zakišam ir vieglas kájas,
 Tas papriekšu tekulits.

3. Lakstigalei daudz mėlišu,
 Ta dziesmiņu sácejina.

1) Лучше: Strázdas.

Šarka, kurī visadōs šokinié,
Tur tancis rundīti.

4. Vīlks su sáva dīde trūba
Grais ant dudōs,
Meškā su didelōms lāpoms
Medžiūs tur skaldīti.

5. Kruks su krējva kuprā
Vāndeni tur nešiōti,
Blezdinge su bāltu kvartūku,
Tur indus plāuti.

6. Voveris su drūkta ūdega
Tegūl stala šlūsta,
Lapi su gražiā sukņa
Gal tyktāj viēna pri māna pa-
čios sīdīeti.

1. Var. Rh. 20 (68). Ness. 14.
Jušk. L. d. 94; 127.

Atvažavo meška
Su alučaus bačka,
O vilkeliui, nebageliui,
Svodbelę kelti.

Ežys ī piršlius,
Lape ī svočius,
O kiškēlis, nebagelis,
Tur jis važnyčoti.

Šeškas alų dare,
Žvirblis misą maiše,
Gegužele, nebagele,
Apvyniu parnēšo.

Jauts malką kapoj',
Šū podus mazgoj',
Katinelis, nebagelis,
Mieseles medžoj'.

Gandras kanklāvo,
Lokys trimitāvo,
O vilkēlis, linksmas ēsas,
Vesis ošką šokti.

Jey iš gēros vales,
Aš su kuma šoksu.

Žagatiņa, lēkataja,
Ta dancišu vicelina.

4. Vilkam (ira) lēla taure,
Tas stabuļu pūtejiņš.
Lāčam (ira) lēlas ķepas,
Tas malciņu skalditajs.

5. Vārniņai ir līkas pleces,
Ta ir ūdens nēsataja.
Bezdeligai melni brunči,
Ta rīciņu mazgataja.

6. Vāveritei kupla aste,
Ta galdiņa slaucitaja.
Lapsai (ira) skaistas drēbes,
Ta vlen brūtei līdzī sēž.

1. Var. Cnp. ctp. 88.

Sīki putni kāzas dzēra
Strazdiņš tek raudadams,
Strazdiņš tek raudadams,
Ko būs ņemt vedejōs?
Zaķišam līkas kājas,
Tas celiņa brugetajs;
Lūsišam īsi nagi,
Tas kamanu turetajs;
Cielaviņa — naska sieva,
Ta viestiņu sapņemeja;
Žagatiņa — garastite,
Ta galdiņa slaucitaja;
Vārnas bērni — puspelēči,
Tie būs gaļas kapataji.

2. Var. Ar. M. 1262.

a.

Sniedze alu padarija
Cīruliša kāziņām.
Vaicā sniedze us cīruļa:
„Kāds būs brūtes vedejiņš?“ —
Dzenišam raibi svarki,

O jeygu iš pikto,
Aš ję sudraskysu.

O iš tavo skuros
Bus kerdžėliui šuba,
Kurs manę gana po dobilačius,
Po avižates.

2. Var. Jušk. L. sv. d. 904.

1. Atvažiuja meškà
Su midučiaus bačkà,
O vilkėliuj-nabagėliuj, } ds.
Rejk vesėliją kėlti.

2. Lapė į svóčas,
Ožýs į piršlius,
O žuįkūčuj-nabagūčuj,
Rejk važnyčióti.

3. Vilkas álų dārė,
Žvirblis mįsą mąjšė,
Gegužėlė-nabajėlė,
Apvynú pritąjšė.

4. Jáutis medžiūs rąntė,
Šų pūdus mazgóju,
Katinėlis-nabagėlis
Mėsėlę medžtóju.

5. Žąnsins kanklávu,
Meškà trimitávu,
O vilkėlis, lįksmas búdams,
Védė óžką šókti.

6. Ožka, šókdama,
Su rágajs mosávu,
O vilkėlis mįslydamas,
Kajp če jęn papjáuti.

7. O ja gerųju,
Dūstu saldaús piėnu;
O jagų piktųju,
Rágajs subadýstu,

8. O jagų piktųju,
Rágajs subadýstu,
Sávu miėlam kerdžiūkuj
Šuėbą pastúdystu.

Tas bús brútes vedejįš;
Zaķišam klėinas kájes —
Tas kamanu turetajs;
Kikutam garas kájas —
Tas celiņa minejįš;
Melnais strazds gudris virs —
Tas vártiņu vėrejįš;
Bezdeliga, uželite,
Ar viesiem runataja;
Cielaviņa, gludgalvite,
Ta galdiņa slaucitaja;
Vārņipai malni svārki,
Ta katliņa mazgataja;
Krauklišam liela knāba,
Tas bús gaļas kapatajs;
Vilciņam liela mute,
Tas stabuļu pútejįš.

6.

Si, si, zilit!
Zile cepa piragu
Ar sarkanu bārzdipu.
Isskrēja zaķitis
Ar kaulu sedliņiem
Un lúku piešiem;
Kaņepu kauliņus
Par iemauktiņiem;
Vistiņas spārniņus
Par mēteliti;
Kaķiša astiņa
Par zobeniņu.

3. Var. Bezz. L. D. стр. 45.

Circinišam kāzes bī',
Zaķīts jāje parnārsnōs¹⁾,
Bluse gāje kū'nikōs¹⁾,

1) Мѣстный падежъ множ. ч.
(Зам. Беэц.).

3. Var. Jušk. L. sv. d. 905.

1. Atvažūja meškā
Su alūčiaus bačkā,
O vilkėlis-nabagėlis
Svotbėlę rėngė.
2. Žujkys į piršlius,
Briėdis į pabrėlius,
O laputė-nabagutė
Kėta svėčia būti.
3. Kujlys malkas kirtu,
Šū pūda mazgėju;
Bėgk kačiutė, mažtelėlė,
Pamėdžvok mėselės.
4. Šarka kėmą šlavė,
O vārna vektāvu,
O kūselė-nabagėlė
Kepėnėlį kėpė.
5. Žvirblis alų dārė,
Kvėlė šokinėju;
Lėk, žilutė-nabagutė,
Parnėšk apvynėliu.
6. Žānsas kanklāvu,
Gajdys trimitāvu,
O vilkėlis-nabagėlis,
Vėdė ožkā šėkti.
7. Ja iš gerės vālios,
Aš su tavim šėksiu;
O kajp supýksiu,
Visą subadýsu,
8. Visą subadýsu,
Štūbą pasvėdinstu,
Štūbą pasvėdinstu,
Kėrdžų aprėdýsu,
9. Kuris mārę gārė
Po žālią lankėlę,
Po žālią lankužėlę,
Po karklynėlius.
10. Ožka pųjkeį šoku,
Vilks gražėį dāmbrāvu,

Cėlavina bāta-sprāklit' ¹⁾,
Ta galdin' klājejin';
Vāverit' kupl-astit',
Ta galdin' slaucitāje.
Man pārtrūk ²⁾ ūzam skrėt',
Bluse(i) dancū(t) dancūjūt.
Ak tu blus', nelitīn',
Tavu viglu dancūšen'.

4. Var. K. Ulm. crp. 181.

Waldgott hat in's tiefe Schilf-
rohr
Sich geworfen: kommt herbei,
All' ihr freien Waldesthiere,
Zu des Waldessohnes Hochzeit!
Wolf mit seiner hohlen Stimme
Ist der beste Flötenbläser.
Hellen Anschlag giebt das
Hündchen,
Das ist unser Trommelschläger.
Krumme Schultern hat die
Krähe,
Die ist Wasserträgerin.
Runden Schnabel hat der Rabe,
Der kann uns das Fleisch zer-
theilen.
Langgeschwänzte Elster soll
Rein des Hofes Flur uns fegen.
Nachtigall, die Schmeichel-
zunge,
Die empfängt die lieben Gäste.
Eichhörnchen mit dichtetm
Buschschwanz
Deckt den Mittagstisch gewandt.

1) Среднее „а“ произносили
очень неясно. (Зам. Бецц.)

2) Произносилось какъ pār-
trunk. (Зам. Бецц.)

O svotėlej pasigėre,
Visi lĩnksmi būvu.

4. Var. Jušk. L. sv. d. 935.

1. Baravýkas, drútas grybas,
Kėta lėpšę vėsti,
Lėpšės kótas ne-bagótas, } ds.
Ne nóř grybu ėjti.
2. Visi mėdžej lĩnksminũsi,
Ket i svótbą jóti,
Ir tas briėdis-ilgarėtis
Kėta drauge jóti,
3. Ir tas briėdis-ilgarėtis
Kėta drauge jóti,
O zujkũtis-statakũtis
Kėta jis piršliáuti.
4. O lokũtė-plačkøjũtė —
Ji kėta svočũuti,
O ta lapė šmadarákė
Kėta kukarkáuti.
5. Aš ne ėjsu i tančũuką
Be trijų dudóru.
Júras, Mikas ir Gabrũkas —
Taj tau trys dudórej.
6. Aš ne ėjsu už stalėliu
O be trijų stróvu.
Kručkaj, mórkař, pastar-
nókaj —
Taj tau trys bus stróvos.
7. Aš ne ėjsu i šókį
Be trijų mergėliu.
Aldà, Milda ir Miliũsa, —
Taj tau trys mergėlės.

5. Var. Ф. М. стр. 216.
C.-Bar. 348; 349.

1. Žada žvirblėlis
Dukrėlė lajstė.
E e džum, džum,
Dukrėlė lajstė.

Habicht mit den langen Krallen
Schöpft das Fleisch uns aus dem
Topf.

Kranich reckt den langen Hals
aus,

Legt geschickt die Teller auf.

Dohle in dem schwarzen Amts-
rock

Spricht bei Tisch das gratias.

Kiebitz mit den langen Füßen
Wischt den Tisch ab nach dem
Essen.

Schwalbe mit dem braunen
Röckchen

Scheuert die Geráthe rein.

Leichtbesusst Bachstelzen-
töchter

Führen einen schönen Tanz auf.

Specht, der buntuniformirte,
Ist der Braut galanter Kutscher.

Hase mit Litauerbeinen
Zeigt als Läufer ihr den Weg.

Hochgeschürzte Lerche öffnet
Ihr als Pfortnerin das Thor.

Goldne Schnüre hat das Bräut-
chen

Reichlich um die schlanke Taille.

Und so fährt sie denn zur
Kirche,

Gott giebt wieder junge Pflüger!

Lustig leben meine Freunde,

Und ein Festtag jagt den andern!

Bald der Hochzeit folgt die
Taufe,

Und zu tanzen giebt's genug!

5. Var. B. et W. 2545;
2546; 2547.

Ai, ai, zvirbuli,
Kad jėmsi sievu?

2. Iš mėžiū grudo	— Rudeni, rudeni,
Padarė alų. E e d. d.	Pa miežu laiku. —
3. O ir suprašė	Visus putniņus
Visus paukštelius.	Kázás aicina,
E e džum, džum,	Pūcite palika
Alučio gértė.	Neaicinata.
4. Vaj tik ne prašė	Pūcite aizgāja
Vėnos pelėdos. E e d. d.	Neaicinata.
5. Atejo pelėda	Pūcite apsėdás
Ir ne prašita. E e d. d.	Galdiņa galā. —
6. Sėdosi pelėda	Zvirbulis pajėma
Pačion kerčion. E e d. d.	Pūciti dancot;
7. Išvedė žvirblukas	Pūcite nomina
Pelėdą šóktė. E e d. d.	Zvirbulim kāju,
8. Numinė žvirblukas	Zvirbulis izknāba
Pelėdaj koją. E e d. d.	Pūcitei acis.
9. Pelėda provon,	Pūcite aizgāja
Žvirblukas tvoron. E e d. d.	Pie kunga sūdžėt.
10. Pelėda kūpon,	To sprieda kundziņš,
Žvirblukas dūbon. E e d. d.	To gaspažiņa:
	Pūcitei vajaga
	Périena dabūt ¹⁾ .

XVI. О козлѣ.

(Приключенія козла на мельницѣ.)

Jušk. L. d. 237.	Zim. II, 19; VI, 6.
	Bergm. II, 27; 416.
1. Kamė tu buvāj,	1. Kur tad tu nu biji,
Ožėli mānu? ¹⁾	Aziti manu? ²⁾
Malūne, malūne, } ds.	Sudmalāsi, sudmalāsi,
Pontūlē mānu ¹⁾ .	Kundziņu man' ²⁾ .
2. Kaņ tu ten dīrbaj?	2. Ko tad tu tur darij'?
Maliaū, maliaū, maliaū,	Kviešus malu, rudzus malu.
3. Kaņ tu ten malėj?	
Pūrus, kvīčtus, pūrus,	
kvīčtus.	

1) Эти стихи повторяются въ каждой строфѣ.

1) Или: Kam gāji kázás Neaicinata.
2) „Aziti manu“ и „Kundziņu man'“ повторяются во всѣхъ строфахъ.

4. Kaņ tu ten vālgej?
Sēlēnēles, atrubēles.
5. Kaņ tu ten gērej?
Parugēles, paplavēles.
6. Kamē gulējej?
Su šinkore, su kūkore.
7. Ar tāve ne tvóju?
Tvóju, tvóju, tvóju, tvóju.
8. Su kūm tāve tvóju?
Su kurékļejs, su žer-
stékļejs.
9. Par kaņ tāve tvóju?
Par strēnēles, parkulšēles.
10. O ar tu ne rēkēj?
Rēkiaú, rēkiaú, rēkiaú,
11. O kajp tu ten rēkēj?
Me, e, e, e, me, e, e.

1. Var. Jušk. L. d. 267; 1522.

1. O kur tu buvāj,
Ožēli mānu?
Malúne, malúne, }
Ponūlē mānu. } ds.
2. O kaņ tu vejķej?
Máldinau, máldinau.
3. Kaņ tu máldinaj?
Rugēlius, kvītēlius.
4. O kaņ tu vālgej?
Pagīrnus, pamīlēus.
5. O kaņ tu gērej?
Pāvadkus, pādugntus.
6. O kur gulējej?
Karčemó, po péctumi.
7. Su kūm gulējej?
Su šinkarkos Urše.
8. O kas prikélē?
Šinkarka, jūmperka.
9. O kūm prikélē?
Kačérģa, pagájkščiu.

3. Ko tad tu tur édi?
Pienu, miedu, pienu, miedu.
4. Ko tad tu tur dzéri?
Alu, vinu, alu, vinu.
5. Ar ko tu tur mērij'?
Ar radziņu, ar radziņu.
6. Ar ko tu tur slaucij'?
Ar bārdiņu, ar bārdiņu.
7. Vai tad tev' tur kūla?
Ká tad ne, ká tad ne.
8. Par ko tad tev' kūla?
Par lipiņu, par lipiņu.
9. Ká tad tu tur brēci?
Miku, meku, miku, meku.

1. Var. L. — —.

1. Kur tad tu bijī,
Aziti mans? ¹⁾
Sudmalās, sudmalās,
Kundziņi mans ¹⁾.
2. Ko tu tur darijī?
Malu, malu, ká nemalu.
3. Ko tu tur mali?
Pūrus, kviešus, pūrus,
kviešus.
4. Ar ko tu tur mēroji?
Ar radziņu, ar radziņu.
5. Ar ko tu tur slauciji?
Ar bārzdiņu, ar bārzdiņu.
6. Ko tu tur édi?
Pienu, medu, pienu, medu.
7. Ko tu tur dzéri?
Alu, vinu, alu, vinu.
8. Kur tad tu gulēji?
Pie meitám, pie meitám.
9. Vaj tad tevi nekūla?
Kūla gan, kūla gan.

1) Эти стихи повторяются во
всѣхъ строфахъ.

10. O kajp tu bégaj?
Strak, strak, strak, strak.
11. O kajp tu rékéj?
Mik, mik, mik, mik.

2. Var. Lesk. 100.

1. O kùr tù buvaí,
ožéli màna?
Ànt malúna,
ànt malúna,
ponéli màna.
2. O ká tù tén ðirbai,
Kvēčiūs rugiūs piklievójau.
3. O kǔm tù seikéjei?
Sù rageliù, sù rageliù.
4. O kǔm šlavinéjei?
Sù barzelè, sù barzelè.
5. O sù kǔm strykavai?
Sù kojelè, sù kojelè.
6. O ká tù tén válgei?
Pyragéliu, pyragéliu.
7. O kùr tù tén guléjei?
Užpečkély sù Barbelè.
8. O ká tù tén gérei?
Rínska výna, rínska výna.

3. Var. Jušk. L. d. 149.

1. Kur tu buváj, zújki mánu? } ds
Malúne, póni mánu. } ds
2. Kañ tu vejkéj, zújki mánu?
Rugiūs maliaú, póni mánu.
3. Kajp tu malėj, zújki mánu?
U, u, póni mánu.
4. Kur guléjej, zújki mánu?
Dùlkése, póni mánu.
5. Kur tupéjej, zújki mánu?
Smĩlgose, póni mánu.
6. Kas táve výju, zújki mánu?
Baltì kúrtaĵ, póni mánu.

10. Ar ko tad tev' kùla?
Ar žagaru par muguru.
11. Vaj tad tu neblávi?
Blávu, blávu, ká neblávu.
12. Ká tad tu blávi?
Buku bè, buku bè!

2. Var. B. et W. 2224.

- Ku' ta tu biji,
Aziti mans?
— Sudmalàs, sudmalàs,
Kundziþi mans.
Ko tu tur dariji,
Aziti mans?
— Kviešus, rudzus bìdeleju,
Kundziþi mans.
A' ko tu slauciji,
Aziti mans?
— A' bårzdiþu, a' bårzdiþu,
Kundziþi mans.
A' ko tu mèroji,
Aziti mans?
— A' radziþu, a' radziþu,
Kundziþi mans.
A' ko tu striķeji,
Aziti mans?
— A' kàjiþu, a' kàjiþu,
Kundziþi mans.
Vaj ta tu nezagi,
Aziti mans?
— Zagu kviešus, zagu rudzus,
Kundziþi mans.
Vaj ta tevi neķera,
Aziti mans?
— Ķera gan, ķera gan,
Kundziþi mans.
Vaj ta tevi nepéra,
Aziti mans?
— Péra gan, péra gan,
Kundziþi mans

7. Kāj tu bégaj, zújki mánu? A' ko tevi péra,
Turst, turst, póni mánu. Aziti mans?
8. Kāj tāve šovē, zújki mánu? — A' pagali, a' pagali,
Plikst, plikst, póni mánu. Kundziņi mans.
Va ta tu neblāvi,
Aziti mans?
— Blāvu gan, blāvu gan,
Kundziņi mans.
Ká ta tu blāvi,
Aziti mans?
— Buku beh, buku beh!
Kundziņi mans.

XVII. Колыбельные пѣсенки.

(Мышка приносит сонъ.)

Bezz. L. F. 57.

Nēš, pilēle sāldu mēga¹⁾
Ī²⁾ šupolēle
Pā sālēlims, pā lāvēlims,
Kad katēle nematýt'
Ir m'egēle nakratýt'.
Kad katēle pamatýs,
Tad mēgēle¹⁾ iškratýs.

B. et W. 2118; 2054 — 2057;
2064 и 2065; 2110 — 2120.

Velc, pelite, sāldu miegu
Mazajam bérniņam,
Caur rijiņu, caur klētiņu,
Caur lodziņa šķirbiņām,
Klusitēm, lēnitēm,
Lai kaķits nesadzird;
Kad kaķits sadzirdēs,
Tad galviņu nokodīs.

1. Var. Ar. M. 1235.

Atvelc, pelite, bérnam mied-
ziņu
Caur klēti, caur namu, caur is-
tabiņu,
Caur krāsns caurumu, ka kaķis
neredz.
Klusiņi, klusiņi, viegliņi, vie-
gliņi,
Pakuliņās ietinusī,
Ieliec Majiņai šūpuļa galā.

1) Sic! Хотя ожидается miega
и miegēle.

2) Имя дитяти или, если оно
еще не крещено, lelēles. (Зам.
Бецц.)

Jeb: Velc, pelite, saldu miegu
 Mazajam bérniņam.
 Savilkusi saldu miegu,
 Guli pati pagálvi.

2. Var. L. — —.

Velc, velc, pelíte,
 Bérnami miegu
 Caur sētu, caur namu,
 Caur istabiņu
 Maza bérna šupliša
 Pagálvi.

XVIII. Многократный обмѣнъ.

(Даръ удода или отца.)

Jušk. L. d. 143.

L. — —. B. et W. 2206 (съ
 — 12 вариантами); 2229.

1. Aš pamačau tutūti,
 Lu, lu, tutūti. } ds
2. Aukštām kálne tūpinti,
 Lu, lu tūpinti ¹⁾.
3. Šilkú līzda vėjanti,
4. Auksu paūta dēdanti.
5. Aš tutūciuj: „padē Dīevs“,
6. Ma tutūtis pautēli.
7. Aš pautēli močūtēj,
8. Ma močūtē bāndēle.
9. Aš bāndēle kīaulēlej,
10. Ma kīaulēlē paršēli.
11. Aš paršēli vilkēliuj,
12. Ma vilkēlis šubēle.
13. Aš šubēle kūniguj,
14. Ma kūnigas karvēle.
15. Aš karvēle ponēliuj,
16. Ma ponēlis žirgēli.

Titars, nabags, skāidas lasa
 Basām kājām, plikiem lieliem.
 Istek Mālu Ritentiņš:
 Labdien, labdien, rāiba gove!
 Kur tu man tō pienu liksi?
 — Es tō pienu ļauķim došu,
 Ķauķis man to speķi dos;
 Es tō speķi kurpniekam došu,
 Kurpnieks man tās kurpes dos;
 Es tās kurpes brūtei došu,
 Brūte man tās mutes dos;
 Es tās mutes Leitim devu,
 Leitis man tō ķēvi deva;
 Es tō ķēvi vilkam devu,
 Vilks man smuki padancoj':
 Trādi rīdi ralla-la.

1) „Lu, lu“ съ послѣднимъ
 словомъ каждаго стиха повто-
 ряется во всѣхъ строфахъ.

17. Ant žirgėliu jódžiau,
 18. Sàvu rúra ródžiau.
 19. Pyragėlius rajkiaù,
 20. Abù galù krajpiaù.

Var. L. — —. L.-P. IV¹⁾
 стр. 95 и 96.

1. Tèvs sėd akas kalnà²⁾,
 Pupu kule mugurà.
2. Es prasiju vienu pupu,
 Viņš man deva visu kuli.
3. Es tō kuli cūkai devu,
 Cūka man tō speķi deva.
4. Es tō speķi kurpniekam
 devu,

Kurpnieks и т. д. какъ выше.

XIX. Служба.

(Различное вознаграждение.)

Schl. стр. 50. Jušk. L. d. 156. L. — —. Zim. II, 20; (III, 2).
 Bar. 138. B. et W. 2144; (2141).

Šlūžyjaù pri sàvo póno
 Ant pirmo méto;
 Užsipelniaù vištėlę vėnà.
 (: Máno vištà vištýčius vadžó. :)

Pasilikaù pri sàvo póno
 Ant antro méto;
 Užsipelniaù antėlę vėnà.
 Máno ántis pėr vándens¹⁾
 bráidžo,
 Máno vištà vištýčius vadžó.

Pasilikaù pri sàvo póno
 Ant trėčo méto.
 Užsipelniaù žasėlę vėnà.
 Mano žásins gargadóns,
 Máno ántis pėr vándens bráidžo,
 Máno vištà vištýčius vadžó.

Dzivoj' pie kundziņa
 Pirmu gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 vistir'.

Vistir' mani páutus dēja
 Smukus un dāilus,
 Vistas un gāilus.

Dzivoj' pie kundziņa
 Ūtru gadu;
 Kundziņš iedeva man vienu
 gāilit'.

Gāilit's mani ķiku rigu,
 Vistir' mani páutus dēja
 Smukus un dāilus,
 Vistas un gāilus.

1) Latweeschu tautas-pasakas šarakstijis Anšs Lerchis-Pušchkaitis. IV. daļa. Jelgavā 1893.

2) У B. et W. между прочимъ и:

Vecais tēvs likā bērza,
 Pupu kule mugurā.

1) Шлейхеръ здѣсь замѣчаетъ:
 „pār vándens, wie sie singen,
 steht doch wol nur für pėr vándenienus“.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant ketvirto méto.
Užsipelniaú ožkélē vėnā,
Máno ožýs ¹⁾ širmavóks,
Máno žąsins gargadóns,
Máno ántis pėr vándens bráidžo,
Máno vištá vištýčius vadžó.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant pėnkto méto.
Užsipelniaú avėlē vėnā.
Máno avis šiltā vilnā,
Máno ožýs ir t. t.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant šėšto méto.
Užsipelniaú kiaulėlē vėnā.
Máno kiaulė krukurágo,
Máno avis šiltā ir t. t.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant septinto méto.
Užsipelniaú karvėlē vėnā.
Máno kárvė gėrā pėnā,
Máno kiaulė krukurágo ir t. t.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant aštunto méto.
Užsipelniaú jautėlī vėnā.
Máno jautis stipriú ragú,
Máno kárvė gėrā pėnā ir t. t.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant devinto méto.
Užsipelniaú žirgėlī vėnā.
Máno žirgas eitinińks,
Máno jautis stipriú ragú ir t. t.

Pasilikaú pri sávo póno
Ant dešimto méto.
Užsipelniaú mergėlē vėnā.
Máno mergā sáldžė mėilė,
Máno žirgas eitinińks,
Máno jautis stipriú ragú,

Dzivoj' pie kundziņa
Trešu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu pilīt'.
Pilīt' mani piku, peku,
Gáilīt's mani ķiku rigu,
Vistiņ' mani páutus dēja
Smukus un dāilus,
Vistas un gáilus.

Dzivoj' pie kundziņa
Ceturto gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
cūciņ'.

Cūciņ' mani riku, raku,
Pilīt' mani piku, peku,
Gáilīt's mani ķiku rigu,
Vistiņ' mani páutus dēja etc.

Dzivoj' pie kundziņa
Piektu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
aitiņ'.

Aitiņ' mani villu nesa,
Cūciņ' mani riku, raku,
Pilīt' mani piku, peku,
Gáilīt's mani ķiku rigu,
Vistiņ' mani páutus dēja,
Smukus un dāilus etc.

Dzivoju pie kundziņa
Sestu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
gosniņ'.

Gosniņ' mani pienu deva,
Aitiņ' mani villu nesa etc.

Dzivoju pie kundziņa
Septitu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu
zirdziņ'.

Zirdziņš mani seglus nesa,
Gosniņ' mani pienu deva etc.

Dzivoju pie kundziņa
Astotu gadu;
Kundziņš iedeva man vienu zosīt'.

1) Шлейхеръ слышалъ и óžins.

Máno kárvē gēra pēna,
 Máno kiaúle krukurágo,
 Máno avis šilta vilna,
 Máno ožýs širmavóks,
 Máno žásins gargadóns,
 Máno ántis pēr vándens bráidžo,
 Máno vištā vištýčus vadžó.

Zosít' mani bárzdu dzina,
 Zirdziņš mani seglus nesa,
 Gosniņ' mani pienu deva,
 Aitiņ' mani villu nesa,
 Cūciņ' mani riku raku,
 Piliť' mani piku peku,
 Gáilít's mani ķiku rigu,
 Vistiņ' mani páutus déja
 Smukus un dāilus,
 Vistas un gáilus.

XX. Прощание.

(Вышедшая замужъ дочь оставляетъ домъ родителей.)

Jušk. L. sv. d. 619; 622 и 623.
 Rh. 83 (296).

R. kr. VI, стр. 107; стр. 108.

1. Kad sédau už staléliu
 Su jáunūju bernéliu,
 O krīnta, býra
 Ma ašarélēs
 Par skájsčūstus vejdélius.
2. Kad ējaú nū staléliu,
 Nū báltūjū staléliu: —
 O jau sudtēvu
 Baltám staléliuj,
 Jau daugiaús ne mazgóstu.
3. Kad ējaú par aslélé,
 Par lýgejē aslélé: —
 O jau sudtēvu
 Lýgtaj asléléj,
 Jau daugiaús aš ne šlūsu.
4. Kad ējaú par duréles,
 Par tēvéliu duréles: —
 O jau sudtēvu
 Naújoms durélēms,
 Aš daugiaús ne varstýsu;
5. Varstýsu anytélēs,
 Bernūžu motynélēs,
 Tānkej varstýsu

Ar Dieviņu, mīlas mājas!
 Es pa jums vairs nestāigāšu.
 Ar Dieviņu, lauki, dārzi!
 Es pa jums vairs nestrādāšu.
 Ar Dieviņu, kalni, lejas!
 Es pa jums vairs nedziedāšu.
 Ar Dieviņu vārti, dvāri!
 Es jūs nu vairs nevārstīšu.
 Ar Dieviņu, zelta aka!
 Še ūdeni vairs nesmeļu.
 Ar Dieviņu, moži, birzes!
 Līdz ar putnu dziesmiņām;
 Še nekad vairs nedzirdēšu
 Jūsu jaukās balstiņas.
 Ar Dieviņu, mīlā upe!
 Ar tām zaļām pakraujām,
 Kur ar savu mīlākaju
 Pirmo reizi runājām. etc.

Var. R. kr. стр. 108.
 Magazin стр. 5.

1. Cik īsi, cik jāuki man aiz-
 gājis
 Tas saldigais jaunības laiciņš!

- Sāvē graudīnstu,
 Aš graudžej apsivērksu.
 6. Kad ējaū par dvarēlī,
 Par žālējē vejēlē: —
 O jau sudiēvu
 Žāliaj vejēlej,
 Aš daugtaūs ne mýntostu.
 7. Kad ējaū par dvarēlī
 Ī rutēliu daržēlī: —
 O jau sudiēvu
 Žalioms rutēlēms
 Ir vistēms žolynēliams.
 8. Kad ējaū iš daržēliu,
 Iš naújūjā daržēliu: —
 O jau sudiēvu
 Naújam daržēliuj,
 Aš daugtaūs ne vājķščostu.
 — — — — —

Kāds būs tas uz priekšu, to ne-
 zinu vis,
 Tapeč tāds skumīgs mans vai-
 dzīņš.
 2. Jūs milīgas, parastas vie-
 tiņas,
 Vaj reiz vėl kad mišu še kājas?
 Ai, ai! nevarešu aizmirst nemaz,
 Jūs manas jaunības mājas!
 3. Te paliek nu tētīts, te me-
 miņa,
 Te viss mans jaunības mūžiņš!
 Vaj varešu parast tur svešumā?
 Vaj milīgs būs mūžiņa draudziņš?
 4. Jūs mīlas draudzenes, mā-
 siņas,
 Ne-aizmirstiet vis mani vienu!
 Lai sirsniņas paliek mums vie-
 notas,
 Līdz pašu beidzamo dienu!
 — — Ar Dieviņu, nu palieci,
 Mana veca dzīvošan'!
 Dod, Dieviņu, pie tautieša
 Man jo labu dzīvošan'!

Исслѣдованія.

Введеніе.

И въ цивилизованномъ мірѣ, и въ научныхъ кружкахъ давно признано значеніе народныхъ пѣсенъ. Никто никогда еще не отрицалъ достоинства народныхъ эпосовъ: „Иліады“, „Одиссеи“, „Нибелунговъ“, „Слова о полку Игоревѣ“, и даже маленькихъ лирическихъ произведеній народнаго духа, какъ реальныхъ преданій народовъ. Точно также и дайнамъ (литовскимъ и латышскимъ народнымъ пѣснямъ) давно уже удивлялись, и ихъ разсматривали такіе выдающіеся писатели, какъ, напр., Лессингъ, Гердеръ и Гёте. И первые собиратели литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ признали какъ ихъ глубокую древность, такъ и ихъ научную цѣнность. Такъ Стендеръ говоритъ: „Историческія пѣсенки показываютъ, что онѣ очень старинны, потому что въ нихъ находятся слѣды временъ язычества. Слышатся въ нихъ: Dieva dēli сыны бога, Dieva žirgī лошади бога, Dieva vėrši быки бога, Dieva putnī птицы бога, Saules meita дочь Солнца, Meža mātė богиня лѣса, Jūras mātė богиня моря, Vėja mātė богиня вѣтра etc.“¹⁾. Реза пишетъ: „Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что пѣсни, имѣющія предметомъ своимъ мифологическія событія, относятся къ древнѣйшимъ временамъ язычества“²⁾. — — „Вообще изъ пѣсенъ, переносящихъ насъ въ домашній бытъ народа, можно получить поучительныя свѣдѣнія о мифологіи, археологіи, филологіи и

1) St. стр. 273.

2) Rh. стр. 333.

этнографіи“¹⁾. Лескинъ говоритъ: „Многія пѣсни составляютъ старинное достояніе и сохраняютъ посредствомъ рѣзныхъ древнія формы, напр., *mánei*, *jaunámu*, которыя теперь болѣе не употребляются“²⁾. Бютнеръ, въ своемъ предисловіи, выражается слѣдующимъ образомъ: „Сдѣланныя мною сравненія показали, что большинство пѣсенъ въ Лифляндіи было извѣстно и здѣшнимъ латышамъ въ Курляндіи, изъ чего я заключилъ о ихъ глубокой древности и цѣнности, которую онѣ имѣютъ у народа“³⁾. Далѣе онъ указываетъ, что одною изъ цѣлей обработки его сборника было: „открыть языковѣдамъ источникъ изученія настоящаго латышскаго языка“⁴⁾. Въ своей статьѣ „Die lettischen Sonnenmythen“ В. Мангардтъ признаетъ, что гениальное остроуміе А. Куна, основателя сравнительной мифологіи, нашло въ Ведахъ, этомъ до нашего времени сохранившемся древнѣйшемъ осадкѣ (*Niederschlag*) арійскаго вѣрованія, ключъ для многихъ загадокъ греко-римской, славянской, германской мифологіи. Потомъ онъ продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Другой такой же старинный и въ первобытной чистотѣ сохранившийся слой (*Schicht*) мифическихъ традицій, значительнаго объема, одного рода и равномернаго отношенія къ одной и той же области природы, зналъ я въ латышскихъ и литовскихъ народныхъ пѣсняхъ, которыя описываютъ жизнь Солнца, его восходъ, закатъ и ночное пребываніе“⁵⁾. — — „При сравнительномъ разсмотрѣніи, сразу бросается въ глаза глубокая древность этихъ пѣсенъ“⁶⁾.

Итакъ, если множество литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, само-по-себѣ, указываетъ на глубокую ихъ древность (*ein hohes Alter*), то это становится еще понятнѣе при ихъ сравненіи. Уже В. Мангардтъ говоритъ: „Если токово было содержаніе этихъ пѣсенъ еще до начала тринадцатаго столѣтія, въ главныхъ чертахъ, то точное соотвѣтствіе между литовскими и латышскими пѣснями ведетъ,

1) *Ib.* стр. 355.

2) *Lesk.* стр. 5.

3) *Bütt.* стр. III.

4) *Ib.* стр. IV.

5) *Zeitschrift für Ethnologie*, Jahrgang 1875, стр. 74.

6) *Ib.* стр. 86.

можетъ быть, и уже касательно контекста произведений къ подобнымъ результатамъ. Ибо, сколько мы знаемъ, сообщеніе между латышами и литовцами съ начала господства нѣмецкаго ордена было такъ затруднительно и даже прервано, что мы должны перенести обмѣнъ ихъ духовныхъ произведений къ предыдущему періоду, когда еще поэтическія произведенія одного латышскаго народа путемъ устнаго распространенія очень скоро становились общимъ достояніемъ и другого. Но соотвѣтствія ихъ предполагають обмѣнъ готовыхъ пѣсенъ¹⁾. — Въ нижеслѣдующемъ я надѣюсь привести и многочисленныя доказательства мнѣнія Мангардта, высказаннаго имъ тамъ же:

„Возможно, что нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ пѣсенъ представляютъ собою передѣлку (Umdichtungen) еще болѣе древнихъ, совершенно въ томъ же самомъ родѣ, какъ аллитериующія пѣсни Эдды (Hamarshemt, Fjölsvinnsmál, Gróngaldr, Grippspá, Sólarljódh), которыя странствовали въ четырнадцатомъ или пятнадцатомъ столѣтіяхъ въ риёмованной передѣлкѣ на новый ладъ (in gereimter Modernisirung) отъ норвежцевъ къ датчанамъ и шведамъ и наоборотъ²⁾. Мнѣ кажется довольно яснымъ, что теперешній видъ нашихъ пѣсенъ не можетъ быть первобытнымъ. Рядомъ съ краткими четверостишіями, которыя обыкновенно встрѣчаются у латышей, появляются у нихъ еще и болѣе длинныя и обширныя пѣсни, которымъ соотвѣтствуютъ совершенно сходныя съ ними литовскія пѣсни (Seitenstücke), слѣдовательно, первая — не что иное, какъ сокращенія болѣе полныхъ пѣсенъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминають своимъ содержаніемъ картинки простыхъ поэтическихъ жанровъ (Genrebildchen); если же, напротивъ, какъ мы увидимъ, въ другихъ пѣсняхъ, мифическія существа, — дочь Солнца или Мѣсяца и т. д., — приводятся говорящими, то это предполагаетъ другую — болѣе значительную цѣль, которая не видна изъ самого текста, а понятна какъ первичное образованіе и остатокъ болѣе древняго вида нашихъ пѣсенъ, въ которомъ онѣ представляютъ гимны, хвалебныя пѣсни такого рода, гдѣ

1) Ib. стр. 87.

2) Справ. ero Nachweise, Zeitschr. f. d. D. Myth. IV. 450 и Christ. Rauch, die skand. Balladen des Mittelalters. Berlin 1873. Progr.

за эпическими описаніями подвиговъ божества, которыя, ради живости, иногда влагаеть поэтъ въ уста ему, слѣдовало смиренное удивленіе или благоговѣйное моленіе“¹⁾. Срав. Спр. стр. 213, № 32:

Saule sēja sudrabā

Celmainā lidumā;

— Sēj, Saulīt', manu tiesu

Jel celmīņa galiņā!

Солнце сѣетъ серебро

На пасѣкѣ съ пнями;

— Сѣй, Солнышко, и мою долю

Хотя на кончикѣ пня!

„Какъ бы то ни было, въ сообщенныхъ пѣсняхъ, которыхъ насчитывается около сотни, открывается нашему взору богатое сокровище мифологической поэзіи, постоянную тему которой представляетъ восходъ и закатъ солнца съ сопровождающими ихъ явленіями“²⁾.

Несмотря на очень многія другія соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, моя работа, содержащая, считая круглымъ числомъ, всего 500 пѣсенъ, увеличиваетъ богатое сокровище („reiche Schatzkammer“) В. Мангардта вчетверо, и не только пѣснями мифологической поэзіи. Такъ какъ ученые, напр., Л. И. Реза, В. Мангардтъ, А. Бецценбергеръ и другіе, нашли какъ бы случайно нѣкоторыя соотвѣтствія литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ, и А. Бецценбергеръ, какъ это уже въ предисловіи упомянуто, выразился даже, что оказалъ бы великую услугу тотъ, кто бы указалъ на таковыя соотвѣтствія въ большемъ числѣ, — то я принялся за это нелегкое дѣло и рѣшился подвергнуть всю до сихъ поръ собранную литовскую и латышскую народную поэзію сравнительному разсмотрѣнію. Всего на все мнѣ пришлось просмотрѣть около 24,000 народныхъ пѣсенъ — приблизительно 6,000 литовскихъ и 18,000 латышскихъ. Если бы мы, судя по этимъ даннымъ, стали думать, что латышскія пѣсни въ совокупности превосходятъ литовскія втрое, то мы жестоко ошиблись бы: литовскія даины, среднимъ числомъ, имѣютъ 10, 20, 30 и еще болѣе строфъ, латышскія же пѣсни болѣею частью лишь 4, 6 или 8 стиховъ. Латышская народная поэзія только въ меньшинствѣ случаевъ содержитъ тексты, похожіе на литовскіе по объ-

1) Zeitschrift für Ethnologie, Jahrgang 1875, стр. 87 и 88.

2) Ib. стр. 88.

ему. Болѣе или менѣе точно совпадающими параллельными текстами оказались 74, именно 37 литовскихъ и 37 латышскихъ народныхъ пѣсенъ; если къ нимъ прибавить еще 221 латышскій и 205 литовскихъ вариантовъ, то всего будетъ 500 такихъ произведений.

По содержанію, я раздѣлилъ эти параллельные тексты на слѣдующіе 20 отдѣловъ:

I. О пѣніи	по 1 пѣснѣ	съ 2 лит. и 5 лат. вар.			
II. Миѣическія пѣсни . . .	8 пѣсенъ	18	52	"	"
III. Военныя пѣсни . . .	4 пѣсни	51	37	"	"
IV. О похищеніи невѣсты . .	1 пѣснѣ	23	4	"	"
V. Объ упавшемъ вѣнкѣ . .	1	20	8	"	"
VI. " " " " " " " " " " " "	1	6	12	"	"
VII. " " " " " " " " " " " "	1	10	—	"	"
VIII. О потерянномъ конѣ . .	1	5	5	"	"
IX. О сватаніи, о ночлегѣ . .	5 пѣсенъ	19	12	"	"
X. Братъ посѣщаетъ вышедшую замужъ сестру	1 пѣснѣ	4	6	"	"
XI. Сиротскія пѣсни . . .	3 пѣсни	13	18	"	"
XII. Странное обѣщаніе . . .	1 пѣснѣ	6	4	"	"
XIII. Дорогая семья	2 пѣсни	7	2	"	"
XIV. Пьяница	1 пѣснѣ	1	1	"	"
XV. Свадьба птицѣ, волка . .	1	11	8	"	"
XVI. О козлѣ	1	4	5	"	"
XVII. Колыбельныя пѣсенки . .	1	—	18	"	"
XVIII. Многократный обмѣнъ . .	1	—	16	"	"
XIX. Служба и различное вознагражденіе	1	2	4	"	"
XX. Прощаніе	1	3	4	"	"

Итакъ, первое мѣсто занимаютъ миѣическія пѣсни (числомъ 8). Далѣе слѣдуютъ пѣсни о сватаніи, о ночлегѣ (ч. 5), военныя пѣсни (4), сиротскія пѣсни (3), дорогая семья (2) и, наконецъ, всѣ другія (числомъ 15 отдѣловъ) — по одной пѣснѣ. — При дѣленіи пѣсенъ по вариантамъ устанавливается слѣдующій порядокъ: 1) военныя пѣсни (51 + 37), миѣическія пѣсни (18 + 52), 3) о сватаніи, о ночлегѣ (19 + 12), 4) сиротскія пѣсни (13 + 18), 5) объ упавшемъ вѣнкѣ (20 + 8),

6) о похищеніи невѣсты (23 + 4), 7) свадьба птицъ, волка (11 + 8) и т. д.

Приведенное мною выше мнѣніе многихъ ученыхъ касательно глубокой древности литовскихъ и латышскихъ народныхъ пѣсенъ могу и я здѣсь подтвердить. Ибо, какъ мы это уже выше видѣли, В. Мангардтъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что сообщеніе между латышами и литовцами, съ начала господства нѣмецкаго ордена, было такъ затруднительно, что обмѣнъ ихъ духовныхъ произведеній нужно искать въ періодъ до прибытія нѣмцевъ. О сообщеніи литовцевъ между собою, съ одной стороны, и латышей между собою, съ другой, послѣ прекратившагося господства ордена, должно сказать тоже самое. Во время крѣпостного состоянія сообщеніе, напр., латышей между собою, почти совершенно прекратилось и оставалось въ такомъ положеніи до пріобрѣтенія ими права отпуска по паспортамъ, въ 1863 г. И какъ, вслѣдствіе этого почти несуществовавшего сообщенія, „каждый округъ, даже каждый приходъ, даже, можно сказать, самая малѣйшая волость имѣла свое нарѣчіе, по свойствамъ котораго внимательное и опытное (geübte) ухо непременно могло узнать происхожденіе говорящаго“¹⁾, точно также каждый округъ, каждый приходъ, даже малая волость обладаетъ своими діалектически отгѣняющимися народными пѣснями. Относительно литовскаго языка и литовскихъ дайнъ, Фортунатовъ и Миллеръ пишутъ: — „Едва ли другой индо-европейскій языкъ столь богатъ діалектическими отгѣнками, какъ языкъ литовскій, который въ русскихъ областяхъ Литвы, не имѣя литературной жизни, чуждъ всякой устойчивости. Каждая десятъ, двадцать верстъ можно уже подмѣтить нѣкоторыя особенности, интересныя въ этимологическомъ, фонетическомъ или лексическомъ отношеніяхъ. Часто въ одной мѣстности сохраняется черта глубокой древности, уже исчезнувшая въ другихъ говорахъ. Изученіе мѣстныхъ говоровъ имѣетъ важное значеніе для исторіи языка, что уже давно признано наукою“²⁾. — „Народное творчество не изсякло доселѣ: въ каждой деревнѣ есть

1) Справ. Die Lettische Sprache von A. Bielenstein. I. Theil, стр. 16.

2) Ф.-М. стр. 2.

пѣсни“ etc.¹⁾. И если все-таки эти пѣсни, по ихъ содержанію, несмотря на ихъ мѣстные діалектическіе оттѣнки, вездѣ въ латышской и литовской областяхъ распространены, какъ это замѣтили и нѣкоторые собиратели (см. выше), — то все это свидѣтельствуетъ о ихъ глубокой древности. То же самое подтверждается сходствомъ литовскихъ пѣсенъ съ латышскими.

Въ послѣдующемъ изложеніи мы подробно, по формѣ и содержанію, рассмотримъ параллельные тексты въ томъ же самомъ порядкѣ, въ которомъ они помѣщены въ предыдущемъ отдѣлѣ.

I. О пѣніи.

Параллельные тексты о пѣніи такъ скудны, что можно было бы оставить ихъ почти безъ вниманія, если бы здѣсь, гдѣ рѣчь идетъ о пѣсняхъ, не было такъ умѣстно подвергнуть ихъ краткому разсмотрѣнію, какъ бы въ видѣ эпиграфа и введенія. Сверхъ того, относящаяся сюда поэзія, именно латышская, чрезвычайно богата пѣснями о пѣніи. Стоитъ только заглянуть въ новѣйшій сборникъ „Latwju dainas“, заключающій въ себѣ много сотенъ пѣсенъ такого содержанія. Издавна пѣніе происходитъ отъ богини. Μῆνιν ἄειδε, θεῶν, такимъ призываніемъ богини начинается Иліада. Латышскія народныя пѣсни упоминаютъ Лайму или Марю какъ богиню пѣнія, какъ-то:

Dziesmas dēl, sveši (v. labi)	Изъ-за пѣсни, чужіе (v. до- брые) люди,
Ienaidiņa necelat!	Не затѣвайте ссоры,
Dziesmit' dziedu kād' esošu —	Пѣсенку пою, какова она есть,
Ne ta mana padarita.	Она не мною сочинена.
Tō rakstija māmuliņa,	Ее написала маменька,
Kad guleju šūpulī.	Когда я спала (спалъ) въ ко- лыбели.
Ar' māmīņa nezinātu,	И маменька не знала бы,
Kaut Laimiņa neteikusi ²⁾ .	Если бы Лайминя ³⁾ ей не ска- зала.

1) Ф.-М. стр. 4.

2) Аг. М. 66.

3) Уменьшительное имя богини Лаймы.

Германъ Рубинштейнъ.

КАЧЕСТВЕННЫЯ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЯ ИЗМѢНЕНІЯ
СОСТАВА КРОВИ
ПРИ РАКОВЫХЪ ЗАБОЛѢВАНІЯХЪ.

(Изъ Юрьевского Патологическаго Института
проф. В. А. Афанасьева.)

Работа удостоенная въ 1895 г. золотой медали и напечатанная (въ извлеченіи) по постановленію медицинскаго факультета.

Motto: Der Weg der Blutuntersuchung
ist nicht mit Rosen bepflanzt.

Alex. Schmidt.

Кровь, представляя собою одну изъ важнѣйшихъ частей нашего организма, среду, изъ которой всѣ клѣточные элементы получаютъ для себя все необходимое для жизни, уже съ давнѣйшихъ временъ возбуждала интересъ изслѣдователей. Нельзя сказать, чтобы успѣхи въ области гематологіи соотвѣтствовали тѣмъ многочисленнымъ приобрѣтеніямъ, которыя сдѣланы въ другихъ отрасляхъ медицины. „Der Weg der Blutuntersuchung“, говоритъ Alex. Schmidt, „ist nicht mit Rosen bepflanzt.“ Крайняя чувствительность крови къ различнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, разлагаемость ея, чрезвычайныя трудности, съ которыми сопряжены какія бы то ни было изслѣдованія крови, все это не могло способствовать широкому развитію гематологіи наравнѣ съ другими отраслями медицины. Но труды послѣдняго двадцатилѣтія, въ особенности работы Alex. Schmidt'a, Thoma, Hüfner'a, Hayem'a и его школы, Ehrlich'a и его учениковъ, усовершенствовавшихъ микроскопическую технику крови, Rieder'a, v. Jaksch'a, Löwit'a, Ускова, Габричевскаго, Курлова и др.—остались не безъ вліянія на изученіе крови: они пролили значительный свѣтъ на различные темные вопросы и поставили гематологію на болѣе или менѣе прочную научную почву. На ряду съ изученіемъ нормальной крови, ея свойствъ и

особенностей, идетъ разработка заболѣваній самой крови, какъ отдѣльной самостоятельной ткани, изслѣдованіе вліянія болѣзненныхъ ея измѣненій на цѣлый организмъ съ одной стороны и, наоборотъ, изученіе взаимныхъ отношеній между другими патологическими явленіями организма и кровью съ другой стороны. Масса работъ, произведенныхъ въ этой области (Ehrlich, Jakob, Jaksch, Neusser и др.) какъ у насъ, такъ и за границей, служитъ тому прекраснымъ доказательствомъ. Въ послѣднее время предметомъ подобныхъ изслѣдованій сдѣлался тотъ цѣлый рядъ заболѣваній, изъ которыхъ всѣ имѣютъ то общее, что въ своемъ теченіи они ведутъ къ тяжелому хроническому нарушенію питанія и обмѣна веществъ, какъ Lues, Tuberculosis и злокачественныя опухоли. Но изъ всѣхъ заболѣваній, которыя ведутъ къ кахексіи, ни одно не сдѣлалось предметомъ столь частыхъ изслѣдованій въ отношеніи измѣненій крови, какъ ракъ. Суть раковаго заболѣванія вѣдь и состоитъ въ томъ, что оно ведетъ къ истощенію всѣхъ, такъ сказать, соковъ организма, къ нарушенію общаго состоянія, — однимъ словомъ, оно производитъ ту картину общаго маразма и кахексіи, которая несомнѣнно заставляетъ подозрѣвать и серьезныя измѣненія въ крови. Есть масса не только единичныхъ наблюденій, но также и такихъ, которыя, обнимая больше случаевъ, специально относятся къ этому вопросу. Но изъ всѣхъ этихъ работъ, какъ онѣ ни многочисленны, ни одна не представляетъ собою чего-нибудь полнаго. Авторы ограничиваются только опредѣленіемъ общаго количества форменныхъ элементовъ крови, между тѣмъ какъ мало или почти совсѣмъ не обращаютъ вниманія на морфологическія измѣненія ея; разрабатывается въ нихъ обыкновенно только одна какая нибудь сторона, преимущественно вопросъ о лейкоцитозѣ; матеріалъ же, употребленный авторами, настолько малъ, что даже въ послѣднихъ работахъ онъ едва превышаетъ 15—20 случаевъ. Эти то причины и дали мнѣ смѣлость приступить къ работѣ, цѣлью которой было желаніе вновь изслѣдовать вопросъ объ измѣ-

неніяхъ крови при раковыхъ заболѣваніяхъ, разработать его насколько возможно всесторонне и, заручившись большимъ матеріаломъ, провѣрить нѣкоторые спорные вопросы и по возможности пролить немного свѣта на ту таинственную связь, въ которой нѣкоторыя измѣненія крови стоятъ съ раковымъ новообразованіемъ.

Прежде чѣмъ перейти къ темѣ, я позволю себѣ указать планъ работы, которому буду слѣдовать, и изложить тѣ требованія, выполнить которыя представлялось необходимымъ.

Тема гласитъ: „качественныя и количественныя измѣненія состава крови при раковыхъ заболѣваніяхъ“. Работа эта обще-патолого-анатомическая, такъ что особенное вниманіе должно быть обращено на измѣненія въ морфологіи элементовъ крови. Необходимо было не только опредѣлять въ каждомъ случаѣ число красныхъ и бѣлыхъ шариковъ, но и приготовить сухіе препараты, окрасить ихъ по Ehrlich'y, чтобы имѣть возможность изучать на нихъ и морфологическія измѣненія кровяныхъ шариковъ. Необходимо было не только констатировать абсолютное количество бѣлыхъ элементовъ крови, но (сосчитавши извѣстное количество) и распределить ихъ по группамъ. Особенное вниманіе нужно было обратить на темный еще вопросъ о лейкоцитозѣ и на связь послѣдняго съ раковымъ новообразованіемъ. Далѣе необходимо было въ каждомъ случаѣ изслѣдовать количество гемоглобина и опредѣлить удѣльный вѣсъ крови. При изслѣдованіи на гемоглобинъ имѣлось въ виду не только указать на измѣненіе въ количествѣ, но также и на связь между степенью пониженія и другими измѣненіями въ жизни красныхъ кровяныхъ шариковъ. Кромѣ того, было желательно обратить вниманіе и на щелочность крови, если окажется доступный для подобныхъ изслѣдованій матеріалъ. Мнѣ удалось сдѣлать 10 наблюденій надъ щелочностью крови. Но получить даже эти 10 случаевъ мнѣ стоило столько труда и непріятностей, что я долженъ былъ ограничиться этимъ сравнительно небольшимъ матеріаломъ. Наконецъ, интересно было приготовить экстракты изъ

раковыхъ опухолей по Brown-Séquard'y, выпрыскивать эту жидкость животнымъ и слѣдить за измѣненіями крови подѣ влияніемъ этихъ инъекцій. Подобные опыты представляютъ уже сами по себѣ трудную отдѣльную большую работу, такъ что мои опыты въ этомъ направленіи не могутъ претендовать на что нибудь законченное, хотя они и не лишены интереса.

Необходимымъ условіемъ для этой работы былъ поставленъ большой матеріалъ. — Въ литературѣ есть такъ много изслѣдованій по этому вопросу, что работа на маломъ матеріалѣ врядъ ли имѣла бы большое значеніе. Нужно было именно собрать большой матеріалъ, чтобы раньше провѣрить противорѣчащія между собою наблюденія другихъ авторовъ, а затѣмъ уже, если возможно, сдѣлать извѣстные заключенія. Съ этой цѣлью я, по совѣту Проф. Афанасьева, хорошо знакомаго съ берлинскимъ клиническимъ матеріаломъ, отправился въ Берлинъ, гдѣ я и собралъ бѣольшую часть представляемаго мною въ этой работѣ клиническаго матеріала. Изслѣдовано мною въ Юрьевѣ и Берлинѣ всего 95 раковыхъ больныхъ; для изслѣдованія я бралъ исключительно стационарныхъ больныхъ, и только въ двухъ случаяхъ пациенты были поликлиническіе. Микроскопическое изслѣдованіе опухоли или же часто даже секція служили мнѣ подтвержденіемъ поставленнаго діагноза. Что касается тѣхъ случаевъ, въ которыхъ эта провѣрка мною произведена не была, то я надѣюсь, что имена Leyden'a, Senator'a, Bergmann'a, Gusserow'a, Hahn'a и др. послужатъ достаточнымъ ручательствомъ за вѣрность діагноза. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ пациенты изслѣдовались мною по 2 раза, т. е. черезъ извѣстный промежутокъ времени. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предпринималась радикальная операція, кровь изслѣдовалась мною до и послѣ операціи. Методы изслѣдованія были изучены мною въ лабораторіи патологическаго института у проф. Афанасьева. Тамъ-же я разработалъ привезенные изъ Берлина препараты крови раковыхъ больныхъ. Матеріала я нарочно не выбиралъ; а бралъ сплошной, чтобы получить

картину измѣненій крови при всевозможныхъ формахъ раковыхъ заболѣваній. Для большей ясности и законченности я раздѣлилъ работу на нѣсколько главъ, сообразно количеству затронутыхъ мною вопросовъ.

Послѣ вышесказаннаго я позволю себѣ перейти къ темъ и обратиться къ разбору измѣненій въ жизни красныхъ кровяныхъ шариковъ.

I. Измѣненія красныхъ кровяныхъ шариковъ.

Разстройства въ жизни красныхъ шариковъ могутъ быть троякаго рода: 1) измѣненія количества ихъ въ крови, 2) измѣненія въ строеніи и въ составѣ ихъ и 3) измѣненія въ содержаніи въ нихъ гемоглобина. Большею частью всѣ эти разстройства встрѣчаются одновременно, однако есть, безспорно, много случаевъ, гдѣ уклоненіе замѣчается только въ одномъ какомъ либо направленіи.

Патологическія уклоненія въ числѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ бываютъ какъ въ сторону положительную, такъ и въ сторону отрицательную. Но въ то время какъ увеличеніе числа красныхъ шариковъ — *polycythaemia* — выходящее за предѣлы фізіологическихъ колебаній составляетъ рѣдкость и является лишь какъ слѣдствіе большихъ потерь воды изъ организма, т. е. при сгущеніи крови, уменьшеніе числа красныхъ шариковъ — *oligocythaemia* — принадлежитъ къ очень частымъ явленіямъ и вызывается либо общимъ уменьшеніемъ количества крови, — хотя въ этихъ случаяхъ процентное содержаніе форменныхъ элементовъ крови можетъ остаться безъ перемѣны, — либо недостаточнымъ процессомъ возрожденія красныхъ тѣлецъ при продолжающемся усиленномъ распаденіи ихъ въ крови. Что касается измѣненій въ морфологіи красныхъ тѣлецъ, то я не хочу входить въ разборъ всѣхъ тѣхъ многихъ ненормальностей формы и гистологическаго строенія, которыя характерны для тяжелыхъ заболѣваній

крови, но хочу коснуться ихъ лишь настолько, насколько онѣ встрѣчаются при вторичномъ малокровіи, къ каковой группѣ безспорно принадлежитъ и интересующая насъ анемія при раковыхъ заболѣваніяхъ. — Эти морфологическія измѣненія касаются прежде всего величины красныхъ шариковъ. Въмѣсто средняго нормальнаго размѣра отъ 6—8 микро-мт. въ поперечникѣ нѣкоторые изъ шариковъ достигаютъ 9—13 микро-мт. въ поперечникѣ и называются тогда макроцитами, или же становятся слишкомъ малыми, отъ 6—4 микро-мт. и даже еще меньше, и называются тогда микроцитами. Помимо измѣненія размѣровъ замѣчаются при различныхъ анеміяхъ измѣненія также въ формѣ красныхъ кровяныхъ шариковъ. Послѣдніе вмѣсто своей прежней круглой диско-образной формы, принимаютъ неправильный видъ, они становятся грушевидными, вытянутыми или же съ отростками. Такія тѣльца названы Quincke¹⁾ пойкилоцитами.

Наконецъ, къ числу ненормальностей формы красныхъ тѣлецъ нужно прибавить еще такъ называемыя ядро-содержащія красныя тѣльца, которыя встрѣчаются²⁾ уже при болѣе тяжелыхъ формахъ малокровія. Въ послѣднее время особенное вниманіе было обращено (Вѣрюжскій³⁾, Quincke) на вакуолизацию или продырявленность красныхъ шариковъ. Вѣрюжскій полагаетъ, что она стоитъ въ связи съ отсутствіемъ гемоглобина въ извѣстныхъ участкахъ кровянаго шарика и встрѣчается наичаще въ шарикахъ, потерявшихъ свою прежнюю круглую форму и принявшихъ видъ, свойственный пойкилоцитамъ.

Послѣ вышеизложеннаго перейдемъ теперь къ рассмотрѣ-

1) Quincke. Virch. Archiv Bd. 54.

Quincke. Deutsches Arch. f. kl. Med. Bd. XXV.

2) Вѣрюжскій. Къ ученію объ измѣненіи красныхъ кровяныхъ тѣлецъ при злокач. малокровіи и проч. (Врачъ 1889.)

3) Вѣрюжскій. Способъ клиническаго изслѣдованія крови въ примѣненіи къ цингѣ (Врачъ 1889).

нію того, насколько всѣ эти измѣненія встрѣчаются при раковыхъ заболѣваніяхъ.

Счисленіе красныхъ шариковъ производилось мною при помощи Thoma-Zeiss'овскаго аппарата, причемъ всегда насчитывалось minimum 160 малыхъ квадратовъ. Способъ этотъ уже столь извѣстенъ, что я не хочу о немъ дальше распространяться. За норму я принималъ для мужчинъ: 5.500.000—4.500.000, а для женщинъ: 5.000.000—4.000.000. Сухіе препараты окрашивались по Ehrlich'y, о чемъ подробнѣе будетъ упомянуто въ главѣ о бѣлыхъ кровяныхъ шарикахъ.

Хотя въ литературѣ есть довольно много указаній на измѣненія, претерпѣаемыя красными шариками при раковыхъ заболѣваніяхъ, тѣмъ не менѣе систематическихъ изслѣдованій, которыя бы опирались на большой матеріалъ, до сихъ поръ почти нѣтъ. Такъ, Hühnerfauth¹⁾ описываетъ случай Carcinoma recti, гдѣ онъ нашелъ до операціи 3.019.000 красныхъ шариковъ.

Malassez²⁾ въ 9 случаяхъ рака нашелъ, что количество красныхъ шариковъ всегда уменьшено, и что это паденіе идетъ параллельно развитію болѣзни. Sørensen³⁾ вывелъ среднее изъ 6 наблюденій надъ раковыми заболѣваніями брюшныхъ органовъ для красныхъ шариковъ 3.660.000.

Laache⁴⁾ упоминаетъ 5 случаевъ рака желудка, при которыхъ онъ для красныхъ шариковъ нашелъ среднее число 3.180.000.

Müller⁵⁾ нашелъ въ одномъ случаѣ Carcinoma ventriculi

1) Hühnerfauth. Einige Versuche über traumatische Anämie Virch. Arch. Bd. 76. 1879.

2) Malassez. Sur la richesse du sang en globules rouges chez les cancéreux (Jahresber. f. d. Ges.-Med. 1874 I, 339.

3) Sørensen. Under søgelser om Ansallet af røde og hvide. Blodlegemer under fosskjellige Pilstaude Kjöbenhavn 1876.

4) Laache. Anaemia. Christiania.

5) Müller. Zeitschr. f. kl. Med. Bd. 16. Stoffwechseluntersuchungen bei Krebskranken.

3.080.000, а въ другомъ случаѣ Carcinoma ventriculi et peritonei 2.290.000 красныхъ шариковъ.

Seidler¹⁾ также утверждаетъ, что при раковыхъ заболѣваніяхъ число красныхъ тѣлецъ уменьшено.

Neubert и Блиндерманъ²⁾, работавшіе здѣсь въ Юрьевѣ, также констатировали пониженіе красныхъ тѣлецъ при ракѣ.

Osterspey³⁾, изслѣдовавшій 12 раковъ желудка, констатировалъ: у одного нормальное количество, у 8 пониженіе, а у 2, при одновременномъ уменьшеніи процента гемоглобина, повышеніе числа красныхъ элементовъ крови. Limbeck въ своемъ прекрасномъ сочиненіи „Grundriss einer klinischen Pathologie des Blutes“ указываетъ на часто наблюдаемый при злокачественныхъ опухоляхъ олигоцитозъ, достигшій въ одномъ случаѣ Carcinoma ventriculi столь низкой цифры, какъ 950.000 красныхъ въ одномъ куб. миллим.

Helling, обращая вниманіе на то, что существуетъ два типа раковой кахексіи: анемическій и марастическій, — нашелъ при первой формѣ пониженіе красныхъ элементовъ крови, при второй же формѣ количество красныхъ тѣлецъ не стояло ниже нормы.

Reinbach⁴⁾ же, ученикъ Miculicz'a, изслѣдовавшій кровь у 16 раковыхъ больныхъ, приходитъ къ заключенію, что морфологическія измѣненія красныхъ шариковъ при ракѣ рѣдко наблюдаются. Между всѣми его случаями онъ нашелъ всего лишь одинъ красный ядросодержащій шарикъ; пойкилоцитозъ (средній) онъ могъ констатировать 3 раза.

1) Seidler. Klin. Untersuchungen über d. Zahl d. corpusculären Elemente u. den Haemoglobingehalt d. Bl. (Fortschritte d. Med. 1892) Supplement-Heft, Bd. 10.

2) Измѣненія крови при желудочныхъ заболѣваніяхъ. Дис. Юрьевъ.

3) Osterspey. Blutuntersuchung und deren Bedeutung bei Magenkrankheiten. Berl. klin. Wochenschr. 1892 № 12. u. 13.

4) Reinbach. Ueber das Verhalten der Leucocyten bei malignen Tumoren. Langenbecks Archiv Bd. 46.

Strauer¹⁾ указываетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ крови у карциноматозныхъ больныхъ на уменьшеніе числа красныхъ шариковъ и на рѣзкій пойкилоцитозъ.

Schneider²⁾ опубликовалъ свои изслѣдованія крови у 12 больныхъ ракомъ желудка и другихъ брюшныхъ органовъ: за исключеніемъ 2 случаевъ (Carcinoma pylori) онъ всюду могъ констатировать уменьшеніе числа красныхъ шариковъ. Maximum для мужчинъ онъ нашелъ 4.953.928, minimum 684.455, для женщинъ maximum 4.825.000, minimum 2.900.000. Уменьшеніе красныхъ шариковъ прогрессировало пропорціо-нально усиленію кахексїи.

Eisenlohr³⁾ наблюдалъ въ одномъ случаѣ сильный микроцитозъ.

Какъ видно изъ только что приведеннаго очерка литературы, большая часть авторовъ, занимаясь лишь количественнымъ измѣненіемъ красныхъ шариковъ, констатируетъ постоянное уменьшеніе числа этихъ элементовъ въ крови, и только Reinbach и Helling указываютъ, что измѣненіе въ жизни красныхъ шариковъ при раковыхъ заболѣваніяхъ есть явленіе сравнительно не частое.

Я лично могу только подтвердить наблюденіе послѣднихъ двухъ авторовъ. Я постарался вывести среднее для красныхъ шариковъ изъ всѣхъ изслѣдованныхъ мною 95 случаевъ, и въ результатъ у меня получилась цифра, равная 4.809.000, т. е. почти что близкая къ нормѣ; кромѣ того, для мужчинъ отдѣльно получилась цифра 5.062.000, для женщинъ же 4.714.000. Распредѣляя случаи по локализаци раковаго новообразованія, мы получаемъ слѣдующія довольно интересные данныя:

1) Strauer. Zeitschr. f. kl. Med. Bd. 24.

2) Schneider. Ueber die morphologischen Verhältnisse des Blutes bei Herzkrankheiten u. Carcinoma. Dis. Berlin 1886.

3) Eisenlohr. Blut und Knochenmark bei pernicioser Anämie und Magencarcin. Deutsch. Archiv f. kl. Med. Bd. 20 S. 494. 1877.

Carcinoma mammae	5.790.000
„ различныхъ частей головы	5.491.000
„ oesophagi	5.243.000
„ colli	5.040.000
„ ventriculi	4.791.000
„ различныхъ брюшныхъ органовъ	4.748.000
„ ovarii et vaginae	4.588.000
„ uteri	4.440.000.

Какъ видно, наибольшее количество красныхъ шариковъ падаетъ на случаи рака грудной железы, наименьшее же на случаи раковаго пораженія матки. Такимъ образомъ мы видимъ, что измѣненіе количества красныхъ шариковъ представляетъ собою явленіе, не характерное для раковаго новообразованія. Тоже самое приходится сказать и относительно морфологическихъ измѣненій красныхъ элементовъ. Сильный микро- и пойкилоцитозъ мы встрѣчаемъ въ 6 случаяхъ, изъ которыхъ самымъ характернымъ является случай съ сарг. faciei (№ 86); въ другихъ же — 16 — случаяхъ микро- и пойкилоциты встрѣчаются частью въ среднемъ количествѣ, въ большинствѣ же случаевъ попадаютъ крайне рѣдко.

Ядросодержащіе красные шарики найдены мною въ 2 случаяхъ № 45 и № 12, кромѣ того въ случаѣ № 53 при вторичномъ изслѣдованіи. Всѣ эти случаи характеризуются сильнымъ пониженіемъ числа красныхъ шариковъ, кромѣ того морфологическія измѣненія красныхъ тѣлецъ тоже сильно выражены.

Еще на одно наблюденіе, сдѣланное мною, я бы хотѣлъ обратить вниманіе. Мнѣ 3 раза удалось видѣть движеніе красныхъ шариковъ въ 3⁰/₀ растворѣ NaCl. Это рѣдкое явленіе замѣчено было уже Наяет'омъ, Преуер'омъ¹⁾, Klein'омъ²⁾ и Browicz'омъ³⁾. Но въ то время какъ

1) Ueber amöboide Blutkörperchen. Virch. Arch. Bd. 30.

2) Untersuchungen der Formelemente des Blutes etc. Wien. Med. Wochenschr. 1890 № 36.

3) Demonstration v. Bewegungsphänomen an rothen Blutkörperchen in schweren anämischen Zuständen. Congress f. innere Med. 1890.

Науем видитъ въ этомъ феноменѣ витальный процессъ, Browicz считаетъ его явленіемъ Brown'скихъ молекулярныхъ движеній. Rieder говоритъ, что онъ хотя и наблюдалъ эти движенія, но лишь при сильныхъ анеміяхъ. Чѣмъ объяснить это явленіе, я тоже не знаю, но хотѣлъ указать на него, такъ какъ оно рѣдко встрѣчается, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ моихъ 3 случаяхъ оно было выражено очень рѣзко.

Что касается вліянія теченія болѣзни на количество красныхъ шариковъ, то, какъ показываютъ повторныя изслѣдованія, произведенныя мною у однихъ и тѣхъ же пациентовъ въ 2 срока черезъ извѣстный промежутокъ времени, не всѣ случаи показываютъ одинаковыя измѣненія.

№ (53)	Carc. uteri	10/VI	}	4.845.000
				9/VIII } 1.170.000
№ (55)	„ „	12/VI	}	5.090.000
				6/VIII } 3.600.000
№ (85)	„ colli	13/VI	}	4.315.000
				11/VIII } 3.500.000
№ (86)	„ faciei	14/VI	}	3.665.000
				7/VIII } 3.470.000
№ (88)	„ „	12/VI	}	4.150.000
				7/VIII } 4.295.000
№ (54)	„ uteri	11/VI	}	4.865.000
				1/VIII } 5.100.000

Какъ видно, въ первыхъ 3 случаяхъ констатируется за промежутокъ времени приблизительно въ 8 недѣль сильное пониженіе числа красныхъ шариковъ, (соотвѣтственно этому и внѣшній habitus значительно измѣнился къ худшему); между тѣмъ какъ въ слѣдующихъ 2 случаяхъ колебаніе незначительное (habitus мало измѣнился), а въ послѣднемъ случаѣ мы даже замѣчаемъ повышеніе сравнительно съ прежнимъ количествомъ. (Въ этомъ случаѣ, несмотря на увеличеніе числа красныхъ шариковъ, блѣдность увеличилась вслѣдствіе уменьшенія количества гемоглобина, см. ниже.) Что дѣйствительно уменьшеніе числа красныхъ кровяныхъ шариковъ не всегда идетъ параллельно прогрессированію болѣзни, видно изъ слѣдующаго:

мнѣ очень часто попадались больные, которые черезъ нѣсколько дней послѣ изслѣдованія умирали, между тѣмъ количество красныхъ шариковъ у нихъ ничуть не стояло ниже нормы. Случаи (Runschke, Höfchen, Geissler, Müller, Treppke, Krüger, Taforka, Gressin) служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ. Эти же случаи прямо говорятъ противъ довольно распространеннаго мнѣнія Immermann'a¹⁾, который высказался, что чахоточные и раковые больные „ganz gewöhnlich an Anämie zu Grunde gehen“. Напротивъ, какъ показываетъ Reinert и какъ видно изъ моихъ наблюденій, олигоцитемія не есть характерный признакъ раковыхъ заболѣваній, и пониженіе красящихъ элементовъ крови при ракѣ, какъ и при другихъ вторичныхъ анеміяхъ, обыкновенно не достигаетъ такой высокой степени, чтобы больные отъ этого погибали.

Но если мы и констатируемъ въ большинствѣ случаевъ (75 %) нормальное количество красящихъ элементовъ въ крови раковыхъ больныхъ, то мы не должны забывать, что встрѣчаются и случаи съ пониженіемъ числа красныхъ шариковъ до 3—2.000.000 и даже еще ниже (№ 46 и 53 П). Причину этого непонятнаго явленія я пока разбирать не хочу, это повело бы меня лишь къ предположеніямъ, которыя высказывать я пока еще не считаю возможнымъ. Мы въ настоящее время знаемъ только, что раковое заболѣваніе въ состояніи производить эти измѣненія; почему въ однихъ случаяхъ картина общей кахексіи сопровождается сильнымъ пониженіемъ красныхъ элементовъ, а въ другихъ случаяхъ, даже при сильномъ истощеніи всего организма, количество красныхъ шариковъ не уклоняется отъ нормы, на это я постараюсь дать отвѣтъ въ концѣ работы. Но одно ясно: клиническая картина кахексіи въ этихъ двухъ случаяхъ должна быть различна; это несомнѣнно уже a priori, это и оказывается

1) Immermann. Anaemie u. Chlorose 1875.

въ дѣйствительности. Я не знаю, почему на это явленіе, на которое уже въ 1884 году указали *Hampeln*¹⁾ и *Helling*²⁾, до настоящаго времени такъ мало обращали вниманія. Между тѣмъ существованіе двухъ родовъ кахексіи при ракѣ также вѣрно, какъ и то, что мы у двухъ кахектическихъ раковыхъ больныхъ можемъ въ одномъ случаѣ констатировать пониженіе красныхъ шариковъ, въ другомъ случаѣ уклоненія отъ нормы не находить. Измѣненіе крови есть лишь выраженіе кахексіи, оно составляетъ лишь симптомъ ея, который, соотвѣтственно степени измѣненія крови, и придаетъ кахексіи извѣстный оттѣнокъ. Мы должны поэтому клинически различать два вида кахексіи: первый видъ — когда признаки кахексіи хотя явно выражены, но красные шарики ни качественно, ни количественно никакихъ измѣненій не показываютъ, и другой видъ, когда кахексія характеризуется кромѣ того сильными нарушеніями въ жизни окрашенныхъ элементовъ крови. Первый видъ, названный *Hampeln*'омъ „марастическимъ типомъ“ раковой кахексіи, встрѣчается часто у старыхъ, плохоупитанныхъ, истощенныхъ индивидуумовъ, точно также и у пациентовъ съ какими нибудь хроническими заболѣваніями извѣстныхъ органовъ и характеризуется истощеніемъ, землистымъ цвѣтомъ лица, сухой кожей, потерявшей всякую эластичность, и нѣкоторымъ ціанозомъ слизистыхъ оболочекъ, Другой видъ — „анемическій типъ“, представляетъ собой картину высокой анеміи: восковидная просвѣчивающая кожа и въ высшей степени блѣдная, отливающая въ желтый цвѣтъ слизистыя оболочки. Конечно, обѣ эти формы кахексіи могутъ соединяться вмѣстѣ, такъ какъ нерѣдко марастическій типъ переходитъ въ анемическій, но въ большинствѣ случаевъ пациентъ до самой смерти показываетъ явленія постоянно увеличивающейся кахексіи одной лишь формы изъ двухъ

1) *Hampeln*. Zur Symptomatologie oculer visceraler Carcinome. Zeitschr. f. kl. Med. Bd. VIII H. 3 1884.

2) *Helling*. Beitrag z. Blutkörperchenzählung etc. Dis. Dorpat 1884.

упомянутыхъ типовъ. Очень трудно описать объ эти формы такъ ясно, чтобы и неопытный могъ сказать, къ какому типу отнести извѣстный случай; тутъ дѣло въ извѣстныхъ отгѣнкахъ, которые передаются очень трудно. Но тотъ, кто видѣлъ много раковыхъ больныхъ, а, главное, при этомъ могъ наблюдать кахектическихъ больныхъ съ другими формами заболѣваній, какъ чахоточныхъ и др., и могъ сравнивать различныя формы кахексїи между собою, тотъ безспорно согласится, что при раковыхъ заболѣваніяхъ существуютъ два отдѣльныхъ упомянутыхъ типа кахексїи. При нѣкоторой опытности можно поэтому уже по общему виду — а priori — приблизительно опредѣлить количество красныхъ шариковъ въ крови у раковаго больного: при марастическомъ типѣ мы обыкновенно найдемъ количество красныхъ шариковъ нормальнымъ, при анемическомъ же типѣ пониженнымъ. При этомъ анемическомъ типѣ и количество гемоглобина окажется пониженнымъ, притомъ до такой степени, до которой пониженіе при марастической формѣ раковой кахексїи никогда не доходить: мы найдемъ у нихъ цифры ниже 50, что, какъ мы увидимъ дальше, возможно лишь тогда, когда и количество красныхъ шариковъ понижено.

II. Измѣненія въ количествѣ гемоглобина.

Послѣ разсмотрѣнія измѣненій, касающихся количества и морфологическаго строенія красныхъ шариковъ, намъ остается обратиться теперь къ тому разстройству въ жизни этихъ элементовъ крови, которое характеризуется уменьшеніемъ въ нихъ красящаго вещества, т. е. къ измѣненіямъ въ содержаніи въ нихъ гемоглобина.

При нормальныхъ условіяхъ количество гемоглобина подвержено значительнымъ колебаніямъ и стоитъ въ зависимости отъ возраста¹⁾, пола и проч. При патологическихъ условіяхъ, колебанія эти могутъ достигать, какъ извѣстно, большихъ размѣровъ, причемъ обыкновенно имѣетъ мѣсто уменьшеніе его содержанія. Понятно, что при интересующей насъ формѣ болѣзни, при раковомъ заболѣваніи, влекущемъ за собою общее истощеніе, мы уже а priori можемъ предсказать измѣненія въ содержаніи въ крови количества гемоглобина. Въ литературѣ есть сравнительно много указаній на этотъ вопросъ.

Laker²⁾ приводитъ таблицу съ 36 случаями рака различныхъ органовъ; изъ этихъ 36 случаевъ у 7 оказалось гемоглобина больше 90 %, у 9 между 90—80 % — числа, которыя едва стоятъ ниже физиологическаго минимума. Самыя низкія цифры онъ получилъ при Carc. recti и uteri. Laker впрочемъ того мнѣнія, что пониженіе содержанія количества гемоглобина находится въ прямой связи съ новообразованиемъ, которое такимъ образомъ оказываетъ специфическое дѣйствіе на кровь; какъ доказательство онъ приводитъ то, что уменьшеніе количества гемоглобина не зависитъ отъ степени кахексіи, и что это уменьшеніе можно констатировать уже тогда, когда симптомы истощенія еще не существуютъ. — Въ pendant къ этой работѣ слѣдуетъ упомянуть работу Bierfreund'a, вышедшую недавно изъ клиники Prof. Mickulicz'a. Исслѣдовавъ 72 больныхъ съ различными злокачественными опухолями (не однихъ только раковыхъ!), Bierfreund вывелъ среднее изъ своихъ наблюденій 68,5 % гемоглобина при опухоляхъ съ медленнымъ ростомъ, а при опухоляхъ съ болѣе быстрымъ ростомъ даже 57,5 %. Эта высокая олигохромемія, по мнѣнію Bierfreund'a, тѣмъ болѣе непонятна, что въ

1) Соловьевъ. Кровь у стариковъ. Дис. Спб.

2) Wiener med. Zeitschr. № 18 ff.

большей части случаевъ дѣло касалось больныхъ, у которыхъ операція предпринималась съ лучшими шансами на полное выздоровленіе, т. е. въ такихъ случаяхъ, когда о сильномъ пораженіи организма, о явной кахексiи еще и рѣчи не было, а между тѣмъ количество гемоглобина всегда было понижено. Это-то явленіе и приводитъ его къ заключенію, что злокачественныя опухоли уже въ раннихъ стадіяхъ своего развитія стоятъ въ какой-то специфической связи съ кровью. Bierfreund идетъ даже такъ далеко, что предполагаетъ генетическую связь между опухолью и кровью, именно, что всякая опухоль, равно конечно и ракъ, обязаны своимъ происхожденіемъ первичному заболѣванію крови; однимъ словомъ, онъ считаетъ анемію при ракѣ не слѣдствіемъ этой болѣзни, а, наоборотъ, по его мнѣнію, болѣзненное состояніе крови и даетъ толчекъ къ развитію новообразованія. Опору для своей теоріи онъ ищетъ въ теоріи опухолей Comheim'a. По теоріи послѣдняго злокачественность новообразованія зависитъ не отъ гистологическаго строенія его, а отъ общей слабости организма. Сперва будто бы образуется доброкачественная опухоль и лишь впослѣдствіи, послѣ уменьшенія физиологическаго сопротивленія окружающей ткани, опухоль дѣлается злокачественной. Причинами этого уменьшенія физиологическаго сопротивленія ткани могутъ быть воспалительные процессы вокругъ опухоли, травмы, наслѣдственность, старость; во многихъ случаяхъ однако слѣдуетъ, по мнѣнію Comheim'a, причину этого явленія искать въ неизвѣстномъ и трудно опредѣляемомъ predispositione (Predispositio). Bierfreund и предполагаетъ, что неясная для насъ „предиспозиція“ именно и состоитъ въ извѣстномъ составѣ крови, и что различныя патологическія состоянія крови и служатъ причиной образованія различныхъ опухолей: злокачественныхъ и доброкачественныхъ.

Я не хочу входить въ болѣе подробный разборъ этой гипотезы; достаточно указать только на то, что авторъ ея ни однимъ фактомъ не подтверждаетъ теоріи опухолей Comheim'a. Своей гипотезой онъ только умножилъ тѣ гипотети-

ческие факторы, которые по мнѣнію Conheim'a играютъ роль при образованіи опухолей. Добытые мною результаты изъ моихъ наблюденій ясно покажутъ, сколько увлеченія въ выводахъ только что упомянутыхъ и такъ часто цитируемыхъ двухъ авторовъ — Laker'a и Bierfreund'a.

Изъ другихъ работъ по интересующему насъ вопросу слѣдуетъ указать на работу Lichtenstern'a, который въ 2 случаяхъ рака желудка констатировалъ пониженіе количества гемоглобина до 38% resp. 22%.

Potain¹⁾ рассказываетъ объ одномъ случаѣ Carcin. ventriculi, при которомъ количество гемоглобина понизилось до $\frac{1}{4}$ нормы.

Osterspey²⁾ нашелъ въ 12 случаяхъ раковаго заболѣванія 11 разъ пониженіе количества гемоглобина.

Limbeck³⁾ точно также упоминаетъ о почти постоянномъ пониженіи количества гемоглобина при раковыхъ заболѣваніяхъ. Масютинъ⁴⁾ приводитъ два случая рака брюшныхъ органовъ съ 50% и 30% гемоглобина. Neubert⁵⁾, Влаевъ⁶⁾ и Блиндерманъ⁷⁾ нашли почти во всѣхъ изслѣдованныхъ ими случаяхъ замѣтное уменьшеніе гемоглобина; Strauer также указываетъ на такое уменьшеніе. Упоминанія заслуживаетъ также прекрасная работа Reinbach'a⁸⁾; послѣдній могъ констатировать, что содержаніе гемоглобина во всѣхъ случаяхъ рака понижено, иногда даже весьма значительно: оно колебалось въ большинствѣ случаевъ между 45 и 70 %.

1) Potain. Un cas de leucocythémie. Gaz. des hôp. № 57, 1888.

2) Osterspey l. c.

3) Limbeck l. c.

4) Масютинъ. Къ опредѣленію количества гемоглобина гемометромъ Fleisch'я. Врачъ 1887 № 32—30.

5) l. c.

6) Врачъ 1895.

7) l. c.

8) Reinbach l. c.

Трудно было бы перечислить всѣ разбросанныя наблюденія по этому вопросу; во всякомъ случаѣ во всѣхъ этихъ работахъ констатируется сильное пониженіе количества гемоглобина въ крови при раковыхъ заболѣваніяхъ. Достаточно бросить взглядъ на нашу таблицу, чтобы убѣдиться въ вѣрности этого факта. Ниже я привелъ среднее арифметическое процентнаго содержанія гемоглобина во всѣхъ изслѣдованныхъ мною случаяхъ, съ указаніемъ роли, которую играетъ локализациа рака. Слѣдующая табличка даетъ наглядное представленіе объ этомъ:

Carcinoma oesophagi (7 случ.)	74 %
„ mammae (9 случ.)	73,3 %
„ различныхъ частей головы (10 случ.)	66,0 %
„ „ брюшныхъ органовъ (8 случ.)	61,8 %
„ colli (3 случ.)	60 %
„ uteri (35 случ.)	56,5 %
„ ventriculi (15 случ.)	56,4 %
„ recti (4 случ.)	55,2 %
„ vaginae, ovarii (4 случ.)	54,8 %
Среднее для всѣхъ случаевъ	<u>60,1 %</u>

Такимъ образомъ мы видимъ, что наибольшій % гемоглобина даютъ случаи съ ракомъ пищевода и грудной железы, наименьшій же % падаетъ на случаи съ Carcin. recti и нѣкоторыхъ женскихъ половыхъ органовъ. Выведенное мною среднее изъ всѣхъ моихъ изслѣдованій очень близко подходитъ къ цифрамъ другихъ авторовъ.

Упоминанія заслуживаетъ случай № 10 (Менцель) съ Gastroectasia и Carcin. pylori. Не смотря на маразмъ и на исхуданіе пациента, гемоглобина оказалось 92 %. Въ литературѣ я нашелъ 1 такой же случай у Lichtenstern'a¹⁾. Послѣдній это явленіе объясняетъ тѣмъ, что при расширеніи желудка и стенозѣ привратника вообще всасываніе воды, а

1) Lichtenstern l. c.

слѣдовательно и содержаніе ея въ крови значительно уменьшено. О подобныхъ 2 случаяхъ упоминаетъ и Reinert¹⁾ въ своей работѣ.

Далѣе мы видимъ, какъ показываютъ повторныя изслѣдованія, произведенныя мною черезъ извѣстный промежутокъ времени у однихъ и тѣхъ же больныхъ, уменьшеніе количества гемоглобина при раковыхъ заболѣваніяхъ прогрессируетъ по мѣрѣ развитія болѣзни и упадка общаго состоянія организма. Слѣдующіе случаи ясно показываютъ это:

Carc. colli (Нейтгардъ)	13/VI = 72%	гемог.,	кр. = 4.315.000
	11/VIII = 52%	"	кр. = 3.500.000
Carc. uteri (Виценцъ)	11/VI = 82%	"	кр. = 4.865.000
	4/VIII = 68%	"	кр. = 5.160.000
Carc. uteri (Винтеръ)	10/VI = 52%	"	кр. = 4.845.000
	9/VIII = 33%	"	кр. = 1.170.000
Carc. uteri (Гунъ)	12/VI = 47%	"	кр. = 5.090.000
	6/VIII = 38%	"	кр. = 3.600.000
Carc. faciei (Цастрова)	12/VI = 83%	"	кр. = 4.150.000
	7/VIII = 71%	"	кр. = 4.295.000
Carc. faciei (Шульцъ)	14/VI = 31%	"	кр. = 3.665.000
	7/VIII = 21%	"	кр. = 3.470.000

Это уменьшеніе количества гемоглобина можетъ происходить, конечно, двоякимъ образомъ: или вслѣдствіе уменьшенія числа красныхъ шариковъ въ крови, причемъ количество гемоглобина въ каждомъ шарикѣ не стоитъ ниже нормы, или же вслѣдствіе обѣднѣнія или недостаточнаго насыщенія гемоглобиномъ каждаго шарика въ отдѣльности. Спрашивается, какая возможность чаще встрѣчается и какая роль этихъ двухъ факторовъ при измѣненіи количества гемоглобина при раковыхъ заболѣваніяхъ?

Безспорно, что первыя измѣненія въ количествѣ гемоглобина въ крови раковыхъ больныхъ прежде всего сказываются въ обѣднѣніи каждаго отдѣльнаго шарика гемоглобиномъ. Случай № 54 ясно показываетъ это. Пациентка при первомъ

1) Reinert l. c.

изслѣдованіи (10.VI) имѣла 82 % гемоглобина съ удѣльнымъ вѣсомъ 1051, — цыфра, не далеко отступающая отъ нормы для женщины; количество красныхъ кровяныхъ шариковъ — 4.865.000. При вторичномъ же изслѣдованіи, не смотря на то, что число красныхъ тѣлецъ увеличилось — 5.160.000, — процентное содержаніе гемоглобина понизилось до 68 %! При первомъ изслѣдованіи пациентка имѣла цвѣтушій видъ, такъ что положительно нельзя было у нея заподозрить сарс. uteri, черезъ 2 мѣсяца же общее состояніе пациентки измѣнилось къ худшему, что и сказалось сейчасъ не въ измѣненіи числа красныхъ элементовъ крови, но количества гемоглобина, — измѣненіе, которое могло произойти лишь вслѣдствіе обѣднѣнія гемоглобиномъ каждаго шарика отдѣльно. Только въ дальнѣйшемъ теченіи болѣзни начинаетъ уменьшаться количество красныхъ шариковъ, и несомнѣнно, что уменьшеніе количества гемоглобина, существующее уже раньше, должно тогда еще больше понизиться. Мнѣніе Graeber'a¹⁾, что *крайнее* пониженіе количества гемоглобина при одновременномъ существованіи нормальнаго количества красныхъ шариковъ есть невозможное явленіе — мнѣніе, которое въ послѣднее время работами Reinert'a²⁾ и Kollmar'a³⁾ подверглось нѣкоторому недоуверію, получаетъ на основаніи моихъ наблюденій новое полное подтвержденіе. И дѣйствительно, нѣтъ у меня ни одного случая съ очень низкимъ % гемоглобина (т. е. ниже 30 %), гдѣ бы количество красныхъ шариковъ не стояло ниже нормы. Слѣдующая табличка служитъ этому доказательствомъ:

Sarc. recti	(№ 28) = кр.	2.865.000;	Hgl.	22 %
„ ventric.	(№ 19) = „	2.155.000;	„	19 %
„ uteri	(№ 45) = „	2.215.000;	„	22 %
„ „	(№ 46) = „	1.150.000;	„	24 %
„ ventric.	(№ 12) = „	3.215.000;	„	22 %

1) Diagnostik der Blutkrankheiten.

2) Reinert. Zählung der rothen Blutkörperchen. Leipzig 1891.

3) Kollmar, Zur Differentialdiagnose zwischen Magengeschwür u. Magenkrebs. Dis. Tübingen 1890.

Взглядъ на общую таблицу иллюстрируетъ намъ точно также, что 5 случаевъ съ 30%—40% содержанія показываютъ уменьшеніе числа красныхъ шариковъ до 3.000.000, въ одномъ случаѣ даже до 1.170.000. Точно также изъ 10 случаевъ (№№ 22, 29, 34, 41, 58, 59, 64, 65, 71 и 74) съ содержаніемъ гемоглобина отъ 40—50 % 9 показываютъ большое пониженіе числа красныхъ шариковъ и лишь въ одномъ случаѣ (№ 29) число послѣднихъ не понижено противъ нормы. Поднимаясь далѣе, т. е. разсматривая больныхъ съ содержаніемъ гемоглобина большимъ, чѣмъ 50 %, мы находимъ уже гораздо больше случаевъ съ нормальнымъ числомъ красныхъ шариковъ. Мнѣ кажется, что тутъ и находится граница, что именно до этихъ цифръ, т. е. до 50 % или 40 %, и возможно пониженіе гемоглобина при одновременномъ существованіи нормальнаго числа красныхъ тѣлецъ; болѣе же низкихъ цифръ достигаетъ олигохромемія въ громадномъ большинствѣ случаевъ лишь при олигоцитеміи. Что одновременное пониженіе числа красныхъ шариковъ и количества гемоглобина даетъ извѣстную клиническую картину кахексіи, названную нами анемическимъ типомъ кахексіи, я уже раньше упомянулъ; кромѣ того, мы видѣли уже, что при марастическомъ типѣ раковой кахексіи число красныхъ шариковъ не бываетъ понижено, такъ что при этихъ формахъ худосочія никогда не можемъ ожидать найти количество гемоглобина ниже 50—40 %.

Такимъ образомъ мы видимъ, какая связь существуетъ при карциноматозной анеміи между количествомъ красящаго вещества съ одной стороны и числомъ красныхъ элементовъ съ другой стороны: до 50—40 % пониженіе содержанія гемоглобина происходитъ обыкновенно на счетъ обѣднѣнія этого вещества каждаго шарика отдѣльно; лишь одновременнымъ уменьшеніемъ числа красныхъ элементовъ достигается уменьшеніе количества гемоглобина ниже 50—40 %.

Мнѣ остается еще возвратиться къ прежде упомянутымъ работамъ и заключеніямъ Laker'a и Bierfreund'a и по-смотреть, насколько дѣйствительно ихъ предположеніе о гене-

тической связи между происхожденіемъ новообразованія и измѣненіемъ количества гемоглобина при раковыхъ заболѣваніяхъ заслуживаетъ довѣрія, и насколько оно согласуется съ полученными мною результатами. Laker, какъ я уже упомянулъ раньше, вѣрнѣе въ специфическое вліяніе рака на кровь и въ пользу этого предположенія онъ приводитъ наблюденіе, что пониженіе количества гемоглобина наступаетъ независимо отъ раковой кахексіи и обычно узнается еще раньше ея. Мнѣніе это не лишено, конечно, доли правды. — Мѣриломъ измѣненій, входящихъ въ понятіе „кахексія“, у насъ служитъ обыкновенно глазъ, который различаетъ эти измѣненія только тогда, когда они уже черезчуръ ясно выражены. Опредѣленіе же гемоглобина, производимое инструментомъ, конечно, точнѣе, а потому и служитъ прекраснымъ индикаторомъ начинающейся, хотя и незамѣтной еще для насъ, кахексіи. Но мнѣ сомнительно, чтобы при отсутствіи всякихъ другихъ симптомовъ карциноматозной кахексіи можно было констатировать пониженіе гемоглобина. Слѣдующая табличка служить тому доказательствомъ:

Car. uteri-operabile (Liese)	Hgb	87 %	ув.*)	1051
„ oesophagi (Reichhelm)	„	89 %	„	1053
„ mucosae bucc. (Necke)	„	90 %	„	1054
„ linguae (Sokolowsky)	„	92 %	„	1054
„ mammae (Seehausen)	„	85 %	„	—

Всѣ эти больные въ общемъ показывали очень мало признаковъ кахексіи, общее состояніе организма было удовлетворительное; соотвѣтственно этому мы и не находимъ у нихъ особеннаго пониженія въ содержаніи гемоглобина. Тѣ слабыя уклоненія отъ нормы, которыя эти цифры показываютъ, легко объясняются тѣмъ, что вѣдь изслѣдованныя мною лица были пациенты, т. е. люди страдающіе, пришедшіе въ клинику съ какими-нибудь жалобами и по обыкновенію не сейчасъ-же, какъ они стали замѣчать развивающуюся у нихъ болѣзнь,

*) ув. = удѣльный вѣсъ.

а лишь спустя известное время, когда жалобы увеличились. Я вполне убежденъ, что еслибы мнѣ удалось изслѣдовать этихъ же пациентовъ въ болѣе раннихъ стадіяхъ развитія болѣзни, когда послѣдняя показывала еще меньше симптомовъ, мы бы нашли болѣе высокій, т. е. совершенно нормальный процентъ для гемоглобина. — Словомъ, гдѣ нѣтъ признаковъ кахексіи, тамъ нѣтъ и пониженія гемоглобина, и я ни одного раковаго больнаго не наблюдалъ, у котораго изслѣдованіе крови на гемоглобинъ не соотвѣтствовало бы степени кахексіи, сообразно, конечно, двумъ упомянутымъ нами формамъ ея, въ которыхъ она при раковыхъ заболѣваніяхъ проявляется. Поэтому для сужденія о специфическомъ вліяніи новообразованія на измѣненія въ содержаніи гемоглобина, по моему мнѣнію, у насъ въ настоящее время нѣтъ никакихъ данныхъ. Олигохромемія при раковыхъ заболѣваніяхъ не есть специфическое, своимъ происхожденіемъ раковому новообразованію обязанное измѣненіе крови, — нисколько! она своимъ происхожденіемъ обязана не раковому новообразованію, какъ таковому, а раковому заболѣванію, т. е. тѣмъ вреднымъ слѣдствіямъ, къ которымъ раковое новообразованіе обычно ведетъ, а именно: кровотеченіямъ, изъязвленію, болямъ, а въ случаѣ пораженія важнаго органа и выпаденію его функціи. Никогда раковый узелъ, если онъ только не сидитъ въ важномъ для жизни органѣ, не произведетъ, — безъ кровотеченій и изъязвленія поверхности опухоли, — пониженія количества гемоглобина — это ясно говорятъ приведенные мною раньше случаи. Какъ же послѣ этого утверждать, что пониженіе количества гемоглобина предшествуетъ и является независимо отъ раковой кахексіи, когда это пониженіе есть лишь одно изъ тѣхъ многихъ явленій, комплексъ которыхъ и даетъ намъ картину раковой кахексіи, но которое само является лишь результатомъ сопутствующихъ раковому новообразованію вредныхъ вліяній на организмъ. Гдѣ же можетъ быть рѣчь о теоріи Bierfreund'a, который именно это измѣненіе крови считаетъ причиной, дающей толчокъ къ развитію новообразованія?

Это значило бы смѣшивать причину и слѣдствіе. Увлечся и построить гипотезу не трудно; но всякая гипотеза должна имѣть подъ собою какую-нибудь фактическую подкладку, и если послѣдняя отсутствуетъ, то врядъ ли подобная гипотеза можетъ претендовать на сочувствіе.

Ш. Измѣненія бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію измѣненій бѣлыхъ шариковъ при раковыхъ заболѣваніяхъ, я позволю себѣ раньше сказать нѣсколько словъ о способахъ, которыми я пользовался при этихъ изслѣдованіяхъ. Для счета бѣлыхъ шариковъ мною употреблялся смѣситель, предназначенный Rotaïn'омъ для сосчитыванія красныхъ шариковъ, причемъ кровь разбавлялась 1 : 100. Изъ жидкостей, употребляемыхъ для смѣшенія крови съ цѣлью сосчитыванія бѣлыхъ шариковъ, я пользовался $\frac{1}{3}$ % растворомъ уксусной кислоты, предложеннымъ Thoma. Кровь бралась у всѣхъ больныхъ изъ мякоти безымяннаго пальца.

Счетъ бѣлыхъ шариковъ производился въ 100 поляхъ микроскопа Zeiss'a (окуляръ 4, объективъ D). Способъ этотъ и вычисленіе поля микроскопа всѣмъ извѣстны; весьма обстоятельное описаніе его находится у Вѣрюжскаго (Болезни крови и методы ея клиническаго изслѣдованія. Спб. 1890 г.). Препаратъ передвигается съ помощью малаго Zeiss'овскаго столика. Для сосчитыванія отдѣльныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ я пользовался, какъ и всѣ, способомъ Ehrlich'a.

Изъ всѣхъ предложенныхъ авторами красокъ, примѣняемыхъ для изслѣдованія крови, пальма первенства принадлежитъ безспорно Эрлиховскому триациду (Triacidlösung), съ помощью котораго только и можно составить себѣ вполнѣ

ясное представление о фигурѣ ядра, въ особенности же о зернистости протоплазмы. Но вмѣстѣ съ этими качествами краска Ehrlich'a имѣетъ и большой недостатокъ, а именно, что ее очень трудно приготовить. И я не избѣжалъ участи, точно также какъ и всѣ другіе, работавшіе съ Ehrlich'овскимъ триацидомъ, потратить цѣлые недѣли и мѣсяцы на приготовленіе этой краски. Въ концѣ концовъ мнѣ удалось приготовить сносную краску, но далеко не такую, какую я получилъ отъ Grüb-ler'a изъ Лейпцига. Краска это составлена по послѣднему рецепту Ehrlich'a и даетъ самыя лучшія картины при окраскѣ (100 gr. стоятъ всего 90 Pf. и на полторы тысячи препаратовъ я истратилъ всего лишь 45 gr.). Въ бытность мою въ Берлинѣ въ лабораторіи Ehrlich'a мнѣ удалось познакомиться съ практикуемымъ тамъ способомъ фиксаціи и окраски, которымъ я пользовался послѣ во все время моей работы; вслѣдствіе этого я считаю нужнымъ изложить его, тѣмъ болѣе, что онъ по простотѣ своей, удобству и получаемымъ результатамъ безспорно превосходитъ всѣ другіе способы фиксаціи, а между тѣмъ въ русской литературѣ онъ совсѣмъ еще неизвѣстенъ. Вся техника приготовленія и фиксированія сухихъ препаратовъ состоитъ въ слѣдующемъ.

Тонкія покровныя стеклышки (0,08 mm толщиной) предварительно кладутся въ крѣпкую сѣрную кислоту, вымываются въ водѣ, затѣмъ въ алкоголь и эфиръ и вытираются насухо. Приготовленное такимъ образомъ стеклышко слегка прикладывается къ каплѣ крови, полученной уколомъ въ палецъ; на это стеклышко кладется другое, но такъ, что получается восьми-угольная фигура. Находящаяся между ними капля крови быстро распредѣляется равномернымъ слоемъ между двумя стеклышками, которыя послѣ этого сейчасъ и разнимаются и кладутся кровью наверхъ; нѣсколькихъ секундъ вполне достаточно, чтобы эти препараты высохли на воздухѣ. Въ такомъ состояніи препараты для окраски еще не годны: гемоглобинъ красныхъ шариковъ долженъ быть фиксированъ, бѣлые же кровяные шарики должны лишиться своей

воды, такъ какъ лишь въ такомъ случаѣ зернистость и ядра могутъ окраситься надлежащимъ образомъ. Для фиксаціи я употреблялъ способъ, исключительно употребляемый въ послѣднее время Ehrlich'омъ. Берется мѣдная пластинка, длина которой приблизительно въ пять разъ превосходитъ ширину. Одинъ конецъ этой пластинки нагрѣвается Бунзеновской горѣлкой, или, какъ я поступалъ, обыкновенной спиртовой лампочкой. По прошествіи 15—20 минутъ температура пластинки дѣлается во всѣхъ ея точкахъ постоянной; чѣмъ ближе къ мѣсту, подъ которымъ стоитъ спиртовая лампочка, тѣмъ конечно T^0 выше и наоборотъ. Чтобы установить теперь точку приблизительно въ 120^0 , берутъ палочку и наносятъ ею на нагрѣтую пластинку каплю воды и опредѣляютъ мѣсто, гдѣ капля начинаетъ кипѣть (100^0) и гдѣ начинаетъ замѣчаться феноменъ сфероидальнаго состоянія. Обѣ эти линіи на пластинкѣ отмѣчаются, и между ними кладется высушенный на воздухѣ препаратъ, но такъ, чтобы во 1) край покровнаго стеклышка не переходилъ нижнюю линію, и во 2) препараты должны быть положены покрытой кровью поверхностью **НЕ НАВЕРХЪ, а ВНИЗЪ**; 45 секундъ или максимумъ одной минуты вполне достаточно, чтобы достигнуть самой лучшей фиксаціи. Я очень долго мучился, пока мнѣ удалось опредѣлить необходимое для фиксаціи время, испортилъ я массу препаратовъ, но въ концѣ концовъ я пришелъ къ изложенному мною только что заключенію. Затѣмъ для экономіи краски и большаго удобства, я бралъ краску пипеткой и наносилъ на предметное стекло 3 капли и затѣмъ на каждую каплю накладывалъ фиксированное покровное стеклышко, которое и оставалось въ соприкосновеніи съ краской 8 минутъ. Затѣмъ препаратъ отмывался дистил. водой, высушивался между пропускной бумагой и включался въ канадскій бальзамъ.

Микроскопическія изслѣдованія препаратовъ производились окуляромъ 4 и объективомъ E (увеличеніе = 680); иммерсионной системы я не употреблялъ, потому что она

очень затрудняетъ счетъ, притомъ она совершенно излишня и при нѣкоторой опытности можно очень легко обойтись безъ нея. Сосчитывалось всегда не меньше 1000 бѣлыхъ шариковъ, причемъ каждый видъ послѣднихъ вносился въ соотвѣтствующую ему рубрику.

Для различныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ я принималъ, согласно указаніямъ Ehrlich'a, изслѣдованія котораго всѣми подтверждены, слѣдующія среднія цифры:

многоядерныхъ	около 70%
лимфоцитовъ	20%
одоядерные лейкоциты }	6—8%
переходныя формы }	
эозинофильныя клѣтки	1—2%

Что касается средняго количества бѣлыхъ шариковъ въ 1 см., то числовыя данныя авторовъ значительно расходятся, что, конечно, объясняется не только неточностями употребленныхъ изслѣдователями методовъ, но также и индивидуальными особенностями изслѣдованныхъ личностей и незначительными дневными колебаніями. Такъ, Наетъ нашелъ среднее число бѣлыхъ шариковъ въ 1 см 6000; Thoma и Lyon¹⁾ въ 2 рядахъ изслѣдованій 8388 и 5464; Reinecke²⁾ — 7351—7134; Limbeck 8000—9000; Rieder — 7680. Наблюденія послѣдняго отличаются большой точностью, вслѣдствіе чего я и принялъ выведенное имъ изъ 20 наблюденій среднее (7680) за норму.

Послѣ всего вышесказаннаго я перехожу теперь къ интересующему насъ вопросу, т. е. къ разбору тѣхъ измѣненій количества и морфологическихъ особенностей бѣлыхъ шариковъ, которыя мы встрѣчаемъ при раковыхъ заболѣваніяхъ.

Фактъ, что при злокачественныхъ опухоляхъ вообще и при ракѣ въ частности количество бѣлыхъ шариковъ иногда

1) Virch. Archiv 126.

2) Reinecke. Blutkörperchenzählung bei Gesunden. Fortschr. d. Med. 1889 № 11.

увеличивается, былъ уже извѣстенъ, какъ Limbeck упоминаетъ, многимъ французскимъ изслѣдователямъ, напр.: Velpeau¹⁾, Berard²⁾, Bouillard³⁾, Broca⁴⁾, Jollin⁵⁾, Cruveilhier и Paget⁶⁾, которые объясняли это явленіе переходомъ раковыхъ массъ въ кровь. Andral⁷⁾, вѣроятно, былъ первымъ, который вѣрно опредѣлилъ природу этихъ размножившихся въ крови клѣтокъ и призналъ ихъ лейкоцитами. Его наблюденія, произведенныя совмѣстно съ Cavaret⁸⁾, были впоследствии подтверждены другими авторами (Chaillon⁸⁾, Ollier⁹⁾, Vidal¹⁰⁾). Болѣе точныя изслѣдованія по этому поводу сдѣланы впервые Lücke¹¹⁾, который, какъ впоследствии и Sappey¹²⁾ и Nerveu¹³⁾, констатировалъ увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ у раковыхъ больныхъ; этотъ симптомъ Lücke считаетъ какъ *omen malum* наступившей генерализаціи рака.

Halla¹⁴⁾ и Virchow¹⁵⁾ высказали предположеніе, что лейкоцитозъ при ракъ есть слѣдствіе раздраженія лимфатическихъ железъ, которыя при ракъ сравнительно рано поражаются.

1) Velpeau -- Union medical 1824, tom 3. 1827, tome 2.

2) Berard. Article „Cancer“. Dictionaire de med.

3) Bouillard. Nosographie méd. Tome 5, p. 276.

4) Broca. Mémoires de l'academie de médecine 1850.

5) Jollin. Eléments de path. externe. Tome I, p. 275.

6) Cruveilhier и Paget. Lectures on surgical pathol, London 1870, p. 784.

7) Andral et Cavaret. Paggendorfs Annalen 183.

8) Chaillon. Thèse de Paris 1865, p. 46.

9) Ollier. Recherches anat. path. s. la structure de l'humeur. Paris 1856.

10) Vidal. Arch. gener. de Méd. 1890, III Serie. Tome 8, p. 333.

11) Lücke. Das Carcinom. Erlangen 1867.

12) Des éléments figurés du sang. Paris 1881.

13) Contreindication à l'ablation de cancre melanique. Memoires de Chirurg. Paris 1880.

14) Halla. Ueber d. Hgbgehalt des Blutes etc. Prag. Zeitschr. f. Heilkunde, IV. Bd., стр. 198. 1883.

15) Virchow. Die Cellularpathologie in ihrer Begründung auf physiolog. u. pathol. Gewebslehre.

Lichtenstern тоже нашелъ въ одиночныхъ случаяхъ лейкоцитовъ.

Лааше¹⁾ обращаетъ вниманіе на увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ только при ракъ матки, такъ что очевидно онъ другихъ случаевъ не наблюдалъ.

Escherlich²⁾ нашелъ при ракъ увеличеніе числа лейкоцитовъ, при уменьшеніи числа эритроцитовъ и количества гемоглобина. Что касается наблюденныхъ Escherlich'омъ различныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ, то, сообразно съ нашими современными взглядами, трудно судить о нихъ хоть сколько нибудь вѣрно. Escherlich именно видѣлъ какіе то гемоглобинъ содержащіе лейкоциты (?) и малые лимфоциты съ нейтрофильной зернистостью (?).

Lepine и Germout³⁾ ни разу не находили при ракъ отношеніе бѣлыхъ къ краснымъ выше нормы.

Potain⁴⁾ рассказываетъ о случаѣ рака желудка, который протекалъ при клинической картинѣ тяжелой анеміи и лишь при секціи оказался ракомъ желудка; отношеніе бѣлыхъ къ краснымъ равнялось 1 : 48.

Neubert⁵⁾, хотя лейкоцитоза при ракъ констатировать не могъ, однако замѣчаетъ, что число многоядерныхъ всегда превышаетъ количество одноядерныхъ. Положимъ, что указаніе Neubert'a врядъ ли можетъ имѣть научное значеніе: онъ принимаетъ отношеніе одноядерныхъ къ многоядернымъ равнымъ 45,4 : 54,6, что навѣрно не соответствуетъ дѣйствительности.

Jaksch⁶⁾ констатировалъ лейкоцитозъ въ двухъ случаяхъ злокачественнаго новообразованія брюшной полости.

1) Laache. Die Anämie. Christiania.

2) Escherlich. Hydrämische Leucocytose. Berl. klin. Wochenschr. 1884, № 10.

3) Lepine u. Germout. Jahresbericht f. d. gesch. Med. 1877 I, 235.

4) Potain. Un cas de leucocythémie. Gaz. des hôp. № 57, 1888.

5) Neubert. Beitrag zur Blutuntersuchung speciell bei d. Phthisis pulm. u. d. Carcinom. Dorpat 1889.

6) Jaksch. Ueber Diagnose u. Therapie d. Erkrankungen d. Blutes. Prag. Med. Wochenschr. 1890 № 31—33.

Schneider¹⁾, изслѣдовавъ кровь у 12 раковыхъ больныхъ, находилъ всегда абсолютное и относительное увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ, такъ что онъ признаетъ существованіе лейкоцитоза дифференціально-діагностическимъ средствомъ между карциномой и язвой желудка.

Rosenheim²⁾ утверждаетъ, что лейкоцитозъ только въ половинѣ всѣхъ случаевъ встрѣчается при ракъ.

Eisenlohr³⁾ нашелъ въ одномъ случаѣ рака желудка сильный лейкоцитозъ.

Limbeck⁴⁾ упоминаетъ объ одной больной съ Carcin. genis, у которой количество бѣлыхъ шариковъ возрасло въ продолженіе 11 дней съ 18.541 до 80.514. При этомъ Лимбекъ высказываетъ сомнѣніе, чтобы находимыя въ увеличенномъ количествѣ въ крови больныхъ съ злокачественными новообразованиями клѣтки дѣйствительно состояли только изъ бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, и дѣлаетъ предположеніе, не есть ли это тканевыя клѣтки.

Reinert⁵⁾ тоже нашелъ въ 2 случаяхъ Carc. ventriculi лейкоцитозъ, на основаніи чего онъ хочетъ, равно какъ и Fr. Müller⁶⁾, признать за этимъ явленіемъ дифференціально-діагностическое значеніе между Carcinoma и ulcus ventriculi.

Strauer⁷⁾, занимавшійся изслѣдованіемъ крови у сердечныхъ и раковыхъ больныхъ, не всегда могъ констатировать у послѣднихъ лейкоцитозъ.

Rieder⁸⁾ утверждаетъ, что ракъ пищевода занимаетъ

1) Schneider. Das morphol. Verhalten d. Blutes bei Carc. etc. Dis. Berlin 1888.

2) Rosenheim. Cit. по Klein'y (Wien. Med. Woch. 1890 № 36 ff.).

3) Eisenlohr. Blut u. Knochenmark bei progr. pern. Anämie u. bei Magencarc. Deutsch. Arch. f. klin. Med. Bd. 20, S. 494, 1877.

4) Limbeck l. c.

5) Reinert l. c.

6) Müller. Berl. kl. Wochenschr. 1887.

7) Strauer l. c.

8) Rieder. Beiträge zur Kenntniss d. Leucocytose etc. 1892.

исключительное положеніе, такъ какъ ему, точно также Рее¹⁾ и Escherlich'y²⁾, почти ни разу не удалось констатировать лейкоцитоза, даже у больныхъ съ явно выраженной кахексіей. Изъ изслѣдованныхъ имъ 7 случаевъ, трое больныхъ совсѣмъ не показывали увеличенія числа бѣлыхъ шариковъ; относительно же различныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ онъ констатируетъ постоянный перевѣсъ многоядерныхъ надъ одноядерными. Что касается дифференціально-диагностическаго значенія изслѣдованія бѣлыхъ шариковъ при ракѣ и круглой язвѣ желудка, то онъ указываетъ, что при ракѣ, даже при нормальномъ количествѣ бѣлыхъ шариковъ, встрѣчался значительный перевѣсъ полиморфныхъ элементовъ крови. Изслѣдованія надъ эозинофильными клѣтками, предпринятія Canon'омъ³⁾, не показали никакихъ особенныхъ уклоненій при наблюденномъ имъ Carcin. pancreatis. Очень тщательныя изслѣдованія надъ лейкоцитозомъ при злокачественныхъ опухоляхъ сдѣланы Hayem'омъ⁴⁾ и его ученикомъ Alexander'омъ⁵⁾; — они нашли, что далеко не всѣ случаи рака сопровождаются лейкоцитозомъ, и что послѣдній не зависитъ ни отъ мѣста занимаемаго опухолью, ни отъ гистологическаго ея строенія; однако, связи, которая существуетъ между нимъ и раковымъ заболѣваніемъ, имъ разъяснить не удалось.

Sadler⁶⁾, изслѣдовавшій кровь у 15 раковыхъ больныхъ, получилъ лишь у 4 положительный результатъ, двое имѣли очень слабый лейкоцитозъ, въ остальныхъ же 9 случаяхъ количество бѣлыхъ шариковъ не превышало нормы; наоборотъ,

1) Рее. Untersuchungen über Leucocytose. Dis. Berlin 1890.

2) Escherlich l. c.

3) Canon. Ueber eosinophile Zellen u. Mastzellen im Blute Gesunder und Kranker. Deutsch. Med. Wochenschr., 1892, № 10.

4) Hayem. Comptes rend. de la société etc. 1887 № 17, 8-me Serie. Tome 4, p. 270.

5) Alexander. De la leucocytose dans les cancers. Paris 1887.

6) Sadler. Kl. Unters. über d. Zahl etc. Fortschr. d. Med. 1892, Bd. Supplement-Heft.

у изслѣдованныхъ имъ 4 случаевъ саркомы онъ всегда могъ констатировать лейкоцитозъ. Такія же очень низкія цифры для лейкоцитовъ получилъ Zappert¹⁾: изъ 14 случаевъ только у двоихъ оказывается лейкоцитозъ, въ 2 случаяхъ по 10.000, въ остальныхъ 10 случаяхъ нормальное количество бѣлыхъ шариковъ.

Reinbach²⁾ отмѣчаетъ изъ 16 изслѣдованныхъ имъ случаевъ рака 10 разъ положительные результаты.

Изъ отечественной литературы я, къ сожалѣнію, могу указать лишь на одну работу Влаева³⁾ изъ клиники проф. Пастернакаго, появившуюся въ этомъ году. Авторъ, изслѣдовавшій кровь при разныхъ заболѣваніяхъ печени, а въ томъ числѣ и при ракъ, нашелъ при нихъ настолько рѣзкія измѣненія крови — уменьшеніе количества красныхъ кровяныхъ шариковъ и гемоглобина, паденіе удѣльнаго вѣса и значительное увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ, — что онъ считаетъ возможнымъ изъ этихъ данныхъ сдѣлать выводъ о значеніи печени для кровотоворенія. Хотя выводы изъ этой работы прямо къ моей темѣ не относятся, но я не могу удержаться, чтобы не указать на крайнюю нелогичность сдѣланнаго авторомъ вывода. Влаевъ говоритъ, что всѣ эти измѣненія крови онъ находилъ лишь при злокачественныхъ новообразованіяхъ въ печени, другія же заболѣванія печени, какъ атрофическій и гипертрофическій циррозъ, эхинококкъ печени, никакихъ измѣненій ни въ видѣ красныхъ шариковъ, ни рѣзкаго паденія количества ихъ, ни гемоглобина, ни удѣльнаго вѣса крови, не производятъ; не бываетъ также при нихъ и лейкоцитоза. На основаніи чего, спрашиваю я, сдѣлано авторомъ заключеніе о кровотоворномъ значеніи печени? Если бы всѣ заболѣванія

1) Zappert. Ueber das Vorkommen v. eosinophilen Zellen im menschlichen Blute. Zeitschr. für kl. Med. XXIII, 1893.

2) Reinbach l. c.

3) Влаевъ. Къ вопросу объ измѣненіяхъ крови при нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ печени. Врачъ № 5—15. 1895 г.

печени характеризовались одинаковыми измѣненіями крови, то тогда, конечно, можно было бы эти измѣненія приписать выпаденію кроветворной функціи печени; но этого ничуть не бывало. Только при ракъ встрѣчаются эти измѣненія, значить не въ деструкціи печени дѣло, а въ раковомъ новообразованіи, производящемъ всѣ вышеупомянутыя измѣненія въ крови. Изслѣдованія крови, произведенныя мною надъ больными съ ракомъ матки, въ общемъ дали мнѣ тѣ же результаты, что и г. Влаеву при его изслѣдованіяхъ надъ больными съ ракомъ печени; но изъ этого еще нельзя дѣлать вывода, что и матка имѣетъ кроветворное значеніе. — Блиндерманъ ¹⁾ тоже констатировалъ при ракъ лейкоцитозъ.

Какъ видно изъ приведенной мной литературы, взгляды на лейкоцитозъ очень расходятся; между тѣмъ какъ одни авторы находили почти при всѣхъ раковыхъ заболѣваніяхъ увеличеніе числа бѣлыхъ элементовъ крови, другіе могли констатировать это явленіе лишь въ меньшинствѣ случаевъ. Большинство авторовъ, кромѣ Reinbach'a и Rieder'a, занимались лишь изслѣдованіемъ абсолютнаго количества бѣлыхъ шариковъ, не обращая вниманія на болѣе тонкія измѣненія, касающіяся морфологіи ихъ. — Теперь я хочу перейти къ изложенію добытыхъ мною фактовъ и тѣхъ выводовъ, которые можно на основаніи ихъ сдѣлать.

Прежде всего рассмотримъ измѣненія относительно абсолютнаго количества бѣлыхъ шариковъ. Принимая за норму 8000 бѣлыхъ шариковъ, будемъ считать слабый лейкоцитозъ отъ 8000—10.000, средній отъ 10.000—13.000, сильный отъ 13.000—16.000 и весьма сильный лейкоцитозъ, когда количество бѣлыхъ шариковъ превосходитъ 16.000. Конечно, понятія „слабый“, „сильный“ лейкоцитозъ условныя, но въ связи съ цыфрами они не лишены значенія, и я не знаю другаго пути, какъ бы яснѣе показать частоту и силу встрѣ-

1) Блиндерманъ l. c.

чающагося при ракъ лейкоцитоза. Я постарался по только что указанному мною дѣленію распредѣлить результаты изъ произведенныхъ мною 95 изслѣдованій. Оказалось слѣдующее: Весьма сильный лейкоцитозъ въ 37 случ. т. е. 38,9% всѣхъ случ.

Сильный	"	"	15	"	"	15,7%	"	"
Средній	"	"	23	"	"	24,2%	"	"
Слабый	"	"	11	"	"	11,5%	"	"

Нормальное количество бѣ-

лыхъ шариковъ	"	9	"	"	9,4%	"	"
---------------	---	---	---	---	------	---	---

Среднее изъ моихъ 95 изслѣдованій дало цифру: 15095 въ каждомъ куб. миллим.

Среднія цифры для различныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ получились слѣдующія:

а) малыхъ лимфоцитовъ	11,1%
б) большихъ лимфоцитовъ	3,5%
в) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	2,8%
г) переходныхъ формъ	1,6%
е) полиморфныхъ	78,9%
ф) эозинофильныхъ	1,9%

Разсматривая теперь измѣненія бѣлыхъ шариковъ со стороны локализациі новообразованія мы находимъ слѣдующее:

I. Carcinoma различныхъ брюшныхъ органовъ. (12 случаевъ.)*

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 19.004.

Изъ нихъ въ среднемъ:

а) малыхъ лимфоцитовъ	8,3%
б) большихъ лимфоцитовъ	3,3%
в) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	1,8%
г) переходныхъ формъ	0,3%
е) полиморфныхъ	75,5%
ф) эозинофильныхъ	1,9%

*) Изъ нихъ 4 carc. recti.

II. Carcinoma colli. (3 случая.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 18.816.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	5,7 %
b) большихъ лимфоцитовъ.	0,9 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	1,9 %
d) переходныхъ формъ.	1,3 %
e) полиморфныхъ	88,3 %
f) эозинофильныхъ	2,0 %

III. Carcinoma uteri. (35 случаевъ.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 17.573.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	8,2 %
b) большихъ лимфоцитовъ.	2,9 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	2,4 %
d) переходныхъ формъ.	0,9 %
e) полиморфныхъ	82,9 %
f) эозинофильныхъ	2,3 %

IV. Carcinoma ventriculi. (15 случаевъ.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 17.202.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	9,3 %
b) большихъ лимфоцитовъ.	4,1 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	2,3 %
d) переходныхъ формъ.	2,0 %
e) полиморфныхъ	81,2 %
f) эозинофильныхъ	1,3 %

V. Carcinoma различныхъ частей головы. (10 случаевъ).

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 15.582.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	9,9 %
b) большихъ лимфоцитовъ	3,2 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	4,2 %
d) переходныхъ формъ	2,5 %
e) полиморфныхъ	76,6 %
f) эозинофильныхъ	2,0 %

VI. Carcinoma oesophagi. (7 случаевъ.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 13.137.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	7,7 %
b) большихъ лимфоцитовъ	3,7 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	3,4 %
d) переходныхъ формъ	1,9 %
e) полиморфныхъ	83,8 %
f) эозинофильныхъ	1,5 %

VII. Carcinoma ovarii et vaginae. (4 случая.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 13004.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	6,0 %
b) большихъ лимфоцитовъ	2,2 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	3,3 %
d) переходныхъ формъ	0,8 %
e) полиморфныхъ	87,0 %
f) эозинофильныхъ	0,6 %

VIII. Carcinoma mammae. (9 случаевъ.)

Среднее количество бѣлыхъ шариковъ: 12.003.

Изъ нихъ въ среднемъ:

a) малыхъ лимфоцитовъ	11,2 %
b) большихъ лимфоцитовъ	5,4 %
c) большихъ одноядерныхъ лейкоцитовъ	4,4 %
d) переходныхъ формъ	2,3 %
e) полиморфныхъ	76,2 %
f) эозинофильныхъ	1,5 %

Въ частности я не могу входить въ разборъ отдѣльныхъ случаевъ и долженъ по этому указать въ остальномъ на общую таблицу. Но все вышеприведенное даетъ намъ, кажется, достаточно данныхъ, чтобы на основаніи ихъ вывести вѣрное заключеніе объ отклоненіяхъ въ жизни бѣлыхъ шариковъ при раковыхъ заболѣваніяхъ. Прежде всего мы находимъ почти въ 90 % лейкоцитозъ, и если бы даже отсчитать тѣ случаи, которые попали подъ рубрику слабого лейкоцитоза съ количествомъ бѣлыхъ шариковъ отъ 8000—9000, т. е. числомъ не многимъ превышающимъ норму, то и тогда останется около 80 % всѣхъ случаевъ съ несомнѣннымъ увеличеніемъ числа лейкоцитовъ, доходящимъ до 30—40000, одинъ разъ даже до 54.000 при отношеніи бѣлыхъ къ краснымъ, какъ 1:27. Послѣдній случай (carcinoma uteri № 46) показывалъ не только относительно бѣлыхъ шариковъ, но и другихъ составныхъ частей крови измѣненія, которыя заставляли предполагать присутствіе злокачественной анеміи, однако секція никакихъ данныхъ въ пользу послѣдняго предположенія не представила. — Что касается спеціально характера измѣненій бѣлыхъ шариковъ, то главнаго вниманія заслуживаетъ измѣненіе численнаго отношенія между полиморфными и лимфоцитами: количество полиморфныхъ значительно возрастаетъ, а лимфоцитовъ убываетъ. Такъ, если принять для многоядерныхъ за норму не 70 %, а даже 75 %, то получаемъ въ

78,1% всѣхъ случаевъ увеличеніе числа нейтрофильныхъ шариковъ, которое въ 66,6% превосходитъ цифру 80 и достигаетъ иногда 95.

Ehrlich¹⁾ говоритъ, что при извѣстныхъ болѣзняхъ, связанныхъ съ кахексіей, какъ при карциномѣ, происходитъ замедленіе клѣточного метаморфоза, т. е. перехода одноядерныхъ въ многоядерныя, такъ что число первыхъ при ракѣ значительно увеличивается. Пониженіе количества многоядерныхъ я встрѣчалъ всего лишь въ пяти случаяхъ (№№ 14, 16, 75, 80 и 94), процентъ не весьма значительный, чтобы можно было сдѣлать какіе-нибудь выводы, согласные съ мнѣніемъ Ehrlich'a. Чему приписать перевѣсъ нейтрофиловъ надъ другими остальными формами, я не въ состояніи сказать. Ehrlich, чтобы привести подтвержденіе для своей теоріи о происхожденіи бѣлыхъ шариковъ, утверждаетъ, что исключеніе лимфатическаго аппарата, которое встрѣчается при пораженіи ракомъ, характеризуется уменьшеніемъ количества лимфоцитовъ. Я лично ни перваго, ни втораго не могу утверждать. Въ 3 случаяхъ Carc. colli съ сильнымъ пораженіемъ лимфатическихъ железъ мы, дѣйствительно, находимъ уменьшеніе числа лимфоцитовъ, но спрашивается, не вліяніе ли это лейкоцитоза, который обыкновенно происходитъ на счетъ многоядерныхъ элементовъ? Тутъ, очевидно, дѣло не въ пораженіи лимфатическаго аппарата, потому что я нигдѣ не могъ установить связи между этимъ явленіемъ и увеличеніемъ числа полинуклеарныхъ; я насчиталъ 9 случаевъ безъ очевиднаго заболеванія лимфатическихъ железъ, даже съ нормальнымъ содержаніемъ числа бѣлыхъ кровяныхъ шариковъ, у которыхъ, однако, процентное количество многоядерныхъ элементовъ всегда превышало 80%; одинъ разъ даже (№ 49), при общемъ числѣ лейкоцитовъ въ 7698, оно доходитъ до 93.3%. Словомъ, въ общемъ можно констатировать при ракѣ увеличеніе

1) Ehrlich. Ueber die Bedeutung d. neutrophilen Körnung. Charité-Annalen. Bd. XII.

числа нейтрофильныхъ клѣтокъ, хотя въ 22 0/0 или совсѣмъ не бываетъ уклоненій, или даже, какъ показываютъ вышеприведенные пять случаевъ, количество полиморфныхъ уменьшено, и лейкоцитозъ происходитъ на счетъ остальныхъ видовъ бѣлыхъ шариковъ. Объяснить это непонятное явленіе мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось. Reinbach прибѣгаетъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ не можетъ найти зависимости между состояніемъ крови и заболѣваніемъ какого-нибудь отдѣла кроветворной системы, къ объясненію этого явленія химіотаксисомъ: подъ вліяніемъ раковой опухоли образуются будто бы различные химическіе продукты, которые имѣютъ притягательную силу для извѣстныхъ клѣточныхъ элементовъ крови; послѣдніе, подъ вліяніемъ этихъ химическихъ веществъ, выходятъ изъ мѣста ихъ образованія въ большемъ количествѣ, чѣмъ обыкновенно, и переполняютъ кровь. Теорія эта не нова; высказаться же за и противъ нея, не имѣя положительно никакихъ данныхъ, я считаю себя не вправѣ.

Что касается зависимости лейкоцитоза отъ локализациі рака, то высшая средняя цифра получена у больныхъ съ раковымъ пораженіемъ нѣкоторыхъ брюшныхъ органовъ; затѣмъ слѣдуютъ *canc. colli, uteri* и т. д., въ порядкѣ указанномъ раньше таблицей. Стоитъ ли лейкоцитозъ въ связи съ локализацией раковаго заболѣванія и зависитъ ли онъ отъ природы пораженнаго органа или отъ другихъ какихъ нибудь причинъ, я постараюсь выяснитъ далѣе.

Относительно эозинофильныхъ клѣтокъ я позволю себѣ привести наблюденіе, которое не лишено интереса. Какъ извѣстно, Rieder¹⁾ уже указалъ на уменьшеніе этихъ элементовъ въ крови раковыхъ больныхъ, хотя въ его таблицѣ находится одинъ случай *canc. ventriculi* съ 6 0/0 эозинофильныхъ клѣтокъ. Въ другой статьѣ, написанной тѣмъ же авторомъ совмѣстно съ Müller'омъ²⁾, всѣ приведенные

1) Rieder l. c.

2) Müller u. Rieder. Ueber d. Vorkommen u. d. Bedeutung d. eosinophilen Zellen etc. Deutsch. Arch. f. kl. Med. Bd. 48, 1891.

случаи раковых новообразований отличаются относительно низкими цифрами для эозинофиловъ; v. Noorden¹⁾ тоже описалъ случай — ракъ желудка — съ уменьшеніемъ числа эозинофильныхъ клѣтокъ. Zappert²⁾ изслѣдовалъ кровь въ 14 случаяхъ рака и пришелъ къ заключенію, что количество эозинофиловъ уменьшается по мѣрѣ увеличивающейся кахексии.

Reinbach³⁾ утверждаетъ, что онъ никогда не находилъ увеличенія числа эозинофиловъ при раковыхъ заболѣваніяхъ, но прибавляетъ, что вопроса этого нельзя рѣшить, вслѣдствіе малаго количества изслѣдованныхъ имъ случаевъ. Что его предположеніе не безосновательно, доказывается сдѣланными мною наблюденіями, которыя я и хочу сейчасъ привести.

Если принять норму для эозинофильныхъ элементовъ 2—4% (Ehrlich), то мы получимъ слѣдующія данныя:

Повышеніе отъ 4—11,2% въ 8% всѣхъ случаевъ.

Нормальное количество т. е. между 2—4% въ 26%.

Пониженіе отъ 2—1% въ 25%.

Пониженіе отъ 1—0% въ 34%.

Полное отсутствіе эозинофиловъ въ 7%.

Какъ видно изъ этого, уменьшеніе числа этихъ клѣтокъ болѣе или менѣе характерно для раковаго заболѣванія, хотя я не знаю, не сопутствуетъ ли это явленіе и другимъ кахектическимъ состояніямъ организма. Съ другой стороны мы видимъ въ нѣкоторыхъ (8%) случаяхъ повышеніе количества эозинофиловъ, — фактъ, опровергающій такимъ образомъ наблюденіе Reinbach'a.

Интересный случай представляетъ собой больной Нейтгардъ (№ 85), у котораго при второмъ изслѣдованіи (почти черезъ 2 мѣсяца) количество эозинофиловъ поднялось съ 1,7% на 8,7%. Отъ чего зависятъ эти непонятныя колебанія и какіе моменты играютъ при этомъ роль, трудно сказать что-

1) Untersuchungen über schwere Anaemie. Charité-Analen 1891.

2) Zappert l. c.

3) Reinbach l. c.

нибудь положительное. Мѣсто заболѣванія и степень кахексїи врядь ли имѣютъ здѣсь значеніе, — по крайней мѣрѣ, я никакой связи найти не могъ. Поразительно только для меня то, что тѣ паціенты, которые или совсѣмъ не имѣли эозинофильныхъ клѣтокъ или же имѣли ихъ весьма мало, всегда въ скоромъ времени послѣ изслѣдованія умирали. Такъ, Руншке (№ 3) черезъ нѣкоторое время послѣ изслѣдованія умеръ; точно также Гефхенъ (№ 8); Крюгеръ (№ 11), Пульвермахеръ (№ 34) и Арндтъ (№ 22) находились уже *in extremis* при изслѣдованіи; точно также Бермигъ (№ 20), Ульбрехтъ (№ 21), Вальдъ (№ 26), Ледеманъ (№ 45) и Моригъ (№ 46) вскорѣ умерли. У Винтеръ (№ 53) первое изслѣдованіе (10/VІ) дало 2,9% эозинофильныхъ; предпринятое за нѣсколько дней передъ смертью изслѣдованіе показало уже лишь 0,2% этихъ элементовъ. Точно также у Бланкъ (№ 77) замѣтно пониженіе за 1 мѣсяць съ 0,6 до 0,2. Пашъ (№ 59) и Брюль (№ 71) передъ смертью тоже показали пониженіе эозинофильныхъ клѣтокъ.

Я не хочу перечислять всѣхъ случаевъ, но, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, мнѣ кажется будетъ не слишкомъ смѣлымъ предположить, что количество эозинофиловъ въ крови у раковыхъ больныхъ падаетъ постепенно по мѣрѣ приближающейся смерти паціента, и въ виду такихъ положительныхъ данныхъ я не сомнѣваюсь, что этому факту можно приписывать большое значеніе, именно какъ признакъ приближающагося *exitus'a*. Имѣетъ ли это явленіе мѣсто во всѣхъ случаяхъ, я не знаю, потому что я не изслѣдовалъ всѣхъ паціентовъ передъ смертью; я хотѣлъ лишь обратить вниманіе на это явленіе, такъ какъ оно, безъ сомнѣнія, не лишено интереса.

Другіе виды бѣлыхъ шариковъ никакихъ особенныхъ отклоненій отъ нормы не показываютъ. На особенныя клѣтки я бы хотѣлъ еще указать, именно на тѣ, которыя впервые описаны Reinbach'омъ и названы имъ „*binucleäre homogene Leucocyten*“. Всего мнѣ удалось встрѣтить во всѣхъ моихъ

препаратахъ лишь 3—4 такихъ шариковъ. Они безспорно принадлежать къ такъ называемымъ „переходнымъ формамъ“ и характеризуются тѣмъ, что въ большой гомогенной клѣткѣ лежатъ краями другъ къ другу два ядра, которыя несомнѣнно произошли при помощи прямого дѣленія ядра, принадлежащаго большому однопядерному лейкоциту. Интересно только то, что мы тутъ находимъ атипическое дѣленіе. Во то время какъ въ остальныхъ случаяхъ дѣленіе клѣтки начинается образованіемъ углубленія въ ядрѣ, которое идетъ все глубже и дѣлаетъ ядро либо лопастнымъ, либо фрагментируетъ его, въ настоящемъ случаѣ дѣленіе клѣтки происходитъ безъ измѣненія прежняго круглаго вида ядра. Слѣдуетъ ли этимъ элементамъ приписать какое либо значеніе, трудно сказать, и я хотѣлъ лишь обратить на нихъ вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ подтвердить единственное на это указаніе Reinbach'a.

Какъ на разногласіе результатовъ, полученныхъ мною и другими авторами, я хотѣлъ бы указать на найденныя мною цифры при ракѣ пищевода.

Rieder, Pee и Escherlich¹⁾, какъ выше упомянуто, почти ни разу не могли констатировать лейкоцитоза при *carcinoma oesophagi*. Во время моей работы я обращалъ вниманіе на это обстоятельство и пришелъ къ заключенію, что наблюденіе, сдѣланное этими авторами, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Изъ 7 случаевъ рака пищевода, изслѣдованныхъ мною, я нашелъ: въ 2 случаяхъ нормальное количество бѣлыхъ шариковъ или даже пониженіе ихъ, въ 2 случаяхъ средній лейкоцитозъ, въ одномъ случаѣ сильный, а въ остальныхъ двухъ случаяхъ весьма сильный лейкоцитозъ. Среднее изъ этихъ 7 случаевъ даетъ 11.594 въ куб. мил., число соотвѣтствующее среднему лейкоцитозу. Разногласіе въ результатахъ я объясняю или сравнительно малымъ матеріаломъ употребленнымъ Rieder'омъ, или же случайностью,—

1) Rieder, Pee u. Escherlich l. c.

такъ и у меня 2 случая показываютъ нормальное количество бѣлыхъ элементовъ въ крови, другіе же 2 не многимъ превосходятъ цифру 10.000.

Резюмируя все найденное нами при изслѣдованіи измѣненій бѣлыхъ шариковъ въ крови раковыхъ больныхъ, мы видимъ, что, несмотря на безспорное существованіе отступленій морфологическаго свойства, главные измѣненія касаются количественной стороны бѣлыхъ шариковъ, выразившись присутствіемъ почти въ 85 0/0 всѣхъ случаевъ лейкоцитоза при средней цифрѣ въ 15095 лейкоцитовъ въ 1 куб. мил.

Невольно, конечно, является вопросъ, что служить причиной этого лейкоцитоза? Есть ли взаимная связь между лейкоцитозомъ и другими измѣненіями въ составѣ крови, соответствуетъ ли лейкоцитозъ общей кахексіи организма, находится ли онъ въ прямой связи съ раковымъ новообразованіемъ, какъ таковымъ, зависитъ ли онъ отъ локализациі опухоли или гистологическаго ея строенія, или отъ какихъ нибудь другихъ условій, только сопутствующихъ обыкновенно неоплазмѣ? Вопросъ этотъ, столь темный и поэтому еще болѣе интересный, привлекалъ вниманіе почти всѣхъ изслѣдователей. Достаточно указать на цитированныя мною раньше обширныя работы такихъ специалистовъ, какъ Наяет и его ученикъ Alexander; оба они должны были ограничиться лишь констатированіемъ факта существованія лейкоцитоза въ большинствѣ случаевъ раковаго заболѣванія; связи же между раковымъ заболѣваніемъ и появленіемъ увеличеннаго количества бѣлыхъ шариковъ въ крови имъ установить не удалось. И v. Limbeck¹⁾ говоритъ: „Trotz der zweifellosen Abhängigkeit des Bestandes des Neoplasmas und der allfälligen Leucocytose fehlt uns bisher über die Art und Weise dieses Connexes jegliches positive Wissen“. Но оставимъ другихъ авторовъ и посмотримъ, не удастся ли намъ помощью нашего

1) Limbeck l. c.

матеріала пролить хоть какой-нибудь свѣтъ на этотъ темный вопросъ. Прежде всего интересно посмотрѣть, соответствуетъ ли степень лейкоцитоза степени другихъ измѣненій въ крови и общему состоянію организма?

На то и другое приходится дать отрицательный отвѣтъ. Мнѣ трудно было бы перечислить всѣ случаи, гдѣ прямо ясно видна эта независимость отъ другихъ измѣненій въ составѣ крови. Бѣглый взглядъ на общую таблицу покажетъ, что мы находимъ въ высшей степени сильный лейкоцитозъ, достигающій до 20—30.000 и больше еще, въ то время какъ измѣненія въ количествѣ красныхъ шариковъ, гемоглобина, или очень мало, или же совсѣмъ не выражены. Такой же отрицательный отвѣтъ мы должны дать и относительно вопроса, есть ли лейкоцитозъ выраженіе общаго маразма? Я хочу лишь указать на больныхъ Руншке, Михельсъ, Цукербренеръ, Пульвермахеръ и др. съ одной стороны, на Виценцъ, Цилло, Кайзеръ, Швоховъ, Лукъ и многихъ другихъ съ другой стороны: у первыхъ крайняя кахексія съ нормальнымъ числомъ лейкоцитовъ, у другихъ при несравненно лучшемъ общемъ состояніи сильное увеличеніе числа бѣлыхъ шариковъ. Что и локалізація тоже не играетъ тутъ роли, видно изъ сопоставленія двухъ больныхъ при пораженіи одного и того же органа. Напр., въ случаѣ Май (№ 67) *sarc. uteri* мы имѣемъ 6623, въ случаѣ Морисъ (№ 46), тоже *sarc. uteri* 54.038 лейкоцитовъ; далѣе въ (№ 27) *Carcinoma recti* (Цукербреннеръ) 8582, а въ случаѣ (№ 26), тоже *sarcin. recti* (Вальдъ) 29393 бѣлыхъ шариковъ. Я привожу здѣсь лишь единичные примѣры, потому что ихъ слишкомъ много, чтобы тутъ ихъ всѣ перечислять, такъ что въ остальномъ я долженъ ограничиться указаніемъ на общую таблицу. Такимъ образомъ связь лейкоцитоза съ только что перечисленными измѣненіями въ крови и организмѣ установлена быть не можетъ. Но существуетъ одно обстоятельство, на которое до сихъ поръ не обращали должнаго вниманія, но съ которымъ безспорно

стоитъ въ прямой зависимости интересующій насъ лейкоцитозъ: это — изъязвленіе опухоли. Въ доступной мнѣ литературѣ я только у одного автора нашелъ намекъ на это обстоятельство, именно у Reinbach'a. Почему до сихъ поръ это явленіе такъ мало оцѣнили, для меня не понятно. И я лишь въ концѣ работы, т. е. собравши уже почти весь матеріалъ, замѣтилъ это странное совпаденіе лейкоцитоза съ изъязвленіемъ опухоли. Мнѣ опять таки трудно привести всѣ случаи, я постараюсь поэтому указать на самые характерные изъ нихъ. Особенно нагляднымъ дѣлается правдивость этого предположенія, если сопоставлять цифры лейкоцитовъ при изъязвленномъ и неизъязвленномъ ракъ одного и того же органа. Такъ случаи №№ 74, 75, 76 и 79 (Альтманъ, Заагеръ, Зееггаузенъ и Русманъ) съ *Carc. mammae* безъ изъязвленія почти никакого увеличенія числа бѣлыхъ шариковъ не показываютъ, между тѣмъ какъ подобные же случаи №№ 77, 78, 80 и 81 (Blank, Kaiser, Dohrn, Gressin), но съ изъязвленной поверхностью опухоли характеризуются весьма сильнымъ лейкоцитозомъ. Въ 2 случаяхъ *Carc. labii inferioris* (№№ 91, 92) (Puhle, Kuks) мы находимъ у перваго страшное изъязвленіе, сдѣлавшее операцію невозможной, а у другаго лишь небольшой узелъ безъ всякаго изъязвленія и въ результатѣ мы получаемъ у перваго 36.376, а у другаго 6922 лейкоцитовъ. Изъ 3 случаевъ *carc. colli* всѣ были *inoperabiles*, самое сильное пораженіе собственно было въ случаѣ (№ 84) (Gelpey), но у него изъязвленіе далеко не достигало той степени, какъ у остальныхъ двухъ, и въ результатѣ мы находимъ у него самое меньшее количество бѣлыхъ шариковъ сравнительно съ другими. Далѣе я хотѣлъ бы указать на 3 случая *carcin. ventriculi* (№№ 9, 16, 17) (Gedreit, Bial, Kukul), гдѣ клиническіе симптомы говорили противъ изъязвленія; и дѣйствительно, количество лейкоцитовъ найдено сообразно этому. Стоитъ теперь обратиться къ случаямъ съ лейкоцитозомъ, какъ мы увидимъ во всѣхъ случаяхъ констатированнаго изъязвленія подтвержденіе высказаннаго мною предположенія. Что

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

на

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ РЕЛИГИОЗНО-НРАВСТВЕННЫЙ, ИЛЛЮСТРИРОВАН-
НЫЙ НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ4 рубля за
годъ съ пе-
ресылкой.

„КОРМЧІЙ“

(восьмой годъ изданія).

2 р. 50 к.
за полгода
съ перес.

„Кормчій“ одобренъ Его Императорскимъ Высочествомъ, Государемъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Николаевичемъ, какъ полезное чтеніе для солдатъ и рекомендованъ Имъ къ выпискѣ по Россійской Артиллеріи.

Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ допущенъ въ библиотеки церковно-приходскихъ школъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ въ библиотеки народныхъ училищъ для внѣ класснаго чтенія учащихъ и взрослыхъ.

Адресъ Редакціи: Москва, Ордынка, д. Бажановой (квартира Протоіерея Скорбященской церкви).

„Кормчій“ предназначается для воскреснаго и праздничнаго народнаго чтенія. Въ виду этого программа изданія его носить характеръ общедоступности, какъ въ выборѣ статей для чтенія, такъ и въ формѣ ихъ изложенія.

„Кормчій“ имѣетъ главною цѣлью, какъ показываетъ и самое названіе, руководить православнаго христіанина на пути ко спасенію. „Кормчій“ и въ 1896 году будетъ издаваться, примѣняясь къ событіямъ недѣли и такимъ образомъ можетъ служить удобнымъ подспорьемъ для внѣбогослужебныхъ собесѣдованій съ народомъ на весь годъ, въ особенности сельскому духовенству; а для мірянъ и христіанскихъ семей — благовременнымъ и полезнымъ чтеніемъ въ воскресные и праздничные дни.

Программа журнала:

I. Календарныя свѣдѣнія. II. Объясненіе Евангелія или Апостола. III. Объясненіе главнѣйшихъ истинъ Христіанскаго вѣроученія. IV. Объясненіе Церковнаго Богослуженія, обрядовъ при таинствахъ и др. церковн. службахъ, молитвъ и церковныхъ пѣснопѣній. V. Объясненіе заповѣдей; поученія Св. Отцовъ и Учителей Церкви и современныхъ проповѣдниковъ; духовныя размышленія; поучительные рассказы изъ Пролога, Четивъ-Миней и т. п.; сказанія о различныхъ явленіяхъ Вѣры благодатной и дивныхъ знаменіяхъ милости Божіей. VI. Рассказы изъ Свящ. Исторіи Ветхаго и Нов. Завѣта; изъ Церковной исторіи и преимущественно Русской; описанія Московскихъ и Россійскихъ святыхъ. VII. Обличенія заблужденій современныхъ сектъ и лже-

ученій. VIII. Разказы изъ быта: народнаго, военнаго, школьнаго, миссіонерскаго, изъ быта раскольниковъ и сектантовъ. IX. Духовно - нравственныя стихотворенія. X. Извѣстія и замѣтки и объявленія.

№№ журнала будутъ украшаться рисунками или изъ событій Ветхаго и Новаго Завета, или видами замѣчательныхъ святынь и различныхъ достопамятностей съ соотвѣствующими поясненіями въ текстѣ.

Обязательный объемъ cadaго номера 12 стр., т. е. 1½ печатныхъ листа средняго убористаго шрифта. Но редакция, по примѣру прежнихъ лѣтъ, нѣкоторые номера будетъ выпускать въ два листа. Форматъ журнала будетъ увеличенъ.

Въ 1896 году въ журналѣ „Кормчій“ по прежнему будетъ принимать участіе своими литературными трудами

извѣстный Кронштадтскій пастырѣ отецъ Іоаннъ.

Въ 1896 г. Редакция „Кормчаго“ дастъ своимъ подписчикамъ воскресное бесплатное приложеніе — листокъ подъ заглавіемъ: „Нравственный обзоръ выдающихся событій современной жизни“.

Въ редакціи имѣются экземпляры „Кормчаго“ за 1890, 91, 92, 93 и 94 гг. Первые два года не въ полномъ видѣ (не достаетъ въ каждомъ около 10 номеровъ), цѣна каждому 1 р. 50 к., съ перес.; послѣдніе года, полные, цѣна 1892 г. 2 руб., а 1893 г. (сброшюрованъ) 2 р. 50 к., съ перес., 1894 г. (сброшюрованъ) цѣна 3 р. Налож. платежемъ не высылается.

Протоіерей *С. П. Ляпидевскій.*

Редакторы-Издатели: Священники { *І. Н. Бухаревъ.*
В. П. Гурьевъ.

Объ изданіи

„РУССКАГО ПАЛОМНИКА“

въ 1896 году.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1895 года «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» вступилъ въ одинадцатый годъ своего существованія. Читатели оцѣнили нашъ посильный трудъ въ минувшемъ десятилѣтіи, и своимъ сочувствіемъ и матеріальной поддержкой дали намъ возможность безостановочно идти къ выполненію принятой нами на себя задачи, совершенствуя, въ тоже время, наше изданіе, какъ во внутреннемъ содержаніи, такъ и со стороны внѣшней. Принося имъ за это нашу глубокую благодарность, мы не можемъ не вы-

разить нашего признательнаго чувства и всѣмъ правительственнымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ нравственное воспитаніе и религиозное просвѣщеніе народа и учащагося юношества, за одобреніе ими нашего изданія и выписку его для подвѣдомственныхъ имъ заведеній.

Само собою разумѣется, что все это обязываетъ насъ и на будущее время по возможности держаться на достигнутой нами высотѣ. Мы и общаемъ нашимъ читателямъ прилагать всѣ наши старанія къ тому, чтобы «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ», составляющій первый въ Россіи опытъ иллюстрированнаго изданія съ религиознонравственнымъ содержаніемъ, продолжалъ, по своимъ качествамъ, занимать первое мѣсто въ ряду подобныхъ изданій. Серьезность, занимательность и разнообразіе статей по всѣмъ предметамъ духовнаго вѣдѣнія и назиданія, въ общедоступномъ и безупречномъ литературномъ изложеніи, и разнообразіе и изящество художественной стороны изданія будутъ по прежнему составлять неизмѣнную нашу заботу.

Для незнакомыхъ еще съ нашимъ изданіемъ считаемъ необходимымъ пояснить, что оно содержитъ въ себѣ описаніе святынь Россіи и православнаго Востока, историческіе и біографическіе очерки изъ жизни Церкви и многочисленныхъ церковныхъ дѣятелей ея во всѣ времена существованія Церкви Божіей на землѣ, житія святыхъ угодниковъ Божіихъ, повѣствованія изъ церковно-религиозной области, путешествія ко святымъ мѣстамъ и обителямъ, объясненія праздниковъ и богослужебныхъ дѣйствій, назидательныя размышленія и проч. проч.

Такой составъ журнала и книжекъ, сопровождаемый многочисленными рисунками, дѣлаетъ пригоднымъ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» для всѣхъ читателей святынь и любителей религиознонравственнаго чтенія, для каждаго христіанскаго семейства, для учащагося поколѣнія обоого пола, для общежитій, казармъ, богадѣленъ, пріютовъ, больницъ, рабочихъ центровъ и тюремъ, для виѣ-церковныхъ собесѣдованій пастырей со своими прихожанами и т. п.

«РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» будетъ издаваться въ наступающемъ 1896 году на прежнихъ основаніяхъ и состоятъ изъ 32 выпусковъ, по два листа въ каждомъ со многими рисунками, и 4 книгъ особыхъ приложеній, заключающихъ въ себѣ каждая не менѣе 15-ти печатныхъ листовъ. Между прочими статьями, заготовленными нами для этихъ книгъ, будутъ помѣщены:

1) **Св. Григорій Богословъ**, его жизнь и избранныя творенія. Сочиненіе это, къ которому приложено до 37 словъ, стихотвореній и писемъ великаго Отца Церкви, составлено подъ редакцію преосвященнаго Никанора, епископа архангельскаго и холмогорскаго, и

2) **О крестѣ Господнемъ**, противъ раскольниковъ, кронштадтскаго протоіерея Іоанна Ильича Сергіева. Въ этомъ произведеніи доблестный пастырь, славные подвиги котораго составляютъ предметъ благоговѣйнаго удивленія всего христіанскаго міра, является съ новой стороны — въ качествѣ ученаго мыслителя. Мы сча-

стливы, что можемъ представить нашимъ читателямъ этотъ серьезный и цѣнный трудъ.

Кромѣ того, по примѣру прежнихъ лѣтъ, мы дадимъ читателямъ бесплатную премію, въ высокохудожественномъ исполненіи одной изъ лучшихъ нашихъ мастерскихъ.

Подписная цѣна въ годъ ШЕСТЬ рублей. Допускается разсрочка.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Владимірскій просп., 13.

Редакторъ-издатель *А. И. Поповицкій.*

Съ 1-го января 1896 года будетъ издаваться

ДѢЯТЕЛЪ

журналъ политическій, общественный и литературный

подъ редакціей профессора Казанскаго университета

А. И. Александрова.

Въ качествѣ сотрудниковъ изъявили желаніе принять участіе профессора: Е. О. Будде, А. О. Гусевъ, Л. О. Даркшевичъ, И. М. Догель, Г. Ф. Дормидонтовъ, Н. П. Загоскинъ, В. Ф. Залѣскій, Н. А. Засѣцкій, М. Я. Капустинъ, Н. О. Катановъ, О. Г. Мищенко, Н. А. Осокинъ, А. В. Поповъ, О. А. Рустичій, Н. В. Сорокинъ, и кромѣ того А. В. Нечаевъ, Б. Н. Агаѣоновъ, П. В. Арбековъ, С. С. Бырдинъ, С. М. Капустина, Л. Ф. Мищенко, Я. Посадскій, Р. В. Ризположенскій, С. М. Смирновъ, А. Т. Соловьевъ, С. Н. Сорокина, М. С. Сегель, П. В. Траубенбергъ.

Программа

журнала слѣдующая:

- 1) Правительственныя распоряженія.
- 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія.
- 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія.
- 4) Письма изъ провинціи.
- 5) Свѣдѣнія полезныя въ жизни.
- 6) Изъ жизни и печати.
- 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учреждений.
- 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и въ другихъ странахъ.
- 9) Свѣдѣнія о дѣятельности Обществъ Трезвости въ Россіи и за границею.

10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости.

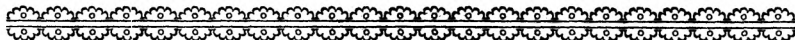
11) Критика и библиографія.

12) Объявленія.

Срокъ выхода отъ одного до четырехъ разъ въ мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля.

Адресъ редакціи: Казань, типографія Императорскаго Казанскаго Университета.

Принимается подписка на журналъ научно-литературный и политическій **НОВОЕ СЛОВО.**

Выходитъ ежемѣсячно отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ.

Журналъ „Новое Слово“, перейдя въ новыя руки, будетъ выходить подъ **новой редакціею** и при **новомъ составѣ сотрудниковъ.**

Въ журналѣ принимаютъ участіе: Я. В. Абрамовъ, В. В., П. В. Засодимскій, Н. Н. Златовратскій, Н. А. Каблуковъ, С. Н. Кривенко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, Г. А. Мачтетъ, Николай—онъ, Л. Е. Оболенскій, Н. А. Рубакинъ, А. М. Скабичевскій, К. М. Станюковичъ, В. А. Тимирязевъ, А. П. Чеховъ, Щепотьевы (Е. С. и С. А.) и др.

Примѣняясь къ теченію нашей общественной жизни, новый годовоі періодъ которой начинается **съ осени**, мы считаемъ цѣлесообразнымъ, по примѣру многихъ западно-европейскихъ журналовъ, начинать также съ этого времени и **журнальный годъ**. Вслѣдствіе этого годовая подписка на „Новое Слово“ принимается съ 1-го октября 1895 г. по 1-е октября 1896 г.

Подписная цѣна съ пересылкой на годъ	10 р. — к.
„ „ безъ пересылки на годъ	9 „ — „
„ „ „ „ на полгода	5 „ — „
„ „ „ „ на три мѣсяца	2 „ 50 „

Годовые подписчики „Новаго Слова“ за 1895 г., получивъ въ счетъ подписки **три первыя книжки** журнала (октябрь, ноябрь и декабрь), вносятъ за 1896 г., къ 1-му января 7 р. 50 к.

Адресъ конторы редакціи: Спб. Спасская ул. (уг. Надеждинской), д. 15, кв. 1.

Отдѣленіе конторы: Спб. Невскій пр., д. 54, „Библіотена Чернесова“.

Городская подписка принимается, кромѣ конторы редакціи и ея отдѣленія, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, Н. П. Карбасникова, К. Риккера, Цинзерлинга (Мелье) и въ библіотекѣ Л. Т. Рубакиной (Бол. Подъяческая, д. 24). Москва, Книжн. маг. М. Ц. Ключина, Моховая.

Получая неоднократно заявленія отъ провинціальныхъ читателей о затрудненіи въ **выборѣ** и **выпискѣ** книгъ, контора редакціи беретъ на себя составленіе списковъ, высылку каталоговъ и книгъ и съ удовольствіемъ будетъ отвѣчать на всѣ запросы провинціального читателя.

Лица, выписывающія изданія **О. Н. Половой** черезъ контору редакціи или ея отдѣленіе, за пересылку не платятъ.

За редактора *И. А. Поповъ*.

Издательница *О. Н. Попова*.

Вышелъ и разосланъ подписчикамъ I т. соч. **Н. А. Добролюбова**, съ портретомъ автора.

Содержаніе I т.: Біографія **Н. А. Добролюбова**, со включеніемъ писемъ — **А. М. Снабичевского**. — Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія — Критическія статьи 1857—1858 гг.

Продолжается подписка.

===== Пятое изданіе собранія сочиненій =====

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Въ четырехъ томахъ съ біографіей и съ портретомъ автора.

Изящное изданіе, дополненное письмами **Н. А. Добролюбова** и библиографическимъ указателемъ.

ТОМЪ I. Біографія **Н. А. Добролюбова**, со включеніемъ писемъ — **А. М. Снабичевского**. — Статьи о литературѣ Екатерининскаго времени и статьи педагогическія — Критическія статьи 1857—1858 гг.

ТОМЪ II. Критическія статьи 1858—1859 гг.

ТОМЪ III. Критическія статьи 1859—1861 гг.

ТОМЪ IV. По поводу одной обыкновенной исторіи **Роберта Оуэнъ**. — Народное дѣло. **С. Гавацци**. — Казуръ и др. — Свистокъ. — Стихотворенія.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе **шесть рублей**.

Допускается **разсрочка**: при подпискѣ вносится два рубля, по выходѣ II и III тома по два рубля.

По выходѣ въ свѣтъ 4-го тома цѣна будетъ повышена.

Томъ I выйдетъ въ декабрѣ.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ въ конторѣ изданій (Невскій, 54, бібліотека Черкесова), въ бібліотекѣ **Л. Т. Рубакиной** (уголь Б. Садовой и Б. Подъяческой, № 63—24), и въ конторѣ журнала «Новое Слово», Спасская ул. № 15. Въ Москвѣ: въ книж. маг. «Трудъ» (Петровская бібліотека), въ книж. маг. журнала «Русская мысль», въ книж. маг. Конусова, у Страстного монастыря, Муринова, Трехпрудный пер., и у **М. Ключкина**, Моховая, противъ университета.

Пересылку изд. соч. **Н. А. Добролюбова** и **Ч. Дарвина**, въ виду ихъ дешевизны, издательница за свой счетъ не принимаетъ.

Московский Библиографический Кружокъ.

III-й годъ изданія.

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ.

съ рисунками и отдѣльными приложеніями,

Программа журнала.

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также нотъ, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотековѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго Кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.**IV. Приложенія.**

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ Кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ — бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою **6 рублей**; на вѣленевой бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

Плата за объявленія:

За 1 страницу для членовъ Кружка	4 р.
„ 1 „ „ подписчиковъ на журналъ	6 „
„ 1 „ „ всѣхъ остальныхъ	10 „
„ 1 „ въ годъ для членовъ и подписч.	35 „
„ 1 „ „ „ „ всѣхъ остальныхъ	50 „

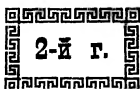
Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ Редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ $\frac{1}{4}$ страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго Кружка (Тверская, уголъ Козицкаго пер., д. Ланиной), въ магазинахъ: Н. Е. Мамонтова, Н. П. Карбасникова и М. О. Вольфа; въ С.-Петербургѣ у Ч. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный Редакторъ **А. Д. Тороповъ.**

НОВОСТИ ПЕЧАТИ

ежемесячный иллюстрированный журналъ.

2-й г.

подъ редакціей В. А. Гатцука.

2-й г.

Въ 1896 году журналъ будетъ выходить обязательно 15-го числа каждаго мѣсяца книгами **большаго** журнальнаго формата, объемомъ каждая не менѣе **пятнадцати** листовъ, съ многочисленными **рисунками**.

Назначеніе журнала: 1) Знакомить читателей со всѣмъ, особо интереснымъ, что появляется въ русской и иностранной періодической печати. Для этой цѣли „Новости Печати“ будутъ заключать въ себѣ ежемѣсячный „Обзоръ журналовъ и газетъ“ въ которомъ не только будутъ даваться характеристики разсматриваемыхъ изданій съ точки зрѣнія добросовѣстности исполненія данныхъ подписчикамъ обѣщаній, направленія и пр., но также — критическіе разборы отдѣльныхъ журнальныхъ или газетныхъ статей, беллетристическихъ произведеній, стихотвореній и пр. съ большими или меньшими выписками изъ разсматриваемаго произведенія и образцами рисунковъ, въ данномъ изданіи помѣщенныхъ.

2) Указывать всѣ, по возможности, вышедшія за послѣдній мѣсяцъ русскія и иностранныя книги, брошюры и пр., съ обозначеніемъ ихъ достоинствъ и недостатковъ, а также по мѣрѣ надобности, съ болѣе подробнымъ критическимъ разборомъ ихъ содержанія и образцами рисунковъ, въ нихъ помѣщенныхъ.

3) Облегчить читателямъ возможность выбора книгъ путемъ подробныхъ и безпристрастныхъ отвѣтовъ въ „Почтовомъ Ящикѣ“ на запросы подписчиковъ, а также путемъ рекомендаціи лучшихъ книгъ и высылки ихъ изъ „Книжнаго склада Новостей Печати“.

Для борьбы съ недобросовѣстной афферой въ издательскомъ дѣлѣ — журналъ будетъ заключать въ себѣ особый отдѣлъ „Плевелы Печати“.

Подписная цѣна :

Съ **дост. и перес.** на годъ **5 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **3 руб.**, на $\frac{1}{4}$ года **1 руб. 50 коп.** (Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., 1-го Марта — 2 р. и 1-го Юня — 1 р.)

Безъ доставки въ Москвѣ: на годъ **4 руб.**, на $\frac{1}{2}$ года **2 р.**, и $\frac{1}{4}$ года **1 р.**

Адресъ конторы журнала и книжнаго склада „Новостей Печати“ Москва, Пречистенка, Дурновъ пер., домъ Паренѣго.

Подписка принимается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ торговыхъ столицъ и главныхъ провинціальныхъ городовъ. Съ разсрочкой — только въ редакціи.

Принимается подписка

въ 1896 году на

Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

Въ 1896 г. „Извѣстія Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ“ будутъ выходить шесть разъ въ годъ (1 выпускъ въ концѣ января, а слѣдующіе въ первыхъ числахъ марта, мая, іюля, сентября и ноября) книжками въ 7—8 листовъ in 8°.

Содержаніе книжекъ „Извѣстій“ составляютъ:

1) Оригинальныя и переводныя статьи по общимъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи;

2) Специальныя изслѣдованія и статьи по археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи (Поволжья, Средней Азіи и Сибири);

3) Матеріалы археологическіе, историческіе и этнографическіе, относящіеся къ Восточной Россіи: мелкія оригинальныя сообщенія, акты, произведенія народнаго творчества, словари инородческихъ языковъ и мѣстныхъ русскихъ говоровъ, извлеченія изъ періодическихъ изданій Восточной Россіи;

4) Хроника; извѣстія о музеяхъ Восточной Россіи, о находкахъ, раскопкахъ, объ экспедиціяхъ археологическихъ, антропологическихъ и этнографическихъ, о прочитанныхъ въ засѣданіяхъ русскихъ ученыхъ обществъ рефератахъ, имѣющихъ отношеніе къ Восточной Россіи;

5) Программы по специальнымъ вопросамъ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи; отдѣльные вопросы редакціи;

6) Библіографія: обзоръ книгъ и статей мѣстныхъ, общерусскихъ и иностранныхъ періодическихъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ археологій, исторіи и этнографіи Восточной Россіи.

Въ „Извѣстіяхъ“ принимаютъ участіе: Н. О. Акаемовъ, проф. А. И. Александровъ, И. В. Аничковъ (Аулъ-Ата), Г. Ахмаровъ, Ш. Г. И. Ахмеровъ, проф. В. А. Богородицкій, проф. Е. О. Будде. К. В. Виллюндъ (Упсала), В. Н. Витевскій, Г. Вихманъ (Гельсингфорсъ), К. В. Газенвинкель, А. О. Гейкель (Гельсингфорсъ), М. Е. Евсевьевъ, И. А. Износковъ, О. И. Кардасевичъ (Будапештъ), Г. Е. Катанаевъ (Омскъ), Н. О. Катановъ, С. И. Кедровъ (Саратовъ), А. К. Кулагинъ, акад. В. В. Латышевъ, Н. М. Мартыновъ (Минусинскъ), В. А. Мошковъ (Варшава), еписк. Никаноръ (Арханг.), П. М. Овчинниковъ (Иркутскъ), П. А. Пономаревъ, Г. Н. Потанинъ (С.-Петербургъ), проф. И. Н. Смирновъ, А. А. Спицынъ, О. А. Теплоуховъ (Пермь), В. М. Терехинъ (Пенза), П. В. Траубенбергъ, проф. А. А. Штуkenбергъ, проф. Н. А. Ойрсовъ, пр.-доц. Н. Н. Ойрсовъ и др.

Цѣна годовому изданію 5 руб., каждая книжка отдѣльно по 1 руб. Желающіе могутъ внести подписную сумму (5 р.) въ два срока: три рубля при подпискѣ и 2 р. къ 1 іюля.

Дѣйствительные члены Общества, внесшіе членскій взносъ въ размѣрѣ 5 р. получаютъ изданіе бесплатно.

Подписныя суммы адресуются: Казань, Университетъ, Секретарю Общества Археологіи, Исторіи и Этнографіи.

„Извѣстія“ выходятъ подъ редакціей Секретаря Общества при ближайшемъ участіи членовъ редакціоннаго комитета.

Выписывающіе отдѣльные выпуски отъ Общества за пересылку не платятъ.

Члены редакціоннаго комитета: профессора Казанскаго Университета И. Н. Смирновъ, О. Г. Мищенко, Н. О. Катановъ.

„Естествознаніе и Географія“.

ежемѣсячный научно-популярный и педагогическій журналъ,

выходитъ съ 1-го января 1896 года, ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками въ 5—6 печатныхъ листовъ.

Журналъ ставитъ себѣ задачей посылно удовлетворять научному интересу читателей въ области естествознанія и географіи, а также способствовать правильной постановкѣ и разработкѣ вопросовъ по преподаванію естествознанія и географіи. Въ журналѣ будутъ помѣщаемы: научно-популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ естествознанія и географіи, статьи по вопросамъ преподаванія естествознанія, теоретическаго и прикладнаго (садоводство, пчеловодство и т. под.), и географіи, обзоръ русской и иностранной литературы по естествознанію и географіи, хроника, смѣсь, вопросы и отвѣты по предметамъ программы журнала, приложенія, состоящія изъ научныхъ и педагогическихъ сочиненій, относящихся къ программѣ журнала.

Весьма желательно установленіе живой связи между лицами, стоящими у дѣла преподаванія, и журналъ ставитъ себѣ цѣлью содѣйствовать этому. Редакція проситъ лицъ, завѣдующихъ учебными заведеніями, земскія управы и училищныя совѣты **высылать** въ редакцію отчеты по **училищному дѣлу**.

Въ журналѣ изъявили согласіе участвовать: проф. Д. Н. Ануцинъ, И. Я. Акинфьевъ, П. А. Аникеевъ, А. П. Артари, проф. И. П. Бородинъ, проф. А. Ф. Брандтъ, В. Л. Беренштамъ, В. А. Богдановъ, Н. В. Богоявленскій, П. Вольногорскій, проф. С. П. Глазенацъ, В. В. Григорьевъ, М. И. Голенкинъ, проф. В. Я. Данилевскій, проф. А. С. Догель, М. И. Демковъ, Е. В. Жадовскій, проф. Н. Ю. Зографъ, В. П. Зыковъ, А. А. Ивановскій, проф. Н. И. Кузнецовъ, проф. М. И. Коноваловъ, проф. И. А. Каблучковъ, проф. Н. А. Кулагинъ, Г. А. Кожевниковъ, А. Н. Корчагинъ, А. Д. Карицкій, проф. Л. З. Мороховецъ, М. Э. Менделсонъ, С. П. Мечъ, В. М. Михайловскій, проф. А. М. Никольскій,

К. Д. Носиловъ, А. Н. Острогорскій, О. М. Окновъ, проф. А. П. Павловъ, проф. Э. Ю. Петри, Н. В. Подвысоцкій, Н. И. Раевскій, А. Н. Рождественскій, Н. А. Рубакинъ, проф. В. В. Сапожниковъ, К. К. Сентъ-Илеръ, Н. В. Слюнинъ, В. Д. Соколовъ, проф. К. А. Тимирязевъ, проф. А. А. Тихомировъ, П. Р. Фрейбергъ, проф. Н. А. Холодковскій, проф. В. М. Шимкевичъ, П. Ю. Шмидтъ и др.

Подписная пѣна на годъ безъ доставки 4 р., съ доставкой и пересылкою 4 р. 50 коп.; на полгода съ пересылкою и доставкой 2 р. 50 коп.; за границу 7 руб.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ К. И. Тихомирова (Кузнецкій мостъ) и въ другихъ книжныхъ магазинахъ Москвы; для иногородныхъ подписчиковъ — въ конторѣ редакціи (Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго Института, кв. 2).

Редакторъ-издатель М. П. Варавва.

Открыта подписка на 1896 годъ

на

ежемесячный техническій журналъ

„ЗАПИСКИ“

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ТЕХНИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

(Тридцатый годъ изданія.)

Программа журнала :

Дѣятельность Общества: Журналы засѣданій общихъ собраний и Совѣта Общества. Журналы засѣданій Отдѣловъ: I (Химическаго), II (Механическаго), III (Строительнаго), IV (Военно-морскаго), V (Фотографическаго), VI (Электротехническаго), VII (Воздухоплавательнаго), VIII (Желѣзнодорожнаго), IX (По Техническому образованію). **Труды Общества:** Доклады, читанные въ засѣданіяхъ Общества и работы его членовъ. **Техническая Литература:** статьи по всѣмъ отраслямъ техники. **Техническое Обзорѣніе:** новости по различнымъ техническимъ производствамъ. **Библіографія.** **Правительственныя распоряженія,** имѣющія отношеніе къ техникѣ и технической промышленности. **«Привилегіи,** выдаваемыя по Департаменту Торговли и Мануфактуръ» — полное описаніе съ чер-

тежами всѣхъ выдаваемыхъ въ Россіи привилегій на изобрѣтенія, касающіяся технической промышленности (Помѣщается включительно при «Запискахъ»).

Подписная цѣна журнала „Записки“:

	съ пересылкой и доставкой	съ пересылкой за границу
на годъ . . .	12 руб.	16 руб.
на полгода . .	7 »	9 »

Объявленія принимаются:

Разовыя за 1 стр. 4 р., за $\frac{1}{2}$ страницы 3 р., Годовыя со всякаго срока на обложкѣ за 1 стр. 50 р., Впереди текста на $\frac{1}{2}$ стр. 20 р., за 1 стр. 35 р., за 2 стр. 50 р., Вкладныя за 1.000 шт. (до 1 л. вѣса) 10 руб.

Подписка принимается въ редакціи: С.-Петербургъ, Пантелеймонская, 2 и у книгопродавцевъ. Гг. иногородніе благоволятъ обращаться преимущественно въ редакцію.

«Записки» Императорскаго Русскаго Техническаго Общества за прежніе года можно приобрести въ редакціи. Съ 1867 по 1889 г. по 4 р. за годъ и 1 руб. за отдѣльный выпускъ. за 1890—94 г. 8 р. за годъ и 2 руб. за отдѣльный выпускъ. При приобретеніи «Записокъ» за 19 лѣтъ цѣна въ сложности опредѣлена въ 70 руб. съ доставкой и пересылкой, а для школьныхъ, общественныхъ и частныхъ библіотекъ, согласно постановленія Совѣта Императорскаго Русскаго Техническаго Общества — 40 руб. За года 1868, 1884, 1885 и 1888 «Записки» всѣ разошлись.

Спеціальный редакторъ **А. Сигуновъ.**

Отвѣтственный редакторъ **Е. С. Федоровъ.**

Редакція «Записокъ» И. Р. Т. О. имѣетъ честь сообщить, что число номеровъ «Записокъ» въ предстоящемъ году можетъ быть будетъ сокращено, но не въ ущербъ числу статей и количеству печатныхъ листовъ, которое въ общемъ итогѣ будетъ то же самое.

Въ 1896 году

сельско-хозяйственный журналъ

„ЗАПИСКИ“

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА ЮЖНОЙ РОССИИ.

(Годъ шестьдесятъ шестой.)

выходитъ ежемѣсячно, за исключеніемъ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, книжками не менѣе 5-ти печатныхъ листовъ каждая, по ниже слѣдующей программѣ:

Отдѣлъ officialный составлять: Правительственныя распоряженія, касающіяся сельскаго хозяйства, протоколы засѣданій и годовичные отчеты Общества и Комитетовъ, состоящихъ при Обществѣ, доклады Комиссій и т. п.

Отдѣлъ неофициальный составлять: отдѣльныя статьи, очерки, изслѣдованія и монографіи по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, какъ оригинальныя, такъ и передовыя; обзоръ дѣятельности правительственныхъ, земскихъ и общественныхъ учреждений и сельско-хозяйственныхъ обществъ; обзоръ русской и иностранной литературы; различныя замѣтки и наблюденія хозяевъ; вопросы хозяевъ по поводу встрѣтившихся затрудненій и отвѣты на нихъ редакціи и самихъ хозяевъ; объявленія.

Редакція журнала покорнѣйше просить лицъ, желающихъ принять участіе въ журналѣ, высылать предположенныя для помѣщенія въ журналѣ статьи, а равно обращаться и за всякаго рода справками и свѣдѣніями, относящимися къ изданію, по ниже-указанному адресу.

Статьи, присылаемыя въ редакцію безъ обозначенія условій, считаются бесплатными.

Объявленія для напечатанія въ «Запискахъ» принимаются на слѣдующихъ условіяхъ: напечатаніе не менѣе 10 разъ — 25 руб. за страницу и 15 руб. за 5 разъ; за $\frac{1}{2}$ страницы не менѣе 10 разъ — 15 руб. и 8 руб. за 5 разъ; за строку 20 коп. и за объявленіе одинъ разъ напечатанное — 7 руб. 50 коп.

Подписная цѣна на «Записки»: на годъ 5 руб. 50 к. съ доставкой и пересылкою и 5 руб. безъ доставки и пересылки. Отдѣльныя книжки журнала стоятъ 1 руб.

Подписка и объявленія принимаются въ Канцеляріи Общества: Дерибасовская улица, Городской садъ, зданіе Общества.

Съ 1-го января 1896 г. будетъ издаваться въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, новый двухнедѣльный журналъ, посвященный общественной медицинѣ и гигиенѣ:

„ОБЩЕСТВЕННО-САНИТАРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Задачей журнала главнымъ образомъ будетъ разработка практическихъ вопросовъ общественной гигиены въ широкомъ значеніи этого слова. Онъ будетъ внимательно слѣдить за дѣятельностью общественныхъ учреждений въ этой области и за проявленіями въ ней общественной самодѣятельности, откликаться на запросы жизни

въ сферѣ охраненія народнаго здравія, улучшенія санитарной обстановки народной жизни, организациі врачебной помощи и общественнаго призрѣнія и стараться содѣйствовать правильному разрѣшенію возникающихъ въ этой сферѣ вопросовъ. Согласно своему названію, О. С. О. будетъ разсматривать санитарно-медицинскіе вопросы преимущественно съ общественной, а общественные, экономическіе и бытовые съ санитарной точки зрѣнія.

Программа журнала: 1. Правительственныя распоряженія, имѣющія отношеніе къ врачебно-санитарному дѣлу. 2. Руководящія статьи по вопросамъ общественной санитаріи и организациі земской, городской и фабричной медицины. 3. Самостоятельныя и переводныя статьи по общественной гигиенѣ (санитарныя условія жизни населенія, отхожихъ промысловъ, фабрикъ; питаніе населенія; школьная гигиена; общественное призрѣніе; эпидемиологія, эпизоотологія, статистика и т. д.). 4. Корреспонденціи, извѣстія и обзоры по дѣятельности общественныхъ учрежденій по медицинѣ и гигиенѣ (земская, городская, фабричная медицина); дѣятельность частныхъ обществъ, касающаяся народнаго здравія и общественнаго призрѣнія и т. д. 5. Врачебно-бытовые вопросы. 6. Новости санитарной литературы. 7. Критика и библіографія. 8. Справочный отдѣлъ. 9. Объявленія.

Изложенной программой журнала обусловливается и составъ его сотрудниковъ: въ немъ примутъ участіе профессоръ гигиены, представители общественной медицины, а также публицисты, земскіе дѣятели и вообще лица, по своей практической дѣятельности близко стоящіе къ дѣлу общественной гигиены; списокъ сотрудниковъ опубликованъ въ первомъ номерѣ. Ближайшее участіе въ дѣлахъ редакціи примутъ: Н. Н. Брусянинъ, П. Л. Мальчевскій, В. Ф. Нагорскій, Д. П. Никольскій, В. Ю. Скалонъ, К. И. Самецкій, М. С. Уваровъ, А. И. Яроцкій. Статьи и корреспонденціи за подписью автора и съ его адресомъ доставляются въ редакцію по адресу: С.-Петербургъ, Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 18, кв. № 2.

Цѣна журнала: въ годъ 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣсяца 2 руб.; подписка принимается въ конторѣ редакціи при книжномъ складѣ А. М. Калмыковой: Литейный просп. д. № 60.

Редакторъ-издатель И. А. Дмитріевъ.

Взамѣнъ «Хирургической Лѣтописи» и «Русскаго хирургическаго Архива» съ 1-го Февраля 1896 года будетъ выходить въ С.-Петербургѣ, каждые два мѣсяца, книжками не менѣе 8 листовъ каждая,

ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ ХИРУРГІИ

подъ редакціей

Проф. Н. Б. Склифосовскаго и Проф. Н. А. Вельяминова

по слѣдующей программѣ:

I. Самостоятельныя статьи и работы по всѣмъ отдѣламъ хирургіи и родственныхъ ей специальностей. II. Рефераты по хирургіи и относящимся къ ней отдѣламъ врачебныхъ знаний. III. Критика и библиографія. IV. Отчеты о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ хирургическихъ обществъ и съѣздовъ. V. Разныя извѣстія. VI. Объявленія.

Статьи просить адресовать въ редакцію (Знаменская, 43), на имя Проф. Н. А. Вельяминова.

Плата за самостоятельныя статьи по соглашенію съ редакціей, за рефераты и рецензіи 30 руб. съ листа.

Цѣна за годъ съ пересылкою и доставкою 8 руб.

Подписка принимается въ конторѣ «Лѣтописи Русской Хирургіи», помѣщающейся при книжномъ магазинѣ К. Л. Риккера, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

<p>На годъ 6 р. съ доставкой. Разсрочка по одному р. въ мѣсяцъ.</p>	<p>Открыта подписка на 1896 г. (III г. изд.) на еженедѣльный иллюстрированный журналъ сельскаго хозяйства и экономіи</p>	<p>На полгода 3 р. На одинъ мѣс. 60 к. Отдѣльные №№ 20 к.</p>
<h1>Хозяинъ</h1>		
<p>безъ предварительной цензуры.</p>		
<p>Статьи по земледѣлію, скотоводству, огородничеству, садоводству, всѣмъ др. отраслямъ сельск. хозяйства, технич. производствамъ и пр. — Статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ. — Опыты и нужды хозяевъ черноземной и нечерноз. Россіи. — Корреспонденціи. — Еженедѣльно: Обзоры сел.-хоз. литер. — Научные обзоры. — Обзоръ сел.-хоз. дѣят. земствъ. — Безплатно отв. на всѣ вопросы, кас. прогр.</p>		
<p>Годовые подписчики получаютъ бесплатно</p>		
<p>третій выпускъ художественно исполненнаго сельско-хозяйств. альбома, мѣстныхъ и иностранныхъ породы скота, производимаго въ Россіи.</p>		
<p>Альбомъ и текстъ къ нему составленъ профессоромъ П. Н. Кулешовымъ.</p>		
<p>Выпуски сельско-хозяйств. альбома за 1894 и 1895 гг. высылаются подписчикамъ по 2 руб. за выпускъ.</p>		
<p>Выпускъ I. Художественно исполненныхъ 8 акварелей кормовыхъ травъ. — Выпускъ II. Художественно исполненныхъ 8 акварелей вредныхъ насекомыхъ.</p>		
<p>Новыя подписчики получаютъ журналъ со дня подписки до 1 Январ. 1896 г. бесплатно.</p>		
<p>Ред. А. Мертваго. Конт. ред. Петербургъ, Невскій 92. Изд. И. Машковцевъ.</p>		
<p>Подписчики могутъ получить за 1 р. 25 к. съ пер. (вм. 1 р. 25 к. безъ пер.) изд. журнала «Хозяинъ» Не по торному пути. А. П. Мертваго. Изъ воспом. 1878—1888 г.</p>		

Подписна принимается на газету и безъ приложения 3 р. въ годъ и 1 р. 50 к. въ полгода.
Отерочка пергао заноса подписной платы не допускается.

III годъ изданія

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1896 г.

изданія годъ III

5

р. въ г. съ при-
ложениемъ.

на еженедѣльное, политико-общественное и литературное изданіе

„ПРИБАЛТІЙСКІЙ ЛИСТОКЪ“

газету мѣстныхъ и общерусскихъ интересовъ съ приложеніемъ, ежедневнаго, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, листка телеграммъ и объявленій.

3

р. въ годъ безъ
приложенія.

ПОД П И С К А В Н О С И Т С Я В П Е Р Е Д Ъ .

Съ января наступающаго года изданіе нашей газеты переносится въ Ригу. Мы надѣемся, что перенесеніе это отразится благотворно и съ внѣшней и съ внутренней стороны на нашемъ изданіи. Съ нашимъ направленіемъ и руководящими взглядами, чуждыми пристрастія и партійности, наши читатели уже знакомы. Мы останемся имъ вѣрны всюду и вездѣ, куда бы не переселились. Но издавать газету въ маленькомъ уѣздномъ, хотя и университетскомъ городѣ или въ центрѣ административной и торгово-промышленной жизни края конечно не все равно. Не говоря уже о большей широтѣ захватываемыхъ интересовъ и открывающихся горизонтовъ, въ губернскомъ городѣ можно скорѣе и вѣрнѣе получить административныя новости, правильнѣе освѣтить и разъяснить многія явленія мѣстной жизни, мало понятныя изъ провинціального далека.

Открывая подписку на 1896 г. „Прибалтійскій Листокъ“ вступаетъ въ 3-й годъ своего существованія и по прежнему остается вѣрнымъ своей программѣ. Ставя своей задачею содѣйствіе сближенію Прибалтійской окраины съ центромъ на началахъ примиренія народностей и взаимнаго ознакомленія культурнымъ путемъ, онъ намѣренъ держаться строго исторической объективной почвы, отстаивая законные интересы и нужды всѣхъ народностей, населяющихъ Прибалтійскій край, и одинаково внимательно изучая ихъ національныя свойства и особенности.

Статьи, помѣщаемыя въ „Прибалтійскомъ Листкѣ“, касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ жизни, какъ-то: дѣйствія и распоряженія правительства, передовыя статьи, внутреннія дѣла и хроника прибалтійской жизни, фельетоны, содержащіе въ себѣ большія повѣсти и рассказы, бытовые очерки, стихотворенія и т. п. Подъ именемъ „Прибалтійскихъ замѣтокъ“ печатается рядъ легкихъ набросковъ, характеризующихъ мѣстную жизнь и дѣятелей.

Въ каждомъ номерѣ помѣщаются также обзоры политическихъ событій, русской печати и мѣстной нѣмецкой, эстонской и латышской, замѣтки изъ области наукъ и искусствъ, о театрѣ и музыкѣ, справочныя свѣдѣнія, историческія былы и преданія; наконецъ, подъ рубрикою „Разныя разности“ помѣщается все, что не входитъ въ предыдущіе отдѣлы, но имѣетъ текущій интересъ. Редакція съ своей стороны стремится сдѣлать свое изданіе интереснымъ и содержательнымъ. Съ будущаго года предполагается завести особый отдѣлъ „Земская Русь“, въ которомъ будетъ сообщаться все касающееся русской земской жизни. Начавъ работу съ немногими сотрудниками, въ новый годъ изданія „Прибалтійскій Листокъ“ бодро вступаетъ въ усиленномъ составѣ своей Редакціи, пополненной нѣкоторыми римскими дѣятелями. Въ будущемъ году Редакція „Приб. Лист.“ предполагаетъ значительно увеличить разнообразіе и выборъ печатаемыхъ статей, обративъ особое вниманіе на литературное обзорнѣе всего интереснаго въ текущей русской печати. Форматъ газеты будетъ измѣненъ. Газетѣ предоставлено право помѣщать и иллюстраціи. Ежедневное приложеніе, заключающее самыя послѣднія телеграфическія новости текущей жизни, дастъ возможность желающимъ изъ нашихъ подписчиковъ слѣдить изъ дня въ день за общерусскою и общеевропейскою жизнью, тратя на это и немного времени и немного средствъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

Съ приложеніемъ 5 р. въ годъ и полгода 3 р. Везъ приложенія 3 р. въ годъ, полгода 1 р. 50 к. и помѣсячно 30 к.

Адресъ Редакціи:

г. Рига, при типографіи Ш на кен б у р г а , Конюшенная, 5.

Одѣленіе конторы и редакціи въ г. Юрьевѣ (Дерптѣ), Рыцарская 17.

Редакторъ - Издатель: М. М. Лисицынъ.

Принимается подписка на 1896 годъ на
„ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ“
 съ **БЕЗПЛАТНЫМЪ** приложеніемъ
 ежемѣсячнаго журнала филологіи и педагогіи
„ГИМНАЗІЯ“
 посвященнаго вопросамъ средняго образованія мужскихъ и женскихъ уч. заведеній.
ГОДЪ IX (1888—1896).

ПРОГРАММА „Пед. Еженед.“ и „Гимназіи“.

I. Прав. распоряженія. II. Научныя статьи по всѣмъ предм. курса ср. уч. зав. III. Методика и дидактика всѣхъ предм. курса ср. уч. зав. IV. Образц. уроки. V. Школьная гигиена. VI. Среднія уч. зав. за границей. VII. Общая педагогія. Ист. ср. уч. зав. Біографіи русск. педагоговъ. VIII. Критика и библіогр. IX. Объявленія.

Подписная цѣна: на 1 годъ 8 р., за гр. 10 р.; на 6 мѣс. 4 р., за гр. 5 р.; на 3 мѣс. 2 р.; за гр. 3 р.; на 1 м. 75 к., за гр. 1 р. Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. журналъ «ГИМНАЗІЯ» признанъ заслуживающимъ **особенной рекомендаціи** для приобрѣтенія въ фонд. бібліотеки мужск. ср. уч. зав. и для содѣйствія **возможно большому распространенію** между преподавателями сихъ заведеній. (Предложеніе Г. Министра Гг. Попечителямъ учебн. окр. 28 февр. 1889 г. № 3899.)

Важнѣйшія изданія журнала „ГИМНАЗІЯ“:

- 1) **И. Винкельманъ.** Исторія искусства древности. Переводъ подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. VI+404. Ц. 3 р.
- 2) **Ф. Экштейнъ.** Преподаваніе латинск. и греческ. языковъ. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 358+132. Ц. 3 р. Рекомендовано Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для приобрѣтенія въ фонд. библи. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Апр.)
- 3) **В. Шрадеръ.** Гимназіи и реальныя училища. Воспитаніе и обученіе. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 472. Ц. 3 р. Одобрено Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для приобрѣтенія въ фонд. библи. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 4) **К. Нетельсбахъ.** Гимназическая педагогика. Стр. 117. Ц. 1 р. Рекомендовано Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. для приобрѣтенія въ фонд. библи. ср. уч. зав. (Ж. М. Н. Пр. 1893. Янв.)
- 5) **Г. Бржоска.** Необходимость педаг. семинарій при университетахъ. Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.
- 6) **А. Фогель.** Филосов. основанія педагогіи. Стр. 134. Ц. 1 р.
- 7) **Я. А. Коменскій.** Janua linguarum reserata. Открытая дверь языковъ. Латинскій текстъ съ русск. перев., статьей о Коменскомъ и портр. Коменскаго. Стр. 113. Ц. 1 р.
- 8) **Я. А. Коменскій.** Великая Дидактика. Стр. 342. Ц. 1 р.
- 9) **I. Sprangenbergius.** Bellum grammaticale. Война въ латинской грамматикѣ. Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 к.
- 10) **E. Fiedler.** Отношеніе французскаго языка къ латинскому. Перевелъ Д. Янчевецкій. Ц. 25 к.
- 11) **Біологія и христіанская педагогика въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.** Перев. съ нѣм. I. Ретема. Ц. 50 к.

Адресъ редакціи: **Ревель.**

Ред.-изд. **Г. Янчевецкій.**

Открывается подписка на новый журналъ „СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА“

издаваемый подъ редакціей

проф. М. И. Аванасьева.

Программа журнала вкратцѣ слѣдующая: Оригинальныя и переводныя клиническія лекціи и монографіи по различнымъ вопросамъ медицины и гигиены. Переводныя и оригинальныя руководства по различнымъ практическимъ медицинскимъ наукамъ и гигиенѣ. Обзоры по различнымъ современнымъ медицинскимъ вопросамъ. Новости медицины и гигиены. Объявленія.

Профессора: **Г. А. Донбергъ, О. О. Мочутковскій, В. Н. Никитинъ, Д. О. Оттъ, О. В. Петерсенъ и Г. Ф. Тилингъ**, каждый по своей специальности, общали редакціи свое содѣйствіе въ смыслѣ оцѣнки и критики, помѣщаемыхъ въ журналѣ, сочиненій.

Въ январской книжкѣ будутъ помѣщены: Три лекціи по клинической микроскопіи и бактериологіи бугорчатки — проф. **М. И. Аванасьева** (5 рис.). Новѣйшія врачебныя средства — проф. **Loebisch'a** (изданіе 95 г.). Руководство къ частной терапіи (переводъ съ франц.) подъ ред. проф. **Robin'a**. Основы электродиагностики и электротерапіи (19 рис.). — проф. **Remak'a** (сына). Безгнлостное веденіе родовъ — д-ра **P. Strassmann'a** (полное изданіе съ 21 рис.). Обзоры и новости медицины: **Dieudonné**. О предохранительныхъ прививкахъ и серотерапіи. — Новый способъ леченія ожирѣнія. **Я. Б. Эйгера**. — Экспериментальныя и клиническія изслѣдованія по бактериотерапіи (incl. серотерапію) брюшнаго тифа — д-ра **М. А. Раскиной**.

Въ слѣдующихъ книжкахъ предполагается дать еще слѣдующія сочиненія. Проф. **Behring**. Борьба съ заразными болѣзнями. Зараза и обеззараживаніе. — Проф. **A. Manguat**. Основы терапіи и фармакологіи. — Проф. **A. Eulenberg**. Половая нейропатія. — Д-ръ **Wolzendorf**. Руководство къ малой хирургіи (525 рис.). — Д-ръ **Wegele**. Діететическое, физическое и лекарственное леченіе желудочно-кѣшечныхъ заболѣваній. — Д-ръ **Loewenfeld**. Современное леченіе нейрастеніи, истеріи и сродныхъ заболѣваній (3-е изд.).

Въ оригинальномъ отдѣлѣ будутъ помѣщены лекціи по маляріи, инфлуэнцѣ, крупозному воспаленію легкихъ, эндокардиту, гипертрофическому циррозу печени и пр. проф. **М. И. Аванасьева**, лекціи покойнаго проф. **Э. Э. Эйхвальда** о снотворныхъ средствахъ и др., затѣмъ будутъ даны „Новости медицины и обзоры“ по всѣмъ отдѣламъ бактериотерапіи, серотерапіи, органотерапіи и др. Оригинала и переводовъ будетъ дано не менѣе 200 печ. л.

Цѣна 10 руб. съ доставкой и пересылкой и 9 руб. безъ доставки, за границу 12 р. Допускается разсрочка: 5 р. при подпискѣ и 5 р. въ маѣ мѣсяцѣ. Подписка принимается въ **конторѣ редакціи**. **Спб. Литейный пр., № 33** и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Адресъ редактора: **Бассейная, 8, телеф. 231.**

Ученія Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходитьъ въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученія Записки распадутся на

- I) отдѣлъ офиціальный — и
- II) отдѣлъ научный: въ последнемъ будутъ помѣщаемы:
 - A. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензій, библіографическіе обзоры и т. п.
 - B. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особою пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ **М. Дьяконовъ.**

